

РУССКОЕ ЭХО

Издаётся с 1995 года

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.
А.С. Пушкин*

Литературно-художественный журнал

2 (164)

апрель-июнь

Самара, 2025

Содержание

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Василий Дворцов. «Глагол, и жизнь, и просвещение...».....3

ПРОЗА

Платон Беседин. В госпитале. *Рассказ* 14

Юрий Сысков. Последнее пророчество. *Роман*.....49

Наталья Окунева. Три рассказа 139

Александр Ануфриев. Три рассказа 163

Антон Жоголев. Синдром Чайковского. *Рассказ* 178

Туяна Цыренова. Лапушка. *Рассказ* 279

Максим Дронов. «Мама, покажи мне море». *Рассказ*.....286

Екатерина Королева. Оська. *Рассказ*.....295

ПОЭЗИЯ

Ирина Мишутина. Я шагаю в весну. *Стихи*.....39

Юрий Володин. Обними меня, Родина. *Стихи* 132

Юрий Лопатин. Звёздный камень. *Сказка*. 148

Яков Фиш. «Неужто мы ещё не спасены...»..... 173

Ольга Олейник. «Когда стихают яростные споры...» *Стихи*...220

Татьяна Ланина. «За полчаса до ласковой весны...» *Стихи* ...225

Елена Колесникова. «День бы славный обещан...» *Стихи* 230

СВО: ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕТРАДЬ

Сергей Жигалов. Да любите друг друга.

Отрывок из книги «Преодоление».....187

Пётр Исаков. Позывной «Оля». *Стихи*.....201

Николай Прохоров. Они умирают за Родину. *Очерк* 204

Андрей Авраменков. Пропавший без вести,
оставшийся в сердце. *Рассказ* 215

СОБЫТИЕ

Всероссийский конкурс «Экология души» подвёл итоги.....235

Александр Малиновский. Тучки небесные. *Рассказ* 240

Сергей Понеделко. Тролль. *Рассказ*.....243

Александр Страшинский. «Мне опять вспоминается
млеющий луг...» *Стихи* 253

Тамара Крюкова. Обещание. *Рассказ* 255

Сергей Еремеев. Воскрешение. *Стихи*.....276

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Эдуард Анашкин. Талант быть счастливым 302

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА

Алла Кувшинова. «На один день в году Жигулёвск
становится литературной столицей губернии».....308

«Добрые традиции» в Кротовке.....312

О НАШИХ АВТОРАХ 313

Василий Дворцов

«Глагол, и жизнь, и просвещение...»

Внимание к жизни русского языка, к проблемам живого русского языка, всё более проявляемое на самом высоком уровне власти, не может не радовать. Точнее, не может не обнадёживать. Для тех, кто в теме, — для учёных и преподавателей филологии и лингвистики, деятелей и работников культуры, психологов, философов и, прежде всех, литераторов — это настолько долго-долгожданно, что столь затяжное время от первых сигналов тревоги тех самых филологов, деятелей культуры и литераторов до ответной реакции власть имущих удерживает от излишней восторженности. Ведь за это глухое время многие проблемы проросли тяжелейшими болезнями, так что тревога подошла к границам отчаянья.

Мы же понимаем, что язык есть основание национально-цивилизационной идентичности, язык, прежде крови и почвы, творит народ, и поэтому самый необратимый урон выбранному в жертву народу обязательно наносится агрессором в область языка. Это и разрыв поколений через отсечение мо-

лодѣжи от выверенных опытом слов-смыслов, и дробление общей культуры на множество субкультур профессиональными сленгами, и тотальная маргинализация общества отлучением-отлучением его от чтения художественной литературы, ведущая к катастрофическому сокращению словарного запаса — сокращению носителей смыслов.

В злонамеренной последовательности интеллектуально-культурной деградации нашего общества конца XX века и уже полной четверти века XXI, в раскультировании, подсекающем цивилизационное мессианство России посредством планомерного оскотления русского языка, стратегийного выхолащивания русской речи, то есть русской мысли, сегодня уже не приходится сомневаться. Посмотрите только, как нахраписто агрессором применяется внедрение англоязычия, вымещающего родословие, посредством чего производятся понятийно-смысловые подмены, идёт смещение волевых целей нации. Навал не спонтанный, упорно программный, сравнимый с заселением городов непокорливыми мигрантами вопреки историческим предупреждениям.

В отличие от войсковых кровопролитных боевостолкновений, куда более разрушительные атаки на основополагающие национально-цивилизационные матрицы проводятся под убаюкивающим наркозом пятой колонны, загодя посаженной на руководство средствами массовой информации или популистски раскрученных революционеров общественного мнения. Так ужасающие объёмы чужесловного внедрения адвокатами агрессора стозевно объясняются завалом Железного занавеса и разрушением Берлинской стены с встраиванием России через эти проломы в мировое сообщество. Так же и пандемия филологической, даже грамматической безграмотности объявляется ими, ну, этакой совершенной случайностью, бессистемной безалаберностью, а те, кто пытается раскрыть, доказать логику производимого штурма, тот сумасшедший адепт теории заговора, верящий в записки Сионских мудрецов и планы Даллеса. Только ущербность сего адвокатства в том, что таковых «сумасшедших» слишком много, и, главное, они те, кто не просто не поддаётся, но никогда не поддастся организуемой агрессором интеллектуальной деградации. И, слава Богу, их имена составляют славу нации.

Потому особо обнадеживающе, что возрастание властного внимания к проблемам живого русского языка сегодня ищет себе опоры в убежденческих позициях этих славных людей.

Обнадеживающе, ведь Россия в своей истории уже преодолевала подобный смысловой кризис: революционное переустройство властных и общественных институтов по иноземным образцам Государя Петра Алексеевича сопровождалось подобной лавиной иностранных терминов, новых, чужеродных понятий, заполнивших русское сознание на голландском, немецком, английском, шведском и иных языках. Что отразилось надрывом национального сознания, дроблением национального мировоззрения. Иноговорящая власть и русскоязычный народ практически потеряли возможность когнитивно-логического сообщения.

Тогда вызов времени был осознан. И под императорским патронажем с середины XVIII века в спорах Ломоносова и Тредиаковского закладывается теория русского правописания, нормы орфографии создаются и перестраиваются на научной основе. В усовершенствовании русской графики и орфографии активное участие принимала Академия наук, для чего в 1735 году в Академии было создано специализированное «Российское собрание», на протяжении 30-ти лет радевшее «о возможном дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве».

В августе 1783 года княгиня Екатерина Дашкова в беседе с Императрицею Екатериной Алексеевной подняла вопрос о дальнейшем государственном содействии очищению и обогащению русского языка. Императрица попросила представить записку об открытии для того специального учреждения и уже 30 сентября 1783 г. утвердила Положение о Российской Академии, назначив Дашкову её президентом. Задачами Российской Академии ставились: «прежде всего сочинить российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения». В числе членов Академии, работавших в этом направлении, — владыка Иннокентий (Нечаев), учёные Румовский, Котельников, Болтин, виднейшие государственные деятели Шувалов, Потёмкин, Безбородко, а также писатели Державин, Херасков, Княжнин. Именно их старанием оформился тот русский язык, из которого процвело творчество Жуковского и Пушкина, Лермонтова и Гоголя — воссиял

Золотой век русской литературы, открылась эпоха классического русского литературного языка.

Для нас сегодня особо важен этот опыт плодотворности вовлечения в работу над развитием языка не только лингвистов-филологов, но и литераторов. Важно проверенное успехом сознание того, что язык не живёт секулярно, самоорганизационно и саморегуляционно, даже в кабинетном изучении язык не представим без учёта его подчинённости, признании его исполнительской, инструментальной роли в литературном творчестве. И потому ни один элемент, ни одна тенденция, ни одно качество языка не могут рассматриваться самостоятельно, вне отношения к тенденциям и качествам литературы. А ещё изучение истории языка невозможно в плоскости только истории вербально-информационного обмена внутри некоего племени. Язык — основополагающий элемент культуры, где слова — выразители мыслей — конечно же первостепенный, в сравнении с рисунком или цифрой, но он только материал для мышления образного, мышления абстрактно творческого.

Именно это недопонимание невозможности выделения жизни языка в нечто самостоятельное, самодостаточное от литературы, во многом объясняет причины пробуксовки государственной языковой политики последних лет. Как пример читаем в «РЕКОМЕНДАЦИИ по итогам парламентских слушаний на тему «Государственная политика в сфере сохранения, защиты и развития русского языка: состояние, проблемы и пути решения»» от 14 ноября 2023 года:

«... 2. Правительству Российской Федерации:

3) рассмотреть вопрос об определении координирующего органа, ответственного за межведомственное взаимодействие при осуществлении государственной политики в сфере сохранения, защиты и развития русского языка, его продвижения за рубежом; ...

3. Министерству просвещения Российской Федерации:

1) обеспечить при участии органов государственной власти субъектов Российской Федерации достаточное комплектование фондов школьных библиотек словарями русского языка, включая орфографические, толковые и этимологические словари, в которых приводятся цитаты из лучших произведений русской классической литературы; ...

9. Комитету Совета Федерации по науке, образованию и культуре совместно с Министерством просвещения Российской Федерации провести в период весенней сессии 2024 года Всероссийское совещание с учителями русского языка и литературы по вопросам совершенствования государственной политики в сфере сохранения, защиты и развития русского языка...

Так уже двадцать лет, со времён «Федерального закона о государственном языке», власть всё жёстче раздаёт затребованные духом времени поручения по «сохранению, защите и развитию» учёным, преподавателям, чиновникам. При упорном забвении писателей. Только о каком «развитии» языка можно говорить без создания на нём новых литературных произведений? Даже «сохранению» не помогут словари, не помогут методички и учебные пособия: язык музеофицируется, костенеет, ссыхается без творческого обновления и творческого расширения, без всё новой и новой поэзии и прозы. Созданием всё более совершенных учебных программ не заманишь школьников и студентов восторженно читать орфографические, заучивать наизусть толковые или этимологические словари! Можно, конечно, заставить, понудить. И даже нужно, но... Об этом печально опытно знают представители малых народов: когда уходят поэты, уходит и язык.

Продолжение темы когнитивной войны против Русского мира — история выведения из-под государственной защиты самой литературы. Для этого необходимо попытаться обозначить и классифицировать основные операции нашего врага по изоляции и изъятию русской литературы из бытия своей литературо-центричной цивилизации.

Прежде всего, вспомним, что такое литературный процесс — позволю самоцитирование: «Если язык формирует нацию, то литература созидает общество. Именно литература определяет и утверждает, делая для всех в обществе равно признанными, те нравственные императивы, на которых уже строятся и политические, и экономические, и социальные институты. Литературный процесс — это процесс национального самосознания. Через и в ходе литературного процесса нация себя видит, себя чувствует, осознаёт и — запоминает. Именно художественная литература является основой, истоком и первопричиной любой цивилизации.

Но художественная литература для цивилизации не только изначальность, она её постоянная животворящая сила, её наполненность и рост, её стержень и покрытие. Именно живой, ежедневно прибывающей литературой определяется роль нации в земной истории и действительности. За пределами литературы цивилизации нет. Ибо там нет ничего человеческого. Только звериное, стихийное, демоническое».

Это объясняет принципиальность задачи ослабить, в идеале — остановить литературный процесс в России. Рассмотрим этапы ведомой войны с русской литературой после снятия с неё государственной защиты в период развала Советского Союза.

1. Появление «свободного» литературного рынка. Разрушение плановой — через Литературный фонд — все-союзной книготорговли с отлаженной системой регионального дистрибьюторского регулирования тиражей конкретных авторов, при известной идеологической составляющей. Сразу же новые книгоиздатели картельно монополизировали торговые сети, отказав в возможности реализовать свою продукцию местным издательствам. Параллельно со спешным расширением объёмов бульварного чтения, эксплуатирующего наследие советской образовательной системы, создавшей массового, но невзыскательного читателя, для интеллектуалов многочисленные ещё книжные полки заполнялись не- или малодоступными ранее иностранными произведениями, в том числе эмигрантов и диссидентов. Так что «исчезновение» из продаж современных русских прозаиков и поэтов прошло практически незамеченным.
2. Далее был введён тотальный контроль за появлением новых имён. Ведь литературный процесс не может игнорироваться рынком: имитация и фальсификация творчества убедительны лишь в отсутствии истинного искусства — цыганскую бижутерию не выложишь на прилавке рядом с настоящим ювелирным изделием. Поэтому литературный рынок самой своей природой просто обречён преследовать литературный процесс, затирать его участников и их произведения. Оправдываемая «чисто экономическими законами», монополизация книжного рынка при ждущем прокурор-

ской проверки лоббировании Федерального агентства по печати картелем АСТ-ЭКСМО поставила заслон для популяризации авторов иных издательств. Для раскрутки своих ПИПов — персонифицированных издательских проектов (термин Ю.М. Полякова) задействовались в том числе государственные СМИ, государственные же возможности представительства на книжных ярмарках, выставках и фестивалях, в том числе за границей. Но какими экономическими законами или случайностью можно объяснить то, что раскрученные под протекторатом Филатова-Сеславинского-Григорьева либеральные литераторы сплошь оказались русофобствующими ино-агентами или «пугливыми патриотами», молчащими о СВО? При этом же активно работающие писатели, продолжающие и развивающие этические и эстетические традиции классической русской литературы, объявлялись не востребованными временем маргиналами.

3. Искусственный кризис литературной критики. Литературная критика в России всегда играла роль социальной философии, и потому конституционный запрет на государственную идеологию закрыл выход на общественное обсуждение самых животрепещущих тем. И Бог с ней, с идеологией, но под запрет был подведён разговор о справедливости — главная тема нашей литературы. Выступая на XV съезде СПР, я отвечал на обвинение литературы в политической предвзятости: «У писателей нет идеологических врагов, у нас есть враги нравственные». При этом нужно согласиться, что «русская интеллигенция всегда служила идеалу, включающему в себя и этику» (Г.П. Федотов). Поэтому отсутствие ясной идеологической основы как для внешней, так и для внутренней государственной политики под напором внедряемой глобалистами русофобии привело к оскудению «философии Родины» (термин А.Ф. Лосева) и вырождению её составной — литературной критики. Разрушение системы профессиональных критериев, задававших иерархию имён в литерном процессе, позволило врагу дезориентировать общество, назначая ему если не в духовные лидеры, то в лидеры мнений «ведущих» литераторов, в реальности величиной своего таланта и мастеровито-

сти соответствующих в чеховской «табели о рангах» чи-
нам коллежского асессора или титулярного советника.
СВО вскрыло многие факты деятельности пятой колон-
ны. Однако обращение власти за помощью к той части
творческой интеллигенции, что все эти десятилетия
упорно отстаивала патриотические и гражданские ос-
новы единения общества и государства, пока остаётся
на уровне временного военного сотрудничества, без
возвращения понимания единства в служении Родине.

4. Межпоколенческий разрыв. Предназначенный для ор-
ганизации «цветных революций», нарочито возбужда-
емый извне и поддерживаемый либералами изнутри, в
том числе и молодёжными «тавридами», конфликт «от-
цов и детей», точнее — подростковый бунт против нрав-
ственных тягостей наследной культуры, вызвал «вторич-
ное одичание» IT-поколения. Таланты раздаются Богом,
тут не прибавишь, не убавишь, но мастерство, ремес-
ленное совершенство — в воле человеческой. Именно
в поддержании мастерства, непресекаемости уровня
профессионализма, наработанного предыдущими по-
колениями литераторов, видел одну из своих основных
задач Союз писателей России. Но сейчас ужасаемся не
только писательским уровнем, но читательским: без-
грамотность не позволяет даже несомненно талантли-
вым авторам подняться из графомании.

Инфантилизм — катастрофа нового века, расширение
временного отрезка от подростковости до принятия на
себя социальной ответственности, прежде иного, от-
разился в молодёжной прозе — стилистически вялой,
эгоистично мелкотемной. А формально застоявшаяся
поэзия стала консервативно женской. В отсутствии оте-
чественной литературной критики, к сожалению, успеш-
ная прозападная дезориентация культом блогеров и
шоуменов, разлагающая профессионализм через сме-
щение нацеленности на «как добиться» популярности у
публики прежде признания своей творческой зрелости
мастерами, оборачивается завистливой агрессивностью
начинающих к авторитету мастеров. И так инфан-
тилов мобилизуют в хунвейбинов. К сожалению, нужно
признать, что в своё время, утверждая положение о Со-

вете молодых литераторов, Правление СПР закрепило в структуре данного Совета молодёжное самоуправление, что привело к системной конфликтности поколений во многих региональных отделениях: новопринятые в члены Союза на своих бесконтрольных форумах ориентировались на смещение руководства отделений и «захват власти». Эфемерной «власти».

5. Утеря советской школы переводов — уникального культурного явления, не имеющего мировых аналогов. Наднациональное государство живо постоянным диалогом своих народов, так Российская Империя закрепляла входящие в неё языки созданием национальных письменностей, а Советский Союз переводами программно стимулировал развивающее их творчество. Взрачивая национализм и сепаратизм, враги России не могли не озаботиться обязательным разрушением такой её скрепы, как взаимопонимание народов. Взаимопонимание не на меркантильном, а на самом высоком духовно-душевном уровне, взаимопонимание не только неповторимости самобытных традиций, но и удивительного единства нравственных основ каждого народа, составляющего Российскую Империю. Неужели компетентные органы не сумели вовремя отследить и оценить цели финансовых и идейных вливаний в «незалежность» национальных литератур через ПЕН-центры и иные гуманитарные некомерческие фонды пан-тюркизма и финно-угорского нацизма? При том, что усыхающая переводческая деятельность СПР волонтёрски продолжалась лишь на уровне личных связей писателей-энтузиастов.
6. Пестуемая графомания. Девальвация звания «член союза писателей» размножением «союзиков» — от районных до евразийских, странно благосклонно принималась федеральными и региональными администрациями. Министерства и департаменты ссылались на эту гегелевскую «дурную бесконечность» как на причину не помогать писателям, «пока они сами меж собой не разберутся». Якобы специалисты — дипломированные работники культуры на службе государства, ну, никак не в состоянии понять, что миллионно-членный «Ин-

тернациональный союз писателей» со своей «Прозой.ру» и «Поэзией.ру» — просто бесчисленный хлестаков («Ну, что, брат Пушкин?»), а Литинститут уже десятилетия является печатным станком тиражирующим постмодерновых смердяковых а-ля сорокин-ерофеев-быков, с вечно прыщавой матерщиной и ритуальным смакованием извращений. Да, якобы специалисты.

Суммирующий итог: в результате только перечисленных атак русское литературное сообщество «успешно» оклеветано неспособностью идти в ногу со временем, статус писателя в России принижен до непредставимо, творчество профессионалов уравнено с графоманией, а, главное, литературный процесс — процесс национального самосознания — подмёнён для народа глобалистскими шаблонами массового мышления и рефлекторного поведения электората. Интересно, кто был ответственен за списки участников встреч Президента с литераторами и деятелями иных искусств? Не они ли сейчас «мягко влияют» на реформу Союза писателей?

Самоцитата: «Литература в отношении к иным искусствам основа основ — как математика для остальных наук, и литературный процесс как процесс национального самосознания и самочувствования, глубиной проработки вечных и злободневных тем, полнотой их охвата призван отвечать культурным и нравственным потребностям общества. Читатель ищет в большой, настоящей литературе свидетельств и толкований своему бытию — как внешнему, так и внутреннему. А сегодняшний читатель, участник и жертва затянувшейся смуты, ищет в книгах особенной мудрости».

Отсюда, при всё нарастающем глобальном информационном давлении, удерживающем общество в состоянии стресса, не востребованность собственной литературы напрямую связана с национальной аналитической анемией, которую мы наблюдаем в метаниях поисков стройной государственной идеологии. А она, идеология, рядом:

*Теперь тебе не до стихов,
О, слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...*

Василий Дворцов. «Глагол, и жизнь, и просвещение...»

*Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попусченьем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...*

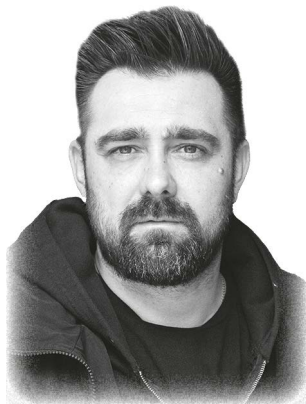
*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

*Тебе они готовят плен,
Тебе порочат посрамленье,
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!*

*О, в этом испытании строгом,
В последней роковой борьбе
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

Не верите поэту Тютчеву, поверьте Тютчеву-чиновнику.

Платон Беседин

В госпитале

Рассказ

1

Ему нравилось это слово — «Медведково». В нём было что-то из детства. Бабушка водила Пашу в Театр юного зрителя, там ставили сказку «Мишкины шишки», а после спектакля покупала ему конфеты «Мишка косолапый» фабрики «Красный октябрь». Мальчик разворачивал этикетку и долго смотрел на сладость, прежде чем съесть её. К другой бабушке Паша ездил в Москву и на станции метро «Медведково» пересаживался на автобус. Он даже помнил его номер — 606. Ехать надо было минут двадцать, мимо берёзовой рощи и обувной фабрики.

Сейчас навигатор показывал другой номер автобуса — 390. Но для начала Павел, приехавший из тепла Крыма в зябкость Москвы, решил выпить кофе. Чтобы взбодриться, согреться. Да, второй день он пытался согреться. И не мог.

— Большой американо, пожалуйста.

— Что-нибудь к кофе? Есть свежие круассаны.

— Можно.

— Шоколад? Вишня?

Платон Беседин. В госпитале

— Вишня.

Девушка-бариста с серьгой в носу работала элегантно и споро. Круассан оказался, действительно, свеж, и Павлу вспомнились классическое «как хороши, как свежи были розы...». На выходе из кафе, уютно пахнущего корицей и выпечкой, женщина лупила мужчину в замшевой куртке не по сезону. Тот отбивался — вероятно, пьяный.

— Да отстань ты, падла! — мужчина толкнул её, и она упала на влажный, оловянного цвета асфальт.

Мужчина, пошатываясь, кренясь, побрёл в сторону. Женщина, не вставая, расхристанная, кричала ему вслед:

— Дьявол! Дьявол!

Павел протянул ей руку, хотел помочь.

— Вставайте...

— Да пошёл ты! — огрызнулась женщина, и Павел увидел, что глаза у неё разного цвета. Она повалилась на асфальт и зарыдала.

2

Бело-зелёный автобус был нетороплив, сонлив и длинен. Он тоже возвращал в детство, потому что две части его соединялись гармошкой. Павел вспомнил, как возвращался из школы на скрипящем «Икарусе». Посередине был круг, и когда автобус поворачивал, круг вращался тоже. Маленьким Павел боялся стоять на нём, но туда его неудержимо тянуло.

Капли дождя падали и пытались приклеиться к стеклу — ненадолго. За окном тянулись однотипные жилые дома, тонувшие в желтизне деревьев. Павел давно хотел выучить их названия, но узнавал только клёны. Между деревьями и домами ползли дорожки, влажные от дождя, похожие на шоколадные батончики. Во всём этом крылась своя тоска, но и свой уют тоже.

Давно, когда он ещё не был женат, Павел бродил по осенним столичным улочкам, где-нибудь в спальных районах. Сидел на скамейке в небольших скверах, заваленных жёлтыми, багряными, охровыми листьями, пил белое полусухое вино. Так Павел чувствовал городские улицы, и те, казалось, говорили с ним, выбалтывая сплетни, секреты. Однако это осталось в прошлом.

Теперь он приехал в Москву на литературную конференцию, но на самом деле — чтобы встретиться с людьми, отыскать работу. Денег не хватало настолько, что перед выездом Павел отыскал двадцать тысяч рублей, оставленные на медобследование.

Платон Беседин. В госпитале

Когда-то он мог потратить столько на ужин. Это было давно, когда Павел писал сценарии для сериалов.

В поезде его, как проклятие, настигло сообщение от жены: «Вышли мне срочно тридцать тысяч». Они не жили вместе последние месяцы, но и не разводились. Каждый, как в панцире, прятался в своей квартире, а сын метался меж ними, и Павел делал вид, что всё не разрушилось, не расплзлось. Они ходили втроём в кино и даже говорили о чём-то друг с другом.

— Слушай, у меня сейчас проблемы с деньгами. Когда тебе нужны тридцать тысяч?

— Я же написала, что срочно.

— Но у меня их сейчас нет...

Поезд отдыхал на станции. Люди высыпали на перрон, курили. Павел ходил мимо вагонов, следом шёл железнодорожник, простукивавший колёса. Объясняться с женой было глупо и бесполезно.

3

Его поселили в огромной гостинице «Измайлово», построенной к Олимпиаде — 80 в Москве. Павел долго бродил между корпусами, названными греческими буквами «Альфа», «Гамма», «Бета» и «Дельта». Наконец, отыскал свой. В лобби суетились, роились у стойки администрации люди. Много столпилось азиатов: они подходили, как военные, организованными группами.

— Ваш номер 2907, — администратор отутюживала улыбкой.

— Спасибо.

Номер остыл, номер был зябок. Казалось, Павел выдохнет, и изо рта пойдёт пар. Он потрогал батареи — те были холодны, как позавчерашний суп. Покрутил барашки — градус не возрастал. Система кондиционирования в номере не работала тоже.

— Здравствуйте, а что с отоплением? Мне тут замёрзнуть, что ли?

— Ну, у вас же есть в номере двадцать два градуса.

— Нет, у меня в номере — восемнадцать градусов.

Недовольная пауза администратора.

— Мы принесём вам обогреватель.

— Мне нужно ещё три одеяла.

— Три?

— Да, три!

— К сожалению, мы можем предложить вам только одно.

Чайник вскипел, в дверь постучались. На пороге стояла пол-

Платон Беседин. В госпитале

ногрудая узбечка. Она протянула клетчатый жёлто-коричневый плед, такой тонкий, будто на нём сэкономили дважды. Вернулась с обогревателем.

— А можно мне ещё плед? — Она развела руками, то ли отказывая, то ли не говоря по-русски. — Ясно. Сервис...

Той ночью Павел закутался в одежду, жалея, что не взял с собой тёплую куртку. Из-за больной спины он уже давно спал на полу, спал на твёрдом, и это приводило в ярость его жену. Она считала, что это одна из причин их разрыва.

— Ну, ты же понимаешь, что я не могу спать на мягком.

— Ты вообще ничего не можешь.

— Спи со мной на полу.

— Я тебе что — собака?! — лицо жены в такие моменты становилось точь-в-точь как у шиншиллы.

Утром в гостинице «Измайлово» он не пошёл на завтрак, долго делал упражнения для спины, чтобы прийти в себя, но на конференции почувствовал, как заклинивает поясницу. В номере Павел сделал себе уколы — стандартный набор: дексаметазон, баралгин, эуфиллин. Должно было помочь, но в этот раз не помогало. Павел понял, что встречи придётся отменять — и лечиться, ища секретный баланс между тем, сколько лежать, и тем, сколько ходить.

Но, глядя в окно номера, из которого открывался столичный индустриальный пейзаж в серых, волглых тонах, Павел осознал, что звонить в общем-то и некому. Те времена, когда ему предлагали вести программы, писать сценарии, исчезли, как дым. Павел должен был переехать в Москву раньше, но всякий раз что-то мешало: болели родители, противилась жена, бедокурيل сын. Ответственность задавила его.

Теперь же время ушло — промчалось, как зимний скорый, и наступило бесконечное межсезонье: сыкотное, буро-серое, тоскливое. Дни в нём измерялись скандалами, болезнями, заботами о сыне и текстах. Павел писал, ваял, строчил их, чтобы обеспечить близких — и тонул, вязнул, захлёбывался в них, как в топи, поглощавшей надежды и устремления. И внутри него образовалась такая же стылая, тронутая зловонным гниением жижой, приходившая в движение ночью, когда он не мог заснуть, думая о том, что сделать не успел и теперь уже никогда не успеет.

Лишь одна встреча в Москве не могла быть отменена. Они сговорились обязательно встретиться, если Никита останется в госпитале.

Платон Беседин. В госпитале

— Сообщу тебе позднее. Не переведут ли меня.

— Хорошо, я буду ждать и верить.

Никиту не перевели. Он оставался в госпитале. Павел вспомнил, как тягостно сделалось внутри, когда он узнал, из-за чего Никита вернулся с фронта. Воспоминание поддушивало. Павел распахнул окно. Машины на шоссе стояли, не двигаясь. Моросил бесконечный дождь, переходящий в снег. Спину ломило, хотелось крикнуть в распахнутое окно, перебивая чёртову хлябь:

— Ну, почему?!

Промозглая дрянь танцевала на его теле, лице. Так холодно было в Москве в раздавленном октябре, а теперь стало ещё холоднее.

4

Павел видел Никиту всего раз. Они работали вместе в одном издании, но каждый в своих городах. Однажды встретились на корпоративе. И всё. Никита, заместитель главного редактора, мог не идти на фронт, но его мобилизовали, и он отправился на «передок», десантником. Там он получил первое ранение, затем второе, третье. Там он оставил часть себя. Павел читал редкие записи в телеграм-канале Никиты и запомнил одну — о том, как тот горел в бронемашине. Но его спасли.

Павел читал эту запись, сидя в центре родного города в ожидании сына, а вокруг бегали мальчики, девочки, разодевшиеся в костюмы собак и лисиц, призраков и вампиров. Они тянули сладкий дым из электронных сигарет, передавая их друг другу. Останавливались машины, из них выходили губастые девицы, так похожие друг на друга, с лицами, выражавшими презрение ко всему, кроме денег. И мужики, их сопровождавшие, тоже не отличались друг от друга: бородатые, перекачанные, но пузатые, вскормленные на химических добавках, как бычки. Они заходили в ближайшие кофе, заказывали там пасту, стейки, коктейли. Они смеялись, гоготали, захлёбывались. Им было так сочно, так вкусно в мире, который не был охвачен огнём.

Правда иногда этот мир вспыхивал — и здания кормили огонь, коптя густым, чёрным дымом, и корабли пылали на рейдах, и люди умирали под обломками беспилотников. Да, иногда в этот город заглядывала смерть: она жужжала дронами, она свистела кассетными боеприпасами, она пахла разложением. Тогда всё замирало, и люди сидели в домах, а после некоторые из них, самые решительные или напуганные, шли на курсы пер-

Платон Беседин. В госпитале

вой медицинской помощи. И в городе, как ларьки в девяностые, вырастали укрытия, бетонные, угловатые, пахнущие мочой и растратой средств.

Но потом всё успокаивалось, и в центре города вновь звучала музыка, и девицы плясали, обнажая филейные части, тронутые целлюлитной рябью, и отдавались парням, и машины тех становились всё блестящее и дороже, а лица в них — всё холёнее и сальнее, и ползли к расстроенным небесам высотки, детища современных ниф-нифов, казалось, покачивающиеся на крылатом ветру. Люди говорили:

— Война войной, но что поделать?

Или:

— Никто не знает, как он умрёт.

Или:

— Ну а что теперь — плакать?

Напротив той скамейки, на которой Павел читал рассказ Никиты, стоял храм. На нём сохранилась надпись, сделанная чем-то буро-красным вроде сурика: «Мин нет. 1905 год». Люди шли мимо, некоторые останавливались и быстро, будто скрытно, крестились. И довольный поп беседовал с женщинами в чёрных платках. Поп был упитан и благообразен, с большими влажными глазами и колокольным животом. Он благословлял медленно и вальяжно.

Павел написал Никите. Что-то очень банальное. Слова поддержки. Знать бы, что писать в таких случаях. И в ответах Никиты бодрости сквозило больше, чем в пожеланиях Павла. А после всё стало как прежде.

Тексты ползли вереницей. И слова выходили не холодные и не горячие. В них сквозила канцелярская пустота и стыла промозглость кабинетов. Павел думал, что должен отправиться на войну, смердевшую страхом. И разложением. Павел помнил ту вонь. В городке, где в супермаркете зияла дыра, но продукты внутри сгорели не все — они испортились: молоко, кефир, рыба, масло, мясо. И эта масса сгнила и смердела кошмарно. Городской труп — труп города.

Это желание — уйти на фронт — иногда пробуждалось в Павле, но угасало, придавленное бытом. А главное — он не знал, не понимал: как сможет стрелять в человека? Понятно, что война — она по большей части на расстоянии, и ты чаще всего поражаешь не человека, но территорию. Однако он не мог себе объяснить, для чего должен убить другого.

Платон Беседин. В госпитале

— Вам нет смысла ехать туда, — сказал старший товарищ Павла, кудрявый университетский профессор.

— Почему?

— Потому что вас там убьют сразу же. Но это ладно, — профессор выдохнул в телефонную трубку; наверное, курил, — а если из-за вас убьют другого человека?

Павел принял для себя это объяснение. Или просто отыскал оправдание? Он жил в бледно-жёлтой рутине, обесточивающей, выхолащивающей, лишаящей возможности по-настоящему действовать, верить, жить.

5

«Я в вашем госпитале. Хорошо бы встретиться». Павел запомнил это сообщение от Никиты дословно. Буква к букве — как на витрине. Павел прочитал его в приёмном отделении горбольницы. В ухе сына вырос гриб, и теперь лор, молодой, но рано постаревший человек с лицом цвета старой ванны, промывал его. Сын всхлипывал и делал себе ещё больнее.

— Господи! Что с тобой? — написал Павел Никите. И получил ответ:

— Всё нормально. Оторвало ногу. Десантник с двумя ногами — плохой десантник.

Павел ехал домой с сыном в тишине. Городские фонари погасли. Машина продиралась сквозь тьму, чуть разреженную лунным светом. Жёлтый диск маячил с неба, как глаз. Он присматривал за теми, кто был на его стороне.

В своём телеграм-канале Никита описывал, как потерял ногу. Наступил на мину, оставленную своими же. Наступил там, где уже не раз проходил. Никита описывал ситуацию подробно, но Павел всё равно не мог осмыслить, уяснить произошедшее. Буквы разбегались в разные стороны, как тараканы на кухне, когда ночью включаешь свет. Мир вокруг оставался если и повреждённым, то незаметно повреждённым. Никита же стал другим. Павел вспомнил фильмы Кроненберга и книги Балларда — о том, как человек, получив травмы тела, меняется внутренне. Но эта связь разума и плоти, их трансформации, не объясняли ничего; они лишь раздражали, порождая внутреннюю злость.

Павел привёз сына домой, уложил спать. Сел на кухне, заварил ромашковый чай, влил туда пузырёк настойки пустырника. Такой чай должен был успокоить, но он горчил и нервировал.

— Ты чего не спишь? — в комнату вошла недовольная жена.

Платон Беседин. В госпитале

— Не спится.

— Ну, так выпей свои таблетки.

— При чём тут таблетки?! — разозлился Павел. Отхлебнул чай с пустырником. — Никите оторвало ногу.

— Какому Никите? — жена прислонилась к шкафам. Аккурат над её головой, вроде нимба, стояла расписная тарелка, привезённая из Костромы.

— Мой товарищ Никита. Мы работали вместе. Он был зам главного редактора, а потом его мобилизовали, хотя он мог не идти.

— Так чего он туда пошёл? — зевнула жена.

Павел вскочил. Он редко её ненавидел. Уставал, раздражался — да, но не ненавидел. Ему хотелось, чтобы она просто стала тарелкой.

— Иди... спать.

Уже в дверях жена повернулась:

— Мне завтра на работу и маму к онкологу вести. Так что ты с сыном.

— Весь день?

— Ну а что делать?

Павел хотел возражать, биться, но сил не было. Перед глазами ползли буквы, они складывались в предложения, но не давали понимания. И Павел сказал в пространство:

— Никита — умный парень, честный, порядочный, идейный. Как раньше в фильмах офицеров показывали. И теперь он без ноги. Понимаешь? Ранения, горел, а теперь без ноги. А всякая шваль прожигает с утра до вечера. И всем хорошо, и повсюду ржут. Вот только Никита без ноги. Почему так, а?

— Потому что идейный. Мне ли тебе объяснять, что мир несправедлив?..

Они не встретились в том госпитале. Павел остался с сыном. Теперь он ехал к Никите в госпиталь в Москве. И девушки в автобусе, одетые в чёрные худи с сатанинскими принтами, вертели в руках электронные сигареты, а пьяный кавказец клеился к помятой блондинке в короткой кожаной юбке, из-под которой, как неживые, выглядывали ноги в чёрных колготках. Дождь кончился, листья опали.

6

Навигатор вёл Павла по спальному району Москвы. Мимо однотипных кирпичных домов и школ, прореженных деревьями. То ли моросил дождь, то ли в воздухе стояла густая влага. Небо

Платон Беседин. В госпитале

затянулось тучами, точно свинец расплавили, но вокруг было много жёлтого, лимонного, рубинового. Павел не знал, о чём станет говорить с Никитой. И те пятнадцать минут ходьбы, которые разделяли автобусную остановку и госпиталь, пытался найти убедительные слова — сделать из них что-то вроде укреплений.

Напротив госпиталя, возвышавшегося за фигурным забором, расположилось лежбище электросамокатов. Некоторые из них стояли, но большая часть повалилась на мокрый асфальт. На остановке перетаптывались с ноги на ногу женщины в салатových дождевиках. Павел вспомнил о сыне — внутри разлилось бархатное тепло. Он попытался думать о жене, но не ощутил ничего. И эта пустота словно подмигнула ему, залихватски и зло. Пытаясь спугнуть её, Павел позвонил домой жене.

— Как ты?

— Настроение не очень. Погода, видимо.

— Может быть. Что собираешься делать?

— Иду к Леонидовым.

— А что там?

— Лёша купил новую машину, хочет нас всех покатать.

— Покатать на своей новой машине?

— А ты чем недоволен? Люди машины покупают, а мы холо-дильник три месяца взять не можем.

— Это проблема?

— Да, это проблема. Люди планируют, приобретают, живут.

— То есть покатать на новой машине — это жить? — Павел задрожал, не в силах скрыть раздражение. — Тебе не кажется, что это как-то... по-мещански?

— Что за слова у тебя?

Он перевёл тему:

— А сын?

— У бабушки этим вечером.

Гости у Леонидовых всегда заканчивались трагически. Жена смотрела на то, как они живут, и хотела жить так же. Или лучше. Лёша Леонидов ходил в рейсы и, возвращаясь, каждый раз покупал что-то супруге. Они приобрели три квартиры, сменили пять или шесть машин. Каждые выходные ездили отдыхать в спаресорт-отели. Они гордились тем, что однажды их показали по Первому каналу. Павел задыхался от такого обывательского счастья, липкого, сытого. Жена, видимо, относилась к нему иначе.

На проходной вдоль стен тянулись металлические полки. На них в подписанных пакетах оставляли продукты, одежду, лекар-

Платон Беседин. В госпитале

ства — передачи для пациентов. На входе сидел чеченец в тёмной форме. Из-под неё по рукам и по шее, словно вытекая, ползли красные пятна. Толпились люди и пытались сообразить, что им делать здесь, в госпитале. Павел назвал отделение. Телефон, с которого он читал данные, разряжался в ноль. Без навигатора Павел не знал, как добраться домой.

— Это вам в то окошко.

— Сюда?

— Да.

Павел протянул паспорт. Полная женщина с красивым, уставшим лицом выписала пропуск. Павел отдал его охраннику-чеченцу. Он почему-то крутил, вертел его в больших, шишковатых пальцах, словно пытаясь найти скрытое. Наконец, смирился. Павел прошёл на территорию госпиталя, чувствуя, как пересекает черту прежнего спокойствия. Навстречу ему шли безногие. Они ковыляли на костылях. Двое были с перебинтованными головами. Они над чем-то посмеивались. За ними катил человек на инвалидной коляске. Он вращал колёса, от ног у него остались две культы.

Небо не прояснялось — наоборот, становилось давяще тёмным. Остановившись, Павел смотрел на него, не в силах видеть всё остальное. Вспомнил соседа с третьего этажа в доме, в котором они жили с родителями в его детстве. Сосед этот потерял ноги — передвигался на доске, руками переставляя два деревянных уступа. У него было лицо, похожее на земляную пустыню, вроде тех, что размещают на обои рабочего стола: изрезанное, испаханное глубокими морщинами, в них прятались два пронзительно-голубых водоёма-глаза.

Каждый день инвалид спускался по ступеням с третьего этажа. В подъезде не было ни лифта, ни пандуса, ничего, что сделало бы его жизнь терпимой. Инвалид спускался, курил свои папиросы «Богатырь» у куста сирени, смотрел на двор, говорил «здравствуйте». Иногда он напивался и тогда падал между первым и вторым этажом, не в силах подняться. Ему пробовали помочь, но он, матерясь, отбивался и лежал; ссался и плакал. Со временем соседи больше не помогали ему, а пил он всё чаще. В такие моменты Павел старался не выходить из дома.

Теперь во дворе госпиталя он чувствовал себя так же. Здание перед ним было то ли в девять, то ли в двенадцать этажей — чтобы успокоиться, Павел старался сосчитать их, но не мог. Сложенное из белого кирпича, ставшего серым, оно нависало над двором,

который нужно было пересечь как можно быстрее. Слышались ругань и смех. Мимо катил пустую инвалидную коляску краснощёкий, потный толстяк. Он улыбался и объяснял что-то такой же краснощёкой и полной женщине рядом. Павел чувствовал себя так, будто в его голове набухают и вот-вот лопнут сосуды. Он пытался стать собой прежним, но люди на костылях шли и шли.

7

Зайдя в четвёртое отделение госпиталя, Павел позвонил Никите. И тут же сбросил вызов. Он увидел Никиту. Их разделял коридор, залитый бледным, прозрачно-голубым светом. Никита стоял у окна. У него не было ноги по колено. Павел так и не понял, что и как ему говорить. Воздух в коридоре пах медицинскими препаратами и, казалось, подрагивал.

— Привет!

— Привет! Спасибо, что добрался.

— Спасибо, что встретился.

Они обнялись. Никита пах крепким мужским потом, одетый в футболку с надписью «Никто, кроме нас». За это время он полысел. Руки его покрывали красные, будто покрытые стеклянной плёнкой, шрамы.

— Давай, что ли, здесь сядем, — сказал Никита, указывая на кособокий столик у окна.

— Отлично, но есть проблема, — Павел ненавидел себя в этот момент, — мне надо зарядить телефон. Без него я не знаю, как ехать домой.

— Надо идти в палату.

— Ну, тогда ладно.

— Нормально, — Никита всё понимал: — Мне надо тренировать руки.

Он взял костыли и пошёл, прорубая воздух. Павел почувствовал, как вмиг ослаб. На столе, за которым сидел Никита, осталась книга. Старая советская книга в невыразительной обложке. Они шли к лифтам, и Павел не знал, что говорить. Может быть, пусть и звучало абсурдно, следовало бы выдавать каждому посетителю инструкцию поведения в госпитале. Не только что проносить нельзя, но и что говорить нужно.

Они поднялись на седьмой этаж. На входе, почти сливаясь с бледно-серыми стенами, висела табличка «Отделение гастроэнтерологии».

— А почему гастро? — спросил Павел.

Платон Беседин. В госпитале

— Не хватает мест, — Никита говорил так, будто взвешивал каждое слово, — поэтому кладут во все отделения.

— А в твоей палате сколько человек?

— Шесть.

— И все, — Павел дрогнул, — потерявшие конечности?

— Ну да. Я в общем-то самый уцелевший.

Они зашли в палату. Справа, у стены, на койке вместе с солдатом лежала худенькая девушка, обнимала его. Он тяжело дышал, из рук его торчали трубки — тянулись к банкам, повешенным на стойку. Солдат, кажется, спал, девушка обнимала его и гладила по обнажённой, впалой груди. Ног у него не было. Будто их скрыли, замазали чем-то. Слева на койках лежали другие, но Павел уже не смотрел на них. Он переводил взгляд то на девушку, обнимавшую бойца, то на свои ноги.

— Вот там зарядки, — указал головой Никита, опершись на костыли.

Павел воткнул в телефон один из шнуров.

— Подошло?

— Да.

Когда они вышли из палаты, Павел спросил:

— Это его девушка?

— Жена. Приезжает к нему.

— Часто?

— Каждый день.

— А ведь могла бы испугаться и бросить.

Никита улыбнулся горько, пожимая плечами, проговорил:

— Здесь разное происходит. У меня в подразделении был паренёк. Так его жена бросила с пятью детьми, пока он был на фронте. Ушла к другому. Так ещё и детей ему оставила.

— И где они?

— С няней.

В лифте они ехали не одни. Чернявый мужчина с перебинтованной рукой, без ноги долго не мог заехать на коляске внутрь. Ему помогли двое, пахнувшие рыбой. Спускались молча. Павлу вспомнились жена, в гнев похожая на шиншиллу, и их бесконечные выяснения не отношений даже, а чего-то внутреннего, существовавшего исключительно в них самих. Это напоминало бойню существей, которые жили в своих носителях и тянулись друг к другу, чтобы столкнуться, спровоцировать, высечь обиду, раздражение, гнев — и тем напиться. Сейчас Павел не понимал, для чего продолжал эти кормления.

Платон Беседин. В госпитале

- Там же присядем?
- Да, можно.
- Слушай, я только зайду в туалет?
- Давай, конечно.

Павел отыскал туалет и на время остался один.

8

Он хотел найти работу в Москве. И встретился с Диной на Цветном бульваре. Она похудела с их последней встречи, упрямая в серое пальто, но всё так же взмахивала накладными ресницами, похожими на плавники тропических рыб, всё так же поджимала губы. Хотела ли она его всё так же? Павел не знал.

Они познакомились на одном из проектов — вместе делали фильм. Павел понравился Дине, но он был женат. Брак сделал его не только верным, но и обесточенным, не умевшим брать своё. Дина предложила Павлу сделать ещё один проект, но на самом деле ждала другого. Не проектного. Он не знал, чем и как отвечать, что предложить взамен. Бесконечные семейные разборки изматывали его, но Павел не мог и не знал утешения на стороне. Через год Дина ушла из его жизни.

Теперь Павел встречался с ней, чтобы просить о работе — унижаясь. За те годы, что он жил вдали от Москвы, слишком многие контакты утратились. Они встретились на Цветном бульваре, взяли кофе, завели пристрелочный разговор. Она рассказывала о своих проектах, он делал вид, что у него всё нормально, что он ещё кому-то нужен.

- Как жёнушка? — вскользь бросила Дина.

Павел должен был ответить что-то нейтральное, но искреннее. А он смог выдать только:

- Нормально.
- Нормально?
- Ну да.

Дина допила свой пряный кофе. Бульвар был пуст, и лысые, без листвы деревья стояли, как старухи на паперти. Павел и Дина сидели на скамейке, смотрели друг на друга и понимали, что всё в прошлом — и работа, и привязанность, и попытка говорить друг с другом. И всё же Дина сказала, чуть наклонив круглое с плавниками ресниц лицо:

- Так что бы ты хотел делать?
- Сценарии. Тебе нужны сценаристы?

Платон Беседин. В госпитале

Дина бросила в него один из своих взглядов — чуть сужая глаза, будто прицеливаясь, а потом ослабляя напор.

— Ты видел, что мы делаем?

— Немного.

Он, и правда, посмотрел перед тем, как прийти на встречу. Это называлось патриотизм — такой, чтобы воспринимали массы. И каждый раз, когда Павел смотрел эти ролики, то чувствовал себя так, будто пытается грызть пластмассу.

— Вот это новый проект, — Дина достала свой айфон в вызывающе блестящем чехле.

Павел увидел много компьютерной графики, услышал музыку, которая должна была терзать душу. На экране появился боец: он говорил о том, как вернулся с войны, рассказывал, почему отправился на войну с фашизмом, перечислял, сколько ранений там получил. Это было снято эффектно и бодро, но после просмотра внутри Павла не осталось ничего. Вообще ничего.

— Вот такие ролики мы делаем на гранты. Всё для бойцов! Всё для победы! — с нажимом сказал Дина. — Смог бы?

— Да, конечно, — он врал.

Она вновь кинула этот взгляд, понимая.

— И не будет творческих метаний?

— Не будет.

— Но скажи честно, что ты думаешь об этом? Только честно!

Выглянуло чуткое солнце, и Павел только сейчас увидел, какая пористая, будто апельсиновая цедра, кожа на лице Дины. Её ресницы-плавники двигались почти синхронно, убаюкивая.

— Я думаю, что в это можно добавить чуть-чуть искренности.

— А так, — Дина закурила электронную сигарету, — это ложь?

— Нет, просто, — Павел хотел, но не умел подбирать слова, — это вроде бы и не о нас вовсе.

Когда они расстались у станции метро «Трубная», обнявшись, чтобы никогда не увидеться больше, Павел не мог забыть аляповатые картинки под душещипательную музыку, и где-то внутри этого был солдат. Он говорил о войне, и этот его рассказ пытались сделать ненавязчиво-лёгким. Будто очередное интервью из тех, что мелькают в ленте социальных сетей. Чтобы не напрягало.

Никита и Павел сели за столик. От батареи шло навязчивое тепло. На столе лежала книга. Павел не знал её автора. Он сказал, чтобы сказать:

— Надо было хоть книгу тебе принести.

— Да вот же, — Никита показал на графитового цвета обложку, — мне бы ещё классику прочитать.

— Может, кофе?

— Давай, возьми мне капучино.

Сзади них был буфет. Две девушки раздавали шоколадки, пирожки, делали кофе. Одна худая блондинка с костлявым, как у стерляди, носом, другая — пухлая и чернявая, похожая на булочку с корицей. Их подбирали словно под разный вкус.

— Сахар, крышечки, — показала чернявая, поставила на стойку два стакана с кофе.

Павел принёс их за столик.

— А тут очередь.

— Постоянный ажиотаж. Кормят невкусно.

— Здесь, в госпитале?

— Ну да, и не очень сытно. Вот солдаты и подъедают.

К буфету ковыляли на костылях, катили на инвалидных колясках пациенты. Безногие, перебинтованные, контуженные. Они хотели есть, встречаться, говорить. Павел увидел парня, совсем мальчика, с перекошенной челюстью, глаза у него не было. Он пытался всунуть карту в банкомат. Павел отвернулся.

— А как здесь вообще? В госпитале.

— Нормально.

Павел елозил взглядом, не хотел показывать его.

— Я не знаю, что говорить.

— Хорошо, что приехал.

— Так а дальше-то что?

— Дальше, — Никита отхлебнул кофе, — дальше, как объяснили врачи, всему придётся учиться с самого начала. Как ребёнку, учиться ходить заново.

— Это здесь?

— Нет, в подмосковном пансионате.

— А потом?

— Потом, — Никита инстинктивно поморщился, — если удастся — на фронт. К пацанам.

— Опять?

— Снова, — улыбнулся Никита.

Платон Беседин. В госпитале

Павел вновь поразился, насколько ясные у него глаза. Голубые, точно синева расплескалась. Павел до сих пор не мог ответить на вопросы, которые выползали сами, изгибались, как червяки. Для чего он был здесь? И что должен был сказать этому человеку в чёрной футболке, из-под которой выглядывали бледно-розовые, в созвездиях веснушек мускулистые руки? Павел просто поддерживал разговор, но тот не вёл его дальше — стопорился на середине. Но он что-то должен был говорить. Вероятно, так.

— Может, взять паузу?

— Я и так — на паузе.

— Но это какое ранение? Четвёртое?

— Пятое.

— Пятое. Ты горел в бронемашине. Ты сделал больше других. Пусть воюют другие, — Павел сбил глотком вязкость, подступившую к горлу. — Хотя бы пока что.

— Нет никаких других. Есть только мы.

Никита разлил свои голубые глаза. Они топили водой. И от Никиты эти фразы звучали так искренне, так мощно. Хотя сказанные другими они отдавали бы бюрократической пошлостью. На стекло села бабочка. Как она вписалась в этот зябкий московский день? Откуда прилетела? Павел видел бабочку так же явно, как и пронзительно-голубые глаза Никиты.

10

— Вам нужен стул? Или я могу его взять?

За спиной Павла вырос длинный, словно растянутый, человек в спортивном костюме. Кожа на его лице, точно старый футбольный матч, была как бы сшита из лоскутов. Один глаз закрывала повязка. Павел вздрогнул:

— Да, да, конечно.

Переместился ближе к Никите. Длинный человек взял стул, придвинул его к соседнему столику. За ним сидели испуганная, с серым лицом женщина и пухлая девчушка в мохнатом розовом свитере. Длинный человек сел рядом с ними. Павел увидел, что нога у него отрезана по самый пах. Он перевёл взгляд на стекло, но бабочка уже улетела. Люди ковыляли и ковыляли на костылях к буфетной стойке.

— Мне, правда, неудобно, что я с пустыми руками, — в третий или в четвёртый раз повторил Павел.

— Я же сам сказал, что ничего не надо, — улыбнулся Никита. — Здесь в общем-то сносно кормят.

Платон Беседин. В госпитале

— Сносно? Но не очень?

— Ну, если бы кормили лучше, то не стояли бы очереди в буфет. А так... сам видишь.

Он был так спокоен — воин Никита, потерявший ногу, раненный пять раз, горевший в бронемашине. Всякий раз Павел повторял это.

— Нет никакого героизма в том, чтобы получить ранение, — отвечал, поясняя, Никита, — скорее наоборот.

И всё же Павел — для чего? И для чего столь навязчиво? — перечислял его ранения. Так, будто хотел убедить в первую очередь себя, что смерть можно обойти, встретившись с ней однажды. Насколько близко это случится? И что можно увидеть, подсмотреть? Что можно подслушать? И какой совет получить? Всё это было, в сущности, ради того, чтобы узнать себя лучше. Но для этого бы пришлось потерять часть себя.

— Но что-то же я могу сделать? — продолжал пытаться Павел.

— То, что ты уже здесь, это важно.

— Ну а протез? Дадут нормальный?

— Да, — Никита наконец-то притронулся к своему капучино, остывшему, бледному, — знающие ребята говорят, что с этим всё нормально. Вроде бы.

— Но, — Павел вспомнил разговор со знакомым врачом из госпиталя, — мне рассказывали, что есть трудности с получением выплат за ранения. Трудно доказать правду комиссии.

— И такое бывает, знаю, но за себя скажу, что за четыре ранения выплаты я получил.

— Из пяти?

— Да, с одним возникли проблемы, как раз-таки о которых ты говоришь.

Павел поморщился, задал вопрос, заранее в общем-то зная ответ:

— Надеюсь, ты хоть что-то отложил?

— Если честно, — Никита смотрел уверенно и прямо, — все эти деньги я потратил на фронт пацанам. Связь, транспорт, много расходов.

— А как же ты?

— А что я? — Никита положил руки на стол. Павел опустил взгляд, увидел, что ногти на пальцах Никиты аккуратно подстрижены. — Понимаешь, я принёс на войну всего себя. Целиком. Без остатка. Всего себя. Что же я буду считать какие-то деньги?

Платон Беседин. В госпитале

— Но с выплатой за, — Павел с трудом произнёс следующие слова, — потерю конечности, пожалуйста, не обращай так... вольно.

— Вольно? — Никита улынулся. — Странное слово.

Павел покраснел. Длинный человек и девочка в мохнатом розовом свитере встали из-за стола, пошли куда-то вглубь коридора. Это день когда-нибудь должен был кончиться. Павел почувствовал, как навалилась болезненная, расщепляющая усталость.

— Я просто хочу сказать, что дальше будет жизнь.

— Понимаю.

— Или какое оно, твоё дальше? — неожиданно Павел почувствовал раздражение.

— Дальше? — Никита убрал руки со стола. — Моё дальше — это научиться ходить.

Кофе на дне бумажного стакана вызывал отвращение, но Павел смотрел и смотрел на него. Шум вокруг то нарастал, то утихал, будто спрессовываясь. Павел подумал о бабочке, которая сидела на стекле ещё недавно. Он захотел увидеть её вновь.

Павел вспомнил себя маленьким. Вспомнил, как искал друзей тогда. Напротив школы торчала девятиэтажка. Типовой район, застроенный коробками, разряженными скромными уличными аллеями, где вдоль дорожек со вспучившимся асфальтом росли маслиновые и тутовые деревья. Паша срывал с них плоды. А у девятиэтажки были участки земли, отделённые от дорожки кустами гибискуса и вишнёвыми деревьями.

Павел прятался там с пацанами. Он хотел думать, что это были его друзья. И сейчас в госпитале они вспомнились ему — без лиц, без имён; просто как персонажи из прошлого. Павел помнил, что сидел на жёлто-сером камне, покрытом мхом, и смотрел, как его друзья — те, кого он называл ими, — отрывают кузнечикам лапки. Наверное, в том возрасте так делали все. А он не мог. И просил не отрывать лапки. Но его не слушали.

— Я хочу задать вопрос, но не знаю как.

— А ты попробуй, как говорится.

Мысли о лапках кузнечиков не уходили. Вопрос прозвучал глухо:

— Если завтра, — он тут же как бы одёрнул себя, — представим такое, завтра вам скажут: «Всё кончено, перемирие». Как в той песне: «Беру портфель, иду домой». Вот и вам скажут, что всё...

Павел запнулся. Никита так же спокойно смотрел на него. Не дёргаясь. Павел продолжил:

— Так вот, вы согласитесь?

— С тем, что война кончена?

— Да, вы остановитесь. Или — или пойдёте дальше?

— Могу говорить лишь за себя. Не в множественном числе.

— Да, конечно.

— Приказ есть приказ, но, если война кончится по договорённости свыше, — Никита посмотрел куда-то вдаль, — я точно буду знать, что у меня есть ещё пять, восемь, десять лет, чтобы подготовиться к будущей войне, и, возможно, уже она станет решающей. То, что происходит там, решается только, — он, такой спокойный, сделал акцент на этом слове, — победой одной из сторон. И я хочу, я сделаю всё, чтобы это были мы.

11

Длинный человек играл с девушкой в настольный футбол. У игроков, прикованных к вертящемуся штырю, были ноги, но не доставало рук. Девчушка вошла в азарт — лицо её покраснелось. Она крутанула ручку так яростно, так решительно, а после воскликнула:

— Есть!

Длинный человек распрямился. Девчушка почувствовала его перемену, заканючила:

— Пожалуйста, давай сыграем ещё! Ну, пожалуйста!

— Не могу больше...

Павел стоял рядом. Никита провожал его, опершись на костыли. Павел почувствовал, как кружится голова. Подумал о том, что, сделав шаг, другой, может упасть. Это оказалось бы так странно и так нелепо. Позорно даже.

— Я зайду в туалет, ладно?

— Давай.

В туалете пахло хлоркой так сильно, что, казалось, выедало глаза. Павел застыл, опершись о стенку. Не в силах мочиться, не в силах двигаться. Он хотел вырваться из этого вязкого ощущения бесполезности происходящего, перемешанного с болью тех, кто ничего не мог обернуть вспять. Вода подтекала в унитаз.

Наконец, Павел опустил крышку — сел на неё, двинувшись неуклюже, как старый тюлень. Достал телефон, забрался в социальные сети. Большой палец задвигался. Пролетая над пу-

стотой — бесконечный путь из никуда в ниоткуда. Но взгляд уцепился, застыл. Дина, с которой Павел встречался перед госпиталем, прислала видео. Подписала: «Посмотри!!! Вот что мы делаем!» Какие-то жёлтые, похожие на таблетки экстази, смайлы.

Вероятно, Павел хотел отвлечься. Уйти. Сбежать. Палец сделал движение. Зазвучала сгущающая настроение в трагедию музыка. Звуки прописала нейросеть; такие они были отутюженные. В ролике солдат с лицом героя западных боевиков — подбородок тяжёл, брови солидны — говорил о том, как отбивал у противника опорный пункт. Графика перебивала кадры с ним — слишком дорого и слишком красиво. Павел посмотрел ролик с минуту и сжал, как экспандер, в руке телефон.

Никита ждал его в коридоре госпиталя, и они должны были поговорить друг с другом на прощание. О чём? И для чего? Если Павел так и не отыскал правильных слов — и всё болтал, и всё душнил, и всё хмурился. Возможно, после, когда это кончится, слова будут произнесены — точные, будто высеченные на камне. Но не сейчас. И всё-таки, выйдя, Павел сказал:

— Там, — он махнул рукой, — другая жизнь. Совсем другая. И я не могу понять этого.

— Многое слишком странно.

— Скажи, — вдруг обнял Никиту Павел, — ты в госпитале, ты на войне, а я здесь. Что ты чувствуешь?

— Радость. За то, что могу помочь стране, и за то, что ты можешь нормально жить, — улыбнулся Никита. Павел нырнул в его голубые глаза — и обнял крепко.

12

У проходной, как два пса, лающе ругались мужики. Тот, что покрупнее и помладше, пёр на более мелкого, упакованного в вызывающе старомодный плащ.

— Ты что моей жене сказал, а, гнида?

— Коля, успокойся! Коля! — держала его рыжеволосая женщина в дутой сиреневой куртке.

— А что вы...

— Что я? А ну! Скажи, что я, козёл! — замахнулся крупный. — Сейчас полетишь отсюда!

— Коля, не надо!

Казалось, что они разыгрывали спектакль, не слишком удачный, но они ссорились по-настоящему. Рядом на инвалидной

коляске сидел небритый парень без ноги. Несмотря на волглую зябкость, он был одет в синие шорты. В руках держал банку колы и выглядел отрешённым.

Павел зашёл в здание проходной. Хотел бросить дежурное: «До свиданья», — но слова затерялись. Они не застревали в горле, как то пишут в книгах, нет. Слова просто перестали существовать. Вымарались, испарились, исчезли. Павел остался один в этой обезвоздушенной, бессловесной пустоте. Только кивнул охраннику-чеченцу, отдавая ему пропуск.

На улице пахло одиночеством. Лежбище самокатов оставалось таким же забытым. Пустая автобусная остановка, пустые улицы, пустая дорога. Павел был здесь один, спиной к госпиталю, где только что видел Никиту, потерявшего конечность. Впервые Павел был в Москве абсолютно один. Сумерки напоздали на столицу, точно графитовым карандашом расчертили улицы.

Павел пошёл тем же путём, что и попал сюда. Но теперь вокруг не мелькали вывески, не попадались люди. Всё та же безраздельная тишина застыла внутри. Павел шёл в безмолвие, свернув в сквер, в прелость листвы. Она лежала влажная, будто распаренная, на жирной земле. Деревья ошетинились лысыми ветками. Скамейки стояли пустые — такие изящные в своих изгибах.

Когда Павел углубился в сквер, влажный и зябкий, послышались звуки гитары — нервные, хрупкие. Кто-то неуверенно перебирал струны. Павел знал эту мелодию — её пытались воспроизвести так бездарно, нелепо. А потом зазвучал надтреснутый голос:

*Побледневшие листья окна
Зарастают прозрачной водой.
У воды нет ни смерти, ни дна.
Я прощаюсь с тобой...*

Павел не только знал, но и любил эту песню. Её впервые поставил ему на кассете двоюродный брат — крепкий мужик с черепом, похожим на шампиньон. Брат воевал в Чечне и вспоминал, что Юрий Шевчук приезжал к ним — выступал перед солдатами.

— Настоящий мужик! Не гоношистый!

Брат любил Шевчука, собирал кассеты «ДДТ», но потом брата зарезали в пьяной драке, а кассеты исчезли. Павел почти не вспоминал о нём, а сейчас вспомнил — маленькие, точно в двух щёлках, глаза и большой лоб. Напившись, брат всегда пел под ги-

тару «Это всё». И Павел исполнял эту песню тоже. Правда лишь однажды — на выпускном. Вместе с одноклассником, делавшим мелирование и носившим серьгу, — модным, вертлявым парнем. Он и втащил Павла в номер на выпускной вечер, сунул в руки гитару. И перед родителями, одноклассниками, перед учителями они тянули вдвоём, не попадая в ноты:

С нами Память сидит у стола,

А в руке её пламя свечи.

Ты такой хорошей была.

Посмотри на меня, не молчи.

Куда всё это исчезло? Когда кончилось? Перестало существовать? Где был Олег? Где был Павел? Был ли? Как называлась эта его форма жизни? Куда он смог пристроить её? И как примирился? Что хотел он сказать, когда прорезал сам себе голос: «Жизнь — не сахар, а смерть нам не чай»? Успел ли хоть что-то? Пытался успеть? Или... Что или?

Ему хотелось рухнуть в прелую, подгнивающую листву. Ему хотелось подгнить вместе с ней — и кончиться. Но он сделал шаг, второй, третий. Он увидел парня и девушку в серых, грубых плащах и тяжёлых, на высокой шнуровке ботинках. Они терзали гитару, и без того расстроенную и измученную. Павел так долго не видел тех, кто собирался в парках и скверах, чтоб исполнять русский рок под гитару. И тут ему встретились два динозавра. Первый открыл рот, обнажая ряды неровных зубов.

Павел присел рядом с парнем и девушкой. Они не обратили на него внимания. Чувствуя холод, идущий с сырой земли, Павел подпел, вкладываясь:

Мне свою дорогу нести.

До свидания, друг, и прощай.

Он смог не пропеть, а выдать эти строчки, вытолкнуть их из себя, точно камень выпустил из пращи. Прорвал безмолвие — и умолк вновь. Листья лежали и льнули друг к другу, как мёртвые. Павел больше не хотел быть здесь.

13

Улица была узкой, тесной для такого количества людей, вышедших на променад этим вечером. Невысокие дома создавали нечто вроде коридора. Толпа шла по нему, а над ней, как покрывало, нависала ткань иллюминации. Гирлянды освещали улицу, здесь всегда было светло. Павел помнил, как оказался на ней во время Чемпионата Мира. Людей было ещё больше.

Но тогда он двигался, шёл. Кричал, жевал хот-дог, запивал минералкой. Сейчас же он просто стоял — посреди улицы, неподвижный. Глаза его были открыты: Павел смотрел на людей, ища в них живых. Всматривался, буровил взглядом. Люди шли, иногда толкали его, а он помнил глаза Никиты — их цвет, их выражение, их глубину резкости — и теперь высматривал такие же здесь. Но не находил.

Люди шли, смеялись, жевали, выпускали дым. Павел запутывался в смехе, ужимках, ухмылках. Он стоял посреди улицы, но был один — отделённый ото всех стеной безмолвия. Перед глазами его стоял не Никита даже, а тот длинный человек, к которому пришла дочка в мохнатом розовом свитере — дочка, наверное. Павел помнил его слова:

— Не могу больше...

Павел хотел повторить их — отчеканить, вбить, донести каждому. Но они оставались внутри и произносились там же, не просачиваясь за пределы госпиталя. И всё же Павел принёс сюда их частичку, чувствуя, что, действительно, не может больше. Людской поток огибал его, как река, полная суетливых и хищных рыбок, но Павел смотрел сначала в себя, а после на небо.

То провисало над сияющей иллюминацией — тёмно-серое, в дымчатых разводах. Странное, не хмурое и не светлое небо — скорее не определившееся. Павел смотрел на него, уже не в силах опустить взгляд, и внутри него ворочалась, зарождалась жизнь. Он вспомнил, как, поругавшись с женой, вышел во двор их дома, рано утром, отсекая продолжение их совместного дня. Асфальт был влажен, роса блестела на бледно-зелёной траве. Павел увидел на ней чёрные грецкие орехи, упавшие с деревьев и гнившие в собственной скорлупе.

В детстве он ходил собирать орехи вместе с родителями. Отец требовал искать их в экологически чистых местах, и они, всей семьёй, забирались в дальние окрестности города. Однажды Павел поскользнулся на горной тропинке и покатился с обрыва. Внизу текла мелкая речка и торчали острые камни. Мать кричала, но крики её, удаляясь, затихали, не оставляли себя рядом. Паша катился вниз, сдирая ноги и руки в кровь, но на изгибе склона он смог ухватиться за корень, торчавший из жёлто-бурой глинистой земли.

Движение вниз прекратилось. Паша замер над пропастью. Речка, казалось, стала быстрее, свирепее. Сверху к Паше спустился отец. Он протягивал руку. Но Паша, вот что странно, не

хотел подниматься назад. Сейчас, во дворе его дома, ему казалось, что он так и остался там — над горной речкой.

Он не знал это место, где оно, как называется. Родители так и не сказали ему — возможно, не запомнили или просто не знали. Каждый раз, уходя в горы, Павел искал его, сравнивая с тем, что видел. И садился на край, и смотрел на корни можжевельников, сосен и кипарисов, пробивавшихся сквозь каменистые склоны. Он искал, но не находил. Теперь он тоже хотел видеть горы и пропасть.

Не переодевшись, Павел вызвал такси и, написав сообщение жене, поехал на пеший горный маршрут. Тот, которым прошёл однажды. Он начинался среди смешанных лесов, поднимался на живописную гору, с которой открывался вид на море, а после углублялся в дубовый лес и выныривал перед другой горой, за которой начиналась бухта.

Два или три года назад Павел прошёл этот маршрут длиной, как сообщал оранжевый указатель, в девятнадцать километров. Ему удалось это нелегко, но он не устал особо — или так, приукрасив, запечатлелось в памяти. Однако теперь, неподготовленному, нервному, в рваных кроссовках, ему давался тяжело этот путь. Дважды Павел скатился вниз, разодрав колени. Один раз запнулся о корень и упал, повредив ногу. Это была дурная, вздорная затея — отправиться в путь без подготовки и предупреждения.

Павел вышел к горе, слева простиралось море, справа — долины, впереди его ждала бухта. Телефон разрядился. Павел остался без связи и фонаря. Он пожалел, что использовал его раньше так избыточно и безрассудно. На горы напоздали влажные сумерки. Они сгущались, превращались в ночь. Павел перебрался через одну гору, повреждённая нога болела, не давала идти.

Перед второй горой, о которой, собираясь в путь, он даже не вспомнил, наступила ночь. Павел запаниковал. Утратил тропинку, видел лишь чёрное пятно впереди. Он испугался, что может сорваться вниз, к морю, и не окажется корней, за которые можно было бы ухватиться. Павел остановился, прикинул, может ли здесь заночевать. Ему стало кошмарно в этой вязкой и вязущей тьме. Страх копился в солнечном сплетении, ворочался, не уходил. Беда, казалось, хищно рыскала рядом.

Сзади раздался шум. Павел обернулся. Кто-то стремительно, слишком быстро для такой местности, поднимался по склону вверх. В руке он держал фонарь — нёс его над собою.

Платон Беседин. В госпитале

— Здравствуйте! — крикнул Павел.

Человек не ответил. Он продолжал подниматься вверх — так быстро, что почти поравнялся с Павлом. Фонарь светил, будто звал за собой. Павел решил идти за этим человеком — поспешил за ним. Тот пошёл через гору по диагонали. Так быстро, что Павлу приходилось ускоряться, почти бежать. Но он не боялся споткнуться или сбиться. Павел верил, что этот человек с фонарём выведет его к старой гемуэзской башне, а дальше он уже сам знал дорогу. Сомнения, страхи рассыпались, отступили.

Сейчас, в центре столице, покинув госпиталь, Павел вспомнил о той встрече в горах и о том человеке. Он хотел бы встретить его сейчас — на московской улице. Встретить в момент, когда жизнь изменилась настолько сильно, что невозможно было делать вид, будто всё нормально. Однако человек с фонарём остался в прошлом, но был Никита. Павел будто бы до сих пор смотрел на его сосредоточенное лицо. И казалось, свет шёл с той горы, пробивался сквозь тьму и отражался в голубых глазах Никиты.

Ирина Мишутина

Я шагаю в весну

Станция «Дом»

Помню, как мама провожала меня на вокзале.
Сама улыбается, еле-еле скрывая слёзы.
Сжимается сердце, делает сальто-мортале,
И стихи постепенно становятся прозой.

Рельсы тянутся железными километрами,
И колёс мерный стук убаюкал за тысячу вёрст.
Вижу сон — я с друзьями под старыми кедрами,
И весь мир для меня как чистый, нетронутый холст.

За окном промелькнула церквушка с немой колокольной,
С верхней полки шумно вздыхает сосед.
Обнимаю закрытую книгу, согретую между ладоней,
В ней на пятой странице мой обратный билет.

Я вернусь в этот город в месяц цветущих акаций.
В город, где идёт всё своим чередом.
Я помню названия всех этих маленьких станций
По дороге туда, где ждёт меня станция «Дом».

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Я шагаю в весну

Я шагаю в весну, пряча руки поглубже в карманы.
На подошвах ботинок набит стихотворный размер.
Бьёт по лужам капель, как ладонями бьют в барабаны.
Только город в дыму равнодушен, нахмурен и сер.

Он как мудрый старик с молодой чертовщинкой во взгляде,
Что сидит на скамейке, следит за игрою детей,
Сожалеет о том, что был век его кем-то украден,
И остались лишь шрамы от старых трамвайных путей.

На асфальте рассыпаны веточки трещин-прожилок,
Я замедлила шаг, чтобы веточки не раздавить.
Мелкий утренний дождь меня нежно целует в затылок.
Серый город расцвёл. Я люблю, как его не любить?

Трамвайное

Я каждое утро сажусь в краснобокий трамвай.
Железное сердце стучит под колёсные ритмы.
Я не видела, как расцветает разбуженный май,
Но я видела, как планета сходит с орбиты.

Мне кондукторша в старом жилете протянет билет,
Как большой ледокол, проходя сквозь волну пассажиров.
Только пачка в кармане худее на пять сигарет,
От цунами страстей на виске вздувается жила.

Жаль, нельзя, как трамвай, неустанно идти по прямой,
Ни секунды не медлить, задумавшись на перекрёстке.
Вечен спор: быть любимой или любить самой?
Шанс его разрешить так же мал, как победа в напёрстки.

А стекло дребезжит, будто крылья десятка стрекоз.
Что горело во мне, очень скоро, наверно, погаснет.
Ощущаю себя обречённой, как Берлиоз,
Что вот-вот поскользнётся на пролитом Аннушкой масле.

Зазвонил телефон, голос в трубке окутал теплом.
Задержала дыхание, словно ныряю в воду.
Я была точно муха, бьющаяся в стекло,
Теперь смелая чайка, летящая на свободу.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Что горело во мне, совсем догорело дотла.
Мой трамвай остановится важно, неторопливо.
Выйду в мир, за спиною рюкзак, два помятых крыла
И в кармане билет. Счастливый.

За окном

Волга перед грозой вдвое течёт быстрее,
Чёрные волны руги гонит куда-то прочь.
Злым проливным дождём небо вот-вот созреет,
Воду в прозрачной ступе будто устав толочь.

Ветер всё кружит пыль, будто с юлой играет.
Люди тяжёлым шагом спешно бегут домой.
Молния вдалеке вспыхнет на самом крае,
Струи хрустальных капель падают бахромой.

Съёжившись, как свеча, ниже к земле сгибаюсь,
С каждым рывком слабею, но всё равно горю.
Краешком рукава веток едва касаясь,
Лето уступит место хмурому сентябрю.

Время — глухая ночь, только мне всё не спится,
Но отголосок солнца греет своим теплом:
Лучшие в мире сны здесь, на твоих ресницах,
И потому не важно, что сейчас за окном.

Метро

Пустая станция метро.	Мне дверь откроется в вагон,
Гудит в ногах от неудобных туфель.	И поезд вздрогнет, будто он в ознобе.
Колонны в белом мраморе	Роится в металлической
и туфе	утробе
Объяты нитями ветров.	То гул, ни то протяжный стон.

Прозрачный звук моих шагов	В комок сжимается нутро:
Разбит на сотню голубых осколков.	Вы далеко, и я по Вас тоскую.
Сердечный мускул бьётся	
В груди ликующая радость	вхолостую,
смокла,	Как сердце поезда метро.
Но пульсом бьётся у висков.	

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Невидимые чётки

Вот я стою в луче густого света,
Невидимые чётки теребя,
И точно знаю: в пару мне планета
Из всех людей пророчила тебя.

От сотни рук, что я в своей держала,
От дюжины отравленных страстей
Осталась только рукоять кинжала,
Который мне вонзали до костей.

Истёрта память, сожжены портреты.
Не хватит мне всех ласковых имён.
Пусть они звенят, как мелкие монеты,
Есть для меня одно. Любимое. Твоё.

Когда нахмурен лоб, на сердце вьюжно
И чувства опускаются на дно,
Так хочется побыть кому-то нужной,
Чтоб плыть вперёд и не тонуть одной.

На небе спит луна, нагая, волчья.
Ей, словно эхо, вторят фонари.
Я все слова скажу глазами, молча.
Ведь я люблю — зачем мне говорить?

На дорожку со мной сядь, посмотреть на тебя дай.
И не станут глаза лгать — знаю, едешь в чужой край.
Засыпая среди гор, будешь в свете больших звёзд
Слушать долгий их разговор. А в округе на сто вёрст

Только камень и облака. Буду письма тебе слать.
Только знаю наверняка: не получит их адресат.
А наступит другой год, шестерёнки пойдут вспять.
Эта мысль как кислород, только с нею ложусь спать.

Замирает в груди ток, но стучит холостой ход.
Стынет в чайнике кипятик, размывается небосвод.
Не устану зарю ждать и рассматривать темноту.
Ведь не могут глаза лгать — ты и правда со мной. Тут.

Заповедник

Когда зима уже подходит к краю,
В затылок дышит новый год-наследник,
В часы бессонницы я вспоминаю
Таинственный и тихий заповедник.

Тропа угрюма и ведёт к обрыву.
Скривились сосны от объятий ветра.
Внизу мальчишка ловко ловит рыбу,
И горизонт длинней на километры.

А люди будто редкие помехи,
Под куполом слышны их разговоры.
И рыжий лес как ржавые доспехи,
Что столько лет здесь защищают горы.

Стою. Молчу. Боюсь пошевелиться,
Ведь воздух тут стеклянный и застывший.
Вот сон меня настиг, слетевший с крыши.
Настенный календарь показывает тридцать.

Мы были детьми

Мы были детьми и от солнца скрывались в палатке,
Собирали ракушки, смеялись, как дураки.
Сгущёнка варёная была особенно сладкой.
И ночью вдвоём убегали на берег реки.

Мы птицами были. Взлетали всё выше и выше.
Казалось, до горизонта сумеем вскоре достать,
А город под нами как будто пульсирует, дышит,
Навстречу дождю свои раскрывая уста.

Мы пара сверчков, дремотную тишь нарушали.
Так песня наша звучала, на волнах эфира гремя.
Уже не звучит. Но только не спрашивай: жаль ли?
На старой пластинке хранится в душе у меня.

В костре угольки затрещали и медленно тлеют.
В палатках все спят, вокруг — ни единой души.
От зари облака, как щёки, чуть-чуть розовеют,
И пара детей с реки принесли камыши.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Новогоднее

В зеркале стали скулы и нос острее
И щёки устало сползают куда-то вниз.
Как по щелчку, родители постарели.
Казаться стал пресным любимый мной барбарис.

Хоть в волосах стёжки серебристых нитей,
Отец, как ребёнок, с глазами озорника.
Помню, январь, и солнце стоит в зените,
В снегу по колено мы лепим снеговика.

Мама в очках, и между бровей морщинки.
Как нотки сирени, я слышу её духи.
Из мишуры мне сшила костюм снежинки
И к праздничной ёлке учила со мной стихи.

Младший брат стал широкий в плечах мужчина,
Но так не простил в детстве сломанный пистолет.
Спорили на наборы из пластилина,
Быстрее кто за ночь съест целый кулёк конфет.

Утро придёт, и шум фейерверков смолкнет.
С улицы донесутся песни и голоса.
Я в тишине подарки сложу под ёлку,
Ведь именно так рождаются чудеса.

Белокрылые

Мы были наивны, молоды и глупы!
Только клювы торчали из скорлупы,
Но в мечтах так хотели парить орлами,
Небесный купол рассветом сиял над нами.

Мы ходили босыми по камешкам и песку,
Собирали цветы, от загорелых скул
Отскакивал солнечный свет. Не сдержав улыбок,
Читали письма из прибитых волной бутылок.

Не боялись сказать друг другу слова о лю...
Под ногами дорога стягивалась в петлю.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Мы ходили по кругу, лепили на грудь заплаты.
Жизнь была карусель, горечь вся — сладкой ватой.

Наступила весна, тонкий лёд на реке трещит,
Мы стали холодны. Камень вылетел из пращи.
Наша лодка тонула, ещё не имел пробойн.
В заслугу или в вину можно вменить обоим.

Жизнь разложила карты по городам,
Мы, кочевые, колесили туда-сюда.
А потом осели, как камни, покрыты илом,
Хотя каждый мнил себя белокрылым.

Первый снег

Сегодня первый снег и первая печаль
О времени, сочащемся сквозь пальцы.
Но мне не жаль, ни капельки не жаль
Сюжет, канвой натянутый на пальцы,

Мы вместе вышиваем по стежку
И вместе носим воду из колодца.
И в руки прилетевшему снежку
Наш сын ручьём залиvisto смеётся.

Дороги спят под тонким бурым льдом,
Деревья выгибаются упруго.
Не важен цвет, в какой покрасим дом,
Сидим на кухне друг напротив друга,

И льётся разговора кипяток
В пузатый чайник в тишине полночной.
Все чувства собираются в клубок
Сердечной пряжи. Только знаю точно —

Когда костром взовьётся искры часть,
Из прошлой жизни ничего не помня,
То я опять хочу к тебе упасть,
Как первый снег, в шершавые ладони.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

* * *

Рябина красная за кухонным	Улёгшись на кровать,
окомом	в горчичном свете лампы
Под весом гроздей ветви	Проговорим с тобой
опустила.	до темноты.
Баюкая в руке кусочек мыла,	Промчатся дни, пустынным
Природа расчертила волокно	станет дом.
Вуали снежной выкройкой	На кухне пепельница спит
дорог.	под горкой пепла,
Ещё октябрь, но зимний дух	И я от слёз практически
повсюду.	ослепла,
Я достаю красивую посуду	В ночном тумане утонув
И жду гостей. Ступает на порог	густом.
	Рябина красная за кухонным
	окомом
Ноябрь. А вместе с ним и ты.	От ягод горьких скоро
Рюкзак заплечный громко	загорится,
рухнет на пол.	Как осени последняя страница,
	Рассыплется на пепел целиком.

Графит

В моей ладони кусок графита,	Года мелькали, как в травах
Он спит под кожей	полоз
который год.	Скользит вдоль солнечного
Жизнь ослепила меня софитом,	луча.
Велела строчки писать	Тот, что диктует, небесный
в блокнот.	голос
	Стал вдвое тише и замолчал.
Сперва, как в швейной машине	
нити,	Теперь цежу себя по глоточку,
Ложились ровно стежок	Смотрю, как тлеет в костре
к стежку.	огонь.
Игла сломалась, но каждый	Я, может, и рада поставить
литер	точку,
И лист бумаги ладони жгут.	Но та ещё вшита в мою ладонь.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Соната

Мы похожи: раскатистый гром с его эхом,
Ледяная река и бегущий за нею ручей.
Сыпет время песок, но пустыня для нас не помеха —
Ляжет жёлтая шаль на острые скалы плечей.

Ты ночной небосвод на себя примеряешь, как платье,
Его шил по тебе летний ветер — умелый портной.
У лампы в тиши смотришь омутом глаз на распястье,
И ложатся в тетрадь бусы строчек одна за одной.

Ни стальная броня, ни обломки мечей с поля боя
Не в силах сокрыть, сколько боли у смелой души.
Барабанную дробь дождь выстукивал, вторя прибою,
И вода собиралась, точно слёзы, в хрустальный кувшин.

В фотоплёнку сквозь время тщетно пытаюсь всмотреться,
Но самой разгадать эту тайну, увы, не дано:
Голос вечный звучит, как сонаты минорное скерцо,
И белеющей птицей садится ко мне на окно.

Так отчего душа скулит?
Наверно, снегопад
Собрал снежинки всей земли
И сыплет наугад.

Я не хочу стремглав нестись,
Как взмыленный скакун!
Считаю вслух до десяти,
Улёгшись на снегу.

Наверно, ветер пронизал
Насквозь, как решето.
И увлажняются глаза,
И пар летит из ртов.

Лежу на блюдечке златом
От света фонаря.
Пускай отстану, но зато
Себя не трачу зря.

Безрадостно влачатся дни —
Рутину, маета.
Мне говорят: «Гони, гони» —
С ударами хлыста.

И разливается внутри
Забывший мной покой.
Я вслух считаю:
«Раз, два, три», —
И снег ловлю рукой.

Ирина Мишутина. Я иду в весну

Пять минут до весны

Пять минут до весны, и февраль, как мираж, растворится.
Солнце слепит глаза, и слеза уползает к виску.
Чтобы жизнь пригубить, ты напейся воды из копытца.
Гусь и лебедь взлетят, прихватив нутряную тоску.

Эта оттепель дышит тобой и растаявшим снегом.
След бензиновых радуг сверкает на зеркале луж.
Вслед за мартом апрель вновь пробьётся зелёным побегом,
Гроздь взъерошенных птиц оркестром чирикает туш.

Скажешь: всё уже было. И здесь неприложная правда.
Разве станет жизнь хуже, поскольку совсем не нова?
Так же рвётся душа в неизвестное чудное завтра
И родятся стихи, на тетрадь проливая слова.

Сколько б ни было зим, сколько боли судьба ни дарила,
Делай, что должен, и опять становись за верстак.
Пять минут до весны. Все поэты достали чернила
И слагают навзрыд, как нам завещал Пастернак.

Будет весна

Будет весна, будут сходить снега,
Лёд на реке покроется сетью трещин.
Может, тогда стихнет в груди пурга
И новый день сном обернётся вещим.

Кто-то сбегал. Ставила жизнь на стоп,
И засыпала, словно в анабиозе.
Чувство тревоги с рёбер до самых стоп
Множилось. Россыпью точек морзе.

Мир загудел, как воспалённый нерв.
Только я шла по колее привычной.
Новости пишут, сколько невинных жертв:
Каждая третья прочих других трагичней.

Льются ручьи, смывая весь страх и боль.
И первоцвет свой лик обращает к солнцу.
Ждущий спасения пусть обретёт любовь,
Может, тогда в сердце весна начнётся.

Юрий Сысков

Последнее пророчество

Роман

Никогда бы не подумал, что всем хорошо известная ещё со школьной скамьи, изученная вдоль и поперёк «Повесть временных лет», написанная Нестором в 1111 году (мне эта цифра напоминает частокол, что внушает смутную тревогу), может произвести переворот в литературоведении, дополнить квантовую теорию, стать поводом для уголовного расследования и, что самое поразительное, изменить мою жизнь.

В какой-то момент вокруг неё начали происходить странные, если не сказать, страшные, пугающие вещи. Я понял это, когда одни люди, имеющие к ней хотя бы отдалённое отношение, стали проваливаться в никуда, а другие — появляться из ниоткуда; давно почившие вдруг оживали, ныне живущие — исчезали. Нашлись даже такие, кто настаивал на том, что видел Нестора-летописца собственной персоной в конце пятидесятих годов прошлого столетия в Великом Новгороде. Там он явился под именем Нестордамуса, после чего летопись его, дополненная его же видениями и пространными комментариями современных исследователей, превратилась в «Повесть вневремен-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

ных лет». В новом изводе она оказалась тем бурным потоком, в котором рушились хронологии, смешивались эпохи, всплывали и тонули лица, исторические свидетельства, вещие сны и пророчества. И всё это происходило не где-то далеко, в Киевской Руси двенадцатого века, а здесь и сейчас.

У меня не было объяснения этому факту. Кроме одного: граница между жизнью и смертью достаточно прозрачна и вполне преодолима, время разнонаправленно — прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Или я сошёл с ума.

Но до этого открытия, слава богу, было, ещё далеко...

Если день начинается с телефонного звонка из приёмной — жди неприятностей. Нет, даже не так: считай, что ты уже дождался их.

Я поднял трубку.

— Бегом к министру, — раздался примораживающий голос секретарши Леночки. В своё время она так удачно отстажировалась в нашем ведомстве, что сразу после окончания журфака получила распределение в минкульт. Да... Всех сотрудников она называла чиновниками, очевидно, никак не ассоциируя себя с этой категорией человеческих ничтожеств. Мужчин, попадавших в поле её зрения, откровенно презирала. Впрочем женщин она презирала тоже. К начальству относилась снисходительно.

Я со времён срочной службы в армии не люблю, когда мне говорят «бегом». И откровенно недолюбливаю слово «министр». Могла бы сказать и проще — Лазарь. Так мы называли нашего начальника, Сергея Петровича Лазарева, с недавних пор занимавшего министерский пост.

— Один? — на всякий случай спросил я, заглядывая в приёмную.

Ничто не дрогнуло в лице Леночки, когда она, не поднимая глаз от экрана монитора, с прохладцей ответила мне:

— У него посетитель.

«Так какого чёрта!» — хотел сказать я, но удержался. Бесплезно. Если блоковская Незнакомка являлась пред очи поэта, дыша духами и туманами, то наша Леночка, по всей вероятности, родилась в морозильной камере и её атмосферой был фреон — газ без цвета и запаха.

Пришлось коротать время в приёмной, поочерёдно глядя то на часы, то на календарь, то на Леночку. Часы шли скорее назад, чем вперёд, календарь, запечатлевший крепкое рукопожатие

президента и губернатора, внушал социальный оптимизм и уверенность в завтрашнем дне, Леночка излучала мраморный холод и полное отсутствие интереса ко мне. Красивая. С безупречной фигурой. И ко всему равнодушная, до краёв наполненная карьерными и, как легко было предположить, матримониальными планами. За глаза её называли у нас Снежной Королевой.

К традициям и ритуалам минкульта Леночка относилась пренебрежительно. Я как старожил ведомства, переживший трёх министров, такого рода афронты не одобрял. Для меня это был очевидный и очень существенный минус.

Во-первых, она чуралась нецензурной лексики. Чистоплюйство в чистом виде. Столько мата, хорошего и разного, я не слышал ни в мотострелечком полчку, где проходил срочку, ни в братских министерствах и подведомственных им организациях. Этот пласт национальной культуры мы не только активно использовали, но и творчески развивали.

Во-вторых, Леночка совсем не интересовалась генеалогическим древом нашего ведомства. А стоило. В новейшей истории минкульта было много поучительного и назидательного. Долгие годы им руководила бой-баба, до этого возглавлявшая горводоканал. Она научилась распределять финансовые потоки так же профессионально, как и струи воды, смешивая их в правильной пропорции и не путая горячую с холодной. Чтобы не замёрзнуть и не обжечься. Именно с её стилем руководства был связан ритуал проникновения в приёмную, которого я строго придерживался.

Входя, посетитель на всякий случай спрашивал:

— У себя?

Получив утвердительный ответ, он, как разведчик в тылу врага, продолжал выведывать:

— Не в себе?

Или:

— Вне себя?

Что, согласитесь, не одно и то же. Последний вариант был сопряжён с летающими шариковыми ручками, пепельницами и органайзерами. И только после этого, в зависимости от срочности, важности или неотложности дела ходок принимал окончательное решение — входить или не входить. Потому что от этого зависело, иметь или не иметь.

Но всему приходит конец. Бой-бабу сменил рафинированный интеллигент из северной столицы, который продержался

в министерском кресле не больше полугода. Потом в кабинет въехала девочка из Москвы, креатура директора Третьяковской галереи. У неё была редкая фамилия — Мутерперель. С тех пор в недрах министерства стала гулять фраза — полный мутерперель! Это могло означать всё что угодно — пожар, наводнение, отсутствие финансирования, бардак, глобализацию, половую распущенность, вандализм и тому подобные природные и общественные катаклизмы. Вскоре Мутерперель уехала на ПМЖ в Израиль. После этого Лазарь был назначен министром культуры.

И, наконец, в-третьих, что касается Леночки. Она не прошла тест на профпригодность. А он был прост.

— Как называется женщина, танцующая в балете? — спросили у неё на собеседовании.

— Балерина.

— А мужчина?

— Балерун!

Далее должна была воспоследовать фраза:

— Вы нам не подходите.

— Почему? — должна была спросить Леночка.

— Артист балета!

Вот почему. Балерун...

Но Леночку не отбраковали. По-видимому, она была креатурой кого-то из Лувра или Прадо.

Наконец из начальственного кабинета вышел посетитель, в котором я узнал художественного руководителя ансамбля народных инструментов. На его плоском простонародном лице блуждала широкая балалаечная улыбка.

Я вошёл к Лазарю и поздоровался. Мы были с ним на ты. Давно. С тех самых пор, когда почти одновременно пришли в министерство и заняли примерно равнозначные должности — он после физтеха, я после филфака. Потом его карьера резко пошла в гору, а моя застопорилась. Пройдя несколько промежуточных ступеней госслужбы, он стал большим начальником, а я остался рядовым клерком. Наверное, тут сыграл злую шутку мой главный талант — умение быть незаметным. И для капризов фортуны, и для ударов судьбы. Я часто спрашивал себя: почему? Почему так сложилось, что я застрял на одной ступеньке служебной лестницы? Я почти не пью, практически не курю, не заливаю соседей снизу, перехожу дорогу на зелёный сигнал светофора, соблюдаю правила правописания «жи — ши»... Почему меня не повышают в должности и не увеличивают зарплату?

Конечно, в моём служебном положении можно было найти и светлые стороны. Проработав прессеком — пресс-секретарём министерства культуры — немало лет, я, по мнению окружающих, заметно окультурился. Впитал в себя, как это ни странно, немало той самой культуры, которой «есть у нас». Передо мной были открыты двери всех театров, концертных залов, музеев и библиотек. Правда местная театральная жизнь меня не особенно прельщала. Провинциальный русский актёр выкладывается так, что даже «кушать подано» играет на разрыв аорты. А всё чрезмерное отталкивает. В остальном я мог приобщаться к высотам человеческого духа свободно и избирательно, причём как в рабочее время, так и во всякое другое. Понятно, что в какой-то момент должно было наступить пресыщение. Это как в модельном бизнесе: когда каждый день имеешь дело с неземной красотой — становишься извращенцем. Или, устав от вкусной и здоровой пищи, начинаешь жрать заплесневелый сыр. И когда наступал очередной вечер, чреватый общением с прекрасным — знакомством, к примеру, с редким симбиозом Чаби Чакера и Фроси Бурлаковой, ранее утерянным полотном Паоло Фердыщенко «Понтекорво в Монте-Карло» или портретом Неизвестного в доспехах кисти неизвестного художника (время создания картины также не известно), на меня накатывала тоска.

Лазарь всей этой роскошью заведовал. И заведовал, на мой взгляд, весьма успешно. Человек на своём месте. Я бы так сказал.

Как-то я поздравил его с Днём работника культуры. «Ты один из нас, который один из них», — сказал я, намекая на его почётное звание Заслуженного работника культуры Российской Федерации. Сокращённо — засрак. Он не чужд самоиронии и не обижается, когда ко всем его регалиям прибавляют ещё и эту. Сокращённо. Я не отстаю. Поэтому если кто-то интересуется, чем я занимаюсь в этой жизни, отвечаю: работаю в минкульте пресеком при засраке. Сведущие люди сразу понимают, о чём речь.

Внешне Лазарь похож на знаменитого политического обозревателя поздней советской эпохи, что в сочетании с его страстием к жилеткам и поразительным умением отплясывать еврейский танец «семь-сорок» заставляет задуматься о его онтологических корнях. Но в нашем ведомстве, которое всегда ратовало за этнокультурное многообразие и гармонизацию межнациональных отношений, это только приветствовалось. Да, всё у нас было чинно, благообразно, государствообразующе. Но изредка в державные оды нашего министерства вплетался ша-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

ловливый еврейский мотивчик, словно, настроившись на радиостанцию «Маяк», мы вдруг уплывали куда-то в сторону, на радио Эль-Хай. И тут же, отведав мацы и суетливо обменяв рубли на шекели, возвращались обратно. И оттого мне иногда казалось, что вся наша так называемая культурная парадигма, если вникнуть в неё поглубже, иудео-христианская.

В общем, министр культуры был похож на министра культуры. То есть даже внешне соответствовал занимаемой должности. Аристократически, впрочем, чуть заметно, картавил, говоря «в» вместо «л». Некоторые трудности возникали у него и с буквой «р». Поэтому, фраза из старого анекдота: «Дедушка, пойдём красить лодочку», — в его исполнении звучала гораздо призывнее. По этой причине в выступлениях и докладах, которые я ему готовил, практически не встречалось слово «трансформатор». В общем, Лазарь являл собой живой пример того, как русский иногда может в точности принимать облик еврея, а еврей набираться русскости. Или просто набираться, становясь по сути русским.

— Дядя Ваня, — сказал он, обращаясь ко мне, — у меня к тебе большая просьба. Надо посмотреть одну монографию. Дать, так сказать, профессиональную оценку. Мне важно знать твоё мнение.

Он придвинул на край стола стопку машинописных листов, скрепленных тевтонским зажимом Berlingo. На титульном листе крупным шрифтом было напечатано: «Повесть вневременных лет, или Видения Нестордамуса».

— Что это? — спросил я.

— Я и сам хотел бы понять. Но по-моему, в этом что-то есть...

— Хорошо, полистаю перед сном.

— Перед сном не советую — можешь не уснуть, — рассмеялся он.

Лазарь принадлежал к той породе людей, которые при каждом удобном случае любят негромко и мелодично, как горсть звонких монет, пересыпать свой смех. И мне это в нём нравилось. Покажи, как и над чем ты смеёшься, — и я скажу, кто ты.

В приёмной возле столика секретарши привычно толкался Колдырь — проспиртованный мозг нашего министерства. Свое прозвище он, само собой, получил за пристрастие к горячительным напиткам. Проблем с алкоголем у него, разумеется, не было — его тренированный организм принимал любое количество спиртного как в пределах, так и далеко за пределами шкалы

элитарности. Справедливости ради следует сказать, что Колдырь никогда не опускался до палёнки и незамерзайки, о чём при всяком удобном случае напоминал Леночке.

Всем было известно, что он по уши в неё влюблён. Без всякой надежды на взаимность. Было бы понятно, если бы он был принцем, который притворяется нищим. Но в жизни всё не так. И он был этим самым не так. Не так в квадрате, потому что даже теоретически не мог выбиться в принцы. И для предмета его воздыханий это было совершенно очевидно.

Правда чем он мог заинтересовать Снежную Королеву? Своим полуразрушенным организмом и расстроеными финансами? Рыхлый, изрядно потасканный мужчина с одутловатым лицом, напоминающим застывшую монтажную пену. Немолодой, с огромным флюсом прошлого. Разведён.

Вероятно, Колдырь делал ставку на свой интеллект, обломки которого в нём ещё присутствовали. Любовь зла, она не взвешивает шансы, а идёт на поводу у желания. В крайнем случае, волюнтеризм до тех пор, пока не умрёт или не превратится в воспоминание.

Как и многие целеустремлённо пьющие люди, Колдырь обладал изрядным красноречием и в меру циничным взглядом на вещи, что в сочетании с размытой синева выцветших глаз, в глубине которых была сокрыта экклезиастова печаль, и челом, хранящим на себе сократову печать, иногда привлекает неискушённых девочек. Это может вызвать у них жалость, а жалость — опасное чувство. Оно порой толкает на безрассудные поступки. И даже может довести до загса.

Но Леночка...

В данный момент она делала вид, что её совершенно не интересуют стихи, которые он ей вдохновенно читал. Думаю, она не притворялась: ей действительно было всё равно.

Напрасно призраки толпой

Летят в наш лагерь боевой...

Мы остановим их полёт:

Прочь, Термагант! Прочь, Астарот! —

шумел Колдырь.

— Кто это? Шекспир? Торквато Тассо? — спросил я, делая заинтересованный вид. Кто-то ведь должен был оценить красоту слога и рвение исполнителя.

— Уортон. Я нашёл этот стих у Вальтера Скотта. В одном из его рыцарских романов.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— Вот уж действительно скот, — пробурчала Леночка, недвусмысленно давая понять этой игрой слов, что ей мешают работать.

— Читал? — спросил я Колдыря, показывая ему распечатку. Мне не хотелось, чтобы он расслышал последнюю фразу, брошенную Снежной Королевой.

— Более того, писал! — с воодушевлением отозвался он. — Всё, что касается вопросов этернализма и парадоксов времени — моё.

Он победоносно взглянул на Леночку.

— Ни фиги себе, — вполне искренне удивился я, но не стал уточнять, что это за зверь такой — этернализм.

— Правда моя глава ещё не дописана, — скромно уточнил он.

Не знаю почему, но я симпатизировал Колдырю. Он был технарём старой формации. Хорошо образован, беспорядочно начитан и, самое главное, предельно искренен во всех своих бесчисленных влюблённостях. Никакого притворства, всё по-настоящему. В общем, романтики полные штаны, что в юности выглядит мило, а в зрелые годы, увы, глупо. Но что особенно умиляло, Колдырь находился в перманентном поиске той единственной, которой на привале у костра он обязательно нашепчет сакральное: «Милая моя, солнышко лесное». И поведёт не в каменные палаты, а в брезентовую палатку под бескрайним небом Карелии или Западной Сибири. Мне хотелось, чтобы однажды так и случилось...

Весь день я провёл за изучением рукописи (с комментариями) и, чтобы не отрываться чтения, ходил с ней даже в министерскую столовую. К вечеру мне стало окончательно ясно, что я потратил время зря. Невероятным казалось даже не её содержание — самое большее, на что претендовал изложенный в ней околонуточный бред, можно было с большой натяжкой назвать альтернативной историей, а то, что на подобную абракадабру клюнул Лазарь. Зачем это ему? Вот уж не ожидал.

Тем не менее я решил обосновать своё мнение, покопавшись в источниках — летописи Нестора и трудах наших знаменитых историков и литературоведов. На это мне пришлось убить весь день.

Я обратился к таким академическим светилам, как Лихачёв и Шахматов, потревожил исполинские, пролегающие через целые столетия тени Карамзина, Соловьёва и Ключевского, но ни-

каких подтверждений тому, что было изложено в монографии, претендовавшей, по меньшей мере, на эпохальное открытие в области древнерусской литературы, не нашёл.

В ней говорилось, что найден протограф, то есть первоначальный вариант «Повести временных лет», считавшийся утраченным. До сих пор нам были известны лишь доработанные её версии: вторая редакция, созданная игуменом Сильвестром в киевском Выдубицком Михайловском монастыре, дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи, а третья, написанная неизвестным книжником по поручению сына Владимира Мономаха, новгородского князя, — в составе Ипатьевской летописи.

Удивительно было даже не это: мало ли дутых сенсаций и разоблачений мы видели на своём веку и сколько их ещё увидим. В монографии на полном серьёзе утверждалось, что недостающей частью «Повести временных лет» являются видения и пророчества летописца, которые он не включил в основной текст, а записал отдельно и разослал вместе с братьями-монахами по церквям и монастырям. Отсюда это странное имя — Нестордамус, производное от Нестора и Нострадамуса. При этом преподобный точно указал места в своей летописи, с которыми эти пророчества так или иначе связаны. По всему выходило, что приведённые отрывки послужили причиной и неким прологом для его вещих снов. В общем, много бо о сем наплутано, как говаривал самодержец наш Пётр I.

Казалось бы, чего ещё?

Однако, как показали последующие события, я поторопился с выводами. Сильно поторопился. Всё оказалось не так просто...

Из рукописи Нестордамуса

Се блаженнии Нестеръ в летописце написа об участи святого града Иерусалима и грядущей судьбе Русской земли на века вперёд. Быть тому, если ты, раб Божий, зришь и уразумеешь это.

Итак, ведай!

И послал я одного черноризца Киево-Печерской обители, третьего жребия Богородицы во Вселенной, в полуденные страны, дабы передал он курсуньской братии рукопись «Повести временных лет» с прорицанием о земле обетованной. И были в той повести такие слова: «...пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имутъ помощи от Бога, ни от Перуна, да не уицятися

Юрий Сысков. Последнее пророчество

щиты своими, и да погибнут они от мечей своих...» После сих словес следовало описание привидевшегося мне сна о сече злой, не случавшейся доселе в святых местах от сотворения мира.

И мнилось мне, будто проснулся я в ином времени и в ином обличии посреди каменистой пустыни, усеянной павшими воинами, над которыми кружили стаи алчущих добычи птиц и рыскали насытившиеся мертвечиной псы. Рядом со мной два падальщика с шипением и пронзительным кликом рвали плоть сражённого рыцаря. Сабля бусурманина срезала ему лицо, обнажив кости черепа.

Ко мне сторожко, боком подскочил чёрный ворон, ворог мой, предвестник смерти. Склонил голову и зрит. Осмелев, вознамерился он было выклевать мой глаз. Я равнодушно смотрел в его фиолетовый зрак и думал — откуда здесь, в Палестине, где на падаль слетаются только стервятники и всякая пернатая тварь, русский ворон? Или мёртвые всегда возвращаются на Родину? А в том, что я мёртв, меня убеждали распростёртые на земле, лежащие вповалку изрубленные тела крестоносцев и многих упокоившихся на поле брани русичей, братьев моих по оружию. Уже и ангелы пели панихиды в успокоение душ тех, коих имена, отечество и вера были им неведомы.

Тут ворон, ворог мой, куда-то исчез, испугавшись надвинувшейся на него исполинской тени.

— Кто ты, воин? Назови своё имя, — гулко, словно из глубины горного ущелья, проговорила тень.

— Скончайте волю пославшего вас, — ответил я и не услышал себя.

— Он единственный, кто тут жив, — произнесла другая тень. — Прикажешь сохранить ему жизнь, мой господин?

И эхо разнесло по долине, от камня к камню, от убиенного к убиенному — аладин, аладин, аладин...

— Такова воля Аллаха...

Тут свет выкатился из моих очей.

Не знаю, как долго я был в забытьи, но спустя время очнулся на какой-то арбе, грохочущей по камням под дрожащими, будто на потревоженной водной глади, южными звёздами. Огромная луна посреди этого звездотечения сияющим ореолом обрамляла чалму возницы, отчего казалось, будто предо мной православный святой. Но это был не святой. Это был магометанин. И я был его пленником — чужим в чужом краю, где всяк сущий в нём язык бранчлив и неблагозвучен.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Чужим было для меня и моё собственное тело, до краёв наполненное болью. Но сильнее телесной муки, горче страданий от нанесённых ран, перевязанных какой-то грязной, бурой от крови рваниной, была лютая тоска, теснившая мою грудь.

Душа моя изболелась об Анастасии, оставшейся в богохранимом граде Иерусалиме в ожидании моего возвращения. Не менее того истосковался я о не родившейся ещё кровиночке, которую она носила под сердцем. С неё, с любви к моей лебедушке начались мои скитания по белу свету и самое паломничество в Палестину ко гробу Иисусову.

При воспоминании о ней неизречённое блаженство, смешанное с незатухающей болью, разлилось по моей груди и вся моя жизнь развернулась перед мысленным взором, как берестяной свиток...

Немного лет тому назад довелось мне править службу у князя моего — сначала младшим дружинником, потом десятником, а когда освободилось место старшего дружинника, которое долго оставалось праздно, одарил меня государь мой своей милостью и сделал сотником, одним из своих думцев. Купил я сие право мечом и верностью принесённым клятвам. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, не трепетал я ни хищных ятвягов, ни диких обитателей Подляшья, ни свирепых литовцев, в любой схватке был впереди и ретиво оберегал князя на постое и в походах. И в жару, и в холод водил сотню свою, куда велела княжья воля, никогда не обращал хребта её к неприятелю, и слава моя была славой государя моего.

Но настали иные времена. Прежде сильный плотью и духом богатырь, храбровавший в числе лучших витязей, стал князь не насытен в пирах и любострастии, охоч до девиц и жён без разбору. Явил он себя как женолюбивый Соломон, величайший прелюбодей, перебрав полдвора своего. Всех, кто приглянулся ему, приводил он к себе на растление, невзирая на лица, заслуги и звания отцов и мужей их, попирая все христианские законы и людские обычаи. Но сим не кончились его незаконные женитьбы. Дошёл черед и до моей суженой. Задумал он было покрыть бесчестьем молодую жену мою Анастасию, красавицу, какую поискать, денницу и луну спасения моего.

А надо сказать, что в те поры был у нас медовый месяц — и миловались мы вволю, и чуть ли не каждый божий день ходили в мыльню, и ели кашу на постеле, пили квас да пьяную березовицу. Как же была она хороша, как любя мне! Лицо у моей Настеньки светлое, брови союзные, глаза красоты несказанной, взглянет —

душа к небесам воспарит... А когда блистали в них слёзы умиления или жалости, и вовсе неумоготу было, всё во мне обрывалось и сладко ныло. Понятно, детьми мы ещё не успели обзавестись, но по взаимному согласию питали надежду нарожать кучу ребятишек, ибо не ветвится дерево без корней и не шумит дубрава вокруг одиноко стоящего дуба. Словом, любил я её крепко, с ясным пониманием, что только смерть разлучит нас, однако власти над собою не давал, а поступал так, как должно поступать главе семьи — где с мужней строгостью, где с потаканием, уступчивой лаской и нежностью.

Видя наше счастье, задумал князь худое — подговорил своего верного холопа оклеветать меня. По его навету я был обвинён в чародействе, поклонении деревьям, в особенности же дупловатым, и в умысле извести своего государя. А к этому добавил князюшка и вовсе несусветное, мол, через жену свою прельщаем я бесовскими волхованиями, ибо искони бес женщину соблазнил, она же следом мужа своего.

Недолго думая, поклепал меня князь по речам своего раба и, вместо того чтобы возложить на меня умеренную опалу, вознамерился предать на смертную муку. По его велению я был бессрочно посажен в клеть и закрыт на засов. Посему обоюдное наше доброе расположение рассеялось, дела запутались и воспрянула меж нами лютая ненависть.

День и вечер просидел я взаперти, томясь и мечтая лишь о том, чтобы выйти из заточения и разведаться с князем мечом. Тут пришли верные мои, связали охрану и, вельми кручинясь, молвили, что явился князь в дом ко мне, чтобы насильничать, зная, что не в моей власти тотчас заступиться за Анастасию. Тошно было мне даже представить себе гнусные восторги его сластолюбия мерзостного, лобзания и плотские утехы княжеские, предстоящие моей возлюбленной. И упросил я друзей своих выпустить меня из-под засова. Аки вепрь, ворвался я в палаты и увидел жену свою, распостёртую на полу, заплаканную, с распущенными волосами и князя над ней в исподнем. Обернулся он и, не удосужившись прикрыть свой срам, рек: воды принеси, супруга твоя, Анастасия, меня обмоет да приласкает, коли будет на то моя воля.

Тут в глазах у меня почернело, как в грозу. Только мысль, точно молонья, мелькнула: быть сегодня грому на Каяле! Схватил я первое, что под руку попало, — братину, бадью или скамью, не помню, будто саваном меня накрыло — и раскроил князю голову. Тот и упал без чувств.

Но недолго млел князюшка, ибо крепок был — тотчас пришёл в себя и был таков. Тут же донесли мне, будто, свирепая час от часу в своих палатах, распаляясь всё боле и боле, грозно топя сапожищами, придумал он для меня кару смертную. Велика была скорость его к обиде и скорость к мести. А я и рад был тому, поелику об Анастасии он прочно забыл, а если бы и вспомнил — постоял бы я за неё в доме своём, где и стены, говорят, помогают.

И вот велел князь слугам своим обшить меня в медвежью шкуру и затравить псами, чтобы затем полуживого засадить в короб и бросить в воду на верную погибель. Но ослушались они и, изрыгая хулы на князя своего, под страхом смерти пошли на подмену, подвергнув предназначенной мне участи лихого человека, убийца огнещанина, пойманного ономьясь на месте его злодеяния.

Не теряя драгоценного времени, в надежде, что вера возмогает и надежда не посрамит, подались мы в бега — с Анастасией и десятком дружинников, не пожелавших остаться при дворе изверга, поправшего княжескую честь.

И летели мы с ней навстречу неизведанному счастью легко и быстро, как златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, в сопровождении лучших витязей моей сотни. И погоня, за нами посланная и показавшая нерадение при поимке, не остановила нас, а пополнила наши ряды, ибо то были мои же воины.

Прошли мы Великую Скуфь, страну курганов и могил, припонтийские области, известные толпами своих кудесников и гадалей, морем достигли Царьграда, где увидели чудо чудное — цепь, протяжённую отъ Галаты до Лахерньския церкви, и стогны великие, и храмы великолепные. И там добровольно вошли в службу царьградскому кесарю, как то и в старину делалось невозбранно.

Но пробыв я у него недолго: занятые важным намерением ратоборствовать в Палестине, в защиту Гроба Господня, я и малая дружина моя, получив благословение кесаря, отправились в путь трудный и неблизкий, чтобы искать опасностей и славы под знамёнами крестового воинства. Потеряли мы счёт пройденным верстам, однако, усердно молясь и непрестанно напоая ум свой божественными писаниями, я и жена моя, сопровождаемые верною дружиной, преодолели все препоны и без малого через месяц достигли возжеленной цели — Иерусалима с его христианскими святынями.

Но постигло меня горькое разочарование — увидел я не древний и вечно юный, велением Божиим созданный град, знамение победы и торжества Благой вести в пределах зловерия, а настоящее оси-

ное гнездо, сборище искателей богатств, лёгкой наживы и приключений, рядящихся под воинов креста, кои из любви к мнимой чести не боялись бесчестия истинного. Не было в становище крестоносной братии единства во мнениях, а тем паче в делах. Приняв веру Спасителеву, далеко не все они вышли из купели усердными христианами, каждый толковал о своём, каждый считал себя единственно правым и не наблюдал правило верности в союзах.

Увидел я, что крестоносцы не знают жалости и сострадания, ибо насаждают веру огнём и мечом, нападают на караваны, грабят полудикие соседственные народы, в особенности богатые золотом, драгоценными камнями и мягкой рухлядью, разоряют их селения, не щадя ни женщин, ни стариков, ни безгрешных младенцев, и за мзду получают отпущение грехов. Вот и получается: у россов — крестный ход, у латинян — крестовый поход. У нас — молитва о мире, у них — проповедь войны.

Но дали мы клятву, утверждённую печатями и рукоприкладством, что будем верно служить царю иерусалимскому и останемся верны слову своему, покуда не истечёт срок сей хартии или смерть не заберёт нас. С того дня стали мы мечом своим, истинным марсовым оралом, возделывать землю палестинскую, непрестанно помышляя при этом о своей далёкой отчизне и возможных средствах возвратиться с безопасностью в её недра.

И не ведал никто, долго ли судьба намерена метать меня и братьев моих на рогах злосчастия, только не страшился я своего будущего и терпеливо сносил все тяготы, живя по закону милости и правды, утешаясь любовью и заботой моего земного ангела — Анастасии. В редкие досужие часы мы вместе учились языку и письму чужестранному, навывали обычаям фряжским, читали мудрёные книги и ходили в храмы, раздавая милостыню, ибо сказано: дая нищему, Богу в заим даёте. И не было для меня большей улады, чем ласкаться с моей любовью, глядеть в синие озера её глаз, слушать тихие её глаголы, журчащие, будто реченька, оберегать её драгоценный покой. А когда был я в дальнем походе по приказу царя иерусалимского, то у самого моего сердца всегда хранился её живописный образ, выполненный на кипарисовой доске искусным мастером иконописи. И Бог хранил меня от смерти, от болезней, тяжких ран и увечий, когда я первый между своими дружинниками, добрыми молодцами, бился в челе их.

Так продолжалось не один год, пока главный крестоносец в усыплении хора льстецов не вознамерился окружить себя знаками побед и славы, стать властителем народов многочисленных, повели-

телем войска непобедимого. В слепой надежде на помощь Божью решил он вывести рать свою в пустыню, где бусурманин дышит свободно и пылает мужеством, чтобы нанести ему смертельный удар в самом сердце его владений. И оповещённый об этом народ уже торжественно молился о счастливом успехе христианского оружия против язычников, не помышляя даже о том, что предводитель их, коим владела гордыня в счастье и малодушие в бедствиях, обрекает тем самым воинов креста на полное истребление.

В ночь перед роковым походом все улицы и площади в Иерусалиме заперлись пехотой и конницей. Казалось, нет силы на земле, способной сокрушить эту твердыню. Но я понимал, что все эти закованные в латы, обвешанные кольчугами люди в железных шлемах, вооружённые тяжёлыми мечами и копьями, обессилят от жары и жажды, когда вступят в пределы мусульманских песков. Их спасением был Иерусалим, у его стен надо было встречать магометан.

Но что я мог сделать, чтобы предотвратить это безумие? Единственный случай изменить предначертанное представился мне, когда стоял я на часах и мимо меня под надёжной охраной проходил в свою опочивальню король иерусалимский. Едва он поравнялся со мной, как я осмелился обратиться к нему:

— Не вели казнить, вели миловать, мой государь! Не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Не ходи в пустыню...

— Чего хочет этот варвар? — спросил главный крестоносец, чуть опешив.

— Он пытается убедить нас, чтобы мы не выступали из Иерусалима с намерением сразиться с неверными в открытом поле, — перетолмачил сказанное кто-то из сопровождавших его.

Царь иерусалимский поначалу рассвирепел, слыша такие речи, потом вдруг успокоился. И никто из его свиты не дерзнул обнажить меча, дабы снести мне голову.

— Пойдёшь со своим отрядом во главе войска, — только и сказал он.

Рассвет я встретил, уповая лишь на то, что предводитель крестоносцев отменит своё пагубное решение. Но ошибся: его намерение было непоколебимо. На военном совете, собравшемся утром, большие думали-рядили не о том, как лучше разведать о делах бусурманских и не замедлить в управе, а когда и в каком порядке построиться. Не имел царь иерусалимский ни духа ратного, ни прозорливости в советах и выборе наперсников. Посему оконча-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

тельно постановили только одно — выступать с первыми лучами солнца. Словом, понадеялись на помощь Господа и оплошали.

О, велика бяше беда въ часъ тый!

И вот всё крестоносное войско вышло из Иерусалима, вытянувшись на много вёрст подобно древнему змию в сверкающей чешуе. К вечеру раздался вдали прыск и ржание табунов. Следом бусурманин внезапным ударом изумил воинов христовых, смял конницу и замешал пехоту. Крестоносцы дали тыл. И повсюду была латинянам засада, и немногие из них вырвались из сечи на борзых конях — большая часть их легла на месте, другие, гонимые раздражённым победителем, сгнули в песках; иные попытались спастись бегством, вернувшись в Иерусалим, но были поражены или взяты в полон, и в их числе — главный крестоносец со свитой своей. Мечтавший, чтобы сама смерть его казалась потомству чудесною, испил царь иерусалимский чашу позора до самого дна. И по недомыслию его изгибли славнейшие, и где подвизались они, там и положены были в кровавых одеждах.

И втоптал бусурманин жалкие остатки крестоносного войска в город, наполненный людьми, но скудный запасами. Так пал ветхий орден хранителей святой земли. Погибли и дружинники мои, многие в цветущей младости своей, сгнули на чужбине, не оставив и самой памяти своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе; их же нет ныне ни племени, ни потомства.

Узнал я об этом, когда вдругорядь предстал предо мной чёрный ворон, враг мой, вестник смерти. Знамо, ворон тот был вещий. И возвестил он мне о падении Божьего града, погибшего под пятой неверных. И поведал о судьбе супруги моей, сказав так: имев мужа верного, дружинника храброго, с силой в руке и доблестью в сердце, она, узнав о гибели одного, не снесла выпавшего ей жребия — бросилась с крепостной стены с ребёнком во чреве и отдала Богу душу, после чего была раздета бродягами и брошена среди иерусалимских камней нагая на съедение диким псам.

С того дня стало называться то место убоим.

И не мог я даже в страшном сне вообразить себе, как, нося уже смерть в груди своей, истерзанной рыданиями, поднималась моя Анастасия на предназначенную ей Голгофу, как падала в разверзстую перед ней пропасть, как терзали звериные клыки её нежную плоть. Хотелось мне быть волком и в исступлении биться о землю при одной мысли об ужасной кончине её. И понимал я в душе своей, что это мой последний предел и ничто уже не способно меня уте-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

шить, спасти от отчаяния, и время, будь оно хоть мафусаиловым веком, не властно залечить эту последнюю из нанесённых мне ран.

Но что мне время — ему ли принадлежу? О том ли ныне тужу и скорблю, и плачуся? Бездомок от юности, изнузив жизненные силы в потугах наёмника, при дверях гроба не знал я ныне, где найду свою могилу. Зачем мне жить, и что теперь моя жизнь без Анастасии, даже если случится чудо и я воспряну? И где это видано, чтобы человек бедовал с зияющим проломом вместо сердца?

И вот уже ворон чёрный взмахнул крылом, и обратился в знакомую мне прежде тень исполинскую, посланную мне с вестию о вечности. А смерти всё не было, подзадержалась она в дороге, собирая обильную жатву свою.

И спросила тень:

— Будешь служить мне, приняв веру нашу? Пожалую тебя щедро, свыше чаяния.

Долго молчал я, тяготясь наплывающими думами и спрашивая себя, к чему это последнее испытание, этот нелепый вопрос — могу ли состоять я нескудным гридником в дружине неверного? Если хочет бес причинить какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши меня от Бога и святого места, то вот ему оказия. Но не войдут со святыми в будущий век живущие в вере магометанской, латинской или иной какой. Мне ли, потеряв самое дорогое, что есть у меня, убояться серпа бусурманского, срубившего цвет европейского рыцарства, горделивого и самонадеянного? Мне ли не трепетать при виде серпа небесного, виденного пророком Захарию, да снидет он на главу сынов ослушных!

И тогда явился предо мной како столпъ огненъ отъ земля и до небеси Блаженны князь Володимиръ, внукъ Олжинъ, который крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца. И рече мне: буди же со мною заодно.

И ответил я вопрошавшей тени, безмолвно стоявшей рядом:

— Клятву не преступлю и веру свою не предаю. Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера злодеяний твоих.

Тем и кончил свой земной путь, пронзённый саблей. И увидел я тотчас гору Афонскую, с которой возносились в небесный Иерусалим братья мои, и ангела моего Анастасию, восседающую среди херувимов на облаке, да будет всем им милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом.

Сие открылось по воле Господа нашего в год 6682 (1174) декабря 13 дня. И да исполнится по прочтении.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

С работы в тот день я ушёл предпоследним — последней была уборщица, которая ушла бы раньше, если бы не я. Чувствуя свою вину, я особенно сердечно попрощался с ней и спустился к парковке.

Моя слегка припорошенная снежком «деушка» — пузатый корейский автомобильчик Daewoo Matiz узбекской сборки — уже ждала меня. Иногда она, как и положено девушке с характером, ведёт себя как настоящий деурожец — отказывается ехать в горку и протестует изо всех сил, когда я пытаюсь впихнуть в неё свои горные лыжи. Зато, как говорят в народе, пять минут позора — и ты на работе. Или на горнолыжке. А в часы пик какая разница, на чём ты едешь, если рождённый ползать летать не может? Лендкрузеры, инфинити и мерседесы плетутся за мной с такой же черепашной скоростью.

Дома меня ждал одинокий холостяцкий вечер в пустой квартире: новости по каналу «Культура», пицца в холодильнике, поросшая трёхдневной щетиной инея, и банка чешского пива, намекающего, что испив его, я, как тот братец-Иванушка, непременно стану козлёночком. Как я дошёл до жизни такой? Конечно, не сразу. Путь мой был долг и тернист.

Как-то так получилось, что со своей будущей, а теперь уже бывшей женой я познакомился в театре. Её место в партере по случайному совпадению оказалось рядом с моим. Во время спектакля мы обменялись парой фраз, в антракте по косточкам разобрали пьесу, после чего, обнаружив много общего во взглядах, вкусах и пристрастиях, договорились вместе встретить Новый год. Два абсолютно свободных в своих решениях и выборе сексуального партнёра человека.

Как-то так получилось, что после Нового года она забеременела и поставила меня перед выбором — ребёнок или аборт. Я выбрал ребёнка. А когда родилась девочка, она вновь предложила мне выбрать — алименты или брак. Я выбрал брак.

Как-то так получилось, что наша совместная жизнь не задалась. Она изменила мне, я изменил ей (не могу сказать точно, кто сделал это первым), после чего в очередной раз был поставлен перед выбором — семья или развод. Я выбрал развод. Всё у нас получалось как-то само собой, практически без моего личного участия, но под мою ответственность.

Любил ли я её? Определённо, её я любил больше, чем человечество в целом. А она? Не знаю. Но несколько не сомневаюсь, что больше всего на свете ей нравилось «это дело». И свою из-

мне она объясняла просто: «Ты был очень занят, а у меня долго не было секса». Вот и всё. Разве можно за это ругать? Теперь она может трахаться, с кем хочет, когда хочет и сколько хочет. Как при коммунизме — от каждого по способностям, каждому по потребностям. А ребёнок живёт у бабушки. И мне позволено с ним изредка видеться.

А всё почему? Потому что её место в партере по случайному совпадению оказалось рядом с моим. Другой причинно-следственной связи я не вижу. В общем, как говорят французы, лямур пердю. Даже если она и была. Но вот в чём парадокс: любовь — продукт быстропортящийся, а дети — долгоиграющий. Они — на всю оставшуюся жизнь. И от этого обстоятельства никуда не деться.

Интересно видеть, как растёт твой ребёнок, когда встречаешься с ним примерно раз в год, в день его рождения. Сначала это крохотный комочек, потом комочек побольше, — и вот перед тобой маленький человечек, который говорит, смеётся, плачет и задаёт трудные вопросы. Например:

— Мама, а кто этот дядя?

Дело в том, что моя бывшая жена снова вышла замуж и не хотела, чтобы ребёнок знал, кто её родной отец. Ведь отец тот, кто воспитывает, а не тот, кто родил Еноха, который родил Ирада, который родил Мехиаеля, который родил Мафусала, и так далее. Поэтому для дочки я был дядя Ваня. Как и для Лазаря, но без чеховских реминисценций рефлексиирующего сознания.

Я разогрел пиццу, которая по твёрдости и вкусу напоминала подошву туристического ботинка, с треском открыл пиво и уселся на диван. Поприветствовал зайца, который сидел в кресле напротив. Я купил его к очередной «днюхе» дочери. До него было ещё десять месяцев. Просто когда я принёс ей бурого медвежонка она до слёз огорчилась и сказала: «Мне нужен зайц!»

Ну, зайц так зайц.

Нельзя сказать, что я вёл жизнь затворника. Отнюдь. Но встречаться предпочитал на территории принимающей стороны. Помимо «деушки», у меня была самая настоящая девушка. Опять-таки, «как-то так получилось».

Мы довольно часто виделись с ней в «коридорах власти». Случайно. Она работала в министерстве финансов, всегда здоровалась со мной первой и при этом мило и как-то очень доверчиво улыбалась. Наверное, видела во мне что-то хорошее, чего не видел в себе я. Видела того, кем я не являюсь. И мне почему-то

не хотелось её разочаровывать. Поэтому довольно долгое время у меня не возникало желания познакомиться с ней поближе. Я был уверен, что, постоянно наталкиваясь на моё полное равнодушие и безынициативность, она через некоторое время перестанет обращать на меня внимание, сделается холодна и неприступна, как любая отвергнутая женщина. Пусть даже деликатно отвергнутая. Но вот диво: она продолжала ласкать меня своим нежным взглядом и выделять из толпы десятков пробегающих мимо неё клерков. Я заинтересовался, сделал шаг навстречу и вскоре оказался в её постели. Это была самая уютная из всех известных мне женщин, созданная исключительно для дома, для семьи. Она прекрасно готовила, трогательно заботилась о мужчине, который рядом, и добросовестно, однако без лишнего энтузиазма предавалась интиму. Меня это устраивало, хотя временами во мне просыпалась совесть и я всерьёз задумывался, не жениться ли на ней. Но мне казалось, что её толстые лодыжки, какая-то патологическая, дышащая парным молоком коровья доброта и дородное крестьянское тело, самой природой предназначенное для рождения детей, не смогут удержать меня от измен и я сделаю её несчастной. Порвать с ней я тоже не решался. Короче, тупиковая ситуация.

Мой печальный опыт семейной жизни подсказывал мне, что человек, задолбанный на работе и в семье, находится по ту сторону добра и зла. Поэтому я пытался, насколько это возможно, как можно дольше находиться по эту и с очередной женитьбой не спешил.

Иногда я невольно сравнивал её с Леночкой, реже — со своей бывшей женой. Было очевидно, что Снежная Королева не предпринимает никаких усилий для сохранения формы и поддержания форм. Как и моя бывшая, для которой лучшим фитнесом всегда был секс — с прелюдией в виде приватного танца или стриптиза. Счастливая девичья пора! И никаких тебе изуверских диет для похудения.

Совсем другая конституция была у моей ласковой телушки. Любая, даже самая крохотная пироженка шла ей на пользу. Словом, разница между ней и Леночкой была такая же, как между эклером и сдобной булочкой. И меня откровенно беспокоило, что с годами эта сдобная булочка неминуемо раздастся в настоящий каравай — вот такой вышины, вот такой ширины! И примеров таких метаморфоз на моей памяти было предостаточно.

Но всё это было где-то на периферии моей метущейся в поисках хоть какого-нибудь знака, маячка, таблички с надписью

«выход» души. Что мне делать с моим настоящим, с этой бессмысленной, замкнутой на самое себя реальностью, которая, как утверждают знающие люди, дана нам в ощущениях?

Проблема состояла в том, что ощущения были так себе...

В такие глухие, обморочные, пронизанные одиночеством вечера я часто задумывался, а не прошёл ли я мимо настоящей любви, которую, как теперь казалось, мне посчастливилось испытать несколько лет назад, когда длился мой бракоразводный процесс и я отчаянно соревновался со своей женой в адюльтере.

О, мы были достойными соперниками! Но из той сумбурной поры мне вспоминалась теперь лишь одна из моих случайных подруг — из тех, что дисциплинированно, по первому требованию, как тени, исчезали в полдень и, блюдя собственное достоинство, не настаивали на штампе в паспорте. И вспоминалась она не как очередная галочка в донжуановском списке или ещё одни женские трусики, забытые на отопительной батарее, а как утрата. Непостижимая, глупая, безвозвратная, до сих пор вызывающая раскаяние и спазмы сердечной боли...

Я называл её стопроцентной женщиной. И проклятие моё состояло в том, что я был обречён сравнивать с ней всех, кто был у меня до неё и кто был после. Все, абсолютно все проигрывали ей. Чёрт, как же поздно я это понял...

Тогда же мне казалось, что я стремительно несусь навстречу ослепительному счастью и впереди у меня самая главная встреча в моей жизни с самой прекрасной из женщин. В ожидании этой судьбоносной встречи я даже изволил шутить, спрашивая себя, считается ли изменой измена любовнице с другой любовницей, особенно если учесть, что ты женат?

Дурак, что тут скажешь. Дураком был, дураком и остался. А дурак не ведает своего счастья. Потому что он дурак. Вот и весь сказ.

Я долго не мог запомнить, как её зовут. То ли Даша, то ли Глаша, то ли наоборот — Анфиса. Оказалось — ни то, ни другое, ни третье. Потому что звали её исключительно по имени-отчеству — Ксения Эрнестовна. И была она лет на десять старше меня. Но это выяснилось позже.

Её появления в министерстве я как-то не заметил: она вошла в наш нелепо скроенный, как «Девушка с гитарой» кисти Пикассо, околотворческий коллектив так естественно, что у меня не осталось первого впечатления от знакомства с ней. Скорей всего, потому, что она не произвела на меня какого-то особенного впечатления.

Говорят, можно влюбиться с первого взгляда. С ней у меня такого не было. Но точно помню тот момент, когда я влюбился в неё с первого жеста. Она должна была подготовить для меня справку по драмтеатру. Однако не успевала. Я ждал. Потом, потеряв терпение, пошёл к ней в кабинет, но встретил её в коридоре — она торопилась в приёмную министра, чтобы отдать какой-то срочный документ. Именно из-за этой срочности у неё не было времени, чтобы заняться моей справкой.

И вот жест. Извиняющийся. На ходу. Чем-то напоминающий плавный, немного скупой, но очень точный взмах рук дирижёра, призывающего группу виолончелей убавить звук с меццесорте до пианиссимо. Жест, означавший: я помню, обязательно сделаю, но по независящим от меня обстоятельствам сейчас не могу. Понимаю, что подвела вас и прошу меня простить.

Я почти физически почувствовал проникновенность этого жеста, его ласковое, деликатное, почти интимное прикосновение к тайным струнам моей души и словно впервые увидел её — такой, какая она есть. Этот мимолётный жест открыл мне глаза. И я, как громом поражённый, остановился. Как я прежде не замечал этой чарующей улыбки, которая казалась мне приторно-вежливой, чересчур предупредительной, где-то даже фальшивой, выдающей её желание произвести хорошее впечатление, чтобы, как та гоголевская дама, быть приятной во всех отношениях? И если раньше её привычку часто моргать, глядя в глаза собеседнику, я принимал за нехитрую уловку, позволяющую спрятать взгляд, чтобы никто не мог заподозрить её в неискренности, то теперь в моей голове звучали несмолкаемые соловьиные трели, вызванные «трепетом длинных ресниц», и возникали навязчивые ассоциации с Клеопатрой и Таис Афинской.

Я посмотрел ей вслед. И тут же поймал себя на мысли, что сделал это зря. Её фигура, будто изваянная из плавных амфорных линий, уже проплыла мимо. Однако она успела оглянуться — быстро, как это умеют делать только женщины, привыкшие к мужскому вниманию, — и перехватила мой взгляд. И я прочитал в её глазах что-то вроде насмешки, озорного подтрунивания над моей привычкой не пропускать ни одну юбку, и вместе с тем — понимание того, что её женские достоинства оценены и оценены весьма высоко. В ту минуту я и сам ещё не осознал, что произошло. Но она, конечно, уже прекрасно понимала, что произойдёт. Со мной. С ней. С нами. Она легко считывала мои

ещё не проявившиеся намерения, намерения, о которых я и сам ещё не подозревал.

О справке, которая ещё пять минут назад выводила меня из равновесия, я забыл. Она принесла её в тот момент, когда я размышлял над тайной её улыбки. Что было в этой улыбке? Обычная любезность? Желание понравиться? Обманчивое обещание рахат-лукума её щедрого лона, которое так и останется обещанием, потому что кто ты такой, чтобы на это рассчитывать. Но эта улыбка грела того, кто тешил себя надеждой.

И всё-таки мне она казалась немного заискивающей. Улыбаюсь, потому что ожидаю от вас того же. Хочу, чтобы между нами всё было ровно, без шероховатостей, на известной дистанции. Но, в сущности, мне до вас нет никакого дела. Как-то так...

Она вошла, протянула справку, ещё раз извинилась за задержку и снова, мелко моргая, улыбнулась. И закрыла за собой дверь. А я так и не успел произнести ни слова. Даже спасибо не сказал: сидел взъерошенный, как нахлобученный за кражу сосисок кот, и не реагировал ни на внешние раздражители, ни на световые эффекты.

Да. Иногда улыбка портит красивых женщин. Иногда украшает некрасивых. Большая редкость, когда она делает красивых ещё более красивыми. Или вот сёстры Сазерленд. Страшные. Но страшно богатые и потому страшно красивые.

У Ксении, обладательницы волшебного жеста, был баланс. Гармония. Красивая женщина с красивой улыбкой. И потрясающей, очень женственной фигурой, которую я описал бы как песочные часы с существенной разницей амплитуд. А походка? Вслед за жестом я оценил и её. Она не виляет бёдрами, не выпячивает грудь, не отклоняется зад, чем зачастую грешат некоторые фактурные дамы. Ни грана гротеска и пошлости. Она идёт, будто венецианская гондола, плавно скользящая по водной глади и едва заметно покачивающаяся бортами. Она само воплощение сокровенной мечты — манящей, соблазняющей, ввергающей в отчаяние своей близостью и недостижимостью.

Стоит ли добавлять, что в тот день мне было уже не до справки по драмтеатру — я так и не смог заставить себя работать. Все мои мысли и чаяния были об одном — как стать её гондольером.

С тех пор утекло много воды. А я так и остался лежачим камнем, под который она, то есть вода, не течёт. Но ведь для чего-то нужны и они, камни. Например, для точки отсчёта. Или для воспоминаний о любви, унесённой ветром в кусты чертополоха...

Юрий Сысков. Последнее пророчество

На следующее утро я, не заходя в свой кабинет, отправился в приёмную, где испытал что-то, похожее на эффект дежавю. Колдырь был уже там. Размахивая руками и тряся подбородком, он о чём-то увлечённо вещал.

— У себя? — соблюдая ритуал, спросил я у Леночки, которая, судя по выражению её лица, только что проглотила противную, скользкую устрицу, не одобренную лимоном.

Она изобразила пантомиму, по-видимому, означавшую: ну, сколько можно спрашивать одно и то же? Как вы мне все надоели...

Я толкнул дверь.

— Можно?

Лазарь поднял голову, оторвавшись от вороха бумаг — входящих и исходящих, с печатью и без.

— Заходи. Что у тебя?

— Плохо видящий ясновидящий к вашим услугам, — сказал я и шлёпнул рукописью по столу.

— Так быстро? И что ты думаешь обо всём этом?

— Честно? Всё это с трудом укладывается в голове, — небрежно проговорил я. — Что скажут люди, которые реально разбираются в этих вопросах, те же историки, филологи... Да они в порошок сотрут этого Нестордамуса. А наиболее уважаемые, из тех, которых ныне с нами нет, просто перевернутся в гробу...

— За филологов, или, как их ещё называли во времена Ивана Грозного, феологов, не беспокойся. С ними мы как-нибудь разберёмся. С историками посложнее. Но и для них мы найдём аргументы, — сказал он.

— Какие?

— Железные. Убедительные. Неопровержимые. Если вникнуть поглубже...

Эту фразу можно было расценивать как намёк. Я действительно не слишком внимательно изучил содержание рукописи, ограничившись лишь знакомством «по диагонали». Но к разговору подготовился.

— Могу привести свои резоны и обоснования, — веско произнёс я, демонстрируя свою решимость во всю прыть ринуться в научный диспут.

— Валяй!

— Начнём с самого простого. Что, ваш Нестордамус не знает, что декабрь на Руси — это студень, а июль — страдник? Но это, конечно, так, для разогрева. Мелочи по сравнению с тем, что он «предугадал».

— Уже интересно, — улыбнулся Лазарь и занял позу внимательного, заинтересованного слушателя.

— Возражу эху, которое повторяет: аладин, аладин, аладин... Слишком явная аллитерация. Всем известно, что крестоносцев в битве при Хаттине 4 июля 1187 года разгромил этот, как его... — я посмотрел в бумажку, — Аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дунийа ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб ибн Шади аль-Курди. Или попросту Саладин. Ты и правда веришь в то, что его имя можно было предсказать почти со стопроцентной точностью? Не говоря уже о том, что Нестордамус «угадал», что главный крестоносец — Ги де Лузиньян будет взят в плен и Иерусалим падёт? Не слишком ли много совпадений?

— Согласен. Дальше.

— А история с Анастасией? Она почти целиком списана со сказания о Юрии Рязанском, который послал своего сына, Феодора, с дарами к Батыю. И знаешь, что было потом? Батый узнал о красоте жены Феодоровой, Евпраксии, и захотел увидеть её. Феодор отказал ему. Тогда Батый велел умертвить его, а Евпраксия, когда узнала о смерти мужа, вместе с сыном своим Иоанном бросилась из высокого терема на землю и разбилась. С того времени сие место, как говорится в летописи, в память её называлось зарезом, или убоем. Ещё примеры?

— Да, продолжай.

На лучезарное лицо Лазаря набежала лёгкая тень.

— Пожалуйста! Кто у нас не боялся ни хищных ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых литовцев? Князь Роман! После побед над ними он впрягал несчастных пленников в соху, как тягловый скот, и обрабатывал с их помощью землю. И до самого XVI века говорили в народе: «Романе! Худым живеши, Литвою ореши». О как.

— Принимается. Что-то ещё? — Лазарь окончательно перестал улыбаться. Поправил очки на переносице, как это делал один из неуловимых мстителей, кажется, бывший гимназист Валерка, и как-то скучно посмотрел на меня.

— Меня не убеждают ни вкрапления старославянизмов, ни анафорический повтор соединительного союза «и», ни структура предложений. Лексис, сиречь речения, — мешанина из всех временных слоёв. Вывод — очевидная подделка. Причём невысокого качества. Стилизация. Компиляция. И много других разных умных слов. К тому же заставляет обратить на себя внимание самоплагиат Нестора, или Нестордамуса, называй автора этого

Юрий Сысков. Последнее пророчество

опуса как хочешь, когда речь идёт об обрах. В предсказании — почти точная цитата из «Повести временных лет».

— На это можно возразить: ну и что, что автор цитирует сам себя?

— Но не слишком ли нарочито такое цитирование? Я бы усомнился, что это сделал Нестор-летописец. И я, конечно, усомнился. Нет, я просто уверен, что мы имеем дело с фальшивкой. Здесь нет предмета для серьёзной дискуссии. В общем — полный мутерперель! Поэтому мой ответ — нет.

Реакция Лазаря была для меня неожиданной. Оценив мой напор и мощь научно-исторического, а также лингвистического анализа, он от души рассмеялся. Потом, вытерев платком самокатную слезу, со вздохом произнёс:

— Ладно. Оставим этот вопрос открытым. Пусть сие творение пока побудет у тебя...

Посчитав свою миссию выполненной, я сунул рукопись подмышку (чтоб её мыши съели!), откланялся и вышел вон, освободив авансцену для других алчущих аудиенции с министром персон.

Пошла шуга, зиме конец.

— И под ногами — жидкий холодец... — распинался Колдырь. Лицо его казалось почти чёрным на фоне окна.

А за окном медленно падал пушистый снег, окрашивая город в унылые грязно-белые тона. Зима здесь встретилась с весной. Но коммунальные службы не дремали: по тротуару отважно сновал крохотный, почти игрушечный тракторишко. С трактористиком в миниатюрной кабинке, на которой было написано: «Есть такая профессия — Родину расчищать!» Небесная канцелярия тоже не отлынивала. По небу плыло облако, похожее на рояль. Его обрамляли облачка поменьше. Они были похожи на подвыпивших лохматых грузчиков. По обочине на электросамокате мчался пилигрим с жёлтым ящиком на спине, на котором было написано «Индекс». К кошке, которая умывалась лапой возле трамвайной остановки, подкрадывался самого бандитского вида мартовский кот. Жизнь шла своим чередом.

Из рукописи Нестордамуса

И послал я другого черноризца Киево-Печерской обители, третьего жребия Богородицы во Вселенной, на восход солнца, в Переяславскую землю, в Ромен, дабы передал он местной братии Повесть временных лет с пророчеством о богохранимом граде Константинополе. И было в том свитке грозное предостереже-

ние: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и въ Волоса, бога скотья, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем».

Следом по написании сего было мне видение. Постиг я удручьнѣмъ сѣрдцѣмъ своим, по обыкновению между сном и явью пребывая, горькую истину, что Царьград падѣт дважды — пред крестом и пред полумесяцем. Чем я, грешный, мог прикрыть сияние открывшегося мне солнца правды? Во всѣм мире нет такого полога. И потому удел мой — принять всё как есть, доверив увиденное перу и пергаменту.

И так продолжу повесть сию.

Снилось мне, будто я и не я вовсе, а дева красоты неизреченной — стою нагая в княжьей избе среди притязательных старух и боюсь взглянуть на себя, чтобы не увидеть грудь свою налитую под ниспадающим водопадом волос, бѣдер крутых, кои я счастливая обладательница, и стана девичьего, стройностью своею соперничающего с молодой берѣзкой. Какая-то часть меня ещё помнит, что я мужчина, Нестор летописец, и потому слепну я от собственных пагубных прелестей, ибо Соломоном ещё сказано: женское прельщение — зло.

Посему повествование сие буду вести уже не от своего имени и не от естества своего, а от имени и естества девицы, в чей образ дьявольскими наущениями обратился. Вокруг меня есть и другие обнажённые красавицы с расписанными лицами, кои тѣшатся под слоём белил и румян скрыть свою бледность, происходящую от обмирания чувств. Подле них, как уже было сказано, снуют осведомлённые весьма бабки, выбирающие лучшую из лучших для княжеских утех и, чем чёрт не шутит, для удовлетворения потребности государя в рассуждении женитьбы.

И нет никакой возможности перехитрить, переключать их, чтобы утаить хоть малейший изъян. Зорко заглядывают они во все отверстия, предусмотренные Создателем в женщине, не упуская ничего, исследуя каждый вершок тела и замечая всё, даже самую малую родинку. И каждая девица, попавшая на этот срамный смотр, трепещет от одной мысли о том, что, пройдя чрез такие страсти-напасти, избранницей князя вдруг будет не она.

И неведомо мне, пребывающей в смущении, в туманной неге средь алеющих надежд юности моей, что недалёк тот день и час, когда стану я девицей смрадной и лицом поганой, коей чрево источает зловоние. Таковой буду и при гробе, испытав все мысли-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

мые соблазны и выпавшие на мою долю скорби, таковой же останусь и после смерти, грешницей великой, отлучённой от церкви...

Но изложу события привидевшейся мне жизни по ряду, как они происходили, одно за другим.

Из всего сонма осмотренных девиц государю нашему приглянулась я одна — уловленный прелестию женскою, выбрал он меня в жёны. Кто-то из приближённых его сказал князю, что я не знатного роду, не из княжен владетельных: мать моя была расстриженной черницей, взятой в супружницы поседевшим в доблести воеводой после смерти жены его. На что государь со смехом возразил:

— Польские королевны выходили за конюхов, а мы что же, супротив пойдём, и нашим безродным за князей не можно?

— Так то межю чехы и ляхы, — не унимался всё тот же советчик.

— Такова моя воля! — постановил, сурово воздвигнув брови свои, князь. — И у нас бывало подобное. Или забыли, кому было сказано, не хочу розути робичича, и кому Малуша, ключница княгини Ольги, была матерью?

— Как же запомнить! Володимеръ Святъславль, князь великий, — был ответ.

И приказал государь мой украсить меня великолепно, подготовить брусную избу для гостей и свадебный поезд.

После чего совокупились мы браком, устроив пир, каких ещё не бывало: столы были преизобильно уставлены мясами, дичиною, всеми роскошными яствами и чужеземными винами в вёдрах и стопах.

Своего державного жениха в одежде бархатной, обсаженной крупным жемчугом, я толком и не разглядела — боялась поднять на него очи и только рдела, как рябина на раннем морозце.

И лишь после свадьбы поняла я, что не люб мне князь. Целый год мы промыкались, да всё без толку. Ждали наследника, уповая на молитву, что отвергает ложесна неплодные, и не дождались. Ночами со слезами молилась я о чадородии, и без услышания.

И тогда наступил предел терпения мужнего: отослал меня князь к отцу, показав без зазора и стеснения, что была я на свадьбе испорчена и всякую ночь вместо любящей жены находил он на супружеском ложе мёртвую царевну. Престарелый мой батюшка, не выдержав такого позора, скончался, и едва я оросила слезами гроб его, как мать моя прокляла меня и вернулась в монастырь. Так осталась я одна.

Но недолго упивалась я своим несчастьем: вскоре пришла настоящая беда. Случился в то время набег степняков, обративший княжьи владения в дымы и пожарища. Наши думали, сёдлами их закидают, да вышло иначе. Князь мой, оставив трапезу и чертоги, взыгравши, яко орел в небеса, опалил крылья свои и камнем грянулся оземь. В сии дни всеобщего разорения стали земли наши позорищем неустройства, где повсюду среди глада, язв и брани таилось жало смерти.

И стала я военной добычей нехристя, дикий вид коего ручался за верность его во зле. И во все дни, пока продолжался набег, без устали насильничал он надо мной, потворствуя своей неистовой похоти. Вдоволь натешившись, бросил он меня поперёк осляти, привязал оного к своему коню и, вскочив верхом, отвёз на невольничий рынок.

Долго на том многолюдном бусурманском торжище, где продавались шкуры звериные, всякая домашняя утварь, оружие, скот и рабы (с ними и я, грешная), никто не хотел дать за меня цену, ибо лице моё, некогда приятное, красотой не обделённое, обезобразилось, тело от частых ударов плетью покрылось струпами и язвами, а из одежды на мне были одни лишь лохмотья, едва прикрывавшие наготу.

Но нашёлся один купчина из иудеев, почти старик, приехавший из Царьграда, чтобы решить свои дела доходные и подыскать себе рабыню. После затейливого торга дал он за меня пять ромейских солидов.

Так попала я в Новый Рим, в дом богатый, блиставший пышностью, и в скором времени, вернув утраченную красу, стала предметом умиления моего хозяина. Решился он на брак, уже третий по счёту, но не для нужды телесной, ибо муж он был ветхий и недужный, а из воспламенившейся было любви ко мне, называемой учёными людьми по имени греческого мудреца Платона.

И тогда блеснула в душе моей надежда, что жизнь ещё не кончена и даже на чужбине смогу найти я своё заблудшее счастье. Мужу моему, ещё не достигшему глубокой старости, бодрому в духе и пылкому в возжеланиях сердца я была нужна как отрада в его преклонных годах. К слову сказать, само его присутствие в альковах не делало воздух благорастворённое, а потому притяжения его были смешны и непристойны.

И грех мне было печаловать: взяв меня рабыней, муж мой возвысил меня до равного с собой положения. Был он ласков, ни в чём мне не отказывал, ладил со мной без иудейской склочности.

К тому же не нудил меня к перемене веры с православия на Моисеев закон. И хотя втепоры слыла я еретицей — мало воскриляла душу к горнему, редко посещала святые храмы, не чтילה иконы и мощи целебные, — было это для меня большим облегчением.

Вместо наставлений, объятий жарких мужних любил он потчевать меня былинками разными или, възложиша длани на перси моя, вкушать с моего лона, облитого мёдом и обсыпанного орехами, нугой и диковинными фруктами, как с трапезного стола.

Говорила я ему: не насыщай сверх меры тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, беги, как в Библии сказано, греха, яко ратника, беги от прелести, яко от лица змиина. Но не мог он сдержаться, чтобы не почревоугодничать и не облобызать каждый мой пальчик. И однажды, хватив лишку, сильно занемог и путём праведным отошёл к Господу в добром исповедании. И стала я завидной вдовой со всем богатством, нажитым в разнообразной купеческой торговле, в коей муж мой покойный был зело сведущ. Ни драницы с кровли, ни полушки не досталось его родне — всё отдал мне.

И потекли дни спокойные, изобильные, беззаботные, будто в чудесном сне. Я выходила из дома в сопровождении не меньше десятка слуг и охранников. При этом со мной всегда был раб с пучком пальмовых листьев — чтобы защитить меня от палящих лучей солнца, и другой раб с опахалом из павлиньих перьев, дабы избавить меня от жары и создать подобие прохлады.

Я дивно расцвела, и теперь многие зрелые мужи, безусые юнцы и даже старцы древние стали заглядываться на меня, когда я показывалась на улице или посещала лавки, где раскладывались драгоценности азиатские для прельщения глаз и ковры перские, и шелка китайские.

И вот однажды увидела я юношу прекрасного — лице же его было яко снег, румяно, яко маков цвет, власы же его яко злато, очи же его вельми великий яко чаши. И завлекла его, играючи, как с телком несмышлёным, в свои покои, где мы познали все восторги любви. Потом был ещё один и ещё. Так открыла я дом свой для блуда и тайных сонмищ.

Чтобы погасить пожирающий меня огонь, я решила пойти исповедаться в Софийский храм, где, к несчастью своему, встретила иеромонаха, русского по роду-племени, статью богатырскою, величественною красотою, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходившего всех виденных мною доселе лиц мужеска пола. Был одет он в клобук с серафи-

мами и крестами обнизными, и от взора его, ясного и грозного, таяла я, как весенняя льдышка на ладони.

И рассказала я ему о себе всю подноготную — от свадьбы с нелюбимым князем до согрешения со своими полюбовниками, назвав себя царьградской блудницей, недостойной благословения.

Выслушал он меня внимательно и сочувственно и определил такое послушание: на коленях пройти путь от Храма Богородицы Влахернской до Святой Софии. И ещё наказал:

— После приходи. Сия пучина благодати потопит грехи твои!

Но не соделала я сие: другая мысль, дерзкая и лукавая, овладела мной. Едва не каждую ночь являлся иеромонах в моих мечтах и сновидениях — тельмъ бяше красън, плечи велице, тънък в чресла, очима добраама, в съветех мудр, и разумън при въсемъ, и благодать божия цвѣтяше на немъ. И пробуждалась я поутру, пребывая в любовном пламени, как в росе, и не чаяла снова увидеться с ним. Уверила я себя, что понесу от него дитя и тогда проклятие моей неплотности будет снято, и обрету я покой и счастье неизбывное.

И вот однажды призналась я ему, что снедаема любовной горячкой и не чаю дожидаться, когда мы соединимся с ним, как Адам и Ева в раю.

— Отрёкся я от человеческой многоятежной воли и умертвил желания свои, — отвечал он сурово и велел мне удалиться с моими прелестями опасными.

Тогда совсем обезумела я и прямо спросила:

— А что под рясой у тебя, черноризец? Взыграет птенец твой, на меня гляючи? Или не любя я тебе?

Долго сидяше он, акы нем, и вдруг прогремел на весь храм так, что фреска со стен пылью поосыпалась:

— Изыди, сатана!

И померещилось мне, что даже евангелист Марк, изображённый на парусах под куполом храма, обратил на меня в тот миг свой осуждающий взор.

Быстрее ветра бежала я из Святой Софии, преследуемая, как огненным бичом Божиим, громopodobными словесами иеромонаха. И только в стенах своего дома немного размякла и поуспокоилась. Тогда любовь моя ещё не обратилась в ненависть, бессилие и злоба не овладели мной совершенно и не клялась я пред небом, потрясая кулаками и грозя кому-то неведомому, в скорой и неминуемой мести.

Во всём, что произошло потом, я винила себя одну. И мне бы остановиться, одуматься, принять как должное мудрость народную, глаголящую, что насильно мил не будешь.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Но нет! Не в моих правилах идти на попятную и отступить от задуманного! Решила я испытать его до конца, взяв своё через соблазн, а если потребуется, то по принуждению. Не верила я, что, възлюбивъ чернечьскій образъ, такую власть обрёл он над бесами, что ни во что не ставил их страдания и наваждения. Мною прочно владела слепая уверенность, что, когда дойдёт до объятий и жгучих ласк, не устоит он пред многоопытной гетерой, многожды искушённой в искусстве соращения.

И приказала я своим людям выследить его, схватить под покровом ночи в доме его, в храме лц, где застанут, и силком доставить ко мне. Немало пришлось потрудиться моим холопам, прежде чем удалось им скрутить иеромонаха. Одному раскровянил он всё лице, другому сорвал меч с бедра, третьему переломал кости ц, аки разъярённый медведь, чуть не опрокинул повозку, на которую его хотели возложить.

И вот, крепко связанного, привезли его в дом мой, и соделала я с ним, что хотела, убедившись, что корень его не иссох и мужеская сила, подавляемая монашескими обетами, не иссякла.

И плакал он, как ребёнок, не имея возможности воспротивиться творимому над ним поганству, и шептал молитвы, и каялся пред Господом, что таким путём согрешил с дьяволицей, и повторял, взывая к моему благоразумию:

— Молю тебя, не погуби мзды своей.

Но недолго предавалась я нежностям беззаконной страсти, оставшейся, однако, безответной. Столкнувшись с его упорством диким, предалась я свирепству кровожадной ярости — всё по причине той же безответности. В порыве гнева повелела я обрезать уды тайныя своему возлюбленному, чтобы ни с кем он не смог возлечь и одарить более своей любовью. И отпустила его восвояси спустя несколько дней, проведённых под присмотром лекаря, и было сказано мне:

— Ад, где твоя победа? Знай же, ношу я на себе мученические раны и венец исповедания как победитель и воин Христов! И не вернусь к прежним грехам, как псы возвращаются на свою блевотину!

И вдруг такой страх обуял меня после этого, что — ох мне! — прокляла я всё на свете. К кому прибегну! К кому въззрю? И сердце моё обрывалось, видя, как несяхуть его на носилех обесиленного после мести моей.

Чтобы избежать суда и бесчестия, распустила я по городу слух, будто иеромонах этот сам забрался в дом мой, чтобы

овладеть мной, но был схвачен рабами моими и оскроплен. Но не поверила мне братия: оставив этот случай без огласки, Патриарх царьградский, которому было доложено о сих безобразиях, отлучил меня от Церкви. Правду говорят: творящему добрые дела — воздаётся, от того же, кто не творит их, но мнит себя безгрешным, — отыметсЯ. И уверилась я после этого, что не удастся мне немокренно преЙти Иордан — поток тления, ожидающий нас на пути в Ханаан небесный.

Кара божья не заставила себя долго ждать, разразившись и надо мной, гулливой, беспокойной вдовушкой, и над всем Царьградом. Землю византийскую взяли на щит крестоносцы — сии цуды, грабители и душегубцы, под видом набожности скрывающие злое корыстолюбие и сердце развратное. И много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, и полониша скоты и кони, и вельблуды и челядь.

Ища спасения от крестоносного войска, сеющего смерть, от всеобщего разора, царящего вокруг, бросилась я к Святой Софии, где собрались последние защитники Царьграда. И бысть видети лом копийный и скрежетание мечное, и землю напоиша кровью.

Каким-то чудом проникла я в храм, где мой иеромонах, отчаянно отбиваясь от наседавших на него латинян воздвизальным крестом, ставшим в его могучей длани ратоборческим, спасал от поругания икону Богоматери Одигитрии. Остальные черноризцы коленопреклоненно молились у алтаря, дрожащими голосами взывая о милосердии.

И только его глас, гремя, как набат под сводами храма, возвышался над слезливым пением покорённой братии. Сражаясь, иеромонах не оставлял проповеди:

— Злочестие высится! Христианство никнет! И в Царьграде, и самом Риме величавам! И только Русь стоит, и века стоять будет!

И многих тогда убил до смерти, орудуя крестом, оскропленный иеромонах, и сам был посечён, и пал, да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше и венец мученический. Такие, как он, скопцы светлые в веки живут, знаменуя торжество небесной любви над земной.

Но недолго скорбела я, окаянная и треклятая, неутешно. Скоро пришёл и мой черёд, и черёд немногих оказавшихся в храме монахинь. Вволю позабавились победители, сотворяя с нами мерзости, о коих даже я, полонянка степняков, не ведала. А натешившись, бросили у алтаря умирать. Упорный в своём окаянстве,

Юрий Сысков. Последнее пророчество

оказался пришлый крестоносец хуже зверя: и крест на нём — как клеймо разбойника, и молитва его — брань в ушах Господа.

Но смертным ли бояться смерти? Не ведаю я, зажег ли кто свечи воску ярого в помин моей души, только схоронили меня за оградой как отлучённую от Церкви. И от могилы моей исходил смрад злыи на показание человеком. Но сим юдолю печали и плача не прервалась.

Долго ли, коротко пролежала я под спудом — неизвестно, только случилась новая напасть, о которой узнали и живые, и мёртвые. Новая гибель грозила Царьграду: уже измерял его оком как свою добычу бусурман, явившийся со своим несметным войском из глубины знойных пустынь. Играя со смертью, весел лицом, повоевал он землю чуждую, где случились до него крестоносцы, коих уже и след простыл вместе с награбленными ими богатствами и христианскими святынями.

И пал Царьград, как колосс на глиняных ногах, под ударами орд агарянских. Пал оттого, что каждый думал о частных выгодах, мало заботясь о пользе общей и о том, как уцелиться от неверных. Так бывает, когда сильные мира сего, нимало не заботясь о народном благе, торгуют властью, теснят неприятелей личных, похлебствуют родным и друзьям. Так и было — и на беззаконие восстало беззаконие. Другое мы, несчастные, видели у бусурман. Не было среди них ни разгласия, ни безмолвия сомнительного, и потому воцарились они в граде, прежде блиставшем благолепием, а ныне разорённом. И многих меч гонителей пожал на заре, в зените и на закате их жизни.

Со мной же всё вышло и того хуже. Некто, дабы удивить магометан крепостью православной веры, вспомнил о непотребной женщине, бывшей из тех, кто вина пьюще, блуда творяще, утверждая, что находящаяся под отлучением церковным, она веками не предаётся пленению.

И достали меня из земли, при жизни грешницу от ложеснъ, заблудивша от чрева, глаголюща лжю, и увидели, что изобильна я зловонной плотью, будто на сносях, и черна, чернее ночи.

И прочитал надо мной священник разрешительную молитву. И спустя некоторое время обратилась я в прах, чем повергла бусурман в ужас неопиcуемый.

Отступило время от них: Господь же с нами!

Так и упокоилась я навеки.

Сие открылось по воле Господа нашего в год 6693 (1185) июля 23 дня. И да исполнится по прочтении.

В понедельник утром, когда пробирающийся до озноба голос Снежной Королевы в очередной раз повелел, взяв ноги в руки, бежать к министру, мне почему-то вспомнилось нетленное: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...»

Я решительно встал из-за стола, твёрдым ходульным шагом проследовал по коридору в приёмную, в которой почему-то не было Колдыря, и запросто, без ритуальных танцев и лишних церемоний (в глазах Леночки это наверняка выглядело не просто бесцеремонно, а святотатственно) вошёл в кабинет Лазаря.

— Дядя Ваня, у меня к тебе... ещё одно поручение, — произнёс он после некоторой паузы.

Я натянул на своё лицо выражение крайней заинтересованности. Хотя, откровенно говоря, делать ничего не хотелось: весна, авитаминоз, природная лень...

— Надо сходить на научно-практическую конференцию. Название достаточно мудрёное, — Лазарь бросил взгляд на буклет, — «Цивилизационный код русского народа: единство в многообразии»...

Судя по всему, это было статусное мероприятие с участием иерархов местной епархии, университетских профессоров, преподавателей истории и литературы, разного рода функционеров и партийных деятелей, пожелавших попиариться на неувядающей теме национальной идеи и духовного возрождения России.

Минобр арендовал для участников конференции зал в помпезной пятизвёздочной гостинице, построенной к чемпионату мира по футболу, и взял на себя решение всех организационных вопросов.

— Короче, посмотри на это многомудрое толковище. И обрати внимание на доклад Кузнецова.

— Не тот ли это Кузнецов?

— Он самый.

Деваться было некуда. Выходя из кабинета, я зачем-то спросил:

— А где Колдырь?

— А он уже там. Начало в десять, если что.

Леночки в приёмной не было. Куда-то отлучилась, а может, просто растаяла. На всякий случай — а вдруг! — я поискал глазами лужу, но от Снежной Королевы не осталось даже мокрого места. Потом из любопытства заглянул в её компьютер. Интересно, какая у неё заставка на рабочем столе? Наверное, глыба льда или мамонтёнок Дима в вечной мерзлоте. Увиденное заставило меня задуматься: это была репродукция одной из картин Бори-

са Валеджо с обнажённой красавицей, стоящей на закованной в броню бычьей голове с мощными изогнутыми рогами. Скорей всего, художник попытался запечатлеть иносказательный образ какой-то неземной, вечно погибающей и возрождающейся красоты и стерегущего её дьявола — чудища, что обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй. К тому же оно ещё и огнедышаще, что для курящего человека — а Леночка была именно таким человеком — вовсе не лишне. Всегда есть от чего прикурить. Не знаю, что понравилось ей в этой картине, но от неё веяло древним, как змий, соблазном, неудовлетворённой и до конца неудовлетворимой страстью, той мучительной раздвоенностью, которая разрывает человека между светом и тьмой. «А девочка не так уж безнадежна, — подумал я. — Если, конечно, она не делает культа из женского тела и не испытывает к нему непреодолимого влечения...» А может, тут действовало другое правило, которое я назвал бы синдромом аленького цветочка: чем чудовищнее чудовище, тем оно притягательнее для шальной красавицы...

Я вышел на улицу. Мои размышления о Снежной Королеве сменились полнейшим отсутствием мыслей, тем бездумным состоянием, когда ты перестаёшь чувствовать границу между собой и окружающим миром и доверчиво впускаешь в себя всё, что несётся тебе навстречу. И радуешься, просто радуешься тому весеннему сумбуру, в котором смешалось всё — звуки, краски, запахи просыпающегося после зимней спячки взъерошенного, в колтунах и проплешинах, недовольно ревущего от слепящих солнечных пятен большого города. И тебя, как в детстве, щекочет и раздёргивает на сто чертят летучее предчувствие какого-то близкого чуда, которое непременно произойдёт с тобой, если уметь терпеливо ждать и верить в него.

Пиная подтаявшие стекляшки льда и шлёпая по лужам, я окружным путём отправился в гостиницу пять звёзд. Времени было ещё достаточно, поэтому я решил прогуляться по памятным местам своей бестолковой подростковой поры. В такие минуты хочется забыть, сколько тебе лет, и целиком отдаться звонкому весеннему настроению. Весной мы все в душе немного подростки.

Когда долго живёшь в каком-нибудь одном месте, оно превращается в овеществлённую часть твоего утраченного времени, персональный путеводитель по ускользающей меж пальцев жизни, где на каждом углу тебя подстерегает воспоминание. Вот музыкалка, где меня пытали этюдами Черни. Вот художка, где мне твердили, что Матисс и Ван Гог — великие художники. Вот

бассейн, где из меня несколько лет делали человека-амфибию и это им почти удалось... Теперь я хожу в него не чаще, чем раз в неделю, чтобы проверить, как ведёт себя тело, погружённое в жидкость. Потом пересекаю дорогу, заглядываю в пивной бар и наблюдаю за тем, как ведёт себя жидкость, погружённая в тело.

А вот и храм. Раньше его не было, он выбивался из общей картины моего далёкого отрочества. Никак не могу понять, что в нём не так, хотя всё вроде бы так, как надо. Может быть, меня смущает его чересчур моложавый облик? Я не доверяю недавно отстроенным церквям и часовенкам, которые в последние годы вырастают тут и там, как грибы после дождя. Храм должен выглядеть чуть отрешённым, уставшим от мирской суеты, потускневшим от времени, а не как только что отчеканенный серебряный рубль. Каждый день я внимательно, будто пытаюсь найти какое-нибудь архитектурное увечье, смотрю на него, когда прохожу мимо. Ключевое слово здесь — мимо. Может быть, настанет день, когда я в него зайду...

Немного утомившись от экскурсов в прошлое (если я и испытывал по нему ностальгию, то к этому чувству примешивалось запоздалое сожаление о том, что мне как мальчику из приличной семьи так и не довелось поджигать в классе дымовуху, прыгать из окон второго этажа и участвовать в драках стенка на стенку), я побрёл к пятизвёздочной громадине отеля, высившегося на фоне акварельно-голубого, почти белесого неба.

Роскошный фасад отеля имел праздничный вид, но отсылал наблюдателя к временам, когда жёлтый цвет ассоциировался с домом призрения для умалишённых. Мне гостиничный фас напоминал многослойный торт «Наполеон» с вкраплениями стрельчатых окон, арок, колонн, фронтонов и пилястр. Или имплант, зачем-то вставленный в историческую часть города и больше похожий на сточенный слоновий бивень.

Я помню, сколько было шума вокруг его строительства. Предполагалось, что он будет до отказа забит буржуинами, богатейшими людьми планеты — владельцами медиа-империй, суперяхт и личных авиалайнеров. Но по вечерам в нём горели всего два-три окна. В общем, на память о прошедшем чемпионате наш областной центр получил вполне приличный стадион и надгробный памятник футбольному мундиалю — Grand Hotel.

«Да, гранд-отел. А чего хотел гранд, об этом история умалчивает...» — рассеянно думал я, с некоторой опаской входя под своды этого пятизвёздочного монстра. У меня не было уверен-

ности, что по пути в конференц-зал меня не остановит какой-нибудь холёный стюард или на мою голову не опустится шлагбаум.

— Вы участник конференции? — спросил у входа охранник.

— Конечно, — утробно и с некоторым высокомерием произнёс я, давая понять, что как чиновник я не чужд чиновничьего чванства.

Колдыря в зале не было. «Наверное, разминается в буфете», — предположил я и сел на свободное кресло в предпоследнем ряду. Я человек арьергарда. В бой не рвусь, но в случае крайней необходимости — вступаю.

Отрешившись от всего, я погрузился в воспоминания о ней, о моей давней, саднящей, как глубокий, незаживающий порез, глупо провороненной любви — Ксении. Вполне может быть, что в этой самой точке пространства, в которой я сейчас находился, мы некогда предавались безумствам любви... Как это возможно? Всё очень просто: Grand Hotel был построен на месте снесённого двухэтажного дома, в котором я когда-то снимал квартиру. И куда водил всех своих одалисок.

Это случилось через несколько дней после новогоднего корпоратива. Сам корпоратив прошёл штатно, до разврата дело не дошло, хотя подвыпившие женщины и пытались приставать к единственному в нашем министерстве неженатому мужчине. Я всё время забывал фамилию этого существа и потому называл его коротко — Оно.

Это была натура ранимая, утончённая, неопределённой, как туманность Андромеды, ориентации. Весь вечер Оно как могло отбивалось от преследовавших его весёлых дам. В общем, вело себя так, будто кто-то собирался пуститься за ним в погоню, чтобы снять с него стринги и надеть хоккейные трусы.

Такое Оно есть, наверное, в каждом министерстве. Это такое существо без пола, которое одинаково хорошо вписывается как в мужскую компанию, так и в женскую, причём в мужской Оно скорее женщина, а в женской — скорее мужчина. Этаким современный западноевропейский тип, эталон унисекса. Мне интересно было наблюдать за ним. Взглянуть на овеванный голубым сиянием окружающий мир и на богатство происхождения видов его глазами.

Но моя толерантность была подвергнута серьёзной проверке, когда Оно решило пригласить Ксению на медленный танец. Этого я допустить, конечно, не мог; мне почему-то не хотелось, чтобы Оно прикасалось к ней. В итоге я оттёр конкурента плечом и вывел Ксению в освещённый круг...

Что было потом? О, это отдельная история. Не сейчас. Нет, не сейчас. И не здесь. Но мне навсегда запомнилась та пьянящая близость, то сплетенье рук, тот головокружительный, с нотой лёгкой горечи, запах её духов... К тому времени её окружала аура роковой женщины. Всему виной один случай: когда в кабинете, где она работала, меняли перегоревшие лампочки, электрик, засмотревшись на её скрещенные ноги в тугой юбке чуть выше колена, упал со стремянки и получил перелом руки.

В ней не было ничего, что отличало бы её от других женщин. И было всё. И что-то ещё. И это что-то, как мартеновская печь, размягчало волю и плавило сталь мужских сердец. В её ласковые сети шла не какая-нибудь мелочь, чиновничья шелупонь, а только трофейные экземпляры — сплошь высокопоставленные киты, фонтаны из которых бьют до самого неба, а удар хвоста способен поднять цунами. Это были акулы бизнеса, вип-чиновники, матёрые худруки и режиссёры; их тормозной путь сокращался до минимума, когда на их пути возникала она. В этой компании я чувствовал себя бутылконосым дельфином, чей удел — гонять по бухте стаи пеленгасов.

Я не верил, что она примет моё предложение встретиться где бы то ни было. Не верил, что она согласится прийти ко мне в гости. Не верил в это даже тогда, когда она уже пришла. Я ничему не верил. Мне казалось, что этого просто не может быть. «Ваше величество женщина, как вы решились сюда?» И двуспальная кровать, как рояль в кустах. Очень, надо сказать, плохо замаскированный рояль, с головой выдающий намерения маэстро...

Мы выпили немного вина. Поговорили о каких-то пустяках. Я небольшой мастер разговорного жанра и, когда начинаю свой монолог, часто теряю мысль, и путаюсь в словах. В голове сразу возникает Чапаев и пустота. Причём в большей степени пустота, чем Чапаев. Поэтому мне легче изложить суть того, что я хочу сказать, на бумаге. Но общение через записки исключалось, и потому в тот вечер я побил все мыслимые рекорды, став абсолютным чемпионом по косноязычию. И уже смирился со своим поражением, уже видел её уходящей из этого убогого вертепа, называемого моей съёмной квартирой, и себя, зарывшегося лицом в подушку с давно не стиранной наволочкой. Но мои руки оказались умнее меня. Они знали, что делать. И её джинсовый костюм, застёгнутый на все кнопки, молнии и пуговицы, не стал для них препятствием. Она не сопротивлялась, как будто всё давно уже про нас знала.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Как описать то, что произошло со мной в последующие мгновения? И что творится со временем, когда в твоих объятиях такая женщина?

Ошарашенный столь лёгкой победой, я тогда ещё подумал: что за миг! Где я? И я ли это? Или меня уже нет? Тогда я и предположить не мог, что эта внезапно вспыхнувшая, как пороховая дорожка, влюблённость выльется в глубокое искреннее чувство, которое впоследствии обернётся тяжёлой, почти наркотической зависимостью. Зависимостью от её жгучих объятий, учащённого дыхания и лёгкой испарины на спине, от её профиля на голой простыне.

Даже когда всё уже случилось — в самый первый раз, — я никак не мог совместить всё, что с нами произошло с реальностью. Мне снова не верилось, что эта нежная налитость бёдер, с которыми хочется слиться, эта невинно нагая, будто лунная поверхность, грудь, которую чем больше целуешь, тем больше оплываешь и тем вернее опадаешь к устью, где под лепестками коралловых роз тлеет первобытный огонь, в котором нет никакой тайны, но есть магическая, порабащающая сила — всё это для меня, меня одного. Чем я мог её покорить? Мне снова и снова не верилось, что она не притворяется, не играет в какую-то неведомую мне игру, что я — тот, кто ей нужен...

Кровать стояла слишком близко к стенке, поэтому казалось, будто от крещендо нашей страсти сотрясается весь дом. На первом этаже жили две шизофренички, мать и дочь, которым вдруг показалось, что наверху кого-то жестоко насилуют. Им почему-то не приходило в голову, что женское счастье бывает кричащим и что изнасилование может быть обоюдным, по взаимному согласию. И что мужчина может сорок лет плутать по телу своей возлюбленной, как Моисей по знойной пустыне в поисках земли обетованной, и не охладеть. Поэтому они посчитали своим гражданским долгом вызвать полицию. Наряд прибыл довольно быстро. Грохот наполовину сломанной кровати сменился настойчивыми и очень убедительными ударами в дверь. Мы наскоро набросили на себя какие-то тряпки, разбросанные по полу, и я впустил в квартиру двух полицейских. Одного взгляда им было достаточно, чтобы понять: вызов ложный. И в этом доме живёт любовь, о которой можно только грезить. Извинившись за вторжение, они ушли. Несмотря на бурные протесты шизофреничек...

Вспоминая об этом, я часто спрашивал себя, не приснилось ли мне всё это? Новогодний корпоратив, Ксения, наши быстро-

течные встречи... А всему виной, как мне теперь кажется, один, всего один нескончаемо долгий поцелуй. В тот момент, когда наши расплавленные уста сомкнулись, спаянные этим поцелуем, произошло неизбежное — слились в одно и наши тела, и души...

От этих мучительно-сладостных воспоминаний меня отвлек резкий, довольно неприятный, но заставлявший к себе прислушиваться голос очередного оратора. Оказывается, я был всё там же, в гранд-отеле, на конференции.

Докладчик выглядел слегка невменяемым и немного, совсем чуть-чуть сумасшедшим. Или мне одному так показалось? Его борода клинышком, настырные глаза, увеличенные очками с большими диоптриями, полубредовые речи напоминали мне одного неугомонного властителя дум в период завершения его писательской карьеры и начала политической деятельности под знаменем национал-большевизма. В общем, типичный бунтарь-одиночка, уверовавший в то, что он открыл миру новую истину.

— Человек, — утверждал он, — единственное из известных нам животных, которому известно, что оно обладает бессмертием, но ведёт себя так, будто не знает об этом. Мы прилагаем чудовищные усилия к тому, чтобы потерять великий дар вечной жизни. И призыв Христа — будьте как дети — обращает нас именно к этой стороне человеческого существования. Ведь только дети обладают знанием, что они никогда не умрут. Итак, вспомните, что вы бессмертны, но не забывайте о том, что является условием бессмертия. Попытаюсь это проиллюстрировать. Это то, с чем мне пришлось столкнуться лично...

Говорил он торопливо, почти скороговоркой, словно опасаясь, что его освистают и сгонят с трибуны. Вероятно, такая опасность действительно существовала. Его ломаная жестикуляция наводила на мысль, что он боится обжечься обо что-то невидимое и крайне опасное, что, как шаровая молния, присутствовало в наэлектризованном воздухе конференц-зала.

После краткой преамбулы он рассказал одну удивительную историю, которую условно можно было назвать легендой о шести монахах.

На самом деле их было семь...

История эта началась после распада Советского Союза. Именно в те годы история превратилась в самую точную науку после астрологии и хиромантии: неожиданно обнаружилось, что мы — страна с непредсказуемым прошлым. Во время учёбы на истфаке докладчик, а это, судя по всему, и был Кузнецов, прохо-

дил археологическую практику в Новгородской области. Пытливому студенту очень хотелось сотворить какую-нибудь научную сенсацию — найти ранее не известную берестяную грамоту, особо ценный черепок или хотя бы ржавый наконечник копья, принадлежавшего новгородскому князю. Но раскопки не увенчались успехом. Тогда он решил пойти другим путём — отправился в библиотеку при Софийском кафедральном соборе, надеясь хоть там найти какую-нибудь зацепку, которая поможет ему проникнуть в неразведанные тайны культурного слоя Новгорода Великого. Надышавшись пылью веков, кандидат исторических наук Н.А. Кузнецов, тогда ещё студент Коля, прямо спросил библиотекаря, послушницу средних лет, нет ли в книжном фонде чего-то такого, что выглядело бы странным, необычным, выходящим за рамки привычного взгляда на историю Руси.

— Был один свиток где-то на полатах, — после некоторых раздумий сказала она. И принесла ему тетрадь, исписанную крупным детским почерком с кучей орфографических ошибок.

— Что это? — не понял Кузнецов.

— Пророчества.

— Чьи?

— Их оставил в 1959 году, когда Новгороду было 1100 лет, один монах. Поговаривают, будто это был преподобный Нестор, летописец... Он работал здесь же, в библиотеке. Недолго. Его знала моя матушка, ставшая библиотекарем после того, как он исчез.

— Исчез?

— Да, как и те монахи, которые были здесь на Пасху. Как появились и куда потом пропали — никто не знает.

Студент-практикант, конечно, заинтересовался этой историей. И с разрешения библиотекаря сделал фотокопию тетради. Прочитав её, он пришёл к выводу, что Нестор, якобы описавший в ней свои видения и дополнивший ими «Повесть временных лет», не имел к ним никакого отношения, хотя и сподобился от Господа даров пророчества по молитве. Кому на самом деле они принадлежали, каким образом дошли до нас и как с ними связана легенда о шести монахах, оставалось тайной за семью печатями.

В поисках ответа на эти вопросы неугомонный студент провёл собственное расследование. Оказалось, единственным человеком, который знал библиотекаря и своими глазами видел шестерых монахов, была мать послушницы, старушка далеко за восемьдесят. Кузнецов наведалься к ней в сопровождении дочери

(уговорить её нанести визит матери была задача не из лёгких, но ему это удалось) и узнал много любопытного. Эта наделённая недюжинной фантазией сказительница подтвердила, что таинственный библиотекарь был никем иным, как самим Нестором, а навещавшие его монахи — братьями Киево-Печерской лавры. Никто не знал, как он устроился на работу и каким образом уволился — никаких подтверждающих записей обнаружить не удалось. Библиотекарствовал он всего три дня. То же самое можно сказать и о шести монахах, которые без сна и отдыха отстояли в храме все службы с чистого четверга до самой Пасхи. Если кто-то из них уставал, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение или, удалившись в укромный уголок, читал впотьмах псалтырь, пользуясь светом собственных рук. При этом, по словам старушки, они до мелочей знали, «како пети пенья манастирьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный», однако на свой, старинный манер — так, словно явились из какого-то другого, архаичного века. Речь самого библиотекаря, говорившего, впрочем, мало и только по делу, была подчёркнуто стилизована под древнерусский язык, что воспринималось окружающими как блажь старика, не вызывавшая, впрочем, отторжения у братии и паломников.

Между собой монахи не разговаривали, всё делали молча, а пели и читали молитвы такими далёкими, неземными, ангельскими голосами, что казалось, будто льются эти голоса прямо с небес. Единственный, кто общался с одним из них, был продавец икон, утверждавший, будто расплатиться за копию Владимирской Божьей Матери тот хотел кунными мордками, да ещё сомневался, не мало ли дал. Потом спросил: может, добавить ещё с пяток лобцов? А когда продавец объяснил ему, какие денежные знаки он принимает, странный покупатель совсем растерялся и долго, с недоумением разглядывал лежавшие в картонной коробке бумажные купюры. Ему было предложено расплатиться картой, но он никак не хотел уразуметь, как это могут существовать воздушные, как дымом писанные деньги, не подкреплённые, к примеру, белыми лоскутками?

Студент-практикант не мог пройти мимо такого поразительно анахронизма, поскольку мордка, насколько ему было известно из курса истории древней Руси, была единицей денежной системы в Новгороде вплоть до начала XV века, когда началась чеканка серебряных монет, пришедших на смену меховым деньгам.

Дальше начались и вовсе необъяснимые вещи. Фотокорреспондент областной газеты, попытавшийся запечатлеть пасхальное бдение, при проявлении снимков обнаружил, что вместо монахов на них зияют столбы света. Причём таким браком были отмечены все фотографии. Интуиция подсказывала ему, что дело тут не в засвеченной плёнке, а в каком-то сверхъестественном явлении, имеющем религиозный смысл. Не понимая, что происходит, он поделился своим открытием с другом-иконописцем. «Это знамение», — решил художник и втайне от монахов сделал карандашный набросок их ликов, святозарностью своей соперничавших с лампадами, присовокупив к ним портрет чудесного библиотекаря.

Эти рисунки и предъявила дотошному студенту матушка послушницы в качестве доказательства того, что она не совсем ещё сбрендилась, пересказывая легенду об удивительных богомольцах.

Кузнецов перефотографировал их и на досуге внимательно, во всех подробностях рассмотрел. Лицо библиотекаря показалось ему смутно знакомым. Где он мог его видеть? И только ночью его вдруг осенило: да это же вылитый Нестор, чей портрет был восстановлен методом Герасимова по черепу преподобного! В каждом учебнике истории есть такой.

Он нашёл изображение летописца в интернете, распечатал его на принтере и показал старушке.

— Это он, — сказала она, надев очки, отчего глаза её сразу стали базедово-выпуклыми.

— Вы уверены?

— Молодой человек, я ещё из ума не выжила. Или у вас есть какие-то сомнения на мой счёт?

Внешнее сходство Нестора и библиотекаря было настолько очевидным, что Кузнецов ни на минуту не усомнился в когнитивных способностях старушки. Теперь легенда о шести монахах, предводительствуемых автором Начальной летописи, приобретала некоторую логическую стройность и почти зримый облик.

Затем библиотекарь неожиданно исчез. Никто не знал, куда он подевался — в библиотеке его не было, в храме тоже, в доме паломников он не появлялся. А в трапезной его никогда и не видели.

Всё это наводило на мысль о существовании людей, способных разбивать оковы времени и выходить за границы физического мира. И библиотекарь, кажется, был одним из них. Как и шесть сопровождавших его появление в Новгородском кремле монахов.

Так родилась гипотеза о «вратах времени», которые, по мнению Кузнецова, открываются бдением, молитвой и праведностью. Важно, кто, когда, где и чего ради обращается к Богу.

— Именно этот тезис я и пытался проиллюстрировать своим выступлением, — закончил докладчик. — При этом я не ставил своей задачей идентифицировать автора пророчеств с Нестором. Это тема дискуссионная, нуждающаяся в дополнительной проработке. Если есть вопросы, я готов на них ответить.

Вопросов не было. По-видимому, предстоящий фуршет интересовал участников конференции несравненно больше, чем проблема бессмертия или поиск цивилизационного кода русского народа.

Я заглянул в буфет, где Колдырь, как факир, укрощал зелёного змия и шумной гурьбой, будто престарелые детсадовцы, толкались учёные мужи, и вышел из отеля.

Солнце замело тучами. Его рассеянный свет уже не слепил глаза, отчего казалось, что весна, в очередной раз оказавшись ветреной обманщицей, подалась в более тёплые края. Прогрохотал трамвай, и тут же мелькнула дурацкая мысль: а что, если?

Что, если и мне предстоит погибнуть под его колёсами, как это случилось с сорвавшимся с подножки Мамонтом Дальским, спешившим к Шаляпину в далёком 1918 году? Я часто примеряю на себя такие ситуации. Может быть, это необходимо мне для того, чтобы ощутить утраченный вкус жизни? Задуматься над её вечно ускользающим смыслом? Не знаю...

Мимо, пристально на меня взглянув (человек, выходящий из пятизвёздочного отеля, невольно вызывает интерес), прошла очень привлекательная девушка с тщательно прорисованным лицом и маникюром, не уступавшим палехской росписи. Я машинально двинулся за ней, а когда поравнялся — спросил:

— Добрый день, вы бывали в Баварии? В замке Нойншвайнштайн?

— Нет, — с готовностью ответила она низким хрипловатым голосом, будто я был магом, приглашавшим её сию минуту посетить это замечательное место. За свой счёт.

— К свиньям он не имеет никакого отношения, — продолжал я, прибегнув к своей старой домашней заготовке, поскольку импровизировать было рискованно. — В переводе его название означает «Лебединый утёс». Говорят, архитектура Нойншвайнштайна, виды Нойншвайнштайна, история Нойншвайнштайна, нойншвайнштайнские лебеди вдохновили Чайковского на напи-

Юрий Сысков. Последнее пророчество

сание «Лебединого озера», а Вагнер под впечатлением увиденного создал оперу «Парсифаль»...

— Да? — округлила она и без того выразительные глаза, ставшие гротескно выразительными.

«Чёрт, — подумал я, — она мне уже разонравилась. Через полчаса эта куртизанка поймёт, что я не олигарх, и отправит меня туда, откуда я пришёл». Чтобы как-то поделikatнее оформить своё исчезновение, я пробормотал что-то насчёт своего личного секретаря, который с ней непременно свяжется, и отстал.

Где угодно, с кем угодно, но не здесь и не сейчас...

Зачем я с ней заговорил? Инстинкт охотника? Я давно перестал оглядываться, а тем более пытаться знакомиться, когда мимо меня проходит красивая женщина. Со временем начинаешь понимать: если в твоей жизни было что-то настоящее, то размениваться на мелкие любовные интрижки уже не имеет смысла. Как-то не тянет. Пусть всё устроится само собой.

Некоторое время я шёл, не различая дороги и не понимая, куда иду. Мысли мои постоянно возвращались к воспоминаниям о любви, которая обрушилась на меня здесь, на этой самой географической широте и долготе, и по своей глубине и продолжительности превосходила всё, что я испытывал до неё и после. Как странно всё. Как всё необъяснимо. И как непостижимо произошло тогда, в ту счастливую для меня пору влияет на меня сегодняшнего. Ведь отстал я от этой незнакомки не потому, что боялся неудачи. Нет. Я боялся чего-то другого. Чего? Разочарования? Предательства? Или опасения мои были связаны с неким суеверным чувством, повелевавшим мне избегать случайных связей, чтобы сохранить за собой хотя бы призрачное право на повторение того, что уже было?

Прожив большую часть своей жизни, я пришёл к невесёлому выводу: редкая любовь доживает до зрелого возраста. Чаще всего она прерывается ещё на стадии зародыша. Миг — и вот её уже нет, она забыта. А сколько эмбрионов любви гибнет в течение года или даже одного дня! Достаточно вспомнить, как часто я влюблялся с первого взгляда, но из-за невозможности познакомиться, цейтнота или элементарной трусости всё заканчивалось одним мимолётным взглядом. На следующий день этой влюблённости — как не бывало. Случалось и обратное. Иногда одна такая случайная встреча врезалась в память и сердце сильнее, чем какой-нибудь незатейливый роман, который ни шатко ни валко длился месяцами и к взаимному облегчению заканчивал-

ся в лучшем случае ничем, в худшем — тяжким, изматывающим выяснением отношений.

С Ксенией всё было по-другому. Иной раз я испытывал такое чувство, будто произошла какая-то ошибка и, когда она вскроется, я не буду допущен до её тела. Всмотревшись в меня пристальнее, она поймёт, что я не тот, за кого она меня всё это время принимала. Но когда мы встречались, все мои сомнения сами собой рассеивались. И вновь происходило чудо: она позволяла покрывать себя поцелуями и с головокружительной медлительностью раздевать. Позволяла делать с собой всё, что делает мужчина с женщиной, чутко отзываясь на мои интимные вольности и те сладостные, немыслимые в отношении «приличной дамы» пластические этюды, которые мы по обоюдному согласию создавали в постели...

Как-то я по неосторожности включил свет, когда Ксения, обнажённая, расчёсывала волосы у незашторенного окна. Она не испугалась, не отпрянула и не прикрылась одеждой, не сделала ничего такого, что в этой ситуации можно было ожидать от любой другой женщины. И тогда я понял, что её миссия — с царственной щедростью дарить свою красоту взыскующим.

Мне приходилось испытывать любовь-страсть, любовь-привычку, любовь-жалость. Но о том, что существует любовь-ностальгия, ретро-любовь, я узнал, когда, наконец, ко мне пришло сознание того, что наша встреча стала главным событием в моей жизни. Мне теперь было с чем сравнить. И вот сижу я на пустынном берегу, одинокий гондольер без весла и гондолы...

Потом мысли мои приняли другой оборот — я неожиданно для себя задумался о том, зачем понадобилось Лазарю посылать меня на эту треклятую конференцию, после которой мне хочется выть на луну и царапать дверь, за которой сокрыты мои забаальзамированные воспоминания о Ксении. Чтобы что? И какой, с позволения сказать, месседж хотел донести, но так и не донёс до аудитории, в массе своей равнодушной, ревнивой к чужим успехам и крайне недоверчивой, неведомо как попавший в список выступающих Н.А. Кузнецов? Он что-то говорил о вратах времени, открытых для святых. Что, в общем, старо, как прошлогодний снег. О чём-то подобном я читал в Киево-Печерском патерике, в котором описаны жития и подвиги обитателей лавры. История эта вкратце такова: из Царьграда к игумену пришли греческие иконописцы, утверждавшие, что два убелённых сединой монаха из Киева договорились с ними о росписи храма,

заплатив им за эту работу золотом. Монахи эти якобы ввели их в заблуждение относительно размеров храма. На самом деле он оказался гораздо больше. По этой причине они отказывались от росписи и предлагали вернуть задаток. Игумен попросил обрисовать внешность приходивших в Царьград черноризцев. По всем признакам, один из них был преподобным Антонием, основателем Киево-Печерской обители, а другой — настоятелем монастыря блаженным Феодосием. Но это было исключено: они давно отошли в мир иной и никак не могли вести переговоры по поводу оформления храма. Тогда иконописцы попросили показать изображения этих святых. Им принесли иконы и — о чудо! — греки узнали в них тех старцев, которые с ними рядились. Поражённые этим совпадением иконописцы безвозмездно передали храму мозаику, которой впоследствии был украшен алтарь...

Связь между этим преданием и легендой о шести монахах была для меня очевидной. Это, в свою очередь, заставляло предположить, что, некогда студент истфака, ныне кандидат исторических наук Н.А.Кузнецов вполне мог вдохновиться Киево-Печерским патериком и на его основе создать собственную мифологию с переселением душ и астральными телами святых, путешествующих во времени. С чем и можно его поздравить. Но от этого означенная легенда не принимает, как говаривала старая профессура, форму научной истины и не тянет на тему докторской диссертации.

Тем не менее в конце рабочего дня мне было поручено доложить обо всём увиденном, услышанном и лично прочувствованном моему прямому начальнику. В ожидании Лазаря я устроился в приёмной с распечаткой «Повести вневременных лет», демонстративно не обращая никакого внимания на Снежную Королеву, официальный секс-символ нашего министерства, и её роскошное декольте — место изобильно, пчелисто и пажитно.

Потом всё-таки не выдержал и взглянул. Она поймала мой взгляд и посмотрела на меня как на непутёвого официанта, который вместо телячьих щечек принес трепанга. Её явно тяготило и где-то даже раздражало моё присутствие, и она всем своим видом давала понять, что мой визит в приёмную, которую она считала своей вотчиной, в данный момент неуместен и крайне нежелателен.

Теперь была моя очередь перехватить её взгляд. Я украдкой скосил глаза на ширинку. Застегнута. Тогда чем обязан?

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Она заметила мои метания. Моё весеннее беспокойство.

— Кстати, — сказал я, — в старину ширинкой на Руси называли шитое полотенце. А также платок или скатерть. Вот.

— К чему ты это сказал?

— Так, к слову пришлось. А трепанг — это морской огурец...

— Сам ты — трепанг...

Вот что бывает, когда о чём-то про себя подумаешь, но не произнесёшь этого вслух.

— А что это у тебя за пакет на столе? — попытался сменить тему я. — У кого-то день рождения? Что в нём? За ним кто-то придёт?

— Придёт тот, кто надо, и заберёт то, что нужно, — с ласковостью набирающего силу норд-оста проговорила Леночка. — Не твоё дело.

Она держала дистанцию и не позволяла приближаться к себе даже на длину пожарного багра. Пожарный багор — это такая трёхметровая штуковина красного цвета с железной пикой и крючком на конце. Бедный Колдырь, на что он себя обрёл.

Тут мне стало окончательно понятно, что светская беседа у нас вряд ли получится, и я сосредоточился на распечатке.

Итак, что мы имеем. Первые два видения касались вполне конкретных событий — падения Иерусалима и Константинополя. Пророчество относительно святого града было сделано так называемым Нестордамусом не позднее 1113 года (предполагаемое время кончины Нестора-летописца), открылось, судя по записи в тетради, в 1174 году, а сбылось тринадцать лет спустя — в 1187 году, после битвы при Хаттине между Саладином и Ги де Лузиньяном.

Допустим.

Что касается Царьграда, то он пал дважды — под ударами крестоносцев, учинивших разграбление города и избиение его православного населения в 1204 году, и турков-османов, взявших столицу Византийской империи в 1453 году. Пророчество, сделанное Нестордамусом, открылось в 1185 году, за девятнадцать лет до четвёртого крестового похода и падения Константинополя. Временной лаг между видением пророка, его обнародованием и свершившимся событием увеличивается.

Допустим и это.

Дальше ничего конкретного — никакой привязки к местности, никаких имён и географических названий. Темна вода во облацех.

В третьем пророчестве, скрытом по просьбе Нестордамуса в изголовье очередного черноризца, говорилось о разбойнике, яко

бес, возвещающем всему миру: «Се азъ иду». Как следует из повествования, которое ведётся от его имени, «был в ту пору возведён на престол многомятежным самохотением некий лжецарь... В тот год буря в Новгороде снесла крест Софийской церкви и явилась в небе комета с крестообразным небесным знамением. И снова не стало головы в нашем сиром, убогом отечестве. Все, кто ни восходил на царский стол, оказывали много ума, но мало благоразумия и вскоре обращались в ничто. Улицы и площади стольного града кипели людьми, все спрашивали друг у друга, что делается и что делать?» И тогда некий князь решил собрать ополчение, чтобы постоять за землю русскую. Записался в него и уставший от собственных бесчинств разбойник. «И повсюду стоял звон мечей, стук топоров и клич, подобный шуму многолюдного торжища или созидаемого града. И побеждён был супостат, и изгнан. Тут возликовал народ, ибо пришёл конец смуте и новый царь поставлен был, и стала возрождаться Русь в городах и весях своих».

После этих событий бывший душегуб и насильник, оставив ратное дело, женился и зажил жизнью праведника. Но за былые разбойничьи дела ему пришлось жестоко поплатиться. Он был схвачен и после долгих пыток «принял смерть столь лютую, что уже мёртвый был посажен на кол»...

В четвёртом пророчестве, отосланном в полунощные страны, говорилось о пришествии на Русь Князя тьмы, которого будут звать Владимир. «И придёт с ним день скорби и туги, день мрака и бедствия, вопля и захлипания. Принесёт он беды неисчислимые, ибо народ, несчастием своим, внутренними распрями и нескончаемыми войнами расположенный к исступлению злобы и к мятежу, делается его орудием».

В этом пророчестве Нестордамус увидел себя «всадником смерти». «Чёрный кафтан на мне, сделанный по угрскому обычаю, с серебряными полосами во всю грудь, и чёрный же клобук с метёлкой торчком. Это форма лихого полка нашего, который прозывается, если я правильно запомнил из злополучного того сна, «чёрные клобуки». И грянула война, и посланы были гонцы во все стороны земли русской с царскими епистолиями на собрание чина воинского. И скомандовал воевода наш: «По коням! Да не застанет нас солнце на ложе!» И вверглись мы в бойню кровавую, какой мир ещё не видывал».

«Тут явились изменники, коих торжество есть гроб отечества, называвшие себя большинством, но бывшие меньшинством, со-

ставили заговор и обольстили смердов. Безбожники эти, хваля достойное хулы и порицая достохвальное, преизобильно обагрили свои требища кровию невинных христиан».

Много зла совершил «всадник смерти», много мук претерпел, но ничего не смог изменить. И встретил его у последних врат некто с мечом обращающимся, и спросил:

— Где конь твой?

— Умре...

— Где царь твой?

— Умре...

— Где Бог твой?

— Умре...

Пятое пророчество, посланное на закат солнца, в Успенский собор Галича, предупреждало о том, что «придут на Русь новые обры, и будут рыкать, аки звери лютые, и полетят оне на птицах железных, поползут на змеях-полозах, куда захотят, и булатный лоб их, и хоругви в крестах двояких или кривых, испоганенных, надолго станут адом кромешним для земли русской».

Всё происходящее на этот раз Нестордамус увидел глазами юного отрока, который учится играть на «чудном инструменте, похожем на маленькое коромысло с резными плечиками, а на нём — тетива в несколько рядов, издающая, если водить по ней специальной палочкой с конским волосом, нежные голоса».

«И стольный наш град уже был обложен, и другой град сияющ, что возведён был на путях, где прежде ходили предки наши за Югру и Самоядь, стenal от глада великого», — говорилось далее.

А когда враг пришёл в местечко, где жил юный музыкант, всех жителей «иудейского роду-племени» согнали на окраину для расправы. И тут зазвучала музыка, от которой «случился среди своры палачей большой переполох, ибо звуки те были боевым кличем русской рати». «И вспыхнула в сердцах надежда, и обрели люди веру, что обратится злоба врага нашего на главу его и на темя его злодейство его падет...»

Шестое пророчество было передано «брату княжеского роду, восседавшему некогда на Черниговском столе, но оставившему мир, дабы восшёл он пеши на небо». Черноризец тот, будучи потомком самого великого князя Киевского Ярослава Мудрого, «исполнял послушание вратаря при святых воротах Троицкой церкви, построенной на его же пожертвования».

Речь в этом пророчестве шла о жестоком убийстве мужем «непутёвой, гулящей, но по-прежнему горячо любимой супру-

ги». При этом рассказ вёлся от лица «изверга, чьё место в преисподней», то есть самого убийцы. Потрясённый содеянным, он попытался воскресить свою жену, сделав из неё что-то вроде египетской мумии. Но остановить процесс разложения ему не удалось. Тогда он расчленил труп и разбросал его останки по лесной поляне. «Так не доставайся же ты никому!» Но каждое утро куски её тела «вновь соединялись воедино, будто не размыкал их топор и не хрустели под ударами остро отточенного железа милые косточки». И ужас этот теперь длился бесконечно...

«И хватило мне понять там и тогда ещё, — пишет далее Нестордамус, — что безумен я совершенно, что все мои извороты и попытки зачать дело Божие без Бога омерзительны. Вот и получается: жизнь-то я отнял, это проще простого, а дара чудесы прельщати, воскрешая мёртвое, не сподобился, хоть и возомнил себя равным Ему».

На этом записи кончались.

Приняв во внимание дату обнаружения того или иного пророчества, можно было предположить, что сны Нестордамуса — это калька. И если наложить её на историю России, чтобы посмотреть, нет ли совпадений, то сам собой напрашивается вывод: третье пророчество предупреждает о Смутном времени, четвёртое — об октябрьской революции, пятое — о Великой Отечественной войне, шестое — о распаде Советского Союза.

Седьмого пророчества не было. Точнее, оно предполагалось, но текст его отсутствовал. Означало ли это, что оно ещё не найдено и не прочитано?

Задумавшись над этим вопросом, я не сразу обнаружил перед собой чьи-то идеально начищенные ботинки, тщательно отутюженные брюки, застёгнутый на все пуговицы пиджак и галстук, подобранный в тон рубашке. Передо мной стоял Лазарь.

— Я вижу, ты глубоко погрузился в материал, — сказал он, и очки его сверкнули озорной искоркой.

— Я это...

— Ну, раз ты это, то заходи, — широким жестом пригласил он меня в кабинет.

Мне всегда нравилась продуманность и чёткая последовательность его действий. Он снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку кресла, достал бутылку виски, два стакана и плеснул в них строго по пятьдесят, в чём можно было не сомневаться: точность — вежливость министров.

— Ну и что ты обо всём этом думаешь? — спросил Лазарь.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— По-моему, ни один человек в зале не воспринял этот доклад всерьёз.

— А ты?

— Смешанные чувства, — сказал я, пригубив виски, отчего было не совсем понятно, что я имел в виду — тёмно-янтарного цвета напиток, выступление Кузнецова или то и другое вместе.

— А конкретнее?

— Мы имеем дело с грубой компиляцией на основе известных летописных источников. Во втором видении практически дословно пересказана история Моисея Угрина, который был оскроплен по приказу влюблённой в него знатной женщины. Ну, да ладно. Сон, как говорил Сеченов, небывалая комбинация бывалых впечатлений. Привидеться могло всё что угодно. Но с точки зрения языка всё это не выдерживает никакой критики — смесь древнерусского, церковнославянского и современного литературного.

— Но если бы Нестордамус писал иначе, мы бы не поняли его, — возразил Лазарь и вдохнул аромат виски. Но пить не стал. Гурман, что тут скажешь. В отличие от меня: свой полтос я уже опрокинул.

— А зачем доносить смысл пророчеств, если все предсказанные им события уже стали историей?

— Я не уверен, что все. Нет последнего, седьмого пророчества.

— И где ж оно подевалось? — насмешливо спросил я, хотя по сути был с ним согласен.

— Это я и хочу выяснить, — невозмутимо ответил Лазарь и налил мне ещё.

— После пятидесяти жизнь только начинается, — обрадовался я, понимая, что ни в каком другом месте мне столь дорогое и приятное удовольствие не доставят. Эх, знал бы Колдырь, чем мы тут занимаемся!

— Мне кажется, всё это было задумано... Я про легенду о шести монахах и Нестордамусе... Да, всё это было задумано лишь для того, чтобы подтолкнуть нас, ныне здравствующих, к поиску последнего пророчества о России, — задумчиво произнёс Лазарь и так же задумчиво, видимо, не отдавая себе отчёта, осушил свой стакан.

— Так ты в самом деле думаешь, что это не фальсификация?

— Если собрать все известные нам факты... Вполне возможно, — сказал он и разлил остатки виски.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— Может, я чего-то не знаю?

— Может, мы оба чего-то не знаем, — сказал Лазарь, любуясь игрой света в стакане. — Даже наверняка. Видишь ли, я как-то наткнулся на статью о Влахернской иконе. Её ещё называют Одигитрией, то есть путеводительницей...

— Во втором пророчестве о ней как раз и говорится.

— Оказывается, она была написана воскомастикой. Это когда при создании иконы подмешивают в краски или мастику мощи святых. По преданию, её написал евангелист Лука. И знаешь, что поразительно?

— До сих пор поразительно было всё, — охотно отозвался я. — Но насколько достоверно? Вот в чём вопрос.

Мне самому это замечание показалось чрезвычайно глубоко-мысленным. Особенно если учесть, что голова моя кружилась, как запущенный вокруг своей оси бильярдный шар.

— Эта икона была привезена в Константинополь, где почиталась как защитница города и византийских императоров, из Иерусалима.

— И?

— Иерусалим пал. Константинополь тоже. Одигитрия на некоторое время исчезла. Есть версия, что в период иконоборчества её прятали в монастыре Пантократора. Вместе с горящей лампадой Влахернскую икону замуровали в стене монастыря, где она находилась около ста лет. А в 1653 году она была перенесена в Москву, в Успенский собор Кремля. Там теперь её дом...

— Думаешь, Нестордамус, или как там его, хотел предупредить нас об этом? О том, что теперь очередь Москвы?

Мне показалось, что я начинаю трезветь.

— Не знаю. Возможно, это пророчество касается концепции Третьего Рима, которая восходит к монаху Филафею. Под первым Римом он подразумевал Священную Римскую Империю, под вторым — Византию...

— А под третьим — Россию?

— Да.

— Получается, Москва устоит?

— Устоит. Но при одном, как мне кажется, условии. Если будет открыто седьмое пророчество, — серьёзно проговорил Лазарь.

Мне показалось, что мы забрались в такие дебри, что без второй бутылки виски нам не разобраться.

— У меня к тебе будет ещё одна просьба, — чуть помявшись, произнёс Лазарь. — Надо навестить одного человека. Побеседо-

вать с ним. Для полноты картины. Он работает патологоанатом в судмедэкспертизе...

— Побеседовать с патологоанатом? На предмет чего? И в качестве кого?

Мне показалось, что я начинаю трезветь.

— Да нет, не подумай ничего плохого! — рассмеялся Лазарь. — На прозекторский стол ложиться не придётся. Это один из авторов комментариев к «Повести вневременных лет». Вполне себе приличный кандидат биологических наук...

— О чём с ним надо поговорить?

— Он сам тебе всё расскажет. И покажет черепа шести монахов.

— Те самые? Тех самых? — опешил я.

Лазарь внимательно на меня посмотрел.

— Да, тех самых. Шесть мироточивых глав...

Сказанное заставило меня протрезветь окончательно.

Ночь с субботы на воскресенье я нередко проводил у своей телушки в её однушке. Долго у неё старался не задерживаться: домашняя обстановка расслабляет. Мне кажется, есть некий всеобщий закон, согласно которому всё, что не испытывает давления и не сопротивляется: клонится к упадку. Благополучие, доведённое до абсолюта, существование в стерильном и безопасном мире лишает человека воли, притупляет здоровые инстинкты. Справедливо это и в отношении целых государств. Культ комфорта чреват крахом империй. Всё великое строится на сверхзадачах. А может ли быть сверхзадачей диван, айфон и супермаркет с сотней сортов колбасы? Зачем столько? И куда с ней? В космос, к далёким звёздам? К тайнам мироздания? Только в чёрную дыру, куда всё уходит и откуда ничто не возвращается.

Мне вспомнился разговор с Лазарем о Третьем Риме. Не повторит ли он судьбу двух предыдущих? Кажется, мы вовремя притормозили перед этой развилкой. Но удастся ли преодолеть силу инерции и свернуть в нужном направлении? Неизвестно. Тут может сработать эффект, который Бодрийяр называл гистерезисом. Это то, что длится, когда то, что породило его, уже исчезло.

Что же касается меня, малой капли, затерявшейся во вселенской клепсидре, то я не ставлю перед собой каких-то заоблачных целей и не уношусь мыслями за горизонт: в моём возрасте главное — сохранить дееспособность и хотя бы крупицу здоровья. Зачем? А вдруг пригодится. Всегда хочется быть как-то причастным к этой жизни. Если не в качестве участника, то хотя бы в статусе

наблюдателя. Вот за крупницей здоровья — душевного и телесного — я и приходил к моей телушке. А дееспособность, в зависимости от времени года, поддерживал горными лыжами и плаванием.

К чему все эти глубокомысленные рассуждения? Быть может, таким образом я пытался избавиться от предчувствия, которое подсказывало мне, что однажды я захочу у неё остаться? Наверное, где-то в глубине души я и опасался, и желал этого. Но даже если это когда-нибудь и случится — кто знает, буду это я, отформатированный жизнью субъект, принужденный быть тем, кто он есть, или уже кто-то другой, на меня отдалённо похожий?

Маши, а мою девушку зовут Марией, дома не оказалось. Странно, подумал я, обычно в это время меня уже ждёт накрытый стол и аккуратно расправленная постель с кокетливо отогнутым уголком. Я позвонил ей.

— Извини, что не предупредила. Ты можешь за мной захватить? — спросила она и назвала адрес.

— Что ты там делаешь? — не понял я.

— Плету сети...

— Какие сети? Рыболовные?

— Нет, маскировочные.

Оказалось, Маша уже не первый месяц работает в команде волонтеров, помогающих бойцам — участникам специальной военной операции. Я этого не знал. Впрочем она тоже не подозревала о том, что я перечисляю деньги на СВО. Немного, но ежемесячно. Делали мы это втайне от всех, что заставляло задуматься — почему?

С началом боевых действий на Украине произошло жесткое разделение: на людей, которые ради собственного благополучия готовы пожертвовать своей страной, и людей, которые ради благополучия страны готовы пожертвовать собой. Но большинство, как всегда и везде, просто выжидало — чем всё закончится. Это к вопросу о развилке...

Для себя я решил: если твоя страна воюет — помогай ей чем можешь. Не можешь или не хочешь помогать — отойди в сторону и не мешай тем, кто хочет. Не потому что я за войну, нет. Просто мечтаю о том, чтобы нас наконец оставили в покое. Все.

Я подъехал на своём «деурожце» к Дому культуры и, выбравшись из машины, стал слоняться вдоль его обветшавшего фасада.

Маша выбежала взволнованная, слегка растрёпанная, покрасневшая, словно боялась опоздать на последний троллейбус или встречу с мужчиной своей мечты.

— Сегодня здесь концерт какой-то иностранной знаменитости, — сказала она и просительно посмотрела на меня исподлобья.

Но я был твёрд, как скала. Мне до смерти надоела так называемая культурная жизнь большого города. «Спешите, только у нас! Французский поэт представит свои перформансы, а ансамбль ложкарей из Костромы исполнит симфонию Шнитке...» Нет, с меня хватит. Конечно, Маше хотелось почаще бывать со мной на людях. Но для этого существуют улицы и проспекты, шоурумы и фуд-корты, парки и скверы, наконец.

Мне нравилась её безропотность и готовность во всем со мной соглашаться. Редкое качество в женщинах. В итоге мы поехали к ней.

У Маши всё было как обычно. Мы разогрели пюре и заранее приготовленные котлеты. Выпили чаю с печеньем и немного чилийского вина. Поговорили о том о сём. Прошли в спальню. Выключили свет. Она не любила при свете — стеснялась...

Да, у Маши всё было как обычно, и с Машей всё было как обычно, без затей. И оттого мне всё чаще казалось, что мы уже женаты много лет. И это безнадежно. Когда секс отбирает всё больше сил и приносит всё меньше радости, он, по сути, превращается в скучную обязанность, рутину, становится чем-то вроде пюре с котлетами. Чтобы избежать этого навязчивого ощущения я представляю на месте своей телушки Ксению...

И вспоминаю, как это было...

Когда дело доходило до интима, она отбрасывала ложный стыд, все эти миссионерские запреты, загоняющие влюблённых в прокрустово ложе пуританской морали, и всецело, без остатка предавалась любви, за что я был ей бесконечно благодарен.

Каждая встреча с ней была для меня потрясением. Это как заглянуть в захватывающую дух, головокружительную бездну, чтобы в последний момент, качнувшись вперёд, удержаться на краю. За мгновение до падения. Она всем своим женским существом чувствовала, какую власть надо мной даёт её поза подчинения, её призывная нагота и готовность отдаться так, как этого захочу я. И эта её податливость, это непорочное бесстыдство, желание идти навстречу до самой последней черты, от изощрённых ласк до беспамятной вспышки животного счастья, венчающей нашу близость, притягивала меня к ней всё неодолимее. Из властелина, испытывающего обычное мужское самодовольство

от обладания такой женщиной, я превращался в добровольного раба, почитающего её тело как храм и не мыслящего своего существования вне его пределов.

Ничего этого Маша дать не могла. И разговаривать нам было особо не о чем. Она была надёжна, как табуретка, на которую удобно встать, чтобы поменять перегоревшую лампочку или полить засыхающий цветок. Вцепившись в неё обеими руками, можно было пережить землетрясение магнитудой семь баллов или целую неделю продрейфовать в открытом океане. Я мог быть уверен, что если уеду за тридевять земель, она сядет за стол, горестно подопрёт ладонью голову и в ожидании моего возвращения прокукует одна-одинёшенька весь свой бабий век. И что бы мне не свить семейное гнёздышко, не зажечь с ней душа в душу, не завести детей и не успокоиться? Но нет. Мне мало надёжного тыла и супружеской верности. Мне подавай чуйства! Любовь! Да такую, чтобы чертям тошно стало...

Утром, когда я сказал, что ухожу, её глаза наполнились слезами, как озёра — талой водой, и стали невообразимо огромными, укоряющими. В последнее время это случалось с завидным постоянством.

— Мне и в самом деле надо, — вздохнул я.

— У тебя свидание?

— Да, с патологоанатомом.

И это была чистая правда. Маше не оставалось ничего другого, как смириться. Вероятно, её утешала мысль, что патологоанатом — это мужчина, а если даже и женщина, то наверняка мужеподобная.

Я вышел на улицу. Яркое светило солнце, птицы будто сошли с ума и орали как оглашенные. Кое-где в тени ещё прятались кучки снега, словно покрытого чёрным вулканическим пеплом, воздух был напоён пьянящей весенней свежестью.

Но меня всё это почему-то не радовало. Голова с утра была тяжёлая. Уважая труд чилийских виноделов, я допил бутылку. Маша лишь пригубила бокал. Отчего, спрашивается, всякий раз, покидая этот дом, я чувствовал себя виноватым? Моя телушка. Тупиковая ветвь любви. Ей бы хорошего мужа, не такого, как я. Чего стоят все мои многочисленные любовные интрижки, романы и романчики? Как только что вылупившиеся черепашки они бегут к морю, чтобы укрыться в морской пучине. Их склёвывают хищные птицы, их пожирают жадные рыбы, и выжить у них нет практически никаких шансов. Но они бегут, бегут в надеж-

де, что хоть одна из них уцелеет и вырастет в огромную черепаху, которая проживёт триста лет.

Дверь мне открыл лысый тип, внешне похожий на брутального громилу из «Форсажа» в исполнении Вина Дизеля. Уважая крупных мужиков. Но голос ему достался от совсем другого человека — тихий, мягкий, почти вкрадчивый.

Он тихо, мягко, почти вкрадчиво пригласил меня войти и предложил кожаное кресло. «Не из человеческой ли кожи», — не без содрогания подумал я, осторожно в него присаживаясь, и покосился на шесть расставленных в застеклённом шкафу черепов. По-видимому, настоящих.

— Сергей, — представился он, сев напротив.

— Иван, — кивнул я.

— Знаю, дядя Ваня, — улыбнулся он.

В его извиняющейся улыбке не было ничего зловещего и кроважного, никаких признаков, изобличающих в нём маньяка или некрофила. Ничего необычного. Но фигура впечатляла. Он казался свитым из морских канатов — сплошная мускулатура. Видимо, регулярно посещал тренажёрный зал. Или некоторое время работал в каменоломне на строительстве египетских пирамид. «У такого и скальпель в руках не дрогнет, и кувалда не заскучает», — подумал я.

Словно услышав меня, Сергей разрезал гладкий, напоминающий бильярдный шар апельсин. Скальпелем. На четыре части. И предложил мне. Я вежливо отказался. Он снова виновато улыбнулся и поставил блюдо с солнечным цитрусом на журнальный столик.

На меня Сергей производил впечатление застенчивого человека. Мне почему-то казалось, что он и с трупами обращается нежно, предупредительно, со всей возможной в его положении деликатностью. «Простите, я могу вас побеспокоить? Тысячу извинений...» И трупы, быстро привыкая к такой обходительности, начинают наглеть и вести себя развязно, панибратски. Вместе с тем в нём чувствовалась какая-то глубинная твёрдость. О таких в старину говаривали: «наружно уветливый, внутренне неуклонный».

В комнате было не прибрано. Очевидно, за плечами Сергея была разбившаяся о быт или, что всего вернее, о его специфическую профессию любовная лодка. Возможно, не одна. Ведь не каждая женщина может вести хозяйство и делить постель с человеком, ежедневно препарирующим мертвяков. Будь он хоть Микеланджело или трижды кандидат биологических наук.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Мой взгляд снова остановился на черепах.

— Хотите знать, кому они принадлежат? — спросил он.

— Наверное, за этим я сюда и пришёл, — пожал плечами я. Единственное, чего мне действительно хотелось, — поскорее отсюда уйти. Антураж квартиры патологоанатома внушал смутный страх, смешанный с безгливостью.

— Это мироточивые главы монахов, которые посетили храм в Новгороде Великом. Вы в курсе?

Я попытался что-то ответить, но вместо этого издал какой-то утробный звук, словно прочищая горло пред тем, как запеть или, как младенец, срыгнуть.

— Это удивительная история. В неё трудно поверить, — говорил Сергей. И я понял, что рассказ предстоит долгий.

— При жизни они были монахами Киево-Печорского монастыря, современниками летописца Нестора, — продолжал он. — А когда окончили земной путь, каждый в своё время, их мироточивые главы были помещены в дальних пещерах, в церкви Рождества Христова. Там и сейчас находятся мощи святых. Во время войны, когда пришли немцы, часть из них была перенесена в другие церкви и спрятана до лучших времён. Понятно, что многое было утеряно. Много, но не всё...

Он помолчал, о чём-то задумавшись.

— Не понимаю, как они попали к вам, — вернул его к канве разговора я.

— Вопрос хороший. Вы уже, наверное, наслышаны о соавторе «Повести невременных лет», историке, нашем хорошем друге...

— Вы о Кузнецове? Я был на его лекции.

— Да, Николай Александрович. Как Бердяева... Так вот, было ему видение. Он увидел во сне некоего старца, как потом выяснилось, Илию Макеевского, канонизированного в лике местночтимых святых Донецкой епархии. И старец сказал ему: поезжай в Свято-Троицкий храм, что в посёлке Калиново. Там в барабане под малой луковицей найдёшь то, что ищешь. Попроси настоятеля отдать это тебе. Отказа не бойся. Я приду и к нему. Скажи только: «Преподобне отче Илие, моли Бога о нас!»

— И вы туда поехали?

— Да, я и Коля, то есть Николай Александрович. После майдана, когда уже вовсю шли бои за Дебальцево. Нашли эту церковь. Чудо, что храм уцелел. В нём при советской власти был и клуб, и конюшня, и свинарник, и казарма. Именно в такой последовательности. Встретились с настоятелем. Он как будто

ждал нашего прихода и сразу повёл нас к малой луковице. Попутно рассказал о том, как вели себя при отступлении представители высшей расы. Они обвязали верёвками купола и попытались снести их с помощью грузовика. Но ничего не получилось. И это было второе чудо. Третьим чудом стали мироточивые главы, которые, как и было сказано Илией, обнаружились в месте, на которое указал преподобный. В обычном мешке из-под картошки среди прочего хлама...

— Но на этом чудеса не кончились? — предположил я.

— Дальше самое интересное, — не заметив моей иронии или сделав вид, что не заметил, сказал Сергей. — Есть основания полагать, что эти главы принадлежат монахам, которых Нестор посылал со своими пророчествами в разные концы света. Я даже уверен в этом.

— И на чём основана такая уверенность?

— Вы слышали что-нибудь о цифровом методе восстановления внешности человека по его черепу? В последнее время он активно применяется в антропологии. В отличие от очень трудоёмкого и сильно устаревшего метода Герасимова...

— Да, что-то припоминаю, ещё со школы. Ярослав Мудрый. И иже с ним, — кивнул я и машинально посмотрел на «парад мироточивых глав».

— Если есть 3D-сканер, то не нужна ни воско-канифольная мастика, ни скульптурный пластилин. Облик человека воссоздаётся виртуально. Я не буду вдаваться в подробности цифрового метода, но с его помощью можно достаточно точно воспроизвести внешний вид владельца черепа, если можно так выразиться... Этот метод используют и в криминалистике, и в науке, и в музейном деле. Кстати, сканеры и компьютерная томография помогли восстановить образы людей, чьи мумии хранятся в древнеегипетских саркофагах Пушкинского музея...

— Я рад... Теперь мы знаем, как выглядели мумии, — сказал я, уже начиная подозревать, к чему он клонит. — Вывод?

— Вывод вы можете сделать сами, — сказал Сергей и протянул мне обычную советскую папку для бумаг. С тесёмками. — Посмотрите. И сравните...

В папке было шесть портретных набросков карандашом и столько же портретов, распечатанных на принтере. Я бегло взглянул на них, потом на Сергея, как бы ожидая дальнейших разъяснений.

— Проведите опознание. Как на очной ставке. Сходства не замечаете?

Сергей впился в меня глазами, словно увидел ползающего по моему лицу энцефалитного клеща.

На этот раз я повнимательнее посмотрел на рисунки, потом перевёл взгляд на компьютерные распечатки — очевидно, это были воссозданные цифровым методом лики почивших почти тысячелетие назад монахов — и так же неторопливо исследовал их. Мне стало казаться, что между некоторыми из них было определённое сходство.

— Вот эта пара. Вроде бы один и тот же человек...

— Так, неплохо. А ещё? — не отставал Сергей.

Я «опознал» ещё две пары. Впрочем их нельзя было идентифицировать со стопроцентной точностью. Ведь даже один и тот же человек в разных ситуациях и в разное время выглядит по-разному.

— Совершенно верно. Стопроцентный результат. А теперь попробуйте найти соответствующие пары для остальных.

Я почти наугад распределил рисунки и распечатки. И с любопытством взглянул на Сергея.

— К сожалению, вы дважды не угадали. Но четыре раза попали в точку. Согласитесь, неплохой результат для человека, далёкого от криминалистики, — сказал Сергей и разложил на столе листки в нужном порядке.

— Это те самые зарисовки, которые сделал в Софийском храме иконописец? — спросил я.

— Увеличенные копии. А это, — он кивнул на распечатки, — моя работа.

Я не знал, как реагировать на результат «опознания». При определённой психологической обработке меня можно убедить в чём угодно. Но это был не тот случай. Мне не давал покоя другой вопрос: способен ли Сергей на заведомый обман? Зачем ему это? Зачем это его соавторам? Можно не доверять изложенным фактам, где-то не улавливать логику, в чём-то чувствовать натажку, но его убеждённость в собственной правоте не оставляла сомнений в том, что он вполне искренне верит в легенду о шести монахах и считает Нестордамуса реальной фигурой, чем-то вроде аватара почившего в бозе летописца Нестора. Для него вся эта новгородская история — была и не просто была, а предмет научного исследования.

Я же среди всего этого дыма не видел ни искорки огня.

— Вижу, мои слова не убедили вас, — улыбнулся Сергей.

— Допустим, в чём-то вы правы. Что-то было. И эти головы, — я сделал скупой жест в сторону мироточивых глав, визи-

равших на нас пустыми глазницами, — действительно имеют отношение к рисункам. Но где доказательства, что они принадлежат печорским монахам?

— Они по-прежнему мироточат...

— И от этого мира глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит.

— На вашем месте я не стал бы иронизировать, — с мягким упрёком проговорил Сергей. — Вы находитесь здесь чуть больше получаса. Всё это время у вас болела голова. Так?

— Ну, да, — ответил я. — А почему вы решили, что она у меня болела?

— Вы непроизвольно дотрагивались до виска пальцами.

— Предположим...

— А сейчас она у вас не болит.

Я прислушался к себе. И правда — головная боль прошла.

— И в чём, по-вашему, причина такого чудесного исцеления?

Он показал на мироточивые главы.

— В этом.

— Это всего лишь совпадение. Сама прошла. Но если уж мы так глубоко погрузились в эту тему... Есть целая гора свидетельств, что мы имеем дело с самовнушением. Эффект плацебо, только и всего. По большому счёту история мощей — это история подлогов.

— Да, интересно было бы послушать, — сказал Сергей, сцепил пальцы и положил подбородок на руки, уперевшись локтями, как сошками пулемёта, в стол. — Кстати, им тоже интересно.

Он показал глазами на черепа и вновь сфокусировал свой снисходительный, как мне показалось, взгляд на мне.

— Я тут кое-что прочитал о так называемом феномене мощей. Так вот, оказывается, в первые годы советской власти наркомат юстиции занимался их вскрытием. И есть отчёт, в котором говорится, что при исследовании рак не было обнаружено ни одного нетленного тела. Ни одного! Там были мумифицированные или полностью истлевшие трупы, кости людей и животных. Были различные предметы, имитирующие те или иные части человеческого тела, металлические и восковые куклы. Часть гробниц вообще пустовала. Вот и весь феномен, дорогие товарищи. Такой вот священный вакуум.

— Вы знаете разницу между одичалыми и одичавшими? — спокойно, словно заранее зная всё, о чём я собирался ему рассказать, проговорил Сергей.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— И в чём же?

— Первые всегда были дикими, вторые — стали. Так вот революция привела к власти одичавших, отвернувшихся от Бога.

— Хорошо, вспомним того же Кальвина. Праведный Лазарь, как он пишет, существовал в трёх экземплярах, Мария Магдалина — в двух, а указательный перст правой руки Иоанна Предтечи — аж в шести! И так сплошь да рядом. По всем Европам. Если собрать все частички Креста, на котором был распят Христос, можно построить ещё один Ноев ковчег, из Тернового венца соорудить изгородь, а копьями Лонгина вооружить центурию.

— Мы говорим о подлинных святынях, а не о подложных. Давайте посмотрим на это с другой точки зрения. С научной.

Я заранее смирился с тем, что мне придётся прослушать лекцию о воскресении какой-нибудь нематоды, проснувшейся в вечной мерзлоте Колымы после тысячелетней спячки, или о влиянии луны на метаболизм мушки дрозофилы. Но Сергей не был похож на сумасшедшего.

— Вы, наверное, не слышали об исследовании Киево-Печорской лавры, которое проводилось незадолго до распада Советского Союза, — с расстановкой проговорил он, собираясь с мыслями. — Данные о нём нигде, кроме небольшой брошюры, выпущенной ограниченным тиражом, не публиковались. И вы сейчас поймёте почему. Учёные, изучавшие останки святых угодников, пришли к выводу, что в них нет ничего такого, что способствовало бы процессам разложения. Мощи обладают спонтанной самостерилизацией, отсутствием болезнетворных бактерий и другими сверхъестественными свойствами. Их биофизико-химическая природа такова, что они снижают радиационный фон, благотворно влияют на рост и созревание злаков. Но самое главное — они излучают некую неизвестную науке энергию, которая воздействует на живые организмы на ядерном уровне. Можете называть это как угодно — эфиром, космическим излучением или Святым Духом. Но это есть, и от этого никуда не деться. И раз уж мы заговорили о мироточивых главах... Три известных киевских профессора — их имена, правда, вам ни о чём не скажут, хотя в своей области они считаются непререкаемыми авторитетами — провели анализ. Результаты показали: все образцы мира — это высокоочищенные масла. Они не содержат в себе высших жирных кислот, что подтверждается отсутствием реакции этерификации и метилования... В образцах нет неорганических фосфатов и ионов аммония. А значит, нет и условий для

запуска процессов распада органических веществ... Что из всего этого следует? Да, биохимия. Она на многое проливает свет. Но не только. Есть кое-что ещё. И вот это кое-что для меня загадка. Я долго над этим размышлял. И у меня нет готового ответа. Возможно, одна из причин нетления в особой структурированности организма, что позволяет воде испаряться через мембраны клеток даже после полного прекращения обмена веществ. Думаю, такие изменения происходят под влиянием поста, молитвы, бдения и праведного образа жизни. Как до, так и после физической смерти. Ничем другим я объяснить это не могу. Как бы антинаучно это ни звучало. И вот что ещё поразительно. Оказывается, мощи священномучеников сохраняются намного лучше, чем мощи других праведников, умерших естественной смертью.

— Для меня это тёмный лес, — признался я. — Несмотря на то, что по химии у меня была пятёрка. А уроки богословия я, как правило, прогуливал, за что не раз бывал наказан батогами...

Сергей не отреагировал на мою шутку.

— Всё, что характеризует изученные образцы, присуще только живому организму... — сказал он.

— Стало быть, эти головы, эти черепа, то бишь мироточивые главы...

— Совершенно верно. Они — живые.

Мы, наверное, с минуту пристально смотрели друг на друга: Сергей в надежде на моё окончательное прозрение, я в ожидании более убедительных и неоспоримых аргументов. Первым не выдержал я.

— И — что? Где публикации в специализированных журналах, где признание научной общественности? Где Нобелевская премия по зоологии? Или что там — биология, химия, физика?

— Я понимаю, — устало произнёс Сергей. — Это не укладывается в общепринятые представления. Но это доказанный факт.

— Кем доказанный? Учёные, которые проводили эти эксперименты, могут это подтвердить?

— К сожалению, они давно умерли.

— Тогда всё повисает в воздухе. Вот вы, целый кандидат биологических наук, возьмётесь утверждать, что так оно и есть? Что эти черепа, м-м-м... — живые организмы?

Сергей долго молчал. Потом, по-видимому, поборов сомнения, с расстановкой произнёс:

— Я не хотел об этом говорить. Думал, это преждевременно. Но всё-таки скажу. Исследуя в нашей лаборатории мироточивые

главы, я получил тот же результат. Всё подтвердилось. Они действительно живые... Просто это какая-то другая, непостижимая для нас форма жизни...

Лето пронеслось, как растянутый на три месяца банный день в городской бане N 5, возле которой я живу. Было нестерпимо жарко. Думать — лень, работать — в лом. О том, чтобы попытаться совместить эти два занятия, не могло быть и речи: в кабинете без кондиционера мозг к концу рабочего дня вскипал и превращался в клубничное желе. С желатином. Не хотелось ничего. Даже отдыхать, потому что отдых — это тоже труд, разновидность усилия над собой. Я понял это в отпуске, когда, изнывая от скуки, болтался по турецкому отелю в поисках какой-нибудь миловидной и не слишком притязательной соотечественницы, готовой скрасить мой досуг. Попадались сплошь худышки, озабоченные средиземноморской диетой и поиском наследного принца на белом верблюде или так называемые большие девочки, повёрнутые на гастрономических фестивалях «Пиво-Рыба-Раки» или «ПаПиВи» — паста-пицца-вино. Лишь в последний вечер мне улыбнулась удача — я встретил девушку стандартных размеров и приятной наружности. Из Саратова. Но недолго наслаждались мы обществом друг друга: на следующий день, взмахнув крылом, я Икаром взмыл в турецкое небо и взял курс на Родину. В общем, отпуск был безнадёжно испорчен. Даже вспомнить нечего, кроме двух происшествий местного значения: в пятницу зонт продавца сувениров был унесён ветром в море (и долго ещё разносился по набережной его орлиный клёкот), а в субботу на пляже нашего отеля был обнаружен накрытый полотенцем труп неизвестного мужчины. Первой догадалась, что это труп, какая-то бдительная старушка, попытавшаяся выяснить, что он тут делает. Посторонний в зоне отдыха? Непорядок. Труп был оперативно эвакуирован.

И вот я снова на рабочем месте, словно никуда и не уезжал. За окном лето, которое никуда не делось, за столом я, который от него безвозвратно отлучён. Мне, конечно, удавалось иногда выбираться на берег Волги, чтобы искупаться и позагорать с моей телушкой. Но Маша, словно дебелая Даная, сошедшая с полотна Рембрандта, быстро сгорала на солнце, и нам приходилось срочно убегать в тень. Одно меня радовало: с ней не надо было притворяться кем-то другим, чтобы соответствовать. Хорошо, когда рядом есть человек, с которым можно позволить себе роскошь

быть самим собой. Хорошо, когда рядом есть девушка с фиалковым взглядом, которая не понимает тебя, не интересуется, о чём ты думаешь, и без конца не спрашивает, любишь ли ты её.

Но иногда, на закате дня, когда жара немного спадала и сотрудники нашего ведомства спешили домой, меня посещало смутное беспокойство, и я как будто пробуждался ото сна. Из состояния оцепенения меня выводил стук женских каблучков. Мне казалось, что по лестнице, как это было много лет назад, спускается Она. Перед расставанием, когда наш бурный роман был уже на излёте, Ксения стала меня избегать. Теперь она проходила мимо, всегда проходила мимо. А я, дурак, надеялся, что это не окончательно и всё ещё будет как было. Нет, мы, конечно, сохраняли видимость прекрасных отношений — мило общались, приязненно улыбались друг другу при встрече. Но свою любовь она замуровала, как Влахернскую икону в стене монастыря. Я это видел. Я это чувствовал. И всё-таки не терял надежды, что когда-нибудь буду прощён.

С тех пор этот мерный цокающий звук способен стронуть в моей душе целую лавину воспоминаний. И все они связаны с разлукой. С уходом любимой женщины. С одиночеством.

Так было, конечно, не всегда, но с некоторых пор. Прежде, едва заслышав её чёткие, напоминающие ритм метронома шаги, я начинал медленно подтаивать, изнемогая от сладкой истомы и захватывающих дух фантазий. Ксения заходила ко мне, мы договаривались о новой встрече, затем она спускалась по лестнице, словно уставшая от чудесных превращений и глупого волшебства фея, и исчезала в лабиринтах города. Она нисходила до меня, простого смертного, рождённого от простых смертных, как до бездомного пса, караулящего её у дверей и пожирающего её голодным взглядом. И я часто ловил себя на дичайшей мысли, что вот сейчас, сию минуту, прилюдно увижу её совершенно голой. Я даже хотел, чтобы она прошла по улице именно в таком виде, и все мужчины застыли, поражённые этой красотой, как соляные столбы, а женщины, подобно дочерям израилевым, разодрали на себе одежды.

Да, она не стеснялась являться передо мной полностью обнажённой, словно под внешним покровом скрывалось её подлинное, сакральное обличие. Я пил глазами её роскошное тело и пьянел на глазах. Она завораживала, пленяла, обезоруживала меня своей наготой, нагота была её главным оружием. Сражённый им, я становился почти неменяемым. Наверное, пережива-

ние счастья как такового — это одна из форм блаженной невменяемости. Ты перестаёшь думать, забываешь о своих разбитых горшках и превращаешься в одноклеточное существо, которое, как бабочка-однодневка, просто радуется жизни, сгорая при этом от счастья. Да, всё просто, как и есть на самом деле. Как и должно быть. И как не бывает никогда.

Встречаясь с Ксенией, я не учёл одного — всё когда-нибудь кончается, приобретает инерцию привычки, смыкается с прозой жизни. Затянувшаяся череда праздников, как и избыток чудес, — это уже будни. И даже гениальный стих, повторённый тысячекратно, теряет свою магию, и тогда сквозь опадающие рифмы начинают проглядывать корявые сучья банальных суффиксов и окончаний. Восторги сменяются скукой, любовь становится обыденностью.

Помнится, в самые интимные моменты нашей близости она почему-то начинала сюсюкать, как маленькая девочка. Меня это сначала умиляло. Потом стало раздражать. Или, как говорила её внучка, слегка выбешивать. А когда у меня участились осечки по мужской части (что при столь высокой интенсивности наших свиданий было неизбежно), эта нарочитая муркотня мне окончательно надоела.

Мне захотелось разнообразия. И я решил испытать себя на ком-нибудь другом. Случай подвернулся очень скоро. Как-то раз после очередного randevu с Ксенией, изнурённый её страстными объятиями и счастливо опустошённый, я вышел на улицу и увидел миловидную женщину в белом газовом платье. Когда на неё падал солнечный свет, были явственно видны все детали её фигуры и фактура идеально чистого полупрозрачного нижнего белья. Я, словно зачарованный, пошёл за ней. Как оказалось, это была сотрудница пожарной охраны, разведёнка, многоопытная в любви. Впоследствии я так и представлял её — на фоне огненно-красной машины, в бикини, с брандспойтом в руках. С ней я чувствовал себя петушком на палочке: она буквально облизывала меня с ног до головы, что было ново и чрезвычайно приятно. И вот однажды они сошлись, точнее — пришли почти одновременно. Я был с разведёнкой. И не открыл дверь. Да, в комнате было темно и можно было предположить, что дома никого нет. Но Ксения всё поняла. И про меня. И про буйство глаз. И про половодье чувств.

Ничего не было сказано ни на следующий день, когда мы увиделись на работе, ни позже. Наши встречи прекратились. Я, ко-

нечно, сопротивлялся этому. Не мог поверить, что это конец. От былых щедрот, расточаемых ею на арендованном ложе, где грёзы убажывающих и убажываемых сливались в провалы памяти и счастливое забытие, — от всего этого не осталось даже ритуального поцелуя в щёчку.

А потом случилось непоправимое. Её дочь, муж дочери и внука, жившие в Санкт-Петербурге, попали в автомобильную аварию. Родители погибли. Девочка чудом выжила. И Ксения, чтобы не вырывать её из привычного окружения, переехала в северную столицу. Без своего «дражайшего», как она говорила, супруга, который свалил всю ответственность за дальнейшую судьбу внучки на неё. На прощание Ксения сказала мне: «Давай останемся друзьями». В устах женщины эта фраза равнозначна вежливому отсылу по известному адресу.

Она уехала, уехала, взяв билет в один конец, а я ринулся во все тяжкие, ещё не ведая о том, что после неё все красавицы мира покажутся мне куклами из розовой пластмассы, пресными, бесполоыми существами.

И потянулись дни, недели, месяцы и годы — тусклые, беспросветные, слепые, как сны Гомера. Со мной не происходило ничего. Со мной и не могло ничего произойти. Всё, что могло со мной произойти, уже произошло. Я потерял Ксению. Навсегда.

Вялое и бесцветное, сонно-растительное моё существование было внезапно нарушено в конце августа. Раздался звонок. И легко узнаваемый голос в телефонной трубке, холоднее которого только поверхность Плутония, произнёс: «К шефу». Мне захотелось немного поартачиться.

— А вдруг это не я?

— Ты понял, — был ответ.

— О, у нас уже наметилось взаимопонимание?

— Уже.

— И в поисках тебя прошёл трансиб и севморпуть я...

— Не там искал. Иди уже...

Меня слегка коробила такая лаконичность. Такая неприкрытая, в чём-то оскорбительная, не знающая полутонов безапелляционность. Никаких тебе «не соблаговолите ли вы», «не будете ли вы так любезны», «не сочтёте ли необходимым»... Хотя бы элементарное «пожалуйста». Иногда мне кажется, что мой начальник не Лазарь, а Леночка. Судя по тону передаваемых приказов. Не дай бог она когда-нибудь займёт его место. Тогда я

точно повешусь. Культурно, в старом парке. На ажурном фонаре. Среди плакучих ив. Напротив лебединого домика...

В кабинете Лазаря было прохладно и свежо, как на рижском взморье или в купе фирменного поезда «Волжские зори». Попав сюда из своей душегубки, я уже не мог вернуться обратно по собственной воле. Впрочем в этом не было никакой необходимости. Разговор предстоял долгий. Я ждал этого разговора давно, однако не предполагал, что мы вернёмся к нему спустя полгода после моего визита к патологоанатому. Мне казалось, что тема уже закрыта.

Лазарь встретил меня по-дружески и, как водится, предложил выпить. Я отказался, сославшись на жару. Никогда не умел дружить с начальством. А если и пытался это делать, то дружба моя не перерастала в большое, светлое, всепоглощающее чувство. Дружба предполагает равенство. А любовь — самоотречение, растворённость в предмете любви. К Лазарю я испытывал уважение и искреннюю симпатию, смешанную с опасением стать его правой рукой, или, как это именовалось в царской России, товарищем министра. Тогда — прощай свобода и привычная безответственность неприметного чинуши, здравствуй, небозримый функционал и работа 7/24.

— Ну и что ты думаешь о рукописи? — спросил Лазарь.

Что я мог думать о странном союзе историка, естествоиспытателя и физика с душой лирика и привычками алкоголика? Принять за чистую монету пророчества Нестордамуса, легенду о шести монахах и чудесное обретение мироточивых глав? Нет уж, увольте.

— Даже не знаю, — уклончиво ответил я.

— Что, проехали? Игра не стоит свеч?

— Думаю, не столько проехали, сколько не доехали. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга...

Мы и дальше могли бы перебрасываться ничего не значащими словами, как шариками пинг-понга, но, видя, насколько удручённым выглядит Лазарь, я решил не усугублять и хотя бы из сочувствия к нему смягчить своё категоричное мнение. Но мне до сих пор было не понятно, почему он так носится с ней.

— Нет, я не то чтобы совсем... Как бы это сказать... Если допустить... В общем, несмотря на мрачность предсказаний, я не увидел в них какой-то обречённости, — глубокомысленно глядя в пол, произнёс я. — Нестордамус как бы говорит нам: пережили смуту, несколько революций, две мировые войны, развитой

социализм. С человеческим лицом. И капитализм с его изобилием как-нибудь переживём. Наверное, в его пророчествах что-то есть. Что-то обнадеживающее...

— Да уж, это не видения хутынского пономаря Тарасия, — усмехнулся Лазарь. — А что ты скажешь о мироточивых главах? Кажется, эта история не слишком тебя впечатлила?

— Я далёк от всего этого. Мне трудно поверить, что в них теплится какая-то жизнь. Хотя всё может быть...

— Как писал Иоанн Дамаскин, святые не суть мертвые. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но поверить придётся! — рассмеялся он и похлопал меня по плечу.

Всё-таки он был отличным парнем. Не слыл, не казался, не прикидывался, а именно был. Я делю людей на три основных категории — светоизлучающие, светоотражающие и светопоглощающие. Когда-то я относил себя к первой категории. Но очень скоро понял, что отношусь ко второй, составляющей большинство человечества. А когда немного поднабрался жизненного опыта, стал сомневаться и в этом. И всё чаще задавал себе вопрос: а не из той ли я, третьей категории людей, плюющих против ветра, объедающих солнце и пригвождающих к забору солнечных зайчиков? Что же касается Лазаря, то его я относил к первой, самой редкой категории. Он, конечно, был из светоизлучающих.

Мне захотелось как-то подбодрить Лазаря, развеять одолевавшие его сомнения относительно подлинности рукописи и всего, что с нею связано. Ведь зачем-то он интересовался моим мнением, что-то хотел для себя прояснить.

— А если серьёзно, то тогда же, в марте, после знакомства с судмедэкспертом со мной произошёл странный случай.

— Какой? — заинтересовался Лазарь.

— Меня всегда удивляло, почему это каждое утро я просыпаюсь одним и тем же человеком — самим собой? Почему не кем-то другим? Как так получается? Загадка... Но однажды при переходе от сна к бодрствованию, на этой тонкой грани я вдруг почувствовал себя Нестором-летописцем. По какой-то ошибке или недоразумению в меня случайно залетела его душа. Длилось это всего долю секунды. Но я запомнил этот момент. И не просто запомнил. Он прочно впечатался в моё сознание...

Лазарь слушал внимательно. Мне даже показалось, что он поверил в то, что я говорю. Мне и самому вдруг почудилось, что я действительно всё это испытал. А может, и в самом деле, кто знает? Что-то ведь было.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

Закончив свой монолог, я почувствовал настоящую потребность выпить. Предложил Лазарю. И мы, разумеется, выпили. По чуть-чуть. На сей раз это был французский коньяк, вероятно, из старых запасов, поскольку новых поступлений из-за санкций не было, а пили мы редко.

— А мне иногда кажется, что я был тем молоденьким офицером из четвёртого пророчества. История его несчастной любви показалась мне... знакомой, что ли. Она подействовала на меня как воспоминание. Что-то такое, о чём пытаешься вспомнить и никак не можешь...

— Со мной тоже такое бывало, — сказал я. — Кстати, давно хотел поделиться одной своей догадкой. В этом пророчестве есть упоминание о чёрных клобуках. Насколько я знаю, так называли степных кочевников, которые охраняли границы Руси от половцев.

— Они первыми приняли удар татаро-монгольского войска... А потом были частично уничтожены, частично рассеяны.

— Так вот, мне кажется, что Нестордамус называл так чёрных гусар Александрийского полка.

— Того самого полка, которым командовал первая шашка Российской Империи граф Келлер? — оживился Лазарь.

— Да, того самого полка, в котором в Первую мировую служили Михаил Булгаков, Николай Гумилёв и небезызвестный Маннергейм... По описанию мундиров — это они. Их ещё называли бессмертными — чёрная с серебром форма по образцу прусских «гусар смерти».

— Может быть. Очень даже может быть. Нестордамус не мог знать, кто такие гусары, их тогда и в помине не было. Как и самого этого слова.

— Дальнейшая судьба этого полка, конечно, незавидна. Революция, гражданская война... Кто за красных, кто за белых. И остался от чёрных гусар лишь дым былой славы...

— Почему? — возразил Лазарь. — Почётное наименование «Александрийская» сохранилось тоже. Оно присвоено нашей миротворческой бригаде. С вручением копии знамени того самого гусарского полка...

— И то ладно. Об остальном история умалчивает...

— Ничто не исчезает. Что-то всегда остаётся. Хотя бы в виде умолчаний. Интересно, что будут говорить о нашем времени? О нас?

— О нас забудут ещё при нашей жизни. А после смерти и не вспомнят...

— Ну, зачем же так мрачно, — рассмеялся Лазарь. — Что-нибудь останется и после нас.

— Да, пресс-релизы и протоколы заседаний...

Мы снова выпили. По чуть-чуть. Помолчали.

— Ты, наверное, думаешь, с какого перепугу я так вцепился в эту рукопись? — светло и как-то отстранённо глядя в окно, где блистал своими латами бронзовеющий август, спросил Лазарь.

Начальство, умеющее читать мысли подчинённых? Ведать, ничего не выведывая, — редкий дар. Хотя для руководящего работника гораздо полезнее знать о карьерных планах своих заместителей. И что на уме у Леночки. Мало ли что.

Мысли эти, журавлиным клином пролетев в моей голове, не оставили, впрочем, даже лёгких колебаний воздуха.

— Да, — честно признался я. — С самого начала.

— Мы четыре года прожили в студенческой общаге — Колька, Серёга, Лёха и я. В одной комнате на четверых. Все иногородние. Дружим до сих пор...

Теперь мне стало понятно, почему Лазарь так заинтересовался «Повестью вневременных лет» и отчего это А.И. Протасов, он же Колдырь, до сих пор не уволен за систематическое пьянство на рабочем месте.

— Ладно, — сказал Лазарь со вздохом. — Не буду тебя больше задерживать. Давай, до завтра...

Он пожал мне руку. Но на выходе из кабинета окликнул:

— Да, хотел попросить тебя ещё кое о чём...

У меня в памяти сразу всплыла фраза Мюллера из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...» Я замер в дверном проёме в ожидании продолжения.

— Ты можешь как-нибудь зайти к Николаю, пообщаться с ним... По интересующим нас вопросам?

— К историку?

— Да. Вот его визитка. Позвони ему, он ждёт твоего звонка...

Так, они уже всё решили, без меня, подумал я. Что ж, придётся нанести ещё один визит: просьба министра имеет силу приказа. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, я в тот же вечер решил договориться о встрече.

В приёмной, как всегда, толкался Колдырь. Толкался, как всегда, возле Леночки. На сей раз он держал в своих руках её ладонь и что-то увлечённо втолковывал ей. Заинтересованный этой куртуазной сценой, я невольно притормозил.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— Так вот, вруцелето — это метод устного счёта в древней Руси. В руке — год, если перевести буквально. С его помощью определяли дни недели по числу месяца в году. Календарь, который всегда с тобой. Тут, правда, ещё таблицы нужны...

Леночка отдернула руку и неодобрительно посмотрела на меня.

— А я что? Шёл мимо, дай, думаю...

— А хотите, погадаю вам на суженого, — оживился Колдырь. — Там вообще-то и гадать нечего. Я вам так скажу: его зовут Алексей. Ваша линия судьбы пересекается с его линией...

— Вздор, — фыркнула Снежная Королева.

— Дядя Ваня, подтверди...

Он снова попытался завладеть дланью её строптивного величества, ибо, допущенный до неё однажды, ни на что не променял бы этой привилегии. Но его попытка не увенчалась успехом. Ему не удалось приобщить меня к тайнам хиромантии и обрести в моём лице верного союзника.

— Неправильно, Колдырь, ты выбираешь себе жену, — сказал я.

— А как надо?

— Надо, чтобы она прошла испытательный срок. А вдруг вы не подходите друг к другу? Возьми её с собой в сплав по сибирским рекам. На байдарках и каноэ.

Леночка картинно закатила глаза.

— В общем, да. Тут ещё общность интересов важна... — согласился Колдырь.

— Бухать вместе? — снова фыркнула Леночка, но уже не так пренебрежительно.

— Зачем бухать? Колдырить, — отшутился её воздыхатель.

Я оставил их наедине. Пусть их. Третий — лишний. Дураку было понятно, что Колдырю здесь ничего не светит. Дураку, но не Колдырю. Поэтому мне было искренне жаль его. В общем, добрейшая душа, наивнейший человек. Никогда ни на кого не обижался, хотя никто, кроме Лазаря, не называл его по имени. Колдырь и Колдырь. Однажды Леночка предстанет перед ним в своём истинном свете — в образе Снежной Королевы или калькулятора с парой длинных стройных ног. Просто перешагнёт через него, как через коровью лепешку, и пойдёт дальше. Она — как Золотая Рыбка, но не та, которая исполняет желания, а та, желания которой исполняют другие. Быстро и беспрекословно. Иначе она вильнёт хвостиком и скроется в пучине морской. Как

там у Виктории Токаревой? «Нинон на мужчин деньги не тратит. У неё тенденция к наоборот».

А ещё говорят, что у Золотой Рыбки нет желудка. Его роль выполняет длинная кишка. Но даже при отсутствии столь необходимого органа это милое существо может проглотить больше бриллиантов, шуб, особняков и престижных авто, чем способен предоставить в её распоряжение любой из окружающих её мужчин. Хотя... Она понимает, в каком мире живёт. И потому не поднимает планку слишком высоко. Я заметил, что возле неё крутится один из поклонников, у которого есть все шансы на успех. Зампред областного правительства, курирующий культуру. В последнее время он часто заходит к нам и нередко задерживается в приёмной, чтобы сделать пару комплиментов Леночке, угостить её шоколадкой или свежим анекдотом.

А что Колдырь? Потерпев сокрушительное фиаско, он в очередной раз наступит на пробку и войдёт в пике, из которого уже не выйдет...

В коридоре, когда я уже собрался было позвонить историку, позвонили мне. Срывающийся мужской голос представился:

— Это муж твоей жены.

— Да, слушаю...

Честно говоря, не думал, что он когда-нибудь обратится ко мне с чем бы то ни было. Оказалось, что моя бывшая в роддоме, тёща в больнице — слегла с диабетом, сам он работает вахтовиком в Южно-Курильске и из-за тумана не может вылететь на большую землю, дочь оставить не на кого. Не мог бы я присмотреть за ней до его приезда? Больше ему обратиться не к кому.

— Это может занять от нескольких дней до недели, пока не установится лётная погода, — сказал он.

— Конечно, — сказал я. — Я позабочусь о ней.

— Спасибо, брат...

Это неожиданное обращение заставило меня задуматься, а не состоим ли мы в родственных отношениях и как можно назвать степень нашего родства? Впрочем предаваться размышлениям было некогда. Я снова зашёл к Лазарю, объяснил ему ситуацию и, получив недельный отпуск, рванул в детский садик за дочерью. В дороге позвонила тёща и сказала, что мне нужно срочно быть в перинатальном центре. И выкатила целый список того, что я должен привезти своей бывшей.

— А что она делает в роддоме? — спросил я.

— Как что? Рожает!

Иногда, вспоминая о своей злополучной супруге, я мысленно обращался к ней с вопросом: «Утих ли ветер в твоей голове, ветренная ты моя подруга?» Ответа не было. И вот теперь оказалось, что она, твёрдо стоявшая на том, что не будет иметь больше одного ребёнка, решила родить ещё раз. Значит, дело было не в ней, а во мне? Получается, она не хотела второго ребёнка именно от меня? Это открытие заставило меня взглянуть на наш неудавшийся брак и на себя самого с неожиданной стороны. «Мужу моей жены» удалось то, что не удалось мне, всегда мечтавшему иметь троих детей, не меньше.

Все последующие дни я вертелся, как белка в колесе. Хотя наблюдательные и трезвомыслящие люди говорят, что вертится не белка, а колесо, белка бежит. Бежал и я. Изо всех сил.

С дочкой все было понятно. Мне нужно было только приводить её в детский садик утром, забирать вечером и играть с ней в свободное от детсадовского узилища время. Это была самая приятная часть моих обязанностей. Мне всегда нравились эти маленькие человечки, которых называют детьми. Конечно, было странно видеть, как быстро они куда-то пропадают, превращаясь в скучных, занудных взрослых. По себе знаю: когда начинаешь объяснять дочке какую-нибудь прописную истину, рассказывать ей, что такое хорошо и что такое плохо, сам становишься скучным и занудным. Настолько, что начинаешь испытывать к себе стойкую неприязнь. Но такова участь всех повзрослевших детей, каковыми мы остаёмся до конца жизни.

После того, как я сдавал своё чадо на руки воспитательнице, мне нужно было ехать в больницу к теще и в перинатальный центр к жене. К бывшей теще и бывшей жене. Но я не думал о них как о бывших. Мне казалось, что отныне и навсегда, раз уж свела нас тяжкая судьбина, я несу за них ответственность. За них и за свою дочь.

С тещей было проще. С женой сложнее. Как объяснил мне лечащий врач, ей была проведена органосберегающая операция для сохранения репродуктивной функции.

— Произошло вращение плаценты в область рубца на матке, — пояснил он, как будто мне это о чём-то говорило. — Вам повезло. Метропластику делают только в нашем центре. В процессе хирургического вмешательства мы смогли минимизировать кровопотерю. Плаценту, которая повреждала стенку матки и срасталась с ней, удалили вместе с поражённой частью матки. Роды были сложные. Но всё закончилось благополучно. У вас —

Юрий Сысков. Последнее пророчество

сын. И самая главная новость: у вашей супруги ещё будут дети. Если вы, конечно, захотите их иметь...

— Спасибо, доктор, — сказал я, не став уточнять, что к ребёнку я не имею никакого отношения. Как и к своей бывшей жене. Хотя как сказать...

В вечернее время, перед передачей «Спокойной ночи, малыши» мы с дочкой рисовали цветные домики и сочиняли стишки. Мне запомнился один, положенный нами на мелодию колыбельной звездочёта из кинофильма «Красная шапочка»:

*Очень тихо, от души
Спят в коробке карандаши,
И получилась радуга в кровати...*

Как-то нам поручили принести в детский сад поделку, изготовленную своими руками. Желательно какое-нибудь животное. Или насекомое. Я решил подойти к этому заданию творчески: взял старую деревянную солонку в виде поросёнка, крылья от поломанного Бэтмена и саморезом привинтил одно к другому. Получился знатный орлосвин. Но воспитательница наше произведение искусства не оценила. И даже раскритиковала его. Мы обиделись на неё и на следующий день решили не ходить в детсад. Совершить самовольную отлучку. Дочь была рада-радешенька. Мы очень весело провели время в парке на каруселях и в пиццерии — в компании орлосвина, который, кстати, произвёл настоящий фурор как у посетителей, так и у персонала. В итоге мы подарили свой непризнанный шедевр директору заведения, предложив назвать вверенную ему точку общепита «Орлосвин».

— Дядя Ваня, — объявила мне дочь, — ты будешь моим вторым папой!

Я согласился. Второй папа — это уже повышение.

Вскоре муж, инженер по бурению скважин, вернулся домой, жена и ребёнок выписались из перинатального центра, тёща — из больницы, и жизнь вошла в нормальную колею. Я, как это было у нас заведено, отдал ключи от квартиры соседке, вернулся в свою холостяцкую нору и с понедельника вышел на работу.

В конце дня я достал из бардачка своей «деушки» визитку историка и, наконец, позвонил ему, чтобы договориться о встрече.

— Приходите хоть сейчас! Жду... — сказал он.

Николай Александрович жил в обычной хрущёвке в отдалённом районе, в котором интеллигентные люди по вечерам из дома не выходят. Даже с мусорным ведром. А тем более покурить. Открыла мне его жена — бледная, невзрачная, как моль,

анемичная на вид женщина с изломанной фигурой подростка. Я заранее проникся чем-то вроде сочувствия к её мужу. Бывают же мужчины, не уверенные в себе. Но чтобы настолько...

Она оказалась экспертом по романскому искусству. Не успел я разуться и надеть предложенные ею тапочки, как она потащила меня смотреть свою домашнюю коллекцию, доставшуюся ей от отца-профессора. Со всеми сопутствующими пояснениями. Конечно, в её случае логичнее было бы метнуться на кухню и приготовить чай с круассанами, канапе на шпажках или тарталетки с красной икрой, но она, судя по всему, была настолько погружена в профессию, что посчитала это вопросом второстепенным, не стоящим внимания гостя.

А гость, между прочим, был голоден.

Однако это не помешало мне задаться вопросом: а как у них с интимом? Хотя это, конечно, не так уж важно. Типичный случай жены-соратника, жены-единомышленника, всецело поглощённой интересами мужа. Ведь что отличает прочный союз двух сердец? Главное — смотреть в одном направлении. В постели они, наверное, разговаривают о работах знаменитого ювелира Годефруа де Клера из Юи и вспоминают, кто послужил прообразом Филиппа в пьесе Шекспира «Король Иоанн», где бастард представлен сыном вдовы сэра Роберта Фоконбриджа. Скорей всего, Филипп де Коньяк — внебрачный сын Ричарда I Львиное Сердце. Да, дорогая, это, несомненно, он.

Всё это пронеслось в моём воображении, пока супруга историка водила меня от экспонату к экспонату, демонстрируя лиможские эмали, статуэтки из готической кости, вазы испано-мавританской керамики, крышки ларцов для зеркалец и шкатулки со сценами из рыцарских романов. Как всё это можно было хранить в «трёшке», дверь в которую выносились пинком ноги, я не представлял.

— А вот реликварий в виде квадрифолия второй половины двенадцатого века, — с гордостью произнесла она. — Это уменьшенная копия более позднего времени. Подлинник хранится в Эрмитаже...

От обилия свалившейся на меня информации я слегка «поплыл». Но эта пара была беспощадна. Как только взяла паузу Манюня, как называл историк свою вторую половину, наступила очередь Николая Александровича, или просто Колюни, как называла его жена.

— Что вы думаете о времени? — спросил он.

— В каком смысле? — уточнил я.

— В самом широком. В самом банальнейшем смысле. Для того, чтобы понять, с чем мы имеем дело в пророчествах Нестордамуса, мы сначала должны ответить на этот вопрос, — торопливо заговорил он, словно подготавливая мне какую-то интеллектуальную западню: — Отгадайте загадку: что нельзя накопить, но можно потерять? Что нельзя купить, но можно потратить? Что нельзя стреножить, но можно прищипорить?

— Вы уже ответили на свой вопрос, — пожал плечами я.

— Вот именно. Вот именно, — продолжал он. — Провидец в момент своих озарений всегда находится в пограничном состоянии, на изломах, в слепых зонах психики. Зачастую сердцеведение, экстрасенсорные или пророческие способности проявляются в болезнях, скажем, в состоянии шизофрении или под гипнозом. Но это не исключает того, что дар пророчества есть дар Святого Духа. Человек, обладающий им, вступает в водовороты времени. Они ломают хронологию, вышвыривают его в иные времена, делают течение хроноса возвратно-поступательным. Для нас время движется равномерно и лишь в одном направлении. Для прозорливца — рывками и скачками, как течение порожистой реки с движением по кругу и в обратную сторону. С омутами, в которые его засасывает в одном месте, чтобы исторгнуть, изрыгнуть, выплюнуть совсем в другом, иногда на значительном удалении. Это лучше всего вам объяснит Колдырь. То есть Алексей. Именно он отвечает за главу о структуре и принципах движения времени, на основании которых мы можем утверждать, насколько «легитимны» видения Нестордамуса. И возможны ли предсказания вообще. К сожалению, он никак не может закончить эту главу. Поэтому мы вынуждены ждать. Обещал к осени. Тогда мы сможем претендовать на грант...

Он перевёл дух, чтобы с удвоенной энергией взяться за свою просветительскую миссию. А меня не отпускало ощущение, что я имею дело с одним из тех чудаков-учёных, которых в академической научной среде считают белыми воронами, посмешищем или попросту сумасшедшими. Но именно такие люди зачастую ломают стереотипы, открывают новые направления и совершают прорывы. Или разбивают головы, карьеры и собственные жизни в доказательствах того, что в принципе недоказуемо или попросту никому не нужно.

— Есть ещё одна причина, по которой мы не можем считать эту монографию завершённой.

— Какая? — из вежливости поинтересовался я.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— Седьмое пророчество.

Он поднял указательный палец вверх. В данном случае это был не перст указующий, а восклицательный знак.

— Пока это лишь гипотеза. Но ход событий и логика предыдущих шести видений подсказывает нам, что оно существует и ещё не раскрыто. На это нам намекает и сам Нестордамус. Под этим именем, само собой разумеется, мы подразумеваем Нестора-летописца, только его и никого другого. Просто для удобства называем так его духовного двойника, астральное тело или, как сейчас принято говорить, аватара...

— Но Нестордамус может оказаться и тенью Нестора. В его видениях мы находим всё, что вытесняется сознанием в бодрствующем состоянии. Так называемые «хульные мысли»...

— Да? Я об этом как-то не подумал.

Он поправил очки и взглянул куда-то поверх книжных полок, загромождавших всю стену.

— Пока оставим это. Теперь самый главный, на мой взгляд, вопрос: зачем Нестор и сопровождавшие его монахи появились в Новгороде? Какова цель их визита? Если шесть пророчеств уже сбылись, а седьмое — нет, то, очевидно, причина в нём. Они подталкивали нас к тому, чтобы мы нашли, прочли, поняли и обнародовали это пророчество. Тогда и только тогда оно сбудется. Прочесть и понять означает перевести с древнерусского на современный язык. Иначе понимание будет недоступно. А следовательно, пророчество не сбудется, ясно?

— Ясно.

Похоже, ему не нужен был собеседник. Ему была нужна аудитория. А лучше — амфитеатр, до верху заполненный слушателями.

— Та настойчивость, с которой Нестор подводил нас к этой мысли, говорит о том, что пророчество касается окончательных судеб России. И если он хотел, чтобы оно сбылось, значит, пророчество это сулит нашей стране великое будущее. В противном случае всё может сложиться иначе. Пойдёт по совершенно другому, нежелательному для нас, быть может, катастрофическому сценарию. Теперь вопрос: где оно?

— Где? Я потерял нить...

— Это и предстоит нам выяснить. Я тут предварительно проследил пути следования шести предыдущих пророчеств. Вопрос возник по двум из них.

— Интересно, — громче обычного, чтобы заглушить голодное бурчание в животе, произнёс я.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— И я нашёл ответ! — просиял Николай Александрович. — Как вы знаете, одно из пророчеств было дано третьему монаху, чтобы «сокрыл он его надёжно в изголовье». Это значит, что оно было погребено по смерти этого черноризца и некоторое, быть может, продолжительное время, пролежало в его могиле. Мы не знаем его имени, но это не столь важно. Так?

— Так!

— И как же оно было обретено?

— Как?

— Через обретение мощей означенного монаха! Известно, что никто бы не осмелился погрузить заступ в могилу чудотворца, чтобы откопать его останки, поскольку всякий благоговейно чтит мощи умерших братий. Для того, чтобы это случилось, сам угодник Божий должен явиться во сне или наяву ныне живущему и возвестить волю Божию об открытии своего нетленного тела. То есть в какой-то момент времени произошло чудо и этот монах, «восташа яко от сна, во уверение воскресения всех человеков», сам явил пророчество. Или возвестил это через распространение благоухания над своей могилой. Ведь мощи святых так же святы. Так и Нестордамус. Он явился в Новгороде Великом, чтобы подсказать путь к седьмому пророчеству. Вот и всё! — развёл руками историк.

— Колюня, а шестой? — подала свой слабый, тающий, как эскиммо на солнцепёке, голосок Манюня.

— Совершенно верно, дорогая. Это тот, который восшёл пеши на небо. Что это означает?

— Что? — спросил я.

— Как указывает сам Нестор-летописец, его пророчество было дано преподобному Николаю Святоше, потомку великого князя Киевского Ярослава Мудрого. Именно он выделил средства на строительство Надвратного храма в честь Святой Троицы. А поскольку он выполнял послушание вратаря, то по долгу службы каждый день поднимался на колокольню Троицкой церкви, то есть пеши восходил на небо и бил в било, созывал братию.

— Колюня, может, чаю?

— Чайку? Сделай милость, — бодро ответил Николай Александрович.

Жена историка неслышно переместилась на кухню. Рядом с мужем, который напоминал самозабвенно токующего тетерева в ярком брачном оперении, она выглядела невзрачной тетёркой.

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— Подведём итог, — продолжал Николай Александрович. — Посмотрим, как будет выглядеть география распространения пророчеств. Первый монах отправляется на юг, в полуденные страны, в Корсуньский храм. Второй — на восток, на восход солнца, в Ромен, что в Переяславской земле. Третий, как мы только что выяснили, — вниз, вглубь земли, то есть в могилу. Четвёртый — на север, в Новгород Великий, в Софийский храм, куда потом явится Нестордамус и монахи, которых он рассылал из Лавры с посланиями. Пятый — на запад, на закат солнца, в Успенский собор Галича. Шестой — вверх, на колокольню, то есть на небеси. Это мы выяснили со всей достоверностью. А теперь берём лист бумаги и графически изображаем то, что имеем. Получается система координат. В трёх измерениях.

Он нарисовал пересекающиеся прямые, но, поскольку лист не позволял изобразить третье измерение, то верх-низ у него получился условно, под углом к первым двум перпендикулярным линиям.

— Теперь вопрос? Где нам искать седьмое пророчество? В каком направлении оно...

Тут его лицо обездвижилось и омертвело, словно его хватил инсульт или, как говаривали в старину, апоплексический удар. Я уже начал беспокоиться. Не пора ли звать жену и звонить в скорую?

Но он позвал жену сам, причём сделал это таким резким, пронзительным голосом, словно превратился в горьковского бу-ревестника, гордо реющего над седой равниной моря.

— Манюня! — закричал он. — Я нашёл! Нашёл!!!

С кухни прибежала, можно сказать, прилетела его обожаемая моль, его вторая половина. Она не выглядела напуганной. Видимо, привыкла к выходкам своего гениального мужа.

— Что, Колюня? Что ты нашёл?

— Я нашёл, где сокрыто седьмое пророчество! Это же так просто! Эврика!

Я никогда не видел, как кандидаты исторических наук сходят с ума. Это был первый случай в моей практике.

— Вы не догадались? — спросил он меня.

— Нет. Даже близко... — пробормотал я.

— Это же элементарно! — демонически расхохотался он, отчего мне показалось, что моя версия о сумасшествии имеет под собой веские основания. — Оно в точке пересечения координат!

Юрий Сысков. Последнее пророчество

— А это где? — не понял я.

— В той самой точке! — продолжал веселиться историк.

— Поясните...

— Нестор оставил его при себе! — торжествующе заявил он. — А это значит, что последнее, ещё не прочитанное пророчество хранится в Ближних пещерах Киево-Печорской лавры, в раке преподобного, понимаете? Как же я раньше до этого не додумался!

Про чай мы, конечно, тут же забыли. А хозяева почти забыли про гостя, то есть про меня. Воспользовавшись суматохой, я произнёс какие-то невнятные извинения-благодарности и выскользнул за дверь. У меня не было никаких сомнений, что в эту ночь они спать не будут. И обязательно воспользуются случаем, чтобы отпраздновать свой непредвиденный триумф стопочкой наливочки, пылящейся с незапамятных времён на антресолях. И это будет называться: «Сегодня, дорогая, мы кутим напропалую!»

Не знаю почему, но после того, как я сбежал из этой «странной квартиры», мне показалось, что я хочу в неё вернуться. Чем-то мне стала симпатична эта чудаковая пара, этот шаткий, словно поставленный на курьи ножки, дом. Эта просто Манюня, не чаявшая души в своём одержимом Колюне. Подвижник и его муза. Старая история, которая редко кончается благополучным финалом. Слишком хрупки они для селей и камнепадов нашего неустойчивого мира, слишком подвержены простудам из-за его леденящих стремнин и вселенских сквозняков.

«Что же такое время?» — спросил я себя, пытаясь честно ответить на заданный мне вопрос. Есть ли на него ответ? В моём представлении — это ветер, насквозь пронизывающий всё мироздание. Остановить время можно, только установив безветрие, умертвив его. Умертвив себя, ты остановишь только своё время...

Я вздрогнул, почувствовав, что засыпаю за рулём, и тут же проснулся. Был уже второй час ночи.

Окончание в следующем номере

Юрий Володин

Обними меня, Родина

Сутра ветвей на ветру

Как размеренно
Ветви качает
На летнем ветру.

Постоянным в столетях
Ничто не могло бы
Остаться.

Всё как будто замедлилось...
Крона под солнцем
Сверкает...

По листкам
Речкой времени вдаль
Календарь унесёт.

Шарипутра,
Открылось мне: кажется
Я не умру...

Он не может ещё раз
От первой страницы
Начаться.

Но не тело бессмертно.
С рожденья оно
Угасает.

Человек
Лишь энергии всплеск
На границе у тьмы.

И не в смысле
Бессмертия душ:
Изменяется всё.

Поразительно краткий
В обложке
Растущего мира.

Юрий Володин. Обними меня, Родина

И по каплям
В пространстве, где жили,
Останемся мы

Частью нового,
Жизни какой-то другой
Эликсира.

...Отголоски найдутся
Дыханий моих
И мечты

В каллиграфии,
Текстах
И даже среди фотографий...

Это я, Шарипутра!..
И тех, кто был раньше,
Следы:

Я их метрик собрание,
Так же
Как их эпитафий.

Наблюдая всего лишь,
Уже мы влияем —
Собой.

Полагает так физика...
Дхарма с ней
Спорить не станет.

«...Если долго смотреть
За играющей с ветром
Листвой,

То однажды листва
И сама тебе в сердце
Заглянет...»

В ритме музыки
Ветви танцуют
На летнем ветру.

Наблюдая за ними,
Я с ними
Как будто срастаюсь.

Я движения ветра
И листьев
С собой заберу.

А деревья и ветер
Продолжат,
Со мною сливаясь.

Я лишь вижу...
А ветви как будто
Качают меня.

Ветер там высоко...
Выдох мой
С ним листву колышет.

Это вечная связь,
Шарипутра,
В движении я.

А во мне —
Листьев море зелёное
Мир наполняет.

В каждом месте,
Где был я, где сердце
Грустит и поёт,

Я остался навечно.
Во мне они также
Остались:

Многих мест уже нет,
Только память
Легко их вернёт.

Отдалившись,
В пространстве и времени
Мы не терялись!

Юрий Володин. Обними меня, Родина

И с людьми дорогими
Всё так же:
Их нужно любить.

Вспоминать, Шарипутра,
Спешить их увидеть
И слушать.

А когда
Расстаёмся навечно —
Им вечно в нас жить,

Каждым взглядом и словом
Преграду холодную
Руша.

...В этот самый момент
Я мальчишка,
Лет тридцать назад...

...Я отец мой, когда-то.
И даже уже
Мои дети...

Отчего, Шарипутра,
В глазах моих слёзы
Стоят?

Это ветер, идёт.
Бесконечный и ласковый
Ветер...

Пустота держит форму,
А форма полна
Пустоты.

Что же ветви качает?..
Нет в этом
Ни смысла ни цели.

Смысл и цель,
Шарипутра, мерцают,
Где я и где Ты.

До поры, пока сами
Листою мы
Не улетели...

Ветви крыльями машут,
Склоняясь,
У всех на виду,

Только кто же заметит?
Проходит,
Незримо касаясь.

Я из Сутры узнал,
Что, хотя я однажды
Уйду,

Смерти нет, Шарипутра,
Идти нужно мне
Улыбаясь...

Броне

Шесть.. Пять..
Четыре... Три..
Броня —

Храни от пули
И осколка.

Прикрой, родная,
И меня,

И тех кто рядом!
Ненадолго.

Три... Два... Один...
«...Вперёд!..
Пошел!!..»

Мы не в кино —
Не все
Вернутся...

Дай надышаться
За Тобой.

И в Вечность,
С криком,
Оттолкнуться.

Юрий Володин. Обними меня, Родина

Алиса, прости!

В белом, как санитары, Словно последний долг,	...Дальше — мёртвая зона, А не Эдем в цветах?..
И похоронной тары В выборе зная толк,	Это антиутопия. Да, только не в кино!
Крупные и помельче Чужие грехи и грешки,	Мы — на Земле в скафандрах. Страшно, а не смешно...
С трудом волонтёры в чёрные Упаковали мешки.	Нет, не таким я в детстве Видел грядущий век.
...Берег Чёрного Моря Чёрный, как от огня.	Всё-таки неразумный Sapiens, человек.
Берег, что в светлом Детстве Очаровал меня,	...Понял теперь, Алиса, Девочка из мечты,
Мы погребальной командой В чёрных несём мешках.	Что нам, наивным предкам, Не рассказала Ты:
И респиратор мокрый. В поте или в слезах?..	Будущее жестоко. Мы б не смогли принять,
Я не сгущаю краски: Белые есть мешки —	Что в XXI веке Выпадет испытать.
В чёрные превращаются Прикосновеньем руки,	...Низко прошли вертолёты: Рядом идёт война.
Вымазанной мазутом. Белые — тоже есть...	Слишком уж много скорби В жизни твоей, Страна.
Только на них мазута Чёрная ярче взвесь!	Жаль, но Страна не видит, Алиса, и Ты прости,
И на комбинезонах, И на моих очках.	Как марсианские яблони Могли бы сейчас цвести...

Юрий Володин. Обними меня, Родина

..Ты нас прости, Алиса.
Дай только отдышусь

Чёрные или белые...
Некогда выбирать:

И за лопату снова,
И за мешки возьмусь!

Плачет слезами моря
Берег родной, опять...

«Дикая слива, кажется...»

Дикая слива.
Кажется...

«...Быть, или
Не быть...»

В том,
Что я чувствую,
Запах лоя и свет
Новой весны —

А может быть,
Абрикос?

Или
Высоцкого голосом
Пел

Больше
Единства
Всё же.

С самого детства
Путал
Их красоту
Постоянно.

О Любви-дыхании...
Юность
Взрослела со мной,
А деревья вокруг

...Море деревьев
Всюду.

Вот и теперь...

Цвели,
Снова и снова даря
мне

И сливы, и абрикос.

Сын младший
Уже подрос,
А я продолжаю
С этим
По свету бродить
Изъяном.

Свои объятья.
Мудрый Исса,
С Островов
На самом
Краю земли,
Мне завещал:

Волны
Тёплого ветра.

Мог бы запомнить
Раньше,
Но я не умел
Спешить.

«...Под цветами их
Все мы
Братья...»

Робкое птичье
Пенье.

Просто
Стоял подолгу
В пёстром
Благоухании,

...Дикая яблоня?..
Вроде бы
Не абрикоса
Цвет?..

Годы пути...
Серпантин
Чёрно-белых полос.

Думая
Голосом
Смоктуновского:

Разница очевидна.
Хотя
В первый день
Погожий

Каждой весною
Быть в шаге
От
Просветленья.
...Всё-таки
Слива.

Но мог быть
И абрикос.

Юрий Володин. Обними меня, Родина

Первый, с зимы,
Аромат
Долгожданный
Самый.

— Пап!
А что за цветы

Ветер сюда
Принёс?..
— Узнаем...
Однажды.

Или...
Спросим
Дома,
У Мамы.

Обними меня, Родина...

Обними меня,
Родина.

И темно мне,
И холодно что-то:
Истекаю теплом
Бесконечного
Летнего дня.

...Голой степью
Прикрыться
Пытается наша пехота.
А немецкие танки
Землёй пеленают
Меня

Словно
В саван

Я в пыль придорожную
Канул,
В беспощадном,
Безвестном
Частей отступавших
Бою.

Жизнь ударами рвётся
В железом
Пробитую рану.

Обними меня,
Родина,

Кровь
Принимая
Мою.

...Я сражался,
Как мог...

Я устал...

...Мне б
В калачик свернуться,

Как когда-то,
Мальчишкой,
На печке,
Коленки поджав...

...Вот граната в руке.
Я смогу.

Должен я
Дотянуться!

Права нет умереть,
Никого из врагов
Не забрав!

...Почему онемели
Осколками битые руки?..
Отчего не могу я
Подняться в атаку
Рыча?

Юрий Володин. Обними меня, Родина

...Мама...
Мамочка!..

Только бессвязные звуки
Вылетают из горла,
И взрывы
Не перекричать!

...Мать
Не сможет

Родная

Хоть Ты
Прикоснись напоследок

Этой степью глухой,
Облака над которой летят,

Не забудь меня,
Родина.

Здесь,
Среди трав-однолеток,

Я срастаюсь
С Тобою...

Я Твой
Неизвестный солдат.

*Наталье Окуневой—
75 лет!*

Три рассказа

Как вас зовут?!

День был обыкновенный, хотя и очень красивый. Осенне-золотой. Немного холодный. Воздух был, что называется, свежим, то есть приятным для дыхания, но при этом заставляющим одеться потеплее. К тому же он был прозрачным и одновременно синим. Небо радовало тем удивительным цветом, который не даёт покоя ни даровитым, ни бездарным поэтам ещё и потому, что называют его, по-моему, очень красивым словом. Первые пытаются спрятать его в начало или середину строки, а вторые непременно поставят в конце, чтобы легко и непринуждённо срифмовать со словом осень.

Пушкинские «баgreц и золото» и небесная осенняя просинь делали сердце лёгким и счастливым. Выходит, день был не очень-то обыкновенным. Тем более эта встреча...

Я люблю городские улицы, которые многолюдны даже в будни. Мне нравится среди людей оставаться наедине с собой и наблюдать их озабоченные или беззаботные, светлые или мрачные, открытые или сосредоточенные лица. Городские улицы — это место, где на обронённые тобой невинную фразу или вопрос ты можешь услышать обстоятельный добродушный ответ или колючее, едкое замечание. И результат зависит вовсе не от тебя, не от твоей фразы, а от того, на кого, как говорится, нарвался.

Светофор позеленел и, пока я в потоке людей шла через перекрёсток, всё хлопотал: «Пи-пи-пи». Скорее, мол, не успеешь. Направившись к остановке, я ещё издали увидела того человека, о встрече с которым и хочу рассказать. Мне сразу стало понятно, что с ним происходит. Автобусы отходили от остановки друг за другом. Пока я приближалась, мужчина успел заглянуть в двери двух из них, что-то сказать и обречённо отойти. Моя рука невольно направилась в сумку, в кошелёк. Когда я оказалась рядом с незадачливым пассажиром, в кулаке у меня была необходимая сумма на проезд, а мужчина, отойдя от очередного автобуса, сокрушённо воскликнул: «Ну, что это за люди!» По внешнему виду было ясно, что в его жизни мало благополучия и вряд ли он видит осенне-золотой день вокруг себя, а если и видит, то от этого ему ещё хуже. И ему непременно надо было ехать куда-то. Непременно. Протянув деньги, я сказала тихонько:

— Возьмите.

Мужчина беспокойно вскинул глаза. Было видно, что, переживая собственное отчаяние, человек не сразу понял, чего я от него хочу, потом недоумённо спросил:

— Зачем?

— Но ведь вам надо ехать.

Тут снова прибыл автобус нужного ему маршрута. Мужчина опять забеспокоился, торопливо сказал слова благодарности и устремился в открытую дверь уже тронувшейся с места машины. С другой стороны подъехала и моя маршрутка, я подошла к ней. И вот тут наступило мгновение, о котором мне не забыть никогда.

День всё так же синел, стараясь украсить беспокойную городскую жизнь. Остановка была полна людей. Я ступила на подножку маршрутки. И мне вдруг непреодолимо захотелось посмотреть в сторону автобуса, в котором уезжал тот человек. Я почувствовала, что должна бросить туда взгляд...

Мужчина стоял в дверях автобуса, не давая им закрыться, он ждал моего взгляда. И, как только наши глаза встретились, крикнул: «Как вас зовут?!» Меня пронзило понимание того, зачем ему нужно моё имя. Было очевидно, что мы больше никогда не встретимся, а если встреча и произойдёт, то не узнаем друг друга. Но ещё человек знал, знает, что такое быть благодарным. А имя моё ему нужно, чтобы, может быть, помолиться за меня. И я поспешила помочь ему ещё раз. Понимая, как для него это важно, я выкрикнула своё имя. Мужчина кивнул — услышал. Он улыбался: успел. Двери автобуса закрылись.

Когда тронулась моя маршрутка, мне стало страшно: я могла не оглянуться! Но нет, не могла. Потому что все мы, живущие на белом свете, чувствующие этот свет, пропускающие его через свои души и отпускающие их, души свои, в прекрасное путешествие по этому свету, все мы связаны друг с другом тонко, незримо, непостижимо, но прочно и навсегда.

Зависть

Ковш Большой Медведицы «стоит» прямо на кроне моей старой яблони. Августовская ночь наполнена песней сверчков, которая, как ни странно, ещё глубже и необъятней делает тишину, окутавшую и мой дом, и мой сад, и, кажется, всю планету. Про планету — это не для красного словца. Просто ночью, когда исчезает небо и открывается прекрасная, страшная в своей звёздной красоте бездна, я ощущаю малость моего дорогого шарика, который кружит и кружит среди бесчисленного скопления звёзд, планет, туманностей.

А на шарике мне сейчас тепло и уютно. И сверчки эти... Тёмным силуэтом напоминает о себе банька. Мне кажется, она дремлет. Вот почему-то не спит, а дремлет. Вообще, это, конечно, удивительная домущка. Любимая. Когда муж начинает хлопотать возле неё, мне вспоминается шукшинский Алёша Бесконвойный: такие же трепет, удовольствие и даже какой-то восторг вижу я во всех действиях моего благоверного (хотя это слово, может, и не про него совсем).

Наносить в баню воды — это не просто выражение, это что-то заветное, ритуальное, важное. Дождавшись нужного часа, муж носит воду. Всякий раз, когда он исчезает с вёдрами внутри предбанника, тапки на порожке остаются так, будто человека

в них и не было никогда, такие растерянность и одиночество сквозят в их брошенности. Но вот он уже выныривает с пустыми ведрами, и, пока водружает тапочки на место, им приходится повертеться.

С водой покончено, теперь наступает момент, который называется «затопить баню». Может, вы и не слышите ничего особенно в этих словах, но они не менее заветные, чем «наносить воды». Видели бы вы, как бережно держит в руках мой Бесконвойный свёрточек-растопку — щепки, завёрнутые в газету! И вот из трубы поднимается вкусный дым. Настоящий, пахнущий горящим деревом. А банька становится похожей на маленький пароходик, который шпарит себе среди огорода в неведомое далёко.

Вот интересно, кто тот первый, самый первый человек, который придумал баню. С веником.

Земляне навсегда виноваты в том, что человек этот неизвестен и памятника ему нигде на планете нет. Вот так я думаю.

Но вернусь к процессу. Кроме «наносить» и «затопить», есть ещё «поднимать» — поднимать пары, как говорит муж. Для этого он уже окончательно исчезает внутри «пароходика», и только время от времени оживляющийся дымок над трубой свидетельствует о том, что банька под присмотром. А в ней!.. Эх, ведь правда же, там — счастье! Оно имеет запах: дубовый, берёзовый, пихтовый. А самый главный — запах степи, потому что там дышат паром камни. Не какие-то ролики для электропроводки (выдумка иных умельцев), а камни, собранные на нашем приволжском степном берегу. Парок — сколько сил хватит, то есть сколько пожелаешь. И какая-то невозможная радость не оставляет тебя ни на минуту.

Я люблю баню второй половины осени, потому что вода в импровизированном душе становится ух какой бодрящей! Наберёшься жара на полке и таким облаком пара дубово-берёзово-пихтовым — под бочку в октябре или в ноябре, если морозов нет. Льётся на тебя осенняя водичка, и слышишь, как щёлкают разогретые баней клеточки на коже, захлопываются. И пусть кому-то покажется, что это неправда, а я утверждаю. И опять полок и банный дух!.. Ну, счастье же! И нет у тебя за спиной никаких лет. То есть совсем. Никаких. И дышится легко, и с полка на полок — легко, и на душе легко! И счастливо, и молодо, молодо, молодо!

Только однажды мне всё это чуть было не испортили, вернее, испортило. Но сначала — про зеркала. Я люблю их с детства.

Не потому, что они отражают меня, такую красивую, а потому, что мир, отражённый в них, становится странным, влекущим, другим. И ещё они увеличивают пространство, поэтому в моём доме всегда было много зеркал. Ну и в бане, конечно, есть. И не одно. Все к ним привыкли и не особенно-то в них смотрят. А тут я очередной раз со своим «молодо» проходила из парилки под бочку, да и глянула в зеркало почти неожиданно для самой себя... А оно возьми да и выложи свою правду-матку. Я даже остановилась. Посмотрела в него, посмотрела, чувствую: не сходится что-то. Во мне-то всё не так. Ну, совершенно не так! И вдруг поняла, в чём дело. Вот висит оно тут для пространства, и не так часто кто-то в нём нуждается, да ещё эта тётка (я то бишь) туда-сюда, туда-сюда мимо со своим «и счастливо, и молодо». Вот и решило оно мне отомстить. Да не вышло у него ничего. Вовремя я поняла, какое чувство его гложет. Зависть. Зеркало мне завидовало.

Подарок

Рекс, старый пёс, проживший с нами от рождения почти пятнадцать лет, в конце жизни стал отчаянным романтиком. В нём появилась страсть лежать среди цветов на моих клумбах. Конечно, при этом он наносил урон, и ему приходилось выслушивать и порицания, и уговоры, и даже угрозы, но желание лежать в цветах он не мог и, я подозреваю, не хотел усмирять. Мне доводилось несколько раз наблюдать его при этом «вредительстве», глядя из окна. Рекс лежал, расслабив всё своё собачье тело, положив, уверяю вас, счастливую морду на лапы, которые укладывал аккуратненько, параллельно по отношению друг к другу, и то закрывал блаженно глаза, вдыхая цветочный воздух, то открывал их и поглядывал вокруг и вверх на цветы, умудряясь при этом не менять положения и не поднимать головы.

Я пробовала жёстко бороться с цветочной страстью и втыкала в клумбы металлические пруттики, надеясь, что пёс, почувствовав, какие они колкие, забудет о своём увлечении. Как же я была удивлена, когда увидела псяру, удобно расположившего своё шерстяное туловище между пруттиками. И хоть лежал он не по струнке, но по-прежнему пребывал в полной нирване.

Его романтическая натура проявлялась и по-другому. Дело в том, что с самого детства Рекс ходил со мной на Волгу. Пока я загорала и плавала, он обследовал берег, не появилось ли на нём

со вчерашнего дня чего-то нового или, может быть, даже вкусенького, время от времени заходил в воду ровно так, чтобы намочить живот и грудь, делал вид, что кусает волну, фыркал, но ни разу так и не поплыл. Пёс очень любил эти путешествия и не меньше меня был душой привязан к реке.

Как-то в начале очередного лета я никак не могла выбраться поплавать. Со второй половины июня Рекс стал переживать: что же это такое? Он явно звал меня к реке: делал вид, что устремляется к калитке, при этом оборачивался, зазывно смотрел и вилял хвостом. Пёс знал много человеческих слов (среди них и имя Волги), хотя, конечно, говорить не научился. И вот расцвело очередное июньское утро, когда ничто не мешало встрече с моей давней подругой и её сине-зелёной водой. Рекс не видел, как я надела шляпу (для него это всегда было сигналом), он стоял за калиткой и смотрел в любимую даль. Выйдя из калитки, я сказала: «Ну что, Рекс, на Волгу пойдём?» Псыра оттолкнулся от земли четырьмя лапами, в воздухе перевернулся мордой ко мне и приземлился передо мной с такими брызгами счастья, неожиданной радости в глазах, что во мне всё замерло от сознания того, как умно это существо, как сильны его чувства и какие родные мы с ним в нашей привязанности. Так был открыт очередной сезон собачье-человеческого счастья.

Следует заметить, что в молодости я ходила на Волгу со своими маленькими детьми, потом — с внуками. Когда и те, и другие выросли, Рекс остался единственным верным спутником. Время шло, пёс старел, ему стало непросто преодолевать подъём в гору, но от путешествия он отказался лишь пару раз. Кроме этого, наш подопечный каждый день, утром и вечером, в любое время года, ходил на «проминаж» с хозяином на волжский берег. У них выработался, что называется, выверенный маршрут. В общем, Рекс был волжанином.

В то время, о котором идёт речь, у него появилось ещё одно, кроме лежания в цветах, любимое занятие. Он забирался повыше на кучу песка, тщательно укладывался и... мог так лежать подолгу, устремив задумчивый взгляд вдаль: на Волгу, за Волгу, в небо... О чём он думал, о чём вспоминал? Было очень грустно видеть эту картину, понимая, что жизнь любимого питомца подходит к концу.

Пришёл день, когда Рекс не вернулся домой ни на ночь, ни потом. Подождав сутки-другие (бывало и раньше, что пёс исчезал), я попросила мужа поискать собаку. Конечно, хозяин тоже

беспокоился и грустил, подозревая худшее, обречённо спросил: «Где же я его искать буду?» Но во время очередной, уже одинокой прогулки решил повнимательнее посмотреть вокруг. И нашёл. Рекс лежал на волжском холме в своей привычной позе — мордой на лапы, и было видно, что, прежде чем умереть, он напоследок смотрел в любимые дали — на Волгу, за Волгу, в небо... Пока не закрылись навсегда собачьи глаза. Муж, вернувшись домой, сказал: «Какой же он всё-таки умный. Знал, что я приду на это место, найду его».

Там мы его и похоронили.

Потянулись печальные дни, в которых на каждом шагу ощущалось исчезновение любимого существа. Время от времени я вздыхала: «Эх, Рекс, Рекс...» Муж тоже ходил мрачный. О том, что нужно завести новую собаку (ведь двор опустел и стало неуютно, особенно по ночам), мы не помышляли. Во-первых, горевали по любимцу, во-вторых, думали о том, что, поскольку нам самим много лет, нас может уже не хватить на целую собачью жизнь, и животное вдруг останется никому ненужным сиротой.

Как-то во время обеда муж поднялся из-за стола, чтобы налить чая. Возвращаясь на место, остановился у окна и сказал: «Эх ты! Смотри, какая собака!» Я подошла к окну так, что супруг остался у меня за спиной, и увидела щенка. Картинка была из тех, о которых принято говорить: «Не забуду никогда в жизни». Щенок стоял за калиткой и смотрел прямо в окно. В глазах — вопрос: кто здесь живёт, может, добрые люди, может, возьмут меня к себе? Внешне он очень походил на овчарочье дитя, правда неухоженное. Всё это мгновенно пролетело во мне, вызвав чувство материнской жалости. За спиной я услышала тихий вопрос: «Наша, что ли?» — и поняла, что ответ очевиден. Тем более нам обоим одинаково показалось, что собачку «прислал» любимый Рекс.

Несколько дней щенок не подпускал нас к себе, хотя и не уходил. Еду старался взять обманно и отчаянно предупреждал звонким лаем, что он не простодыра. Я называла его Мальчиком, говорила ласково, но он никак не мог поверить в искренность доброго отношения, видно, в столь юном возрасте уже успел натерпеться от людей. Между тем он обнаружил будку Рекса, посудинку для еды и тайно пробирался к ним. Здесь мы, прибегнув к коварному обману, поймали его. Осмотрев пленника, обнаружили каждый своё: я — что это отнюдь не мальчик,

муж — наоборот (очень хотелось мальчика). Спустя два дня мне пришлось разрушить его покой. Это было некоторым разочарованием, и муж подумал вслух: «И что? Увезить его дальше?» — имея в виду то, что собаку в наши места уже кто-то привёз, чтобы избавиться. Когда я сказала, что об этом не может быть и речи (муж, конечно, и сам так думал), он наивно спросил: «А как же теперь его — её называть?» Мне пришлось признаться, что уже два дня, как зову его-её Манечкой, чтобы щенку казалось по созвучию, что ничего не изменилось.

Так у нас появилась Маняша. Был май. За месяц Манечка подросла, освоилась в будке, шерстка у неё заблестела, появились белые «штанишки», стали подниматься ушки. И в нашей жизни появилась новая, маленькая, но постоянная радость. И нельзя было её назвать предательством по отношению к Рексу, так как в нас всё-таки жило ощущение, что он сам подарил нам щенка, как бы странно это ни звучало.

Настало время встречи с Волгой. В тот день муж изъявил желание пойти со мной и предложил взять Маняшу. Я высказала опасение: вдруг она потеряется по дороге, на что услышала: «Куда ж она убежит? Она знает, где её кормят». Это прозвучало убедительно.

И в самом деле: Маняша не отходила от ноги, осторожничала и не рвалась вперёд, знакомилась с дорогой, вернее, с тропинкой. Когда же мы стали спускаться с последней горки, собака, впервые в жизни увидевшая большую воду, оказалась впереди и, не раздумывая, бросилась в неё. Она прыгала, кувыркалась, бегала туда-сюда вдоль кромки, зарывалась в воду головой, не оберегая уши. Над ней, вокруг неё сверкали на солнце брызги. Мы остолбенели, наблюдая всё это. У меня даже появилось чувство опасения: выдержит ли собачья психика такие радость, восторг и даже счастье! Мы радовались вместе с ней, как дети. А на следующий день Маняша поплыла! Вот чудо! С каждым днём она заплывала всё дальше, так что приходилось насильно возвращать её к берегу. Однажды так я отправила её в обратный путь и спокойно поплыла дальше. Решив отдохнуть, перевернулась на спину и прямо перед собой увидела счастливую морду, на которой глаза излучали и восторг, и ужас от того, что она творит. При этом ей захотелось каким-то образом устроиться на мне. Пришлось немножко поскандальить и вместе возвращаться.

Так у меня опять появилась спутница. Да ещё какая!

Наталья Окунева. Три рассказа

Прошло наше первое лето. Потом мы путешествовали к воде и осенью. Наступала первая Маняшина зима. С интересом ждала я снега, которого наша «девочка» никогда не видела. Я радовалась за неё — за то, что в жизни её должно было произойти ещё одно знакомство-открытие. Как примет она это явление природы?

Первые снежинки она, как водится, ловила, приняхивалась. Когда же зима вошла в пору и однажды намела много снега, Маняша приняла его так же, как воду. Прыгала, кувыркалась, стремительно бегала. Зарывалась мордой в снег почти с ушами и так мчалась вперёд. Потом выныривала, бежала обратно, неся в глазах свои восторг и радость. Несла их к нам, и мы жили так, будто у нас тоже зима случилась впервые.

Прошло ещё одно лето. И вот снова зима. Я смотрю в окно. Всё в нём бело и чисто. Берёза с заиндеветыми ветками по-сверкивает. Синицы и воробьи ворошатся в них, и сыплется сверкающий иней. Волжский берег утонул в сугробах. А кто это там среди них? Мелькает тёмная блестящая спинка. Это вышла погулять наша Маняша. Волжанка. Наш удивительный подарок от Рекса.

*Юрию Лопатину —
65 лет!*

Звёздный камень
(про Ивана-молодца из царёвого дворца)

Сказка

Век назад в селе убогом,
В стороне, забытой Богом,
Где богатство — птичий крик,
Жил в худой избе старик.

Слаб здоровьем был бедняга,
Сам не мог ступить и шага.
Как жену земле предал,
Неходячим сразу стал.

А жена сошла в могилу,
Не увидя света милу:

Тяжкий труд и нищета,
С сыновьями маета.

Старший знал в кабаке дорогу,
Средний ел и спал помногу,
Младший — Ваня — был чужак
И невиданный простак.

Как-то раз Иван проснулся,
Сел на лавку, потянулся.
Вдруг раздался страшный гром.
Ох, что грянуло потом...

Юрий Лопатин. Звёздный камень

Смотрит Ваня, не мигает:
В потолке дыра зияет,
А в углу, от глаза скрыт,
Камень с яблоко лежит.

Наш герой перекрестился,
На колени опустился,
Гостя с неба в руку взял
И от боли закричал.

Сто свечей ладонь пронзили,
Чуть рассудка не лишили.
Размахнувшись, Иван
Зашвырнул голыш в бурьян.

Братья чуду подивились,
Обнялись и удалились.
Младший воду в чан налил,
Руку, морщась, опустил.

Так и мучился до ночи.
Выл, стонал, что было мочи.
Утром слышит от отца,
Не помыв со сна лица:

«Полезай на крышу, Ваня.
Не изба у нас, а баня.
Семь часов дождище лил,
Все полаты намочил».

«Дела проще не бывает, —
Тотчас Ваня отвечает, —
У меня желанье есть,
Но пошто такая честь?»

«Стёпа мне помочь не хочет,
Дёма с ночи горло мочит», —
Сыну плачется старик,
Перейдя уже на крик.

Белкой влез Иван на крышу,
Повторяя: «Слышу, слышу».

Не туда ступил ногой,
И — об землю головой.

Братья Ваню подхватили,
На полаты уложили,
Стали думать и гадать:
Будет жить иль помирать?

Через день больной очнулся,
Лапти с пола взял, обулся.
Глянул вверх — дыры уж нет,
Из окна струится свет.

Бросил взгляд Иван на поле:
Братья косят. По чьей воле?
Трезв, как стёклышко, Демьян,
С ленью справился Степан.

«Что за невидаль такая?» —
Говорит Иван, вставая.
К печке, где отец лежит,
Слома голову бежит.

Тронул старого за плечи
И лишился дара речи:
Тот, привстав, клюку берёт,
В сени медленно идёт.

Ну а Ваня же от счастья,
Позабыв про все ненастья,
Во дворе давай орать
И соседей созывать:

«Эй, скорее подходите
Да на чудо посмотрите:
На ногах опять отец,
Братья — просто образец».

«Мы, Ванюша, не слепые, —
Отвечают крепостные. —
Лучше всё нам Расскажи
Без единой доли лжи».

Юрий Лопатин. Звёздный камень

За Ивана молвил Стёпа:
«Честно вам скажу, без трёпа:
Как задел Ивашку я —
В поле вынесло меня».

«Я же будто похмелился, —
К людям Дёма обратился, —
От Ванюшки — за косой
И бегом к хлебам босой».

О чудесном превращенье,
От недуга избавленье
Похвалялся и отец,
В рысь пойдя, как жеребец.

«Это что же происходит:
Плоть моя к сему приводит?» —
Озарило Ваню вдруг.
Землепашцы стали в круг,

А Иван продолжил: «Может,
Тех, кто сильно занеможет
Исцеляет камень тот,
Что метнул я в огород?»

Рты открывшие крестьяне
Услыхали, что в бурьяне
Звёздный камешек лежит.
Уж не он ли всё творит?

Или не в «пришельце» дело —
Бьёт болезни Вани тело,
Силу взявшее с небес?
Да, полно ещё чудес...

«А старухе Говорухе,
Что глуха на оба уха,
Горб сумеешь ли убрать?» —
Стали люди вопрошать.

Ваня скромно улыбнулся,
К старой деве повернулся,
150

По спине рукой провёл,
О здоровье речь завёл...

И старуха Говоруха
Снова слышит на два уха,
Как тростиночка, стройна
И спиною не больна.

Все зеваки онемели,
А очнувшись, загалдели:
«Невидальщины такой
Не бывало век-другой».

Ваня ж стал лечить убогих,
Злых, слепых и хромоногих.
Днём и ночью целый год
В ту избу валил народ.

О делах в державе новых
И доселе незнакомых
Наконец прознал и царь,
Всей России государь.

Самодержец усомнился
В том, что лекарь объявился,
Но послал в село гонца,
Чтоб доставить молодца.

Во дворец Иван явился,
Царю в пояс поклонился,
Руку в золоте пожал
И монарха слушать стал:

«Девять лет меня лечили,
Толку нет: лишь сна лишили.
Коль мигрень ты изведёшь —
Четверть царства заберёшь».

«Я в подарках не нуждаюсь,
Плату брать не собираюсь.

Юрий Лопатин. Звёздный камень

Рад, что ты уже здоров.
Можешь жить без докторов».

«Как здоров? Ты что городишь?
Не с ума ли, парень,
сходишь?» —
Стал правитель говорить,
У виска перстом¹ крутить.

«Раз пожал твою я руку,
Всё — забудь про боль и муку:
Я талант от камня взял,
Что с небес на дом упал».

И Иванушка поведал,
Как он камня мощь изведаль,
Как он начал врачевать,
Тело в воздух поднимать.

«Я не то чтобы порхаю —
В странах за морем бываю.
Есть что в мире посмотреть.
Неча дома век сидеть!»

«Коли ты, Ванёк, не шутишь
И сознание мне не мутишь,
То слетай за океан
Да достань-ка фрукт банан.

Хвалят больно эту штуку,
А ещё водицу куку,
Колу ль, коку — чёрт поймёт,
Каждый эту прелесть пьёт.

Заодно посла проведаль,
Разных кушаний отведай», —
Царь закончил монолог
И заснул без задних ног.

Двое суток дрых властитель,
Всей державы повелитель.

¹ Перст — палец (древнерус.).

А проснувшись, увидал,
Что Иван ему не врал.

Посыльной уж был у трона —
Так к корням стремится крона.
Раздобыл царю банан
И с водой заморской жбан.

«Вот спасибо, друг любезный!
Вижу, будешь мне полезный, —
Царь дары к груди прижал
И вопросы сыпать стал: —

Как живут там? Что за люди?
Не воинственной ли чуди²?
Где работает посол?
Попивает ли рассол?»

«Что сказать? Живут богато,
Да счастливых маловато.
А правитель их скупой
Нас хотел пугнуть войной.

Впрочем я уладил дело.
Спас страны родимой тело», —
Кратко Ваня доложил
И наград не попросил.

«А посол чем занимался?
По харчевням, что ль,
слонялся?» —
Рыкнул басом государь
И открыл с бумагой ларь.

«Там посол — что есть,
что нету.
Тратит время и монету.
Он давно ушёл в запой
И в посольство — ни ногой.

² Чудь — народ, в древности заселявший часть территории Прибалтики.

Вот те крест, мой царь,
не брешу».
«Отправляй тогда депешу:
Паразита отозвать
И публично наказать».

Государь хлебнул водицы,
Рот скривил, как от кислоты,
Поперхнулся, зачихал
И ещё полдня икал,

На посла сердясь безмерно:
«Из ума он выжил, верно.
Муть хвалил, а русский квас
Ведь хорош и без прикрас».

* * *

...Ваня — в дом. Едят окрошку,
Репу, чёрный хлеб, картошку.
Бодр отец, не пьян Демьян,
Не поборен сном Степан.

«Здравствуй, Ваня,
братец милый!
Видно, ты теперь служивый?»
«Царь меня там не держал,
Вот в село и прискакал».

«Где же деньги за работу?
Проявил ли царь заботу?»
«Много он чего давал.
Я подарков тех не брал».

«Ох, какой ты бестолковый!
Взял бы хоть один целковый —
Не в чем в люди выходить», —
Ваню начали бранить.

«Хватит хныкать. Хлеб убрали.
Есть ли повод для печали?
Хорошо, возьму денег.
Жить так славно без заплат».

Так сказав, Иван покушал,
Сплетен свеженьких послушал
И отправился во двор,
Где больных собрался хор.

Их пришло сюда немало.
Вышел лекарь — тихо стало.
Тут же люди пали ниц,
Не видать ни рук, ни лиц.

«Ну, довольно униженья!
От меня ли ждать спасенья?
Я не Бог вам, не судья, —
Молвил он, — я — просто я».

И калеки ободрились,
Помолились, прослезились.
Ваня принялся их стать¹
От болячек избавлять.

Между тем пора настала
Вывать вражеские жала.
Вновь в село гонец спешит,
Конь копытами пылит.

Ваня — сразу же в столицу,
В Кремль,
 в монаршую светлицу.
Пред холопом царь встаёт
И такую речь ведёт:

«Вот что, друг, на море южном,
Позарез державе нужном,
Нам почал вредить султан:
В бой толкает басурман².

Если ты вином иль пивом
Там закончишь дело миром,

¹ Стать — здесь: тела, характеры.

² Басурмане — иноземцы, люди иной веры, преимущественно магометане.

Юрий Лопатин. Звёздный камень

Отдохнув в селе часочек,
Младший сын без проволочек
Дома принялся опять
Хворь из людя изгонять,

А на деньги за пшеницу
Строил церковь и больницу.
Но недолго: царь-отец
Вызвал парня во дворец.

Государь Ивана встретил,
Поздоровался, приветил
Добрим словом, с трона встал,
Помолчал, потом сказал:

«Обещал ты, что покажешь
Земли дивные. Не скажешь,
Где тепло, вода, покой?»
«Остров в море есть такой».

«И девиц, небось, хватает?»
«Да, и каждая мечтает
О супруге дорогом,
Миловидном, молодом.

Там людей мужского рода
Нет уже четыре года», —
Ваня новость сообщил,
Сини очи опустил.

«Всё, летим! —
старик запрыгал,
Завертел брадой, зашмыгал,
А когда скакать устал:
«На звонницу!» — приказал.

Наверху перекрестился
И в слугу клещом вцепился,
Без руля и без ветрил
С ним по воздуху поплыл.

Разом день и ночь смешались,
Мысли бешено помчались.
Вёрсты, время, тьма и свет —
Вроде есть и вроде нет.

...Остров в море. Гор сиянье,
Плеск воды, птиц щебетанье.
Изумрудный лес шумит,
Неизвестность в даль манит.

Треск ветвей.
Страх вяжет ноги.
И откуда ждать подмоги?
Звери? Нет. Адам бы знал,
Сколько «рёбер» рай скрывал!

Саранчой с лесной полянки
На песок бегут смуглянки.
Десять. Тридцать. Пятьдесят...
Что несут, чего хотят?

Копья девушки бросают,
Царя, Ваню обнимают,
Нежно на руки берут,
К шалашам стремглав несут.

На ковры гостей сажают,
Чем угодно угощают.
Венценосец в корень зрит
И Ванюше говорит:

«Ощущаю я подспудно —
Быть мне нужно там,
где трудно.
Здесь пока я остаюсь
И за главное берусь.

Для тебя в Европе дело:
Жить там многим надоело...
Крестоносцев хочет рать
Волость Псковскую забрать.

Юрий Лопатин. Звёздный камень

А дорогу к кабаку
Не найти и знатоку.

Посреди села — церквушка,
Рядом — новая избушка.
Лечат в ней от глухоты,
Лихоманки, сухоты.

Ну а если вдруг проруха?
Тут старуха Говоруха
Вмиг болезнь заговорит,
Приголубит, ободрит.

Ваня с человеком пообщался,
С отчим домом попрощался
И в столицу поспешил.
«Отдохну потом», — решил.

Стража двери отворила,
В Кремль Иванушку впустила.
С царской грамотой мужик
Пред боярами возник.

Старцы только посмеялись,
Но, подумав, с мест поднялись.
Что поделаешь: приказ,
И попробуй дать отказ.

На рожон не лез Ванюша.
Всё советовался, слушал,
Книги разные читал,
Мзду давали — он не брал.

Прямо в царские палаты
Шли лечиться. И без платы.
Братьев Ванечка любил,
Но во двор их не ташил.

Кто, узнав о том, смеялся,
Кто лишь злобно ухмылялся.

Ваня твёрдо гнул своё,
Раздражая «вороньё».

Неспокойным время было.
Вновь войны мелькнуло рыло.
Воевода в Кремль влетел,
Хриплым басом загремел:

«Хан степной идёт к границе.
Там, глядишь, погрёт к
столице.
Ежель войско не послать,
Никому не сдобровать».

«Перестань пороть горячку!
Не впадём от страха в спячку.
Победим, но не мечом», —
Знал Иван, сказать о чём.

Накануне вести страшной
Ночью тёмной и ненастной,
Пряча палку под камзол,
Прибыл в стольный град посол,

Тот, что жил за океаном,
Джин и виски пил стаканом.
Во дворец войдя как вор,
Он с собой вёл разговор:

«Ох, умоешься ты кровью,
Я не двину даже бровью.
Погоди же, голубок,
Преподам тебе урок».

Вот Иван один остался.
Тут посол к нему подкрался,
Крепко палкой оглушил
И к двери засеменил.

Юрий Лопатин. Звёздный камень

Снится сон седой старухе,
Всем известной Говорухе:
Ваня голый и хмельной
На мосток ступил гнилой.

Над водою жаба скачет,
А в лесу волк воет-плачет.
Вмиг старуху пот пробил.
Не жалея вовсе сил,

К дому Вани побежала,
Горло чуть не надорвала,
Закричав: «Сюда! Сюда!»
К Ване прибыла беда!

Сердцем чую — здесь спасенье,
От злосчастья избавленье». —
Босиком в бурьян зашла,
Небольшой голыш нашла.

Утро уж. Иван очнулся,
Встал, на двери оглянулся —
Никого. Лишь стражник спит.
В голове базар шумит.

«Хан-то, видно, на границе.
Я же здесь еще, в столице», —
Стал Ванюша горевать.
Попытался полетать...

Прыг да скок. Увы, не вышло.
Будто кто приладил дышло.
Волю как ни напрягал,
Высоту не набирал.

Близ Кремля раздался топот.
Еле слышен стражи ропот.
Дёма, Стёпа прыг с коней
И к Иванушке скорей.

Сумку спешно раскрывают,
Звёздный камень вынимают,
В руки Ване подают
И такую речь ведут:

«Рассказала нам старуха
По прозванью Говоруха,
Что без камня пропадёшь.
С ним же мир перевернёшь!»

«Свет не нами создавался,
Так что, как бы ни старался,
Ничего не изменить.
По-людски бы просто жить», —

Ваня с братьями простился.
Крепко в камешек вцепился.
Осенив себя крестом,
В небо поднялся орлом.

Удаляясь прочь дворами,
Ванин враг скрипел зубами:
«Вон ты как! Опять взлетел...
Ещё встретимся, пострел».

На пригорке — лагерь хана.
У его шатра — охрана.
Ваня мимо прошмыгнул
И негромко кашлянул.

Хан безумно испугался,
На циновке распластался,
Заорал: «Шайтан! Шайтан!»
«Ты не путай, я — Иван, —

Гость представился вояке,
Помышлявшем о ясаке¹, —
И пока служу в Кремле,
Жить тебе в своей земле».

¹ Ясак — дань, выплачиваемая завоевателям.

Юрий Лопатин. Звёздный камень

Хана враз объяла ярость.
Где животный страх и вялость?
Рысью к Ване подскочил,
Оплеуху залепил...

«Так ведь врёт Иван-наветчик.
Он, поверь, плохой советчик.
Олух. Хан степной идёт,
Он и ухом не ведёт.

Степняка — он был верзила —
Словно молния пронзила.
Полилось вовнутрь тепло,
Вытесняя желчь и зло.

Если б я не суетился,
Ты б с короною простился», —
За себя стоя горой,
Возводил поклёп «герой».

Сам себя не понимая,
Руку гостю подавая,
Начал Ваню восхвалять
И кумысом угощать.

В полном царь недоуменье,
В замешательстве, сомненье:
«Кто ж тогда лечил людей
И порхал, как воробей?

Ночью Ваня возвратился,
Спать в палате завалился,
Ну а враг его — посол
К изголовью подошёл...

Кто со мной летал на остров,
Где совсем не блюл я постов?»
«Это, царь, всего лишь сон», —
Всё поставил лжец на кон.

Растрянжирив горы злата,
Чуть не став добычей ската,
Проклиная все моря,
Острова и якоря,

«Ну-ка кликнуть мне Ивана,
Подло, с помощью обмана
Захватившего престол», —
Государь был страшно зол.

От досады чуть не плача
Да с болезнями в придачу,
На себя и Ваньку злой,
Возвратился царь домой.

Ваню криком разбудили,
Повеленье изложили.
Он подушку приподнял:
«Камня нету... Кто же взял?»

Тут как тут противник Вани.
Простирает рабски длани¹:
«С возвращеньем, государь.
Награди или ударь».

...Царь Ванюшу подзывает
И беседу затевает:
«Сейчас надобно, Иван,
Вновь слетать за океан,

«Как-то сказывал Ванюша,
Не посол ты, брат, а клуша.
Чуть войну не проморгал», —
Царь пропойцу отчитал.

Посмотреть, как там правитель,
Мирной жизни возмутитель...
И ещё: хвораю я.
Не подлечишь ли меня?»

¹ Длани — руки (стар. рус.).

Юрий Лопатин. Звёздный камень

«Сгиньте вы с такой страной.
Не ступлю сюда ногою.
Я не туп, я не Иван.
Полечу за океан.

Ждут меня там бренди, виски,
С голубой каёмкой миски,
Золотишко из казны.
Есть грешок... Но нет вины!»

Вот уж в двери тарабаны,
А посол всё камнем занят.
Умоляет вникнуть в план
И лететь за океан.

Ну, а камень — ни в какую.
Виит истину простую:
Ваня молится добру,
Этот — злату, серебру.

Но в конце концов смирился
И с послом на небо взвился.
Через час, а может, два
Океана синева

Распласталась перед ними,
Дразня волнами своими.
А немного погода
Показалась и земля.

«Вот он, райский уголок —
Солнце, пальмы и песочек.
А сейчас накроют стол», —
Размечтался вновь посол.

Но неведомая сила
Вниз его вдруг потащила
И швырнула в океан,
Разом весь порушив план.

К суше вплавь посол добрался.
Осмотревшись, испугался:
«Ведь не та совсем земля!
Не видать ни корабля,

Ни корчмы, ни человека.
Сколько жить здесь? Год?
Полвека?
Островок — чуть больше пня.
Видно, гибель ждёт меня».

* * *

Не найдя посла в светлице
И во всей первостолице,
Слуги к трону подошли
И руками развели.

Исподлобья старец глянул:
«Что, посол как в воду канул?
Ну и Бог ему судья.
А с Ваньком сквитаюсь я».

Тотчас царь распорядился,
Чтоб Иван к нему явился.
Бывший узник в Кремль вошёл,
Царь — навстречу, речь завёл:

«Ты прости меня, Ванюша,
Что тебя я не послушал,
Что доверился послу.
А ведь ясно и ослу:

От него лишь вред державе —
О своей печётся славе
И того, кто зла не ждёт,
Вокруг пальца обведёт.

Как Россию не предавший
И невинно пострадавший
Ты достоин не хулы,
А великой похвалы.

Так ты, братец, постарался,
Что и царь без дел остался.
Видно, стар я, прыть не та,
А работа непроста...

Юрий Лопатин. Звёздный камень

«Знаю я, царь, человека,
Кто продлит житьё до века.
Это бабка из села,
Та, что камешек нашла», —

Ободрил монарха Ваня.
«Взвейтесь, соколы...» —
горланя,

Он с целительницей воз
Через день в Москву привёз.

Говоруха пошептала —
От монарха хворь отстала.
Присмотрелся старче: «Да...
И стройна, и молода.

Кто назвал её старухой?
Не кряхтит — летает мухой
И собою недурна.
Вот была бы мне жена...»

Царь старухе приглянулся:
Чин высок, а не надулся,
Как индюк. Наверно, он
Добродушен и умён.

* * *

Свадьбу их на Спас играли.
Гости бойко обсуждали
Государевый указ,
Где владыка дал отказ

Управлять своей державой
И столицей златоглавой
В пользу Вани-молодца
Из царёвого дворца.

«Это ж надо, как по мази
Без затей из грязи —
в князи», —
Удивлялись мужики,
Омывая кадыки.

«Вот бы все так честно
жили... —

Им другие говорили —
Если помыслы чисты,
Кто сожжёт твои мосты?

Раз зовут кого Иваном,
Значит, должен быть
с изъязном?

Нет, друзья, как бы не так.
Сказки лгут, он не дурак».

Люди пели и плясали,
А Ванюше намекали:
Новый царь хоть молодой,
Плох, коль будет холостой.

Всем улыбкой отвечая
И головушкой кивая,
Наш герой давал понять:
Он и мужем может стать.

Улучив одну минутку,
В стороне оставив шутку,
Говоруха шепотком
Толковать давай с Ваньком:

«Мне недавно сон приснился —
Дивный камень вновь
открылся.

Хочешь, Ваня, расскажу?
Даже место укажу».

Царь негромко рассмеялся:
«Насовсем я с ним расстался.
Всё, довольно волшебства,
Хватит нам и мастерства».

Ночь над свадьбой опустилась,
Темень ликом осветилась:
С неба смотрит Божья мать,
Предвещающая благодать.

*Александру Ануфриеву —
65 лет!*

Три рассказа

Девушка у моря

Вот и сбылась мечта пятнадцатилетней Шурки — увидеть море. Изумрудные волны с барашками катились к её стареньким, разбитым кроссовкам. Августовское крымское солнце слепило. Шурка сидела на рюкзачке и жмурилась, как котёнок. Запах моря, трав и кипарисов дурманил. После долгой тряски в поезде впору растянуться бы на гальке и подремать. Только надо подниматься. Ведь должно же исполниться и другое её желание — увидеть родного отца. Первый раз в жизни.

А если повезёт — и пообщаться с ним. А вдруг он и адрес сменил, и семья у него появилась? Мать ведь толком ничего не рассказывала, истерила, как всегда.

Переулок Катаева нашла она без труда. Благо, он был в центре города, у моря. И дом номер семнадцать, двухэтажный, на

нескольких хозяев. Причём с переулка был вход сразу на второй этаж дома. Внизу темнел крохотный дворик с развешенным бельём. Шурка постучала в седьмую квартиру. Сердце её замерло от волнения. За резной полированной дверью зазвенела тишина. Зато из квартиры напротив вышла рослая, румяная брюнетка в пёстром халате.

— Ты к кому, деточка? — спросила она строго девушку.

— Здравствуйте. Я к Зурикову Павлу Алексеевичу.

— Есть такой, Айвазовский наш. Стучи сильнее. Спит, наверное, со смены он...

Шурка приложила кулачком поосновательней. Наконец дверь скрипнула и распахнулась. На пороге стоял заспанный мужчина в серых шортах и чёрной футболке.

— Доброе утро, — сказала дрожащим голосом девушка.

— Доброе.

— Я разбудила вас? Простите.

— Ничего. Бывает.

Мужчина с изумлением смотрел на гостью.

— Я Александра Ильина. Я из Саратова, я — ваша дочь.

— Какая Ильина? Ах, да... Дочь? Да, ну, конечно. Проходите, проходи...

Шурка шагнула вперёд и едва не споткнулась в коридоре о картины. Они были всюду — на полу, на стенах и стульях — пейзажи, наброски, портреты. В единственной комнате у окна стоял пустой мольберт.

— У меня ремонт и кавардак, не обращай внимания.

— Вы художник?

— Так, любитель из городского кружка «Палитра». Последние пять лет малюю, не могу остановиться. Будто крышу сорвало. Тебе нравится? Только честно скажи.

— Да, очень! Прямо выставка.

— А вот посмотри на это.

Павел достал из шкафа небольшое полотно. Шурка взяла картину в руки.

— Узнаёшь работу? Называется «Девушка у моря». Кто на полотне-то?

— Узнаю. Ещё бы, это моя мама Юлия.

— Ты с ней одно лицо. Ты, Сашенька, такая же красавица.

— Спасибо.

— Те же глазки, носик... Как добиралась? Устала, поди, маялась.

Зуриков метнулся на кухню.

Александр Ануфриев. Три рассказа

— Саш, давай к столу, подтягивайся. Надо взбодриться. Ты любишь кофе?

— Да, без сахара и сливок.

— Я тоже так люблю.

На маленькой кухне Шурке бросились в глаза немытая посуда и пустые бутылки из-под вина, обшарпанный мини-холодильник.

— У тебя была гулянка?

— Нет, просто за год столько накопилось, — смутившись, ответил художник. — Сашуль, у меня самый лучший в мире молотый кофе из Бразилии.

Дрожащими руками Павел достал из шкафчика турку.

— Сейчас соседи прибегут к нам на чашечку кофе.

— Можно, я пока умоюсь?

— Да, конечно, не стесняйся, хозяйничай. Это и твой дом.

В ванной комнате она обнаружила женскую косметику, набор шампуней и свалку полотенец. Ей нужен был контрастный душ. И она его получила, долго нежась под струйками воды. В теле появились лёгкость и нега. Тем временем жилище Зурикова наполнилось ароматами кофе.

— Саша, с лёгким паром!

К дымящемуся кофе на столе добавились сыр, ветчина, красное вино, мандарины.

— Можно ещё сделать омлет, — предложил художник.

Шурка поморщилась:

— Ой, я его как-то не очень... а можно мне тоже вина?

— Рано тебе, солнышко.

— Мне вчера исполнилось пятнадцать лет. Ты не забыл про это?

— Нет. Ты же львёнок, родилась двадцатого августа. Доченька, с днём рождения! С меня подарок, проси, чего хочешь.

— Новые кроссовки бы мне к осени не помешали.

— Всё, замётано, сегодня же пойдём на рынок.

— Ого, французское вино. Пап, символически плесни, пожалуйста, пять капель.

Павел налил себе полный фужер красного вина и рюмку — для дочери.

— Твоя мать убила бы меня сейчас на месте.

— Как хорошо, что она за тысячу километров.

— Вы часто с ней ругаетесь?

— Да постоянно. Нотации читает, пилит. Привыкла на своей работе кодексом махать.

Александр Ануфриев. Три рассказа

- Каким кодексом? Где она трудится?
- Всё там же, в мэрии, юристом.
- Умница! Не то что я, охранник в Воронцовском парке.

Лузер.

- Ты художник.

— Саш, давай выпьем с тобой за твой день рождения. Эх, где мои пятнадцать лет! У тебя же всё впереди: и любовь, и жизнь. Это здорово, что ты приехала. Это такой бальзам мне на душу, если бы ты знала.

Шурка выпила вино и отхлебнула кофе. Голова её приятно закружилась. Зуриков открыл окно и закурил.

- А мне сигаретку? — спросила девушка.

- Нет, радость моя.

- Да я уже пробовала, пап.

- Нет и нет!

- Ну, ладно, не кипешуй. И что ты охраняешь в парке?

— Южную террасу Воронцовского дворца охраняю, вместе со львами.

- Львами?

— Да, они, представляешь, из белого мрамора. Двое спят, двое сидят, остальные — готовы наброситься и растерзать туриста. Сашуль, ты приехала в райское место. Алупка!

- Покажешь мне сначала этих львов?

— Конечно. И дворец, и парк, и город покажу. Ты полюбишь всё с первого взгляда. Может, и останешься до конца лета.

- Ты родился здесь?

— Да, в Алупке, в этом самом доме. Он имеет историческую ценность, построен был двести лет назад из диабазы — из камней Ай-Петри.

- Что-то я про это уже слышала. Это гора такая?

— Да, гора святого Петра. Есть канатная дорога к ней. Мы обязательно прокатимся с тобой по канатной дороге. Ты всё увидишь.

Павел налил себе ещё фужер и выпил его залпом.

- Не много ли ты пьешь?

— Нет, Саша, у меня такая радость: дочка приехала. К тому же это целебное вино из Франции от друзей-маринистов. Они приезжали сюда на пленэр. Зовут меня в Париж, на Елисейские поля. Сашуль, поехали со мной в Париж?

- Поехали.

- Я ведь серьёзно.

- А учиться кто за меня будет? Пушкин?

— А до первого сентября ты вернёшься.

— Поехали!

После третьего фужера вина Павел покачнулся на стуле и чуть не упал. Шурка вовремя поддержала его за локоть.

— Может быть, приляжешь, пап?

— Пожалуй... Саш, ты не подумай плохо обо мне. Я ведь с ночи, ни секунды не спал.

Девушка помогла отцу добраться до дивана. Он что-то бормотал и вскоре засопел во сне. И Шурка долго на него смотрела, улыбалась. Потом взяла в руки «Девушку у моря», залюбовалась картиной. Ведь она украсит любую выставку. Подумала: как же глупо, что они поссорились с матерью. По её рассказам — из ничего, слово за слово, разругались в пух и прах...

Она достала сотовый — пятнадцать вызовов от мамы. «Надо позвонить ей. Позвоню, когда папа проснётся». Девушка закрыла глаза и будто растворилась в шуме моря и гомене переулка. Всё-таки желания иногда исполняются...

Сказки Печорина

За окном сверкнула молния, загрохотало. Вера, высокая, сероглазая брюнетка, нехотя поднялась с дивана, прикрыла окно. По карнизам забарабанил дождь. Она заглянула в комнату дочери. Ребёнок беспокойно вертелся во сне. Вера стала поправлять подушку и отброшенное одеяло.

— Мама! — вдруг произнесла девочка.

— Спи, моя хорошая, спи, Яночка. Это дождь. Он скоро закончится.

— А папа пришёл?

— Да, он спит уже давно, — солгала Вера.

На самом деле Павел, её муж, задерживался после спектакля «Фаталист» в городском театре. Он играл уже месяц лермонтовского Печорина. Пять долгих лет в массовке закончились для него главной ролью, восторженными статьями в прессе, большими афишами по всему городу, свалившейся славой. Только Вере от этого стало не легче. Рубашки мужа теперь пахли чужими женскими духами. Бесило Веру постоянное его враньё.

«С этим пора заканчивать, — решила она про себя. — После этого дождя соберу ему чемодан. И пусть он катится ко всем чертям».

Дождь стал затихать. Ребёнок, прижавшись к матери, успокоился, заснул. Вера прислушилась: щёлкнул замок в прихожей,

Александр Ануфриев. Три рассказа

хлопнула дверь. Это вернулся Павел с букетом чайных роз и ярким, дамским зонтиком в руках.

Женщина вышла навстречу мужу.

— Ты можешь потише, а? Ребёнок спит, — сказала она грозно.

— И тебе добрый вечер, Веронька. Это вам, леди, — расплылся в широкой улыбке Павел, протягивая цветы.

— Остряк. Ночь давно уже на дворе, господин Печорин, — ответила Вера, отстраняясь от букета.

— Ну, прости меня, милая, прости. Разбирали спектакль по косточкам.

— С кем интересно на этот раз? С Бэлой? С княжной Мэри или с девушкой из Тамани? Или со всеми тремя сразу?

Павел растерянно замигал синими глазами на красивом, нервном лице.

— Нет, все участники с режиссером Зайцовичем. Ой, Вер, сегодня успех был такой оглушительный. Нам аплодировали стоя, даже на балконе. Кстати, мэр присутствовал с супругой.

— Растёшь, я очень рада за тебя.

— Ты это говоришь с такой иронией.

— Нам с тобой надо серьёзно поговорить. Дальше так продолжаться не может, — решительно произнесла Вера.

— Что именно?

— Я устала от твоих ночных посиделок, измен.

— Каких измен? Я работаю...

— Ты слишком вошёл в образ этого циничного, холодного подонка, бабника Печорина. И вряд ли уже выйдешь из него.

— Он не подонок.

— А кто же? Ещё и убийца. Лермонтов описывал Печорина с себя, Грушницкого — с Мартынова, княжну Мэри — с сестры Мартынова — Натальи, над которой Лермонтов жестоко посмеялся. Чужие письма он вскрывал мартыновские. Злобный, насмешливый был человек.

— Откуда ты знаешь?

— Ты забыл, что русские поэты были темой моего диплома в универе.

— Верунь, я помню всё.

— В общем, мы больше не семья, нам надо разбежаться, — подвела черту женщина.

Павел судоржно схватил жену за руку.

— Ты это сгоряча. Ну, успокойся.

Вера решительно отстранилась от артиста.

— Не прикасайся ко мне.

Александр Ануфриев. Три рассказа

— Вот даже как, я чертовски измотался. Месяц без выходных. Может, завтра всё обсудим?

— Нет, сейчас.

— Это как-то жестоко с твоей стороны, нетактично. Пощади меня, любимая.

— Ой, только не надо вашей пошлой театральности с Зайцовичем. Переедешь пока к маме. Она ведь мечтает об этом.

— Вот только маму мою не трогай.

— Почему это?

Перепапку молодых супругов остановил детский голос:

— Папа, ты пришёл? — спросила трёхлетняя девочка.

Она стояла на пороге своей комнаты с плюшевым тигрёнком в руках.

— Да, моя принцесса.

— Почему вы с мамой всё время ругаетесь?

— Мы не ругаемся, солнышко.

— Ну, я же слышала. Каждый день вы ругаетесь.

— Это не мы, Яночка.

— А кто же тогда, кто?

— Пойдём в кроватку, милая, — сказала Вера и подхватила дочку на руки.

— А пусть папа расскажет мне сказку.

— Конечно, расскажет... Папа!

— Да, Яночка, звёздочка моя.

Павел шагнул в детскую комнату, присел на краешек кровати. Девочка тронула его за руку.

— Папа, рассказывай.

— Хорошо, дружок, слушай. Жил да был на свете тигрёнок по имени Вилли. И жил он в тайге с мамой и братиком.

— А что такое тайга?

— Это как лес, малыш, только гуще. Вилли был весел, игрив, мамы часто не слушался. И бегал, где хотел. И вот однажды наш тигрёнок заблудился. Мамы рядом нет. Что делать? Вдобавок ко всему в тайге начался пожар. Это туристы не погасили костёр. Тайгу тушили с вертолётки водой.

— А как же Вилли, он погиб?

— Нет, ему повезло. Его спас, подобрал одинокий пожилой лесник Макар Семёнович. Он жил на краю села. И пристали к нему однажды два приезжих бородатых парня: «Дед, продай нам тигрёнка да продай». Большие деньги предлагали.

«Не продаётся он ни за какую валюту, — отвечал им лесник, — уходите, пожалуйста».

И задумали тогда бородачи недоброе, решили выкрасть Вилли, а потом продать его за границу. И ночью забрались они в дом лесника, побили Макара Семёновича. Но не подумали, что тигрёнок-то уже подрос, окреп, стал сильным. Так что Вилли громко зарычал и бросился на лихоимцев. Они побежали в страхе наутёк, запрыгнули в свой «джип», и больше их никто не видел. А старик пришёл в себя и долго гладил Вилли в знак благодарности...

И тут Павел осёкся, остановился. Он не мог придумать, что же было дальше. Но малышка Яна уже спала. И рядом с ней в кресле дремала Вера.

«Девочки мои родные, как же я люблю вас», — подумал Павел, закрывая глаза от усталости и блаженства...

Таша

Белокаменный храм был объят лучами осеннего солнца и будто парил над Волгой. Его купола призывно сверкали позолотой. Несколько прихожан сидели перед входом в храм на широких скамьях.

— Извините, вы не подскажете, кто настоятель храма? И как его найти? — обратилась к прихожанам светловолосая, стройная женщина в красном платье. Рядом с ней стояла угловатая, черноглазая девочка лет десяти.

— Протоирей Николай Русланов, — ответила бабушка в тёмной косынке. — Видишь эту двухэтажную пристройку из белого кирпича? Там православная школа и там живёт настоятель.

— Ой, спасибо. Идём, Наташенька.

— Может, мне лучше здесь подождать, тётъ Валь?

— Нет, милая.

В пристрое кипела работа: двое послушников стелили линолеум, женщина красила подоконник. Здесь же с линейкой в руках стоял тучный, бородатый мужчина в подряснике. Он басил:

— Как учит Преподобный Ефрем Сирин: «Если случится ссора между братьями, то первый раскаявшийся получит венец победы, повенчается и другой, если не отвергнет раскаяния, но с готовностью сделает, что нужно для мира...»

— Добрый день, батюшка! — воскликнула Валентина.

— Здравствуйте.

— Вы настоятель?

— Да. Я могу вам чем-то помочь?

Александр Ануфриев. Три рассказа

— Мы ищем художника Олега Румянцева. Говорят, он у вас работает. Это дочь его.

— Дочь? Прекрасно. Ну, что ж, действительно, есть у нас такой трудник, благодетель наш, большой человек, мастер. Так расписал нам потолок и стены в храме — любо-дорого посмотреть. Сейчас он на послушании.

— Где?

— Пойдёмте к нему, раз такое дело.

Они поднялись по деревянной, скрипучей лестнице на второй этаж. И за первой же дверью в небольшой комнате пахло ладаном, красками. За мольбертом стоял высокий, длинноволосый мужчина в подряснике с кистью в руках. Склонившись над иконой Спасителя, он осторожно наносил мазки.

На вошедших он, казалось, не обратил никакого внимания. При этом девочка спряталась за спинами взрослых.

— Олег Петрович! — окликнул трудника настоятель.

— Да, батюшка.

— А к вам гости, прервитесь на минуту, сын мой.

— Да, да, конечно.

Художник нервно вытер полотенцем руки, обернулся и сказал тихо:

— Здравствуйте.

— Вы не узнаёте меня, Олег Петрович? Я ваша соседка по квартире на Степана Разина, живу с мамой.

Настоятель, перекрестившись, вышел из комнаты.

— Валя. Узнаю. Что-нибудь случилось?

— Да, большая беда. Ваша бывшая жена Светлана погибла в автомобильной аварии.

— Что? — потрясённый известием, трудник выронил кисть из рук, пошатнулся, машинально сел на табуретку. — Как это погибла? Нет, не может быть. Светонька моя. Когда это произошло?

— Неделю назад на Московском шоссе. «Камаз» вылетел её «Форду» навстречу. Она была в кабине с Кротовым, её близким другом. Водитель «Камаза» был сильно пьян. Всё по его вине произошло.

— Господи помилуй, — художник перекрестился. — Упокой её душу, Господи. И прости ей все согрешения вольные и невольные. И даруй ей Царствие Небесное.

Громко заплакала девочка. Трудник встrepенулcя.

— Таша, доченька моя.

Девочка бросилась к Румянцеву, уткнулась ему в грудь.

Александр Ануфриев. Три рассказа

— Родная моя, нет, не плачь, не надо. Ты не подумай, я всё время думал о тебе. И не переставал любить тебя. У меня есть только ты на этом свете, душа моя, Ташенька.

— Она не хочет к чужим людям, в интернат, — сказала Валентина.

— Какой интернат? У неё есть отец. Таша останется здесь, со мной. За оградой храма люди забыли о вере, о боге, погрязли в грехах, блудят, воруют, воюют. Здесь её никто не обидит.

— Знаете, Таша прекрасно рисует.

— Правда?

Девочка подняла упавшую кисть.

— Вот и славно, и добро, — улыбнулся художник.

*Якову Фишу —
65 лет!*

**«Неужто мы ещё
не спасены...»**

Жизнь в тридцать кажется подчас конечной,
А в шестьдесят не видится итог;
Судьба короче, если мы беспечны,
Чем ближе вечность, тем длиннее срок.

Срок бытия не так уж быстротечен,
Коль сизый голубь мыслит о звезде,
Огнём порхают среди ночи свечи,
Лик Божий освещая в темноте.

Яков Фиш. «Неужто мы ещё не спасены...»

Я, как на берегу сосна,
Где время издавна песочно;
Приливы бодрости и сна
Определяются неточно.

Отрезки жизненных путей
Пропитаны морскою солью;
Из звёздных вырвавшись
сетей,
Рассвет о тихом бризе молит.

— И, словно списанный
моряк,
В песчаные зарывшись мели,
Сосна который год подряд
О службе грезит корабельной.

Размыты берега черты
И паруса видны неявно,
Другие кто-то, а не ты
Жизнь правят по звезде
Полярной.

Иметь всегда на всё ответ—
Неблагодарный труд и тяжкий;
Ведь на суровой ткани лет
Воспоминая — как затяжки.

И новый делая раскрой,
Как бы истории в отместку,
В корзину собственной рукой
Швыряешь прошлого обрезки.

Но жизни чувствуешь секрет,
Когда в ушко мечтаний новых
Нить продеваешь на просвет,
Хоть смысла нить подчас
сурова.

Небо втягивает дым,
Чтоб подпитывались тучи;
Мы чуть-чуть поговорим,
И нам сразу станет лучше.

И, когда взглянув окрест,
Не найдём в ночи пейзажа,
С антрацитовых небес
Вдруг посыплется не сажа.

Это будет не обман;
Страстно, смело и умело
Снег-смутьян покажет нам,
Как из чёрного стать белым.

Так и время, поостыв,
Всех испытывает, чтобы
Свет создать из темноты,
Сотворить любовь из злобы.

Река от холода синеет,
Как и небес синеет гладь,
Но есть задор, чтобы писать?
И через это стать сильнее.

Схватив в охапку ворох
листьев,
Срывает ветер поздний куш;
Но коли взялся ты за гуж,
Зачем ворчать, что мир
немыслим.

Ищи божественного света,
Как Вифлеемскую звезду;
И в Гефсиманском жди саду
Её последнего привета.

* * *

Дождь сыпался. Я трижды просыпáлся
И снова спал, не приближая дня;
Мне стало ясно — жизнь не столь несчастна,
Коль чувствуешь, что дождь тебе родня.

Я ощутил, что звёзд небесных всходы
Откликнутся пшеницей на земле;
И будут: хлеб, гулянья, хороводы
И праздник урожая на селе.

Вселенная — она неподотчётна:
Ни мне, ни агроному, ни Кремлю;
И атомом её мне быть почётно.
За это я порой себя люблю.

* * *

Когда хлопочет осень за стеной,
Вся в суете своих приготовлений,
Ты смысла не ищи, лови явление,
Не жалуйся на времена, не ной.

— С ноябрьского слетает верстака
Листва, что красочна на зависть вешней;
Жизнь на краю совсем не так кромешна,
Коль не смотреть глазами простака.

Пора, бесстрастно оценив года,
Существовать не громко, а укромно;
Нам горизонт сдаёт в аренду кромку,
А до неё уже рукой подать.

Слегка вздохнув, на краешек присесть;
Пусть осень, как хозяйка занятáя,
Не отвечает и не замечает;
Что ей до нас, ведь мы проездом здесь.

Яков Фиш. «Неужто мы ещё не спасены...»

Создатель нам не завещал покой,
Но обещал в грядущем царство мира;
Так почему же звёзды за рекой
Вновь пахнут горькой гарью, а не миррой?

Неужто мы ещё не спасены,
А замыслы людские столь увечны,
Что снова нарождаются сыны
Для жизни не земной, а сразу — вечной?

Сыны идут, одолевая страх,
Кто по призыву, кто по зову;
Ведь главный бой всегда на небесах:
Взвод ангелов не демобилизован.

Когда дано всем обрести покой?
Один Создатель знает наши сроки.
Спаси и защити своей рукой,
Мы без Тебя воистину жестоки.

*Антону Жоголеву –
60 лет!*

Синдром Чайковского

Святочный рассказ

1

Каждый день главный дирижёр симфонического оркестра начинал с того, что узнавал сводки о количестве заболевших ковидом. Цифры эти — о заболевших, госпитализированных и умерших — всё время росли. И когда-нибудь, думал он, список этот пополнится ещё одним именем. И даже представлял, как об этом напишут в интернете. «Госпитализирован Заслуженный артист области, дирижёр... лауреат...» — и т.д. Он знал, что это его не минует. Но вот когда конкретно постучится к нему беда, он того совершенно не представлял. И это его мучило. Зато каждый свой концерт считал он теперь последним. И выкладывался целиком. Музыканты роптали.

Первым в их оркестре заболел гобоист. Весёлый молодой парень с вихром на лбу, только что распределившийся к ним в

оркестр из саратовской консы. Поговаривали, что у него поражение лёгких шестьдесят процентов и он теперь находится «на аппарате ИВЛ». Никто тогда ещё толком не знал, что такое быть на аппарате ИВЛ, и чем это отличается от того, чтобы быть всего лишь «на кислороде», но звучало тревожно. Второй гобоист старался справляться за себя и за того вихрастого парня. Потом заболела пожилая скрипачка, мастер сцены. Написала ему смску: «Увозят. Ковид. Не поминайте лихом». Вскоре она умерла.

Администратор оркестра заболела одной из первых, и вслед за ней заболел весь отдел маркетинга. Даже билетёрши сменились, теперь он их уже не узнавал. Однажды маэстро пришёл на репетицию и увидел, что среди оркестрантов уже почти половина стульев свободна. Всё ему стало понятно. Он никому ничего не сказал и как ни в чём не бывало проводил репетиции. Только произведения теперь выбирал такие, чтобы с ними могли справиться неполным составом. В эти дни он кружил над сценой и залом вместе со всполохами свиридовской «Метели». Его длинные наполовину седые волосы развевались в такт порывистым движениям музыканта, а сам он в старомодном фраке казался большой чёрной птицей на белом снегу. Его лицо ужасало оркестрантов. Его боялись и не любили. Считали высокомерным. Сплетничали. Но как дирижёра ставили высоко.

— Он, наверное, гений, но не талант, — рассуждали о нём оркестранты. — А гениев трудно понять. То ли дело бывший второй дирижёр! У него всё шло мягко, спокойно. Без этих безумных всплесков эмоций. Вот что значит талант, а не гений!

— Сегодня Маэстро нам не мешал играть, — это было самое большее, что о нём за глаза могли себе позволить сказать музыканты. Все понимали, заменить его некем. В городе больше не было ни одного приличного дирижёра. Второй дирижёр симфонического оркестра семь лет назад сошёл с ума и после «Пиковой дамы» ночью наложил на себя руки на старом городском кладбище. Его сочли нездоровым, он два раза лежал в психбольнице, и потому отпели. Настоятель собора и благочинный лично знал его и, вздохнув, дал благословение на панихиду. «Допелся», — произнёс он. Но прозвучало как «допился». И никто толком не понял, что именно благочинный имел в виду.

Маэстро не любил вспоминать о своём ушедшем коллеге. Они ссорились. Один раз в сердцах, после случайной ссоры второй дирижёр написал на него вздорное письмо в министерство

культуры. То, в чём он обвинял своего коллегу, а речь шла о раздаче им контрамарок направо и налево, было настолько пустяшным, что он бы охотно простил весь этот несвязный бред своему непутёвому коллеге (слово это, «коллега», он произносил всегда нехотя, скороговоркой, и получалось почти как «калека»). Но в конце той кляузы в министерство была приписка: «А ещё он возомнил себя Чайковским и тоже, как и он, боится, что во время концерта у него в исступлении оторвётся и полетит в зал восторженная голова. Потому он придерживает голову левой рукой в определённых, самых динамичных частях концерта». Этого уже он простить не смог. Хотя и слышал раньше про такую странную фобию у гения-композитора, который даже отказывался из-за этого страха от дирижирования. Потом два дирижёра долго не разговаривали. Только если по работе. Но самое худшее было то, что он после этого и правда стал опасаться, что во время концерта голова его сорвётся с плеч и покатится по залу... Как этого боялся несчастный Чайковский... Маэстро даже к врачу ходил, советовался. Тот назвал эту фобию «синдромом Чайковского» и прописал успокоительные таблетки. Попробовал успокоить его ещё и тем, что известную в городе «модель» то и дело охватывал страх, что она умрёт прямо на подиуме... А местный политик-оппозиционер на митингах странно притоптывал ногой. Ему всё казалось, что из штанины вдруг выглянет рыжеватый поигрывающий хвостик... Оба чуть-чуть посмеялись над этими причудами известных людей. И правда стало легче. Но иногда всё равно на концертах Маэстро как бы слегка придерживал голову левой рукой. Просто на всякий случай.

Когда со вторым дирижёром произошла трагедия, корил себя в том, что так и не смог его полюбить и простить. Теперь вот молился за него. Хотя и благочинный сказал, что за него молиться опасно. Однажды покойный музыкант пришёл к нему во сне. Глаза его бегали и были налиты кровью, он не хотел смотреть перед собой и всё время отворачивался. И только шептал: «Не вини себя... Не вини... Это я, только я один виноват». И что-то бессвязное бормотал про диагноз «рак» и про «Пиковую даму». После этого Маэстро стал спокойнее спать и за голову на концертах почти что уже не держался. «Разве что иногда, когда на меня никто не смотрит», — говорил он врачу с непонятной усмешкой. Потому что к нему, дирижёру, каждое мгновение прикованы сотни взоров...

Был он величав, не по годам строен, а когда отпустил седоватую бородку, и правда стал чем-то неуловимо похож на Чай-

ковского. Жена убежала от него с оперным певцом, тенором, гастролёром двенадцать лет назад. «Ладно бы ещё убежала от меня — с кем? С тореадором!.. С космонавтом... На худой конец, с крупным бизнесменом. Это бы я ещё как-то мог понять. А она — с тенором... Вот этого я не понимаю!» — говорил он близким своим знакомым. Его утешали. А бывшая жена уже давно не жила с тенором и прозябала где-то в Москве администратором в небольшом театре. Как говорили о ней, спивалась. Знакомили его с молодыми красивыми женщинами. Но ни одна из них так и не прижилась в его большой холостяцкой квартире в доме напротив концертного зала.

2

Оркестр собирался на репетиции каждый день и готовился к новогодним праздничным концертам. В концертном зале ввели жёсткие требования по проведению выступлений, в зрительный зал не пускали «лиц старше 65 лет», хотя это и не соблюдалось, рассаживали через одного, и все зрители были в масках. Иногда он смотрел со своего дирижёрского места в зал, и у него седоватые чуть волнистые волосы едва не становились дыбом: в зале не было теперь ни одного лица. Только маски. Некоторых из постоянной публики он давно знал в лицо, улыбался им в паузах во время концерта, по выражению их растроганных лиц старался понять, хорошо ли прозвучала мелодия. И даже когда истово махал дирижёрской палочкой, иногда оглядывался в зал и смотрел на кого-то из своих знакомых. А тут... тут сплошные маски. За них не зацепишься взглядом. Не спросишь без слов, дошла ли до сердца мелодия. Казалось, что и музыка бессильно скользила по маскам, тщетно ища, за кого бы ей зацепиться. И проскальзывала по залу, так никого и не найдя для себя. Понимал он, что это необходимость, что без масок сейчас никак, но рядом с музыкой это его царапало.

А когда директор, молодая женщина, годившаяся по возрасту ему в дочери, строгим административным тоном предложила и ему хотя бы на репетициях надевать маску, а лучше и на концертах тоже, он даже и не спорил. Но так посмотрел на неё, что она отошла от него в некоем смущении.

— Маэстро, вы так на меня посмотрели сейчас...

Он опять промолчал. А директор больше не требовала от него выступать в маске.

3

— Ну вот, всё как я вам и говорила, — директриса с лёгкой усмешкой взглянула на него из-под чёлки, когда они столкнулись в коридоре. — Нас оштрафовали за несоблюдение санитарных норм... Пишите объяснительную.

И чтобы хоть как-то подсластить горькую пилюлю, примириительно добавила:

— Такие же объяснительные уже написали руководители народного хора и отдела маркетинга. И замдиректора тоже. А вы — вы наше национальное достояние, вас особенно надо беречь. Вот из министерства и позвонили...

Сказала это она специально так, чтобы было не очень понятно, кто именно национальное достояние — дирижёр или весь оркестр.

Маэстро оторопел от такой неожиданности.

— Я-то тут при чём? — наконец произнёс он. — Ко мне какие могут быть претензии? Я свожу с небес музыку в зрительный зал. При чём здесь объяснительная?

— Ну, во-первых, никаких претензий пока что к вам нет. Сводите себе с небес музыку и дальше. Это просто бюрократическая мера, объяснительная записка. Кстати, и про маску нужно написать... А во-вторых, посмотрите вокруг себя. Как говорится, разуйте глаза. У вас уже пол-оркестра болеет ковидом. Первая скрипка умерла ещё в самом начале пандемии. А пианист, гобоист, вторая скрипка, флейтист и арфистка всё ещё на больничном. Это как?

— Напишу, — буркнул он и хотел было дальше мчаться по коридору.

— И ещё одно... — директор помолчала, как бы собираясь с силами, прежде чем произнести. — Вы только поймите правильно. Просто вынуждена сказать... Концертов пока что не будет. Приказ такой сверху спустили. Недели три или даже больше. Финита ля комедия... Можете отдыхать, и если бы не эпидемия, я бы вам посоветовала съездить куда-нибудь в санаторий. Глаза у вас какие-то... усталые. Больные. Плохо спите? Переживаете? Займитесь своим здоровьем. А то не ровен час...

— Да при чём тут как я сплю? Вы что, в календарь не смотрите? Через три дня же величайший праздник! Рождество!.. Неужели мы не проведём Рождественский концерт? Ведь столько готовились... абонемент... «Метель» Свиридова. Вальс... да такого просто быть не может! Я требую, я протестую!..

Последние его слова прозвучали так жалко, с фальшивым пафосом, что он и сам же первый их устыдился.

— Хоть в прокуратуру пишите. Но ведь не я же ковид придумала! А все вопросы по проведению концертов решаются со всем в других кабинетах. Я только бумаги подписываю. В том числе — на увольнение. А лучше, пока суд да дело, съездите в санаторий. Отдохнуть вам не помешает.

И пошла дальше по длинному-предлинному коридору, клацая молодыми задиристыми каблучками.

Ей было немного жалко дирижера. Она тоже считала его гением. И потому старалась его поменьше тревожить.

4

Маэстро вдруг вспомнил, как на каком-то капустнике второй дирижёр незадолго до своей гибели с непонятной грустью рассказал ему и всем, кто сидел тогда за праздничным столом, не то театральный анекдот, не то какую-то просто музыкальную байку. А вот запомнилась же... И с тех пор не идёт из памяти.

— В маленьком немецком городке жил маленький немецкий музыкант, — говорил, словно бы мурлыкал, второй дирижёр. И сам он при этом походил на какого-то сказочного капельмейстера из книжки Гофмана про кота Мурра. — А ещё в том маленьком городке был камерный симфонический оркестрик. И вот каждый день, когда музыкант шёл на службу в свой оркестр, он проходил мимо памятника Бетховену, снимал перед ним шляпу, кланялся ему и вежливо говорил: «Доброе утро, маэстро!» А вечером, возвращаясь к себе домой, снимал шляпу, кланялся и говорил памятнику: «Добрый вечер, маэстро!» И так изо дня в день, из года в год, всю жизнь. И вот наконец музыкант состарился и перестал справляться с нагрузками в оркестре. Его проводили на пенсию. Чествовали, угощали шампанским, благодарили за многолетний труд. А сами уже между собой прикидывали, кто теперь займёт в оркестре его место первой скрипки. И вот после всех этих торжеств он вечером подошёл к памятнику Бетховена. Как обычно, снял шляпу, произнёс привычную фразу: «Добрый вечер, маэстро!» — и запустил в него скрипкой. Скрипка, негромко всхлипнув, тут же разбилась вдребезги о гранит.

— Да-та-да-да-дам... — произнес он на слух из Девятой симфонии Бетховена, «судьба стучится в дверь». И пошёл дальше, рыдая.

Все долго молчали. Пауза, как чайка в шторм, зависла над столом. Пока кто-то натужно рассмеялся. «Они хорошие люди, но плохие музыканты», — вспомнилось тогда главному дирижёру.

5

— Добрый вечер, Маэстро! — приветствовала его вахтёр и по совместительству ночной сторож. Она хорошо знала его причуды и потому не слишком-то и удивилась, когда он пришёл в концертный зал на ночь глядя. Должно быть, порепетировать. Вахтёр тоже, как и все вокруг, считала его гением и потому несколько суеверно побаивалась.

— Чайку не желаете? Мигом организую...

— Ну, какой тут чай, — ответил он, грустно улыбнувшись. — «До первой звезды нельзя... Пост, матушка», — отделался всем известной фразой из запомнившейся давнишней телерекламы: «Звезду Суворову Александру Васильевичу!..»

— Дак ведь... звезда-то она уже вон она, высоко в небе светит! Я даже отсюда из окошечка на неё любуюсь. Всего одна-единёшенька! Ну, так что насчёт чайку?

— Не сейчас. Позже если только. В перерыве. А пока что я занят. Если кто спросит, скажите, провожу Рождественский концерт. И всех пускайте.

— Так ведь... — но вахтёр не решилась закончить фразу. Она тоже знала, что все концерты отменены.

Дирижёр быстро прошёл сначала в свой кабинет, пробыл там недолго и направился в зал.

«Вот те крест святой! — говорила потом вахтёрша, при этом всё равно слегка привирая. — Сама видела, как у него на груди... икона Рождества Христова... И вид такой взволнованный, отрешённый».

А Маэстро встал за пульт, оглядел зал, поздоровался с музыкантами. Кивнул первой скрипке. Обратил внимание, что у неё на голове не гармонирующая с праздником чёрная повязка. «Ну, так ещё же пост...» — объяснил он себе и это. Улыбнулся арфистке и флейтисту. Всем своим видом показывая, что очень и очень рад, что они тоже здесь, пришли на праздничный концерт. Потом воскликнул: «А где гобоист? Почему нет гобоиста?» — «Тут я! — отозвался из-за большого изогнутого инструмента вихрастый парнишка. — Можете на меня рассчитывать в эту Святую ночь. Прямо из больницы... отпросился». И негромко добавил так, что не все и расслышали: «С третьей полки...» — «Ну, тогда начнём?» — робко спросил он, шаря по залу глазами, ища второго дирижёра. Тот присел за роялем в старинном парике немецкого капельмейстера и в камзоле с галунами. Где-то вдалеке, на галёрке, он увидел свою жену. «Совсем не постарела!» — даже удивился Маэстро.

— Для разгона давайте начнём с «Метели».

— А потом что? — спросил знакомый административный голос из зала. Неужели и директриса тоже пришла на Рождественский концерт? — Мне это надо знать... для отчёта...

— Так вот и запишите в отчёт: «Слава в Вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение». А сейчас «Метель». Потом вторая симфония Рахманинова... А потом... сами услышите... Пока что это тайна.

Зазвучала прекрасная зимняя музыка. Он медленно входил в ритм рождественской метели. Дирижёрской палочки сейчас не было в его руке. Иногда он без неё обходился. Но пальцы, длинные дирижёрские пальцы вдруг превращались то в лодочку на волне, то в чайку, то в свирель... А то и в тройку, запряжённую сказочными лошадьми... «Какая дивная музыка!» — удивился он. Вроде бы это уже и не Свиридов. Так что же тогда звучит? Неужели это... Тут он стал догадываться, что звучит его ещё юношеское сочинение, посвящённое Рождеству Христову. Тогда он учился в Питерской консерватории одновременно на дирижёра и на композитора. То было далёкое советское атеистическое время. Какой же тогда был год? 81-й? Скорее уж 83-й. Он тогда показал свой Гимн Рождеству только лишь своему преподавателю. Тот опытным взглядом окинул партитуру, пальцами, как по клавишам, пару раз провёл по столу, словно бы что-то проверяя в мелодии, потом с изумлением посмотрел на своего ученика и... настоятельно посоветовал спрятать и никому никогда не показывать. «А то ведь здесь и у стен есть уши». Выкинут из консы, как шелудивого пса из будки. И не поморщатся. А лучше совсем уничтожить. Так он и сделал. Потом себя много корил за эту минутную слабость. И больше музыки он не писал. С той поры как отрезало! Зато стал сильным дирижёром. И вдруг эта музыка. И какая прекрасная! Почему она не погибла тогда, почему она звучит в эту Святую ночь? И неужели же это он написал такой прекрасный Гимн «Слава в Вышних Богу»?! Выходит, и у него был талант... А он спустил его в унитаз, предварительно разорвав на мелкие кусочки... от страха... Но откуда же все они знают эту прекрасную мелодию. И почему жена так плачет?

Он слегка придержал свою голову у затылка левой ладонью. Словно бы подправлял причёску. И сам усмехнулся своей маленькой хитрости. «Синдром Чайковского» даже в такую ночь никуда не делся. Второй дирижёр ему понимающе улыбнулся, отрывая иронично-просветлённый взгляд от клавиш рояля.

И даже сам на себе показал, как это делается. Тоже потрогал свою голову в парике. Мол, ничего страшного, старина, со всеми такое случается. А музыка не прекращалась, лилась сверху, переполняя души слушателей уже неземным восторгом. Звезда приблизилась к большому праздничному окну и засветила уже так близко... Вот оно, Рождество!..

6

Его нашли под утро лежащим прямо на сцене. Он смешно раскинул руки, словно бы хотел напоследок обнять всю сцену. Всех людей, кого знал и любил. Над бровью была кровавая ссадина в виде дуги, видно, когда падал, задел лбом об угол пюпитра.

...Вахтёр давно растрогалась от такой изумительной музыки, из глаз ее лились слёзы. Догадалась включить на телефоне диктофон и записать прекрасную неземную мелодию для фортепиано, скрипки, гобоя, арфы и флейты. И от любопытства, кто же там так прекрасно играет, ведь никто, кроме дирижёра, мимо неё не проходил, решила заглянуть в малый концертный зал. Как бы за тем, чтобы принести дирижёру чай.

— Доброе утро, Маэстро, — ласково проговорила она, — с праздником Рождества Христова!

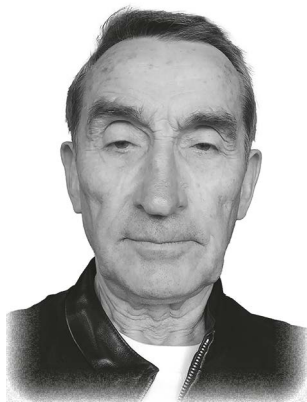
И тут же всплеснула руками, даже выронила чайничек от удивления, когда увидела его ничком лежащим на своём дирижёрском месте. В зале больше никого не было. Казалось, он не дышит. Но на лице его застыла улыбка.

Сразу позвонила в скорую. Его имя в городе всем известно, и потому врачи приехали очень быстро.

Когда он ненадолго пришёл в себя, уже на больничной койке за красной ковидной зоной, то первым делом попросил у врача телефон. Это было строжайше запрещено в реанимации, но врач посещал его концерты и не смог отказать в просьбе, быть может, в последней просьбе умирающего музыканта. Он потыкался в пульт плохо слушающимися пальцами и уже вскоре прочёл то, что хотел найти. «В праздник Рождества Христова в городе не заболел ковидом ни один человек. И только госпитализирован и находится в реанимации Заслуженный артист области, дирижёр симфонического оркестра... лауреат...» Далее сообщалось, что вахтёр записала на магнитофон его последний ночной концерт и теперь оркестр готовится исполнить ранее никому не известное замечательное Рождественское произведение дирижёра и композитора...

Он снова провалился в беспамятство. Врачи борются за его жизнь.

Сергей Жигалов

Да любите друг друга

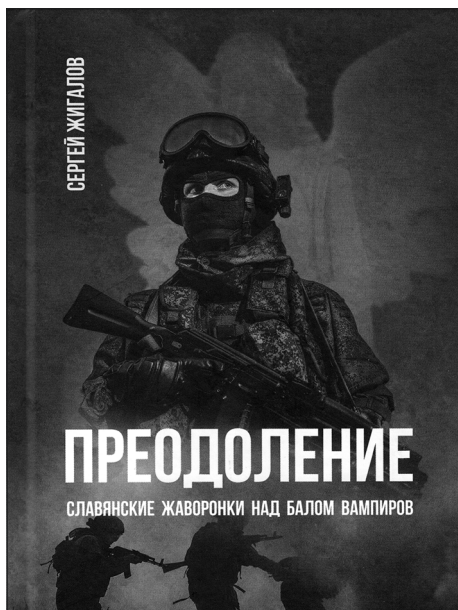
Отрывок из книги «Преодоление»

Там за нас воюют светлые люди...
В лесах, полях строят подземные храмы...
Молитесь, пожалуйста, молитесь
за русского солдата!
Борис Корчевников

Настоящее «Преодоление» — третье по счёту. Как и два первых, издание адресовано в первую очередь участникам СВО, получившим в боях тяжёлые увечья, для их моральной поддержки. Жестокие удары судьбы преодолевают герои книги. Их, наших современников и предков, живших во времена давние, отличают поразительные стойкость и мужество.

Два первых издания разошлись в основном по военным госпиталям Донецка, Луганска, Москвы, Самары, отправлялись на передовую с гуманитарной помощью. Это издание открывают документальные очерки о штурмовиках и разведчиках СВО.

Коршуны на жнивье

Сбылось. При написании «Преодоления» меня не оставляла мысль побывать на Донбассе. Увидеть всё своими глазами. Поговорить с участниками СВО. Вручить эту книгу раненым для моральной поддержки. Но как? Поездом, самолётом? А кто меня там ждёт? И вдруг в одночасье всё устроилось самым наилучшим образом. Мой добрый товарищ Павел из соседнего села собрался туда навестить сына. Пригласил поехать и меня. И вот наша гружённая под завязку продуктами, пачками книг, ящиками с гуманитаркой белая «нива»

мчит нас на юг. Всего до линии фронта, где держит оборону и подразделение наших оренбургских земляков, полторы тысячи километров. За рулём Павел. К слову, о боевых действиях он знает не с чужих слов. Воевал в Чечне. Не знаю, как воевал, но водитель он классный. В начале меня напрягала его буквально ювелирная точность при обгонах большегрузов, потом привык.

Летит в глаза голубой простор сентябрьского синего неба, степи, холмы, перелески, живительное серебро речек и озёр. Вот справа от трассы жёлтым пламенем вспыхнул куполок чайсовеньки, рядом на постаменте зелёный БТР. Вера и «воин». Но до места боёв больше тысячи километров. Простор! Ветер в приоткрытое боковое стекло полнит сердце восторгом. Простор! Какой великий простор! В названиях рек проступает сама душа наших предков. Вслушайтесь: Царица, Еруслан, Быстрая, Рассошка, Добрая, Чир, Дон и конечно же Волга — «колыбель моя». У кого-то хватает, то есть не хватает мозгов обвинять нас в захватнических намерениях в СВО на Украине. Да тысячу лет России не нужны никакие чужие земли. Вот этих, что на протяжении полторы тысячи километров мелькают за окном нашей «нивы», девать некуда...

Честно скажу и другие мысли на ум при сборах и по дороге: а вдруг там, куда едем, прилетит, вдруг накроет... Что тогда? И что! Дети выросли, внуки есть. Есть книги. Построил дом, сосны во дворе... Как там в песне, чуть переиначив: «За меня супруга отрыдает честно, // За меня другие отдадут долги, // За меня ребята допоят все песни, // И, быть может, выпьют за меня враги...»

Ночуем в Камышино. Номер отеля. Удобные кровати, белоснежные простыни. Мы ещё вспомним эти мягкие постели... Первым напоминанием о «красной черте» спецоперации для меня стали не разбитые здания с потёками чёрной копоти на обломках стен, всего лишь табличка с названием «Суровикино» вызывает в памяти образ Сергея Владимировича Суровикина (генерала Армагеддона) и звучат слова ему посвящённой песни «Комдив»: «Досадные потери и пустота в груди...» Да ещё на мысли о СВО наводит великое множество молодых коршунов, парящих над полями и восседающих на жёлтой стерне. Почему так много, откуда взялись? Мысли перепрыгивают на СВО. Сколько туда слетелось стервятников со всего мира. «Солдаты удачи» с Европы и из-за океана. На «сафари» поохотиться на русских. «Негр двухметровый идёт в рост, обколотый. Я в него два рожка всадил, тогда он только упал мордой в землю!» — расскажет мне в госпитале раненый штурмовик с позывным «Оса».

На закате солнца второго дня достигаем таможни ЛНР. Пытаюсь позвонить домой и ничего не выходит. Глушат. Надо, так надо. Автоматчики на блокпостах машут рукой — проезжайте. Вдоль трассы белеют противотанковые бетонные конусы. (В Великую Отечественную были стальные «ежи»). Уже в сумерках подъезжаем к околице разбомбленной Пантелеймоновки, где расположились наши земляки-мобили. У дороги справа в бурьяне темнеет башня от танка. Ствол пушки уткнулся в глину. Успевшая заржаветь ходовая валяется метрах в десяти. Ужасная сила взрыва отшвырнула часть остова танка через дорогу. «Наскочили на противотанковую мину, а там рванул боекомплект, — объяснят нам позже. — Экипаж?» — выразительный взгляд на небо.

Развалины домов в темноте смотрятся жутковато. Асфальт дороги изрыт — воронка на воронке. Стальные ворота в доме напротив «нашего» в частых дырах от пуль. Утром в двенадцати шагах от крыльца мне покажут торчащий из земли стабилизатор неразорвавшейся мины. В самой избе белёный потолок зияет

пятнами обвалившейся от взрывов штукатурки. Разбитая крыша затянута палаточной тканью. Всё говорит об отчаянном сопротивлении укров при выдавливании их отсюда...

Нас встречают. Объяты. Слова самые обычные: «Как доехали?» «У вас всё по-прежнему?» Но каждое слово излучает флюиды благодарной радости и вселенской любви. Охватывает небывалое чувство, что встречающие нас ребята — твои сыновья.

...Под ногами хрустят осколки шифера. У крыльца тарахтит переносная бензиновая электростанция. В избе всё походному: в горнице на полу матрацы, на подоконнике — гранаты без запалов, на стене — две каски, бронежилет, автомат...

Накрыли стол. Выпили по стопке за встречу. Ребята — пиво, лимонад, мы с Павлом — что покрепче. Закусили, уже под чай разговорились. Называем собеседников по именам. Но у каждого из них позывной: «Тула», «Татар», «Рэмбо», «Фанта». Все они побывали в боях — видели смерть в лицо. Но рассказывают без пафоса. «Сидишь в окопе, вдруг прямо над головой зависает «птичка-разведчик». Замри и не шевелись». — «Если над головой, почему не сбить?..» У двадцатилетнего парня улыбка учителя на вопрос наивного ученика. «Сбить «птичку» не вопрос. Но через пять минут их прилетят десять. Место, где он упал, накроют и арта, и миномёты...»

Слушаешь их бесхитростные рассказы, и делается не по себе. «Захватили их линию обороны. Спрыгиваю в окоп, а там лежит убитый «укроп», здоровенный такой. Сапоги сорок шестого размера. Мы его чуть прикопали — носки сапог торчат... Лето, жара. А ты несколько суток с таким вот соседом...» — «Ну, закопали бы поглубже!» И опять на лице рассказчика та же улыбка: «А землю куда девать?» — «Выбросить из окопа на бруствер». — «Да? Сразу начнутся прилёты — мало не покажется. «Птички» нас день и ночь отслеживают. Ага, смотрят, вчера земли этой не было — сегодня появилась, значит, там люди. Бутылку из-под минералки не выбросишь из окопа...» — «Ну а ночью?» — «Ночью в тепловизоры ещё лучше всё отслеживают...» — «Ну и как же с таким «соседом»?» — «Первую ночь жутковато было, потом привыкли. Кружку с чаем на сапоги ставили...» Задорные смелые глаза, улыбка, мальчишеские вихры — седины на висках не углядываю. Жесткие складки в уголках рта не проступили и волчьего взгляда парень не навоевал. Пока...

...Мне отводят постель бойца с лихим позывным «Ветер». Он на задании. Ржаво скрипит панцирная сетка. Мягкая поду-

шка, тёплое одеяло. Успокоительно тарахтит за окном движок станции. Мерцают в темноте малиновые точки телефонных зарядок. Слышится дыхание спящих рядом ребят. Гляжу в потолок на тёмные островки обваленной при взрывах штукатурки: «Жили люди. Белили потолок, вели хозяйство, сажали и выхаживали сад. И вот разверзся над их головами крошечный ад. Обрушился стальной дождь из осколков мин и снарядов...» При заселении в этот дом ребята, опасаясь мин в подвале, стали бросать туда стальную «кошку» на верёвке (ею вытаскивают «заминированных» украми «двухсотых» с поля боя). Так вот этой «кошкой» извлекли из подвала... мёртвого хозяина дома. Прилетевшей миной ему оторвало ноги. «За что? — а маховик мыслей раскручивается всё сильнее. — А за что погиб экипаж в развороченном на части танке? Догнивает в том окопе украинский солдат?.. Демилитаризация? Денацификация? Дешайтанизация (добавил Кадыров)? Всё так, если смотреть с высоты президентского штандарта. И слушать телек. Обеспечение безопасности Отечества. Жертвы оправданы. Ну а если глядеть со дна окопа, над которым висит «птичка» с миной в «когтях»? Заплаканными глазами матери — на свинцовый без окошечка гроб? Если видишь на земле около автобусной остановки два чёрных пакета с «двухсотыми», которых почему-то не забрали ночью? Если...

Панцирная сетка скрежещет в тишине, как некое недовольное чудовище, у которого лежу на спине. Я так и засыпаю, не найдя ответа. Я буду искать этот ответ в поездках вокруг деревни, на улицах Донецка, в разговорах с парнишкой шофёром. Он расскажет, как заправляет и ремонтирует «буханку» на свои деньги. Отвозит штурмовиков на передовую — назад ему загружают «двухсотых». А по дороге за ним охотятся квадрокоптеры-камикадзе. Покажет изрубленный осколками задний бампер. Если бы «камикадзе» взял на метр-два вперёд — этот парень с нами бы не разговаривал. Буду спрашивать подвыпившего местного добровольца с подбитым в драке глазом. Буду «спрашивать» развалины церкви со сверкающим золотой слезой обрушенным куполом и золотым крестом поперёк стены. Буду спрашивать раненых в госпитале... Буду спрашивать и мёртвых, которых на наших глазах грузили в рефрижератор в одном из луганских госпиталей: «За что? Зачем?»

Утро начинается с... обстрела

Ночью выхожу во двор. Памятуя советы ребят «не лазить»: могут остаться мины, по тропке в бурьяне прохожу в сад. Зябкая тишина. Запрокидываю голову. Сверкает комьями звёзд небо. Где-то там в пределах вселенной витают души экипажа того подорвавшегося на mine танка, души ребят, чьи тела грузили из госпитального морга в рефрижератор. И тех четверых, что выносили убитого товарища и сами попали под обстрел. И тех, что лежали в чёрных полиэтиленовых мешках около автобусной остановки, и ещё души погибших здесь штурмовиков, десантников, морских пехотинцев, бойцов из «Вагнера» и «Ахмата», не перечтёшь их, как этих звёзд в небе. Горючей и горячей вселенской слезой по всем погибшим косо падает метеорит... Где-то совсем близко, если пойти напрямую, то скоро упрёшься в красную линию, если раньше тебя не возьмёт в прицел ночного видения их снайпер. Ах, если бы надеть на голову не келариевую каску, что примерял вечером, а шапку-невидимку. Тогда бы увидел, как спят в окопах, блиндажах, лисьих норах наши и их штурмовики, артиллеристы, пулемётчики. Погружаются в чёрно-белые и цветные сны, взрыдывают, улыбаются, целуют жену, вскидывают на руки подбежавшую дочурку... Чтобы утром протереть глаза и опять приняться за страшную «работу»...

...Опускается холодный предутренний туман и прогоняет меня в избу. Привыкшие к ночи глаза различают спящих ребят. У Рэмбо высунулась из-под одеяла голая ступня. Ему всего двадцать три. Лежащий со мной рядом Фанта укутался с головой. У него дома остались жена и двое детей. И если бы ему удалось поймать золотую рыбку, то первым и главным желанием стало бы «пойти в отпуск. Вот уже почти полгода им обещают отпуск и не дают... Как ни стараюсь опуститься на своё панцирное чудовище как можно осторожнее — всё равно скрежещет на всю избу.

Нас утро встречает прохладой, изумрудной росой и... артобстрелом. Ребята, позёвывая спросонья, называют это: «С добрым утром!» — комментируют прилёты снарядов. Вдруг на наши головы обрушивается пугающий гулкий рёв. Над головами, едва не задевая оставшиеся трубы домов, проносятся две серые туши истребителей Су-35. «Так низко, чтобы не запеленговали, — по-ясняет кто-то из ребят. — Отбомбились, пошли на аэродром».

Живая мишень для снайпера

Увидеть. Вникнуть. Понять. Каждый услышанный там рассказ, эпизод — осколок в мозаику общей батальной картины спецоперации. Вот на квартире луганского хирурга Юры в полночь раздаётся телефонный звонок: там, на передке ранен осколком в позвоночник штурмовик. Если срочно не доставить в госпиталь в операционную, к утру кончится... Доктор выгоняет из гаража свою машину и мчит туда. Доктор местный знает здешние дороги — едет без света. На месте бегло осматривает раненого. Плох, но в сознании, держится из последних сил. После короткого разговора раненого усаживают на... водительское сиденье. Доктор садится рядом, перекидывает левую ногу давить на газ. Рулит одной рукой. О тормозах приходится забыть. Вся местность под контролем их снайперов. Первым берут на прицел водителя машины, потом расстреливают пассажиров. Сам штурмовик с таким раскладом согласен. На заднем сиденье ещё двое раненых. Все дороги снайперами давно пристреляны. Безопаснее проехать этот участок по заминированному полю, без света фар. Едут. И вправду, смелых и Господь бережёт. В один из моментов Юрий останавливается поправить повязку на раненом. Глядь, у передних колёс чернеет блин противотанковой мины. Ещё бы метр. Юрий сворачивает на обочину и петляет между деревьев...

Когда наступает рассвет, благополучно прооперированного штурмовика уже везут в палату. Не за это ли спасение вагнеры задали доктору очень симпатичную защитного цвета куртку с эмблемой: «Будь мудрым, как змей, и лишнего не пей».

Привёл домой кот корову

Устами Юрия поместим ещё один камешек в общую мозаику сегодняшней жизни там, в зоне постоянных обстрелов. Не только люди, но и животные привыкли выживать, рассказывал он. Простреливаемый участок, дорога ли, собачья будка во дворе. Как только начинается стрельба, любая местная кошка ли, собака из простреливаемой местности, из будки со двора бросается в укрытие, куда-нибудь под землю: в подвал, погреб, окоп...

Жить-то всем хочется. «Однажды, — делится доктор (живёт он в частном доме с участком), — слышу, наш кот за воротами мяукает, как будто зовёт меня. Выхожу, у калитки стоит рыжая корова и плачет. Первый раз в жизни видел, слёзы в два ручья. Только не скажет: «Пустите меня, бедную, переночевать...» За-

вёл во двор. Напоили, накормили. Три недели у нас жила. Молочком за постой «платила». За шестнадцать километров из-под постоянных артобстрелов ушла. Как узнали?

А объявление в местную газету дали. За кем пойдёт, тому отдадим. Нашлись хозяева. От них и узнали...» Добрый знак: люди возвращаются на родные пепелища. Вспомнилось, в деревне, где мы ночевали, на изрешечённых пулями воротах объявление: «Молоко и творог — на заказ». Возвращаются хозяйки на родные пепелища вместе с детьми, вещами и коровами, значит, поверили, что страшный «сон» войны отступил безвозвратно.

«Дорогой смерти»

Едем в госпиталь. Зелёный двор с беседкой. Пятиэтажный корпус постройки советских времён. На лестницах, в коридорах — везде ходячие раненые. Юрий Петрович приглашает нас в одну из палат. В ней двое. На кровати у окна сидит плечистый, с окладистой жгуче-чёрной бородой молодой богатырь, на другой разместился высокий худой парень, в тёмном тоге. Высокий всё время нервно позёвывает, жалуется Юрию на режущие боли в животе. Разговор не задался. Прощаются с нами с явным облегчением. Выходим во двор. У беседки человек семь выздоравливающих штурмовиков. Контузии, осколочные ранения от мин и снарядов. В больничных пижамах, в тренировочных костюмах, в военном камуфляже, один с забинтованной ногой, на костылях. Окружают, каждому хочется получить книгу с авторской надписью. Подписываю с пожеланиями «вернуться домой невредимыми», «жить хотя бы до ста лет» и ещё по песне: «Дай Бог поменьше рваных ран, когда идёт большая драка!..» Тут же завязываются знакомства. Тот, что на костылях, показывает застарелый рваный шрам повыше колена — память о чеченской кампании: «И опять осколок в эту ногу!.. Подлечусь — вернусь в окопы». Двое парней делятся идеей создать для потомков документальный фильм.

Сбрасывают мне на телефон свои заметки об одном из боёв. Предлагают написать сценарий. Договариваемся связаться позже. Скидывают несколько видеосюжетов, записанных на «Пэш-ке» (самом огромном здании Папаснянского водоканала под Лисичанском). Как там, среди фантастических хитросплетений, конструкций, трубопроводов, лестниц и зияющих дырами от мин и снарядов перекрытий, штурмовики в майках, а то и по

пояс совсем голые, — в касках и брониках там не развернуться — избегают по лестницам с гранатомётами и пулемётами, ящерицами проползают между труб — ведут огонь. От взрывов и треска очередей в этих бетонных «саркофагах», кажется, лопаются барабанные перепонки.

А вот другой сюжет: двое парней бегут по тропе, под обстрелом снайперов, с сорокакилограммовыми рюкзаками. Задохнувшись, падают под куст и, чуть полежав, опять бегут. Несут защитникам «Пэшки» еду и боеприпасы. Смотреть — и то страшно... И на видео слышна стрельба. Вдруг упадёт и не встанет. Такая вот она, жестокая реальность спецоперации.

Решаю включить главкой в очерк «репортаж» о взятии «Пэшки». И в сокращённом варианте он даёт представление о подвиге ребят. Автор текста — мужественный боец и разведчик, участник этого штурма с позывным «Кабарда». Говорят, за его голову укры обещали немалое вознаграждение. Дважды контуженный и раненный, Кабарда долечивается в госпитале. Вот как он описывает штурм «Пэшки». (Текст даю почти без правки.)

«Я являюсь бойцом подразделения «Шторм-Z-1», также мы известны как «Чёрные бушлаты». В данный момент наш отряд находится в самом большом здании Папаснянского водоканала под Лисичанском, рядом с меловым карьером Луганской Народной Республики. 28 апреля 2023 года нашему подразделению совместно с группировкой подразделения «Ахмат» была поставлена задача штурмом взять укрепленные позиции и удержать оборону до подхода подкрепления. Утром в 4:30 под прикрытием артиллерии и миномётного огня к вражеским позициям выдвинулась наша штурмовая группа. В момент штурма на территории водоканала находилось около 150 боевиков ВСУ, а в здании, которое мы прозвали «Пэшка», из-за П-образного строения, — их основные силы: 25 военнослужащих и десяток западных наёмников. Все они были отлично вооружены и занимали удобные позиции для стрелкового боя. Прямо перед зданием располагался огромный склон, где любое передвижение видели как на ладони. Расстояние от наших окопов до «Пэшки» составляло 350–400 метров. Прямо через 30 шагов от наших позиций проходила огромная и глубокая земляная трещина. Время от времени из неё, точно муравьи, выскакивали враги. Она простреливается ВСУ во всех направлениях. Путь по трещине до сих пор называют «Дорогой смерти».

Сигналом к наступлению послужили залпы «Солнцепёка». Чередой ракет из-за пригорка пронеслась над нашими головами,

как птицы-фениксы. Земля содрогнулась — взметнулся пламень. Стена ярко-рыжего огня закрыла небосвод, будто отверзлись двери в преисподнюю. В каком-то смысле так оно и было. Как только наши бойцы выдвинулись в сторону позиций ВСУ, вражеские пулёмётчики открыли огонь. Пули свистели, как демоны, скашивая траву и землю. Вдруг рядом со мной взорвалась граната — веером брызнули комья земли, перемешанные с травой и солнечным светом. В первые мгновения боя мне показалось, что мы до сих пор на учениях — я не оборачивался и не видел кровавый шлейф из мёртвых тел, которые мы оставляли за собой. И тут в бой вступил снайпер. Его пуля вошла в каску моего товарища, как раскалённый нож в масло. Его кувыркнуло и бросило в землю лицом. И тут по нам начал работать миномёт, отрезая подход, он клал мины на каждый метр пути, разрывая солдат. Снаряды всплескивались металлом, огнём и землёй. Где-то в отдалении затарахтел АГС, и тут же передо мной взорвалась череда гранат, обдав кусками грязи. К чести наших ребят могу сказать — ни один боец «Шторм-Z» не дал заднюю. Мы продвигались вперёд, несмотря на смерть и тяжёлые ранения, и это, наверное, спасло нам жизнь — при бегстве мы стали бы лёгкой мишенью. Только потом, анализируя ситуацию, мы осознали уровень потерь. В то кровавое утро «Дорога смерти» забрала у нас около 30 бойцов, примерно столько же ранеными и без вести пропавшими, о судьбе которых неизвестно и по сей день.

...В 4:50 мы вошли в «Пэшку»... Наступил этап зачистки, стрелкового боя, где наши бойцы показали своё превосходство. Со всех сторон гремели взрывы гранат, алыми цветками вспыхивали выстрелы РПГ. От прилётов «имелей» обращались в крошево бетонные стены. Пули рикошетили от стен и трубопроводов. Крики наступающих мешались с воплями раненых. Мы оттаскивали их в отбитые у врага части огромного здания. Запах пороха, крови и смерти въедался в кожу. Штурм был закончен к 7:30 утра. Бойцы ВСУ бежали в соседние здания. Убегая, они уничтожили остатки провизии и БК. На полную зачистку здания и изучение его потайных ходов у нас ушло практически две недели. ВСУ не жалели артиллерию, осыпая нас снарядами сплона. Через неделю мы были похожи на зомби — обессиленные, грязные, голодные, без еды, воды и боекомплекта, мы держали позиции из последних сил... «Трёхсотых» становилось больше, чем целых, вывести их не удавалось, а подкрепления так и не было. По «дороге смерти и жизни» осуществлялась хоть какая

то связь с «центром». Она была зажата с флангов и упиралась в завод — в здания Т14 и Т15, где засели элитные спецподразделения ВСУ, лучшие головорезы Запада и одна известная снайперша. Потери наши росли. Медлить было нельзя. Совместно с подразделением «Ахмат» и бойцами «Шторм-Z» 85-й бригады мы взяли штурмом ещё три здания на территории водоканала, разгромив и обратив противника в бегство, чем обезопасили себе пути подхода и выровняли линию фронта...»

Вглядываюсь в лица ребят на фото — сфотографировались при расставании. Неужели можно пройти такой ад и остаться вот такими доброжелательными, научиться скрывать за улыбкой глубокие душевные раны.

Ракеты на... адописной «иконе»

Встречи, беседы, вопросы, недоумение. Разве так задумывалась эта спецоперация? Разве с такими кровопролитными боями, описанной выше «Дорогой смерти», линией фронта на сотни километров, тысячами убитых и раненых? Думаю, что нет. Скорее всего, СВО замышлялась по образцу и подобию Крыма. Что называется, без шума и пыли. Вот что говорит об этом генерал-лейтенант Службы внешней разведки РФ (в отставке), возглавлявший аналитический центр Администрации Президента Л.П. Решетников: «С февраля двадцать второго года стало понятно, что СВО — шаг на упреждение. Россия оказалась перед вынужденным выбором. Если Украина зачищает Донецк, Луганск, её моментально принимают в НАТО, и мы оказываемся в ситуации опасности суверенитета России. Каждому ясно, 35-миллионная натовская конгломерация со всеми базами, возможностями — дело серьёзное... Планировалась спецоперация и смена режима в Киеве: давайте пойдём. Видно, определённые силы в Киеве обещали сотрудничество в переходе спецслужб Украины и командования на нашу сторону. Расчёта на большие военные действия не было. Считалось, что операция подготовлена, она должна пройти успешно, военное командование должно перейти на нашу сторону, остальные будут арестованы... Простыми словами — произошёл срыв военной операции...»

Цена этого «срыва» — тысячи убитых и раненых, пропавших без вести. Как развивались и развиваются события, мы все знаем, но сопереживаем ли? Помогаем, сочувствуем, молимся? Вот уже несколько дней меня преследует мучительный образ матери с известием о гибели сына в спецоперации. Вот она, во всём

чёрном, со скорбным ликом, пробивается сквозь праздничную толпу на городской площади. Все вокруг веселятся, едят мороженое, пьют шампанское. Поют и пляшут. Тянут и её в свои хороводы — День города. «Как вы можете петь и плясать рядом с телами бойцов в холодильнике-холодильнике?! — стонет мать. — Одумайтесь, люди!..»

Какой может быть «пир» во время «войны»!

Не все одумались. Пол-России плачет и помогает. Бабушки вяжут для бойцов носки и маскировочные сети. Сушат фрукты. Врачи везут в госпитали Донецка и Луганска перевязочный материал, медикаменты, оборудование. Люди отправляют гуманитарную помощь... Другая же половина России всего этого «не замечает» — веселится и скачет.

Между прочим, на краю пропасти. Я не преувеличиваю и не каркаю. Но вдумаемся. Украина сегодня — это НАТО. Против нас ополчились более полусотни стран мира. Генералы и советники США и НАТО разрабатывают стратегию и тактику боевых действий укронацистской армии. В этих боевых действиях участвуют «глаза и мозги» НАТО. Украинская армия — это всего лишь дистанционно управляемый зомби-организм. Организм мощный и злобный. Кто им, этим злобным организмом, управляет — секрет французского Петрушки-Полишинеля. Захлёбывающееся наступление — это попытка всё того же СевероАтлантического блока выйти вплотную к границе России. Взять на прицел наши города и веси. Иначе не шли бы разговоры о времени подлёта натовских ракет. Мы были бы как на ладони. К удару в упор.

«Баба-яга» и «Дикие гуси» — в русском ощипе

Встречи с ранеными в одном госпитале, в другом. Ходячие вышли из палат на солнышко. Почти у всех в разрезе пижам сверкают крестики. В основном это штурмовики — огневой контакт. Представляемся. «Подпишите книгу и мне». — «А будешь читать?» — «Буду! Тут больше делать нечего». Становятся в очередь. Получается, разговоры на бегу. Многие из ребят даже не думают о том, что участием в СВО защищают православие. Кровью смывают грехи свои и наши. Этот с осколком в голове, другой без ноги, третий — контуженый... Как это ни высоко звучит, они и есть воины Света. Скажи им так, удивятся, а кто и не поймёт. Рассуждают конкретно: «Укры не вояки, их мобили боятся нос высунуть из окопа. Автомат выставят и очередями в небо. Мы раз шли в наступ. Первая волна прошла их позиции,

за ней вторая, и только ребята третьей волны обнаружили замаскированные в зарослях блиндажи. Сидели, как мыши. Пара очередей — и все сдались. Вот наёмники — те да, спецы. В ходе одного наступа на меня негр вышел. Здоровенный, под два метра. Я в него очередью поперёк, а он всё идёт. Два рожка всадил — тогда только свалился... Все они чем-то обколотые. Мы уже этих наёмников по голосам определяем. Поляки по-своему кричат. А если: «Русский, сдавайсь!» — то в атаку идут америкосы. Не знают янки паршивые, что русские не сдаются!» Прибывают из-за океана на Украину «всадники без головы» — посланцы Байдена и Джимми Раскина — стирать Россию с лица Земли. Вербуют их частные военные компании «Акадэми», «Кьюбик» и «Дин корпорейшн»: «Это весело — догонять русских, стреляя им вслед... Сафари». На деле же получается «весело» возвращаться... в цинке гробов. Первой в списке стран, больше всех поставляющих на Украину наёмников, по информации Минобороны РФ, значится Польша, за ней следуют США, Канада, Грузия, Великобритания. Всего понаехали поиграть в «русскую рулетку» в украинских степях наёмники аж из 84 стран, числом более одиннадцати тысяч. И попали как кур в ошип. Из этих кур, то бишь «диких гусей», пять тысяч наша армия уже «ошипала». Лёгких денег расставшихся с жизнью наёмников едва ли хватит, чтобы доставить татуированные свастики тела на родину. И того, начинённого пулями из двух автоматных рожков, негра тоже. Примерно ещё пять тысяч «всадников без головы», испытав на себе «Солнцепёки», «Кинжалы», «Ланцеты» и русское мужество, засверкали пятками. Американский военный советник полковник Дуглас Макгрегор сделал сенсационное заявление: «Большинство наёмников собрали вещи и уехали домой. Остались одни поляки...» С нашей стороны постепенно приходит глубокое понимание необходимости спецоперации. Армия очищается от слабаков, бездарей, трусов и предателей на всех фронтах. Во вторую ночь нашего пребывания в ЛНР арестовали командира полка, где служат наши земляки. По их информации, продал полковник на сторону не один десяток автоматов. Сообщая этот грязный горький факт не для того, чтобы порадовать врага. Пусть трепещут!

Скальпелем закона и справедливости удаляются «раковые метастазы», растёт боеспособность армии. И враги, те же наёмники, чувствуют это на своей шкуре через пробитые навывлет бронежилеты...

Сергей Жигалов. Да любите друг друга

Вспоминаю ещё одну встречу. Молодой офицер, командир ракетной установки ПВО, внук моего друга. Разволновавшийся дед сгоряча было спутался, назвав позывной внука «Черномор». Правда скоро поправился. Рослый, мускулистый, весёлый парень — крепкое рукопожатие. Позывной взял из песни «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», а не по имени какого-то сказочного карлика с длинной бородой. Недавно Варяг вернулся из двухнедельного отпуска — летал на собственную свадьбу. Невеста — красавица, телеведущая одного из региональных каналов. Готова ехать за мужем хоть на край света. А как иначе станешь генеральшей? Пересказываем «Варягу» жалобы штурмовиков на взэушные беспилотники. На «Бабу-ягу» как один из самых опасных дронов (класс дронов, чаще всего сельхозназначения, с большой грузоподъёмностью, хорошей навигацией, автономным ходом. Могут нести довольно большой боезаряд: четыре выстрела сосколочной гранатой ВОГ или две ручные кумулятивные гранаты РКГ). «Долбим всех! И эту «Бабу-ягу» тоже — только обломки по воздуху разлетаются. Около двух десятков сбили — за каждый сбитый беспилотник экипажу премия. Выезжаем в поле и охотимся на них. На залп, на всё про всё, уходит несколько минут. Подготовить установку, отстреляться и быстро переехать в другое место. Промедление, как говорится, смерти подобно. Может прилететь. Со знакомым экипажем так случилось, жалко ребят!.. А так положение выправляется — в армии стало больше порядка, улучшилось снабжение продовольствием и боеприпасами. Освободим, зачистим и землю, и небо от всякой нечисти!..»

Пётр Исаков

Позывной «Оля»

Он приехал туда добровольцем,
Из учебки, как все, по контракту,
Средний возраст, спортсменов не водится,
Только этот особого такта.

Не курящий, не пьющий и вдумчивый,
Сразу видно, простой, исполнительный,
Но на деньги довольно задумчивый,
Всё подсчитывал очень ревнительно.

Его даже прозвали бухгалтером,
Всё зарплату считал он да выплаты,
Всем казался с корыстным характером,
На войне всё считал свои выгоды...

Что за танк, что подбил, причитается,
БТР, уточнял всё внимательно,
Узнавал, что за что начисляется,
ПТУР таскал за собою старательно.

Всё читал он инструкции с книжками,
Командира замучил вопросами,
Как стрелять, как готовиться, вышколил,
Карты, рации, дроны с забросами...

Пётр Исаков. Позывной «Оля»

Но на этом не кончились	Только кто же ему всё рисует?
странности,	Он рисунки ребёнка листает...
Позывной себе выбрал он	
«Оля»,	То он молится, то он плачет,
А в глазах нет ни горя,	То у Бога просит прощения
ни радости,	За убитых, то письма прячет,
Ждал «бухгалтер» наш	Сторонится с другими
первого боя...	общения...

Очень грамотно вырыл окопы,	Командир рассуждает:
Не окопы, а просто редуты,	«Странно,
Всё пристрелено, бруствер	Если набожный, что ж он
и ходы,	воюет...
Что тут скажешь, готовился	Всё про деньги он постоянно,
круто...	Лицемер... кто ж ему...
	всё рисует?»

Первый бой.
Поражает два танка. Тут он взял и подбил Леопарда,
Долго дрались, три дня Ему орден, а он весь светится...
и три ночи, Только радость ему не награда,
Батальоны меняются жарко, А всё выплаты, выплаты
Только «Оля» меняться вертятся...
не хочет...

«Марш на отдых!» —	Через месяц приходит ротный
«Простите, не понял»	К командиру с слезами
«Ладно, Рэмбо...»	и болью:
«Воюет мужчина...»	«Разрешите, я к вам,
	вы свободны?

За неделю тогда запостоил	Я чего тут... убили «Олю»...
Три железных врага машины...	
Ранен он, а в глазах его	Он поднялся, пошёл к посадке,
	Там участок врагом
радость,	пристрелен,
Он на выплаты рапорт	Знал он это не по догадке:
с палаты,	Там он снайпером был
Ещё кровь на бумаге осталась,	застрелен...
А ему в батальоне уж рады...	

Он вернулся, молчит и воюет... Мы в блиндаж к нему, там это фото,
«Видно, тронулся», — Подпись: «Оля» — и ниже:
рассуждают, «5 лет».

Пётр Исаков. Позывной «Оля»

Вот письмо для неё и для взвода, Там на все вопросы ответ...	Ты мне снилась каждую ноченьку, Только быть я с тобой не мог...
«Моей дочке нужна операция, В три этапа, иначе ей смерть, За границей. Пришлось постараться, Чтобы денег собрать успеть...	Обещай мне расти красивой, Обещай мне достойной быть, Обещай же мне стать счастливой, Обещай никогда не забыть...
Её стоимость покрывается Тем, что смог заработать здесь С похоронными... Думаю, справятся... У неё только бабушка есть.	Хоть меня ты почти и не знала, Может, даже не помнишь меня, Я всё сделал, чтоб ты не страдала, Больше жизни люблю я тебя...»
Я пошёл за неё под пули... Только если такое возможно, Проследите, чтоб не обманули, Чтобы выплатили, что положено...»	«Ненавижу себя!» — крикнул ротный, Со слезами сказал, что когда Всё закончится, станет свободным, В монастырь он уйдёт навсегда...

Николай Прохоров

Они умирают за Родину

Очерк

Я крайне редко использую диктофон в интервью. По нескольким причинам. Во-первых, наше высокое мнение о чистоте и правильности нашей речи в 99 % случаев сильно преувеличено. Безобразно преувеличено. Если не верите, то запишите свой разговор с любым знакомым, коллегой, приятелем. Гарантирую, что будете неприятно удивлены. Стройной и логичной нашу речь делает мозг, достраивая её уже постфактум. Классический алгоритм работы журналиста выглядит следующим образом: сначала интервью записывается на диктофон. Потом, вручную, переносится на компьютер «как есть» (т.н. расшифровка). Потом редактируется (по факту чаще всего переписывается с сохранением общего смысла сказанного и наиболее ярких, характерных выражений собеседника), утверждается у интервьюируемого и используется в дальнейшей работе.

Однако, само наличие диктофона на столе «зажимает» собеседника. Заставляет его подбирать слова. В итоге человек пугается и от этого «зажимается» ещё больше. Беседа начинает напоминать допрос. Добиться ярких, эмоциональных ответов становится крайне сложно. Просто потому, что подсознательно в человеке сидит тупая формула из американского кино о том, что всё, что вы скажете, может быть использовано против

вас. Конечно, и здесь есть свои способы «разговорить», но зачем? Лучший диктофон — это память. Если ты сумел построить с собеседником интересный разговор, то ты помнишь его почти дословно без всякого диктофона. Ну а нюансы речи, цифры, имена, даты — уже часть ремесла. Самое интересное то, что, восстановив разговор по памяти и перенеся его на бумагу, я ни разу не слышал фразы: «Я этого не говорил».

К чему я всё это? К тому, что если бы я записывал историю, которую собираюсь рассказать, на диктофон, то её бы просто не случилось. Одно дело, когда ты общаешься с случайным знакомым, с которым предстоит провести вместе пару дней и больше никогда в жизни не встретиться, и совсем другое, когда знаешь, что о тебе планируют написать. Впрочем, я считаю, что мой дальнейший рассказ будет яркой иллюстрацией нашей жизни и нашего времени. Времени парадоксов, в котором свои жизни за родину отдают те, к кому она была наименее ласкова...

Они сидят напротив, за столом. Подполковник и боец без знаков различия. В окно кабинета бьётся снежная крупа и промозглый, январский ветер. В этом году он промозглый и холодный одновременно. С климатом что-то явно случилось. Впрочем, как и со всеми нами.

Ещё десять минут назад мы не были знакомы. Но у нас есть общий замысел, общее дело, в котором мы будем друг-другу нужны и полезны. Потому встретились, беседуем и присматриваемся друг к другу.

— Как там?

— Совсем не так, как рассказывают по телевизору...

Дальше подполковник начинает рассказывать о войне. Впрочем ничего нового не говорит. Реальная война не похожа на ту, что в книгах. Реальные люди не имеют ничего общего с плакатными героями. Реальный героизм далеко не всегда попадает в сводки. Чаще не попадает. Просто потому, что многим людям тогда придётся ответить на неприятные вопросы о том, результатом чьих действий или бездействия стали обстоятельства, при которых боец или даже целое подразделение вынуждены были проявить чудеса героизма.

Я почти не слушаю. Понимаю, что мне скажут ровно столько, сколько посчитают нужным. Много не посчитают. Да и о войне я знаю немного больше, чем пишут в учебниках. Потому отдаю себе отчёт в том, что слышу правду, но в то же время и в том,

что по-другому не бывает. Как сказал один из не чуждых «телеграму» военных, побеждает не та армия, в которой нет бардака, а та, в которой его меньше.

В процессе я с интересом ловлю общение военных между собой. Их реакции, взгляды, реплики, мимика говорят гораздо больше, чем выверенный рассказ о боевых буднях. Что говорят? То, что они живут этой войной. Они настолько в ней, что наш мир им уже абсолютно чужд. У них там свои взаимоотношения, конфликты, порядки. И разрешается всё это совсем не теми методами, к которым мы привыкли. Впрочем это тоже не новость.

— Давно воюете?

— С 22 года, с Мариуполя. Как только началось, так сразу и поехали...

— До войны чем занимались?

— Служил в полиции...

— Работал на стройке...

Потом они выступали перед студентами. Не было громких слов и лозунгов. Были тяжёлые, словно молотом разбивающие броню подросткового цинизма, слова об изувеченном ребёнке в Мариуполе и о шестнадцатилетней девочке, которую свидомые несколько дней насиловали вшестером. О том, как эти твари обманом пытаются влезть в душу, играя на подростковом максимализме и неопытности. О поисках правды, заканчивающихся гнусной ложью, и о том, как за эту самую правду потом приходится платить собственной кровью.

Между строк постоянно звучало: «Думайте, думайте, думайте... Попробуйте осознать, насколько высока может быть цена ошибки. Понять, что в моменте добро всегда слабее зла. Просто потому, что зло не ограничено ничем, а добро уязвимо. Ведь если добро начнёт поступать так же, как зло, то оно само станет злом... Победа на поле боя обязательно должна быть победой во внутренней битве добра со злом...»

Потом мы ещё какое-то время пьём чай. Вопрос, ставший формальным поводом для встречи, решили быстро. Мы ещё о чём-то говорим, но мыслями они уже не здесь, а где-то в сервисе под Волгоградом, где чинят так некстати сломавшуюся машину с «гуманитаркой». В каких-то переговорах и контактах, по результатам которых они должны добрать из мирной жизни ещё что-то, чего очень не хватает на фронте. У «ленточки», через которую всё это надо перевезти, а там свои сложности. И дальше. Там, где их товарищи сейчас воюют. Где вместе с одним из них воюет сын...

Николай Прохоров. Они умирают за Родину

— А как он туда попал?

— Я сам его привёз. Вытащил из-под уголовного дела. Им в институте мозги засрали, и они деньги переводили «несправедливо обиженным и угнетённым хохлам». Вот и привёз к себе, чтобы увидел и понял, как оно всё на самом деле...

— Понял?

— Да. Хорошо воюет. Вопросов о том, кто прав, больше нет...

Они уходят по ледяной корке тротуара маленького провинциального города, щурясь от позёмки, бьющей в глаза. Я остаюсь в тёплом кабинете, с чаем и мыслями. Мыслями о том, о чём мы не говорили вслух, но что незримо присутствует в каждом разговоре о войне. Война — это не территории, не количество поверженных врагов, знамён и штандартов у ступеней мавзолея. Война — это избавление от тысячетонной тяжести компромиссов мирного времени. Декларация себя как части добра или зла, света или тьмы. Добро слабее зла. Свет сжигает, а тьма замораживает. Потому человек не может жить в крайности. Битвы заканчиваются. После них всё опять приходит в равновесие. В зависимости от того, кто победил, становится светлее или темнее. Но тому, кто горит, сумерки уже кажутся тьмой. А ведь после победы им придётся вернуться в сумерки...

Сумерки в январе наступают поздно. В пять утра до них ещё минимум три часа. Пока маленький городок ещё досматривает предпоследние сны перед тем, как разразиться какофонией будильников и нецензурных ругательств. Вот, только не надо мне о счастье и бодрости утреннего пробуждения! Не в январе и не в 4 утра!

В последнее время мой городок стал популярен. Не своими достопримечательностями и не замечательными людьми, а районным военкоматом. После того как губернатор установил самые большие в стране региональные выплаты за поступление на военную службу по контракту, к нам потянулись добровольцы со всей страны. У некоторых из них мой город оказывается первым на пути.

Гостиница никогда не спит. В номерах и на лестницах уже давно не курят — всё утыкано датчиками пожарной сигнализации. Вот и стоят мужики своеобразным строем у входной двери. Кто-то выходит, кто-то заходит. Идёт постоянное движение туда-сюда. Достаточно быстро все успевают между собой познакомиться, и со стороны их можно принять за коллег или

приятелей. Но нет. Они всего лишь попутчики на несколько морозных январских дней. Собственно, сейчас в гостинице всего две категории постояльцев — традиционные для наших мест нефтяники и добровольцы СВО. С добровольцев гостиница денег не берёт. То ли из собственного чувства патриотизма, то ли по настоятельной просьбе местной администрации, а может, по совокупности, но факт остаётся фактом: добровольцев здесь даже кормят бесплатно.

Процесс поступления на службу организован неплохо. ВВК кандидат проходит по месту подачи заявления. Параллельно оформляются необходимые документы. Всё занимает пару дней. Вот только анализы на инфекционные заболевания иногородним надо сдавать обязательно в областном центре. Дальше ещё пара дней ожидания и, если всё в порядке, подписание контракта уже на пункте отбора. В общем, дней через пять после первичного обращения в военкомат ты уже боец красной армии. В одном из этапов этой схемы меня и попросили помочь. Необходимо было съездить с добровольцем в областной центр, сдать анализы и подписать контракт...

В 5:30 утра я стою у гостиницы. В машину садится сухощавый мужчина среднего роста. Перед тем, как сесть, прощается с товарищами у дверей. Знакомимся. Едем в военкомат за личным делом и сразу на трассу. До города ехать чуть меньше двух часов. Если задержимся в пути на 10-15 минут, попадём в утреннюю пробку. Почему говорю в единственном числе? Потому, что утром весь город — одна сплошная пробка. Она стоит «мёртво» на протяжении двух часов, а потом, каким-то чудом, исчезает. Интересно — каким?..

Впрочем пока мы ещё лишь пробиваемся в сторону города по федеральной трассе. Хотелось бы написать, что летим, но 29 камер на 100 км пути не дадут соврать. Да и количество большегрузов, в любое время суток, уже настолько запредельное, что ощущаешь себя водителем трамвая, вставшего в колею и неторопливо плюхающего со скоростью потока. Зато есть время поговорить...

Итак. Моего спутника зовут Сергей. Ему 56 лет. Помните, что я в начале писал по поводу диктофона? Так вот, Сергей просто говорит междометиями. Хотя человек замечательный, и разговор у нас получился очень интересный...

— Что это тебя в таком возрасте воевать потянуло?

Николай Прохоров. Они умирают за Родину

— Ох!.. Чтобы на твой вопрос ответить, с самого начала рассказывать придётся...

— Времени много...

— В общем, поначалу всё как у всех было. Нас у родителей было двое — я и сестра. Окончил школу, потом училище. Отслужил в армии, успел немного зацепить Афганистан. Вернулся. Женился. Работал.

В 90-х с жильём вариантов никаких не было, но мне можно сказать «повезло». Родители, после смерти бабушки, переехали в деревню, и я жил в их двухкомнатной квартире. Потом отец умер. Мать сказала, что из деревни уже никуда не поедет и приватизировала квартиру на нас с сестрой. Сестра к тому времени была замужем и жила в другом городе.

К началу двухтысячных я развёлся и женился вторым браком. Там у меня тоже ребёнок родился — дочь. Тяжело, конечно, было, но крутился — старался обеспечить всех. А тут у сестры проблемы начались. Муж пить начал и бить их с племянницей. В общем, разводиться собралась. Ну, что делать, жить-то им надо где-то — пришлось квартиру родительскую «пилить».

В общем, родительскую квартиру продали — деньги поделили. Нашёл я однокомнатную квартиру. Денег занял изрядно, поскольку не хватало. Заключил сделку. Купил. Оказалось, что нарвался на мошенников. Они эту квартиру восемь раз продали! Это звездац был какой-то! Денег нет, жить негде, долгов полные карманы, а за съёмное жильё тоже платить надо. И немало. Безнадёга полнейшая. Ещё и сажать этих мошенников очень не хотели. Несколько раз закрывали дело. Потом, после наших обращений, открывали вновь. Несколько лет это длилось. Осудили только после того, как мы до Москвы дошли, до главного следователя или прокурора. Дали им по семь лет. Стали мне в качестве компенсации ущерба на книжку перечислять то 500 рублей, то 1000 в месяц. На том и кончилось...

Жить всё равно как-то надо было. Стал вахтами на север ездить. Бывали вахты по три-четыре месяца. Просто потому, что некем менять было. Такие условия, что люди не идут, а те, что приходят, через неделю покупают билет на гражданский самолёт и никаких денег им не надо. За пару лет, с большим трудом, но всё же набрал на первый взнос по ипотеке. Сестра ещё помогла. К тому времени у них наладилось с мужем, а деньги остались. Взял ипотеку и купил комнату в трёхкомнатной квартире.

Продолжал ездить на вахты. Между вахтами брал подработки разные. Отдавал кредиты. Через три года хозяин решил срочно продать оставшуюся часть квартиры. Пришлось снова искать деньги на первый взнос и брать ещё одну ипотеку. К тому времени заработки упали и мотаться на север стало невыгодно. Устроился в пожарную часть. Сутки через трое. Деньги не ахти, конечно, но с таким графиком можно подрабатывать. Там все подрабатывают. Кто таксует, кто мебель собирает, кто мастерит что-нибудь. Чтобы таксовать, машину пришлось взять старенькую. Снова в кредит. Десять лет только и пахал, что на кредиты. А куда деваться?

В общем, пару лет назад, я наконец рассчитался по кредитам. Однако за это время дочка подросла, школу окончила, в институт поступила. В общем, подумали с женой, подумали и купили дочери квартиру однокомнатную. Снова ипотека...

Пару недель назад сижу я на дежурстве, телевизор смотрю. Как раз сюжет показывали об СВО, выплатах и службе по контракту. Всю ночь не спал. Потом поговорил с женой. Несколько дней спорили. А потом собрался и поехал. Ваш город первым попался в области. Подумал, что если не я сам, то хоть жена с дочерью пусть нормально поживут немного. Так надоела эта жизнь от кредита до кредита...

Дальше какое-то время едем молча. На языке у меня вертится вопрос, насколько мой собеседник отдаёт себе отчёт в реальных шансах вернуться. Но я его не задаю. Просто потому, что в какой-то момент понимаю — отдаёт.

Километров через пять останавливаемся покурить и опраться. Съезжаем с дороги и гасим фары. Утренний холод чувствуется особенно остро. Не то чтобы мороз, но восточный ветерок пробирает почти моментально.

Рядом стоит старенький «Опель» с погашенными фарами и работающим двигателем. В нём, на чуть откинутом сиденье, спит военный. Форма опрятная, но видно, что носится уже достаточно давно. Вся машина под крышу забита какими-то мешками и коробками. Регион на номерах не наш. Явно уже почти сутки пробивается в сторону Волгограда и дальше, к месту службы. Похоже, возвращается из отпуска. Вообще, спать в закупоренной машине с работающим двигателем — рискованное мероприятие. При неблагоприятном стечении обстоятельств можно и не проснуться. Сначала хотели постучать — разбудить, но по-

том передумали. Для длительной стоянки место так себе, а если человек прикорнул на пятнадцать минут, чтобы морок сбить, то будить его — медвежья услуга. В общем, пожелав ему тихонько удачи, движемся дальше.

В город вкатываемся на гребне первой волны утренней пробки. Наше место назначения недалеко от вокзала. Слегка потолкавшись на светофорах, обнаруживаем, что парковку нам никто не приготовил. Более того, ещё и знаки расставили с запретом остановки под угрозой немедленной эвакуации. Но здесь нам везёт. Каким-то чудом находим свободное место на привокзальной площади, метрах в четырёхстах от нужного учреждения. Вообще, парковки в городе-миллионнике — отдельная тема. Не буду сейчас в неё вдаваться. Поделюсь лишь одним своим наблюдением. В последнее время отношение к принудительной эвакуации изменилось. Если раньше эта процедура вызывала самый широкий спектр отрицательных эмоций, то сейчас она стала своего рода «антилотереей». Уже мало кто хотя бы пытается припарковаться по правилам: слишком уж сложная это задача. Машины бросают прямо под знаками, в надежде, что у ГАИ и службы эвакуации до них просто руки не дойдут.

До открытия лаборатории ещё полчаса. У крыльца стоят человек 10 добровольцев. Ещё порядка двадцати греются в машинах вдоль дороги. Всё спокойно. Никто не лезет без очереди и не пытается взять штурмом дверь, аки вокзальный буфет. Разговоры о том, кто откуда приехал, как добрался, кто встречал, где остановились. Вот здесь я получил ответ на вопрос, который меня давно интересовал: кто же те люди, которые получают деньги за содействие в привлечении на службу по контракту? Напомню, что за каждого привлечённого государство выплачивает сто тысяч рублей. Оказывается, это целый бизнес. Сами себя добровольные помощники называют «кураторами». Чаше всего они знакомятся с потенциальными добровольцами ещё до приезда последних в регион. Организуют проезд, питание, проживание, медкомиссию. Находят менее загруженный РВК, в котором быстрее оформят документы. Часто имеют контакты с крупными предприятиями, куда оформляют своих подопечных «на работу». Потом считается, что они призваны с этого предприятия. В таких случаях работодатель выплачивает «работникам» дополнительную премию за решение уйти на службу по контракту. В разговорах я слышал о суммах до двухсот тысяч рублей. Видимо, это связано с какими-то неформальными обязательства-

Николай Прохоров. Они умирают за Родину

ми некоторых предприятий перед региональными властями. Впрочем в итоге все довольны. Добровольцы получают полное сопровождение на всех этапах, начиная с поезда или самолёта, а кураторы неплохо зарабатывают.

Тем временем процедуры идут своим чередом. Раз в несколько минут открывается та или иная дверь и в кабинеты по-фамильно вызывают будущих бойцов. Те, что ждут, общаются между собой. Никаких фотографий я, естественно, не делаю, а просто стою и слушаю, кто кем и где служил срочную, где и кем работали, в каких регионах сколько платят за заключение контракта и, самое главное, почему решили пойти воевать. Пафосных речей, естественно, никто не произносит. Как и стоило ожидать, для большинства не последний мотиватор — деньги. В ином случае просто нет необходимости ехать через половину страны — можно оформить контракт по месту жительства. Исключением стали два человека. Первый — мужик из Питера. По виду лет 65-ти, но живчик. Говорит, что нечего делать дома. Жены не стало. Внуки уже почти выросли. Пора заканчивать то, что когда-то не закончил его отец. Рядом с ним доброволец из Коми. На вид лет 35. Дома у него остались жена и трое дочерей. Не отрицая важности и нужности денег, оговаривается, что идёт воевать по убеждению. В этот момент не выдерживает мой товарищ и горячо вступает с ним в спор под девизом: «Не учи меня Родину любить!» Объективного повода для спора нет. Но, видимо, чувствуется внутри какая-то «нестыковка»...

Разобравшись с медициной и отставив на время споры, едем в пункт отбора на контрактную службу. Утренняя пробка прошла. Движение рабочее. Да и ехать относительно недалеко. По прибытии парковаться, естественно, нигде. Но и здесь нам везёт. Метрах в двухстах я нахожу проулок, заезжаю и встаю под каким-то деревом. Летом здесь, наверное, газон. Но мне уже всё равно. Шанс стать жертвой эвакуации крайне мал. Узковат проулок для эвакуатора, грузить крайне неудобно, да и вокруг есть множество гораздо более лёгкой добычи.

В пункте отбора людей реально много. В холле свободных мест нет. Дежурный собирает личные дела и провожает вновь прибывших в зал ожидания. Тот уже тоже занят процентов на восемьдесят. На стене висит огромный телевизор. На экране какая-то современная комедия из сельской жизни, которая ни-

кого из присутствующих не интересует. Дальше ждать и слушать всё те же разговоры...

До нас очередь доходит уже в обед. Подписав бумаги и получив банковскую зарплатную карту, отправляемся в обратный путь. Там же, в пункте отбора, уже фактически на постоянной основе работают судебные приставы. После подписания контракта они приостанавливают все исполнительные производства в отношении военнослужащего. Увы, но людей около них немало. Теперь ждать результатов анализов. Если всё нормально, военкомат выдаст предписание о прибытии к месту службы.

По пути заезжаем в крупный торговый центр для того, чтобы что-нибудь съесть и купить сигарет. В галерее на диване отдыхает парень в военной форме. Рядом стоят костыли. Ноги выглядят несколько неестественно, но под брюками не поймёшь, почему именно. То ли аппараты Илизарова стоят, а то ли протезы. Мой спутник не показывает виду, но я чувствую, что ему хотелось бы пообщаться — узнать, что там и как. Проходим мимо. Минут через сорок, когда мы возвращаемся обратно, парень всё так же сидит на том же диване...

В следующий раз я встретился с Сергеем через день. Меня попросили закончить начатое и доставить его к месту службы. По пути говорили о том, что большинство его соседей по гостинице уже отбыли, что они общаются между собой и пишут о том, как начинается их военная жизнь. Сергей рассказывал, как отнеслись к его решению коллеги по работе, друзья и знакомые. Все желают ему удачи и ждут возвращения. Мне нечего было сказать. Я мог лишь тоже пожелать удачи. Тем более что она ему явно потребуется...

В понедельник ко мне приехал контрагент. Привёз акты. Я вышел проводить его до ворот и покурить. В это время на Аллее Героев прощались с очередным погибшим бойцом. Накануне, я видел в соцсетях некролог. Ему было около пятидесяти и прослужить он успел всего месяц. Сам я с ним если и был знаком, то крайне поверхностно. Лицо на фотографии показалось очень знакомым, но обстоятельств я вспомнить так и не смог. Впрочем в нашем маленьком городке так или иначе все друг друга знают. Коллега знал погибшего лучше меня и в двух словах рассказал его историю. В сути своей эта история поразительно напомнила

Николай Прохоров. Они умирают за Родину

мне ту, что я слышал за несколько дней до похорон, в машине, январской ночью.

Так кто же они — те, кто уходят на фронт, зная что шансов вернуться у них немного? Те, кто сражаются за Родину и отдают за неё свои жизни?

Они разные. У них разные судьбы и разные мотивы. Однако большинство из них объединяет то, что жизнь не была к ним ласкова. Любой иностранец, послушав их истории, был бы очень удивлён, поскольку просто не нашёл бы рациональных доводов для защиты страны с их стороны. Да они и сами, зачастую, не могут эти доводы сформулировать внятно. «Достало всё!.. Пусть семья поживёт достойно...» — это я слышал не единожды. Впрочем: «Не учи меня Родину любить!» — в тех обстоятельствах, в которых этот спор состоялся, тоже говорит о многом. Как минимум, о том, что внутри рациональных доводов о семье и несостоявшейся жизни есть Вера в нечто большее, чем отдельно взятая жизнь. Во что-то в высшей степени справедливое, что так и не смогла затоптать гипертрофированная рациональность последних трёх десятилетий. Значит, мы победим!

После победы они вернутся домой. На самом деле, мало кто из них пойдёт во власть. Подавляющее большинство попытаются снова встроиться в мирную жизнь примерно на тех же позициях, с которых уходили. После победы сумерки должны стать светлее. Должны. Но станут ли? Или эти люди опять будут жить от кредита до кредита? Вот об этом надо подумать. Победа должна состояться не только на поле боя, но и в нас самих. Иначе нас сомнут и разрушат изнутри. Если не сразу, то позже...

Андрей Авраменков

Пропавший без вести, оставшийся в сердце

Рассказ

Положив голову на руки, она, сидя за кухонным столом, плакала. Уже и слезам неоткуда было браться, а она всё плакала. Третий день подряд. Находилась в неземном состоянии, будто не существовало больше пространства и времени. Плевать ей было на всё: на еду, сон, друзей. Плевать ей было на жизнь. Потому что её жизнь оборвалась.

Подходила мама, обнимала, пыталась разговаривать, то утешать, то рассказывать отвлечённые истории, один раз даже легонько ударила по щеке. Ничего не помогало. Из дочери ушла душа. Ушла вместе с ним.

У Жени не было эгоистичной мысли: «Как я буду жить дальше?» Она знала, что дальше не сможет. Не хочет.

Как она его любила. И до сих пор любит. Никто не знал такой любви. Женя знала, что не сможет уже никого полюбить. Её сердце было уничтожено, стёрто в порошок украинскими снарядами.

В первый день, как ей сообщили, что Глеб пропал без вести, у неё случилась истерика. Она и так была на грани все эти меся-

цы, и вот он — спусковой крючок. Женя металась по квартире, словно раненая птица, не знала, куда себя деть. Она ощущала, как сходит с ума, как перестаёт принадлежать себе. Потом провалилась в беспамятство, к вечеру не уснув, а просто отключившись от моральной перегрузки.

Второй день наступил незаметно, стёрлись границы между сном и явью. Время просто шло вперёд, очень медленно, без разграничения на условные отрезки. Она лежала, и даже лежать ей было невмогуту, смотрела застывшим взглядом в потолок. И только удары сердца напоминали о том, что человек живой. Они раздавались на всю квартиру.

Днём сослуживец Глеба, боец с позывным Рубин, прислал сообщение:

«Объясняю, чтобы было проще искать. Командир разведбата, позывной у него Камчатка. Задачи выполнялись на Бахмутском направлении, деревня Б. Последний раз, где был Глеб, отметка Т-129. Вот... Как-то всё. А там, добрался он с той отметки, не добрался, выбрались они оттуда, не выбрались, этого не знает никто. Последняя информация, которая у нас была, что он должен был выдвинуться на эвакуацию, там находился первый пункт, где оказали медицинскую помощь, и оттуда, соответственно, должны были отправлять на эвакуацию. С той точки, где был Глеб, он должен был пройти 800 метров по всем этим развалинам.

Да должен был выйти он оттуда! Просто там, если ты раненый, если травма, при которой ты дальше не можешь двигаться, с такими травмами эвакуируют. Что касается лёгких осколочных или контузий, то с ними могли и оставить его. Мы не знаем ничего, и поэтому неизвестность больше всего пугает и бесит. Я прекрасно понимаю твоё состояние. Держись. Верь в то, что он выбрался оттуда. Мы с пацанами в это очень сильно верим и надеемся на это».

И тогда её сорвало, и бездействие сменилось ярким желанием что-то делать. Только она могла найти его на этом свете. Женя отыскиала телефоны всех больниц, контакты «горячих линий» и начала обзванивать. Каждый отрицательный ответ приносил двоякие чувства: с одной стороны, надежда таяла, с другой — она распалялась, у Жени было ощущение, что вот в этот раз она наткнётся на нужный госпиталь и узнает о том, что Глеб жив и находится на лечении. Когда телефоны кончились, а поиски не принесли результата, она снова зарыдала. Ревела так, что соседям, которые слышали всё через панельные стены, было страшно.

Находиться дома Женя уже не могла. Она выбежала на улицу, не зная, куда пойдёт. Извилистая дорога вывела её на остановку, и молодая девушка, с опухшим неживым лицом, запрыгнула в маршрутку, едущую в областную больницу. Надежду терять нельзя, он жив, не может умереть. Кто угодно может, но только не Глеб.

Её трясло от озноба и воспоминаний. Их любовь была не похожа ни на какую другую, казалось Жене. Они с самого начала никогда не ссорились. Глеб был спокойный и нежный с ней, никогда не грубил, даже будучи не в настроении. Внимательный и заботливый. Его глаза, наполненные такой искренней любовью, были двумя путеводными звёздами, светившими Жене. Она не боялась с ним ничего, не боялась его, не боялась будущего, стёрла прошлое. Вместе с ним она чувствовала себя на райском острове и не знала, не думала о том, что это всё может оборваться... Его мобилизовали. И у них началась совсем другая жизнь. У него своя, у неё своя. Конечно, они были вместе и ни капли не стали любить друг друга меньше... Эх, чёртова война! За что? Зачем ты приносишь горе тысячам семей, рушишь сотни тысяч судеб? Почему мы не можем остановить тебя? Такие, как Глеб, смогли бы. Не потому, что он был воин, а потому что он был добрым человеком.

Возле областной больницы было много людей в форме, входивших и выходивших, кто-то стоял с костылями и курил, другие рассматривали свои карточки и выписки, третьи обнимали жён и девушек, не отводя от них глаз. Дойти до входа мимо них она так и не смогла... Глеб? Глеб! Глеб... Родной, любимый, ты ли это... Она упала на колени и начала терять сознание. Её подхватили сильные раненые руки. В аптеке при больнице ей дали понюхать нашатырь и вкололи успокоительное. До регистратуры Женя так и не добралась.

Домой она возвращалась ватная и безразличная. И в каждом мужском лице она видела Глеба.

Ночью Женя в полусне чувствовала его руки и тепло, его поцелуи на своей спине и шее. Она прижимала подушку всё сильнее к себе. Утром ей стало немного легче.

За неделю она высохла, молодая симпатичная девушка превратилась в увядший цветок, измотанный, не получавший живой воды. Надежда отступала, не в силах обойти эти стены неизвестности. Никакой ясности, никаких новостей. Так и жила Женя, забыв о жизни.

Андрей Авраменков. Пропавший без вести...

Во время отпуска к ним пришёл Рубин, которого Глеб не знал до войны, но с которым подружился за время боёв. Он разговаривал спокойно и даже хладнокровно, как будто ситуация рядовая. А она и была рядовая для многих. Но не для Жени. Он пытался поддержать, рассказывал о том, как воевал Глеб, но после пары фразы об этом она не выдержала и ушла. Слушать пришлось матери, у которой разрывалось сердце из-за сломанной судьбы дочери. Она тоже любила Глеба, ставшего им родным и близким. А как иначе? Он стал сыном. Она видела, как любили они друг друга. А теперь всё оборвалось...

Эти истории, о том, как воевал Глеб, каким он был там, она расскажет Жене только год спустя. Нет, даже через год ей не стало легче, но росток жизни всё же пробился в ней. Можно ли любить столько времени того, кого уже нет?

Она даже не могла сходить на его могилу, посидеть и поговорить с ним. Потому что могилы не было. Его уже нигде не было на этой земле. Но нет! Это неправда! Он жил в ней. Он так жил! Возможно, подумалось Жене однажды, и она осталась жить именно благодаря тому, что получила какую-то силу от него. Нужно было хранить память о нём. И она не имела права сдаваться, хотя бы на самом низком уровне нужно поддерживать свою жизнь. Делать вид, что ты ещё живой человек.

Женя очень состарилась. Непростая выпала ей доля. А почему не слегла в сырую землю, она не знала и сама. Просто так бывает: долго находишься при смерти, а не умираешь. А очень хочется.

* * *

Много лет спустя она найдёт человека, с которым свяжет свою жизнь. Он будет совсем не похож на Глеба. Потому что таких, как он, больше нет. Он был предназначен для неё, а она для него. Но... судьба распорядилась так жестоко.

Они поженятся, и Женя подарит миру двух прекрасных мальчиков. Часто она будет плакать по ночам, но так, чтобы никто не услышал и не понял. Ведь дети не от Глеба... Муж будет очень сильно её любить, но это не всколыхнёт в ней ничего. Он будет знать об этой давнишней истории, которая для неё будет всегда стоять перед глазами.

Однажды Женя скажет своему мужу:

— Я не думала, что смогу столько лет любить его. Время ничего не стёрло. Он так и стоит у меня перед глазами. И я всё помню очень хорошо.

Андрей Авраменков. Пропавший без вести...

Он не бросит её после этого, а будет продолжать заботиться и любить. У каждого свой крест. И муж её окажется очень достойным и стойким человеком. Просто выберет не ту и проживёт всю жизнь без любви.

В их совместной жизни будет много всего. Иногда даже и смех.

Наши женщины прощают нам всё. Даже то, что нас нет.

Но Женя так никогда и не поймёт, зачем прожила эту жизнь без Глеба.

Ольга Олейник

«Когда стихают яростные споры...»

* * *

Когда стихают яростные споры,	Будто ко мне и послан был
Суетность дня,	дурак...
пустые разговоры,	И я с тех пор стараюсь
То слышно, как весна	помолчать,
прозрачной кистью	Когда вокруг невидимая рать
Обозначает будущие листья	Из пустословия и праздной
На витиеватом росчерке	маеты
ветвей.	Наводит свои жуткие мосты.
И туч бока становятся светлей,	И вижу, как весна прозрачной
И почек золотится	кистью
клейкий лак.	Рисует вновь соцветия
Мне это показал один дурак.	и листья,
Нам было по пути.	И почек золотится
Вокруг так громко...	клейкий лак.
С улыбкою невинного ребёнка	И сердце бьётся...
Он указал на жизни явный	Кем был тот дурак?
знак.	

Из военного госпиталя 42-го

Не разжать побелевшие	Боль врывается залпом
пальцы,	далёким,
Не согреть боевыми нутро.	Холод туго ползёт под ребро.
Так просилось в ладони	Стать скорее свободным
остаться	и лёгким,
Белоснежное птичье перо.	Как то самое птичье перо.
«Эй, сестричка, такое видала?	Ночь течёт сквозь прикрытые
Кроме шуток, скажи, я хорош?	веки,
Нас на подступах лихо ломало,	Между коек ползёт неспеша.
Подышали копной	Что останется от человека?
не за грош...»	Есть ли вечная эта душа?
Воздух густ.	Может, там, за стеною
Хлороформ и карболка.	больницы
Свет размазан на узком окне.	И закончится истинный ад.
В бурых пятнах его	Пусть перо, а не целая птица.
гимнастёрка	Пусть в огонь, но ни шагу
Засыхает на крепкой спине.	назад...
Свет сужается.	Пусть хоть час, но стоять
Меркнет на лицах.	и держаться!
Затухает в чаду забвения.	Всё не зря...
За кирпичной стеною	Завтра новый рассвет.
больницы	Неприменно остаться...
На могилах не села земля.	остаться!
	Долгим эхом грядущих побед.

* * *

Хочется в дождь и сосны, и чтоб песок
влажно хрустел при каждом привычном шаге.
Но ухожу вдоль поля, наискосок,
будто веду строку по сырой бумаге.
Небо спускается прямо на чернозём,
Входит молочным светом в земные поры.
Хочется быть единой с живым дождём
И оставлять внутри этих мест просторы.
«Любишь мои дороги, их свет и мрак?
Я для тебя их мудро всегда стелю...»
Перебираю память, замедлив шаг.
И выдыхаю тихо: «Люблю, люблю...»

* * *

Белый дым над землёй. Как же слышно...
Мимолётных касаний штрихи —
Осыпаются старые вишни,
Словно мне отпускают грехи.
Многозвонный колышется ветер,
Белой пеной шуршит у пруда.
Вместе с кружевом хрупких соцветий
Облетают бывшие года.
Но в вишнёвом тенистом проулке,
В белом дыме живых лепестков
Снова слышен и нежно, и гулко
Звук моих ещё юных шагов.

Марусины жаворонки

На Острогожской тихая весна,
звонок трамвая, пряный дым апреля,
трамвайных рельс блестящая струна,
земля сырая, тонкий запах прели.
Блестят окошки — вымыты на днях,
в них облака, пузатее и шире,
качаются в ещё сквозных ветвях...
Мир так велик и светел.
Мне четыре.

Дом пахнет прошлым. Дому много лет...
И шелест на фаянсовой тарелке —
слетелись птички Божии на свет,
сложили золотые крылья-стрелки —
как чудо, как причастие весной,
заветным неизменно тёплым детством,
прабабушкиной маленькой рукой...
О ту весну поныне можно греться.

Нас трое, ранний полдень, тишина,
и жаворонков выпеченных стая.
На Острогожской тёплая весна
в ветвях сплетённых облака качает.

Ольга Олейник. «Когда стихают яростные споры...»

* * *

А за спиной стоят незримо опорой крепкой на года,
оставшиеся навсегда, ушедшие необратимо.

Мои...

Услышанные в снах — внимающие мне вживую,
прожившие свою земную, запечатлённую в веках.

Мои...

То нужные слова, то ветвь зелёная живая —
с того невидимого края, заметного для нас едва.

И просьб заветных в тяжкий час приняв надрывное моление,
передают благословенье, чтоб родовая нить вилась.

И я от каждого сквозь тьму, сквозь разлучающее время,
грехов мучительное бремя, лишь только светлое возьму.

Мои...

Со мною навсегда, помянутые добрым словом,
под тонким памяти покровом — опорой крепкой на года.

* * *

мне слышно, как из семечка, внутри. в крошечной тьме
невидимой утробы.

из трёх лучей погаснувшей зари, из старых ран — без боли
и без злобы рождается едва заметный звук. такой простой
и чистый по звучанью, что, опускаясь в чашу тёплых рук,
излечивает мёртвое молчанье — глухую немощь, бездну,

не пустяк, где немота сродни случайной смерти...

мне слышно, как рассеивая мрак,

растёт душа до высоты

бессмертья.

* * *

Как жаль, что от себя не убежишь...

А мне бы иногда в такие дали,

В такую замороженную тишь,

Какую век из века воспевали.

Хоть иногда — от страха и тревог,

От ставших обречённостью привычек,

От буднично истоптанных дорог,

От «врат глухих» без лаза и отмычек.

Как жаль, что бег по кругу не изжить,

Что нервы, к сожаленью, не из стали.

Но в каждом круге — тоненькая нить:

Возобновлять движение по спирали.

* * *

Я остаюсь. Ты зажигаешь маяк.
Лодка у берега. Ветер попутный. Звёзды.
Мне, если что, доплыть до тебя — пустяк.
Время — моё. Мне никогда не поздно.

Нет, не гаси. Пусть и теперь горит.
Лишнее за борт. Мне отпускать несложно.
Свет на воде тропкою во тьме лежит.
Я по нему — бесшумно и осторожно.

Звёзды. Маяк. До боли знакомый путь.
Я выбираю плыть. Говори со мною!
Несколько слов, как веру, в меня вдохнуть.
Пригоршню сил, пока я борюсь с волною.

Эта любовь не омут, земная твердь!
Я выбираю тихо, но всё же плыть.
Машет прощально с мола старуха Смерть.
Всё остальное надо забыть, забыть...

* * *

Мне б дойти до такого края, где слышны отголоски рая,
где пологий песчаный берег, сосны, дождь.
Важно просто верить, что всё послано для чего-то,
и какой ни была б работа
 истощённой живой души...

Я бы всё прожила.

Пиши!

Когда душит и давит горло, когда радость звучит упорно,
когда, слепо дойдя до края, ищешь тщетно чертоги рая...
И находишь его приметы в вечных соснах, в туман одетых.
В мокрых крышах, рябине ломкой, в свежем ветре,
под кожей тонкой.
В слове — тёплом, большом и верном,
и пророческом, и безмерном.
Мне б дойти, мне бы так отмерить...
Мне бы просто и свято верить.

Татьяна Ланина

«За полчаса до ласковой весны...»

* * *

Жизнь городская неслась	Дело простое —
вразнобой,	скирды набекрень
В сердце — село придорожное.	Кем-то запасливо сложены.
Да и теперь на любой выходной	Родная моя нищета деревень,
Дело тут есть неотложное.	Ты на молитву помножена.

Дело простое —	Что же так ранит,
берёза, плетень,	но манит меня?
Белая школа заброшена.	Где тут мой крестик обронен?
Здесь я ребёнком вдыхала	Село чужое, чужая родня.
сирень,	Отец мой не здесь похоронен.
Верила только в хорошее.	

Детство моё,	Словно на всенощной,
не приснилось ли мне	в звёздном плену
Небо над домом откосное?	Слышу себя, Богу внемлю.
Старая кошка	Ждёт меня мама.
на выцветшем пне,	И я не тяну —
Озимое поле колхозное?	Еду сегодня в деревню!

* * *

Смотрю рассеянно сквозь
пальцы
На суетливость первых

встречных,
Мы все по-своему скитальцы,
Но неизбежно —

в бесконечность.
В безлюдном парке межсезонье,
Не дождь, не снег к щеке
клонится...

Сотру с лица его ладонью,
А вечер сумраком продлится.
Я силюсь сделать два-три шага
От мыслей в сторону покоя
И почитаю высшим благом
Не думать, что теперь со мною.
Сутулый вечер оживится,
Он распрямит большую спину,
Ему погода покорится,
И даже я. Наполовину.
Расправит вечер синий галстук,
Луна засветится часами.
Наверно, кто-то постарался
И тучи разогнал руками.

Виском вжимаясь
 в подоконник,
Охладевая к смыслу фраз,
Гляжу на город-миллионник,
Как за соломинку держась.
На лампе — пыль,

в душе — осадок,
И глубоко внутри — болит.
Условны мы, миропорядок
И неудавшийся гамбит.
Испепелив себя терзаньем,
Судьбу меняя на металл,
Избрав себе, как наказание,
В конце времён чужой привал,

Проигрывая в странной битве,
Непонимание глуша,
Склонится город на молитву,
Склонится гордая душа.

* * *

Едва уснув, я тотчас же
проснусь,
Всё чудится — куда-то опоздаю.
И мнится мне — себе я только
снюсь,
А не живу, как людям подобает.

И кажется, что ты такой один,
От поезда отставший
на минуту.

И время есть.
И клином бьётся клин
По заданному временем
маршруту.

Расплавлено мгновенье,
 как свеча,
Обшитая со всех сторон
 без ниток
Полотняной оборкой кумача
Душа-страдальца, ошибок
 пережиток.

И в полудрёме, в полутемнине,
Анализируя себя и забывая,
Всё чудится, упорно снится
мне —
Опять бегу, опять не успеваю!

И вот он — свет!
И ангел что-то мне
Сказать хотел, в тумане
удаляясь,
На деревянном жёстком
топчане,
Как водится, я тут же
просыпаюсь.

Прощёное воскресенье

Прощёным воскресением с утра
Прощу тебя. Как будто отболело.
Прощу себя и всех, кто был вчера.
Весна пришла, и ей какое дело —
До этих недосказанных обид,
До позапрошлогодных ожиданий!
Она пришла. И вот уже стоит
На острие взаимных оправданий.
А ей бы дотянуться до холста,
Который так старательно укрыли
Снежинками и островами льда,
Слоями обесцветившейся пыли.
А ей бы — жизнь вдохнуть в его черты,
А ей бы — пробежаться ненароком
По тем местам, где ошибался ты,
Где мыслю я, наверно, однобоко.
А ей бы — сдуть пылинки всех обид,
Ручьями зазвенеть в лесу дремучем,
И кто кого по-прежнему казнит?
И не щадит, и неизбежно мучит?
Но для чего под толщею холста
Скрываются сюжеты потепленья?
Теперь, в канун Великого поста,
Прошу за всё великого прощенья.

В грудную клетку просится весна,
Звонки и смёлы на пригреве птицы.
Зима на выходе со мной честна,
Но снег на снег по-зимнему ложится.

В неровности рельефного стекла,
Как статуя оконного проёма,
Тень марта осторожно прилегла
И задремала, как у себя дома.

Подумать только! Там могли быть мы!
В фантазиях и снах случайной тени
Сынами марта или дочерьми,
Наследниками зимних поколений...

Скажи мне, а какими были б мы?
Там сделались светлее или хуже?
Стремилась к солнцу, сторонилась тьмы?
Есть мнение: во сне обезоружен.

Но сон упрям. И жёлтою каймой
Февральский луч мне согревает спину,
И белый шум, и дышится весной,
Да и весна уже. Наполовину.

* * *

О чём наш век вещает оркестрово?
Со всех сторон ты смыслами объят.
Краснорчивей пушкинского слова
Страницы жизни с нами говорят.

За невезением — попытки измениться.
Ученье — Свет, а неученье, нам сказали, — тьма.
Лететь беспечной белокрылой птицей
Зовут библиотечные тома.

И в них уверенно запутавшись, и смело,
Шагаем мы протоптанной тропой,
Доверившись свободно и всецело,
Надеясь обрести себе покой.

И тут не всё так просто, Человеке!
Ты обманулся, тешившись мечтой!
На островах чужих противоречий
Утратил и имевшийся покой.

Без притязаний к славе Соломона,
Анафеме предав слова умов,
Смоленскою тропой Наполеона
К исходникам пришёл и был таков.

Рукой махнув на это пустяково,
На пустоту, сплетённую из слов.
Навстречу воскресению Христову,
Вместишь в себя одно живое слово,

Спасительную главную основу,
Спасительную главную — Любовь!

Татьяна Ланина. «За полчаса до ласковой весны...»

Два ржавых гвоздя позабыты	Сдались мне, и вправду,
в стене,	два ржавых гвоздя!
Прибитые кем-то на совесть:	Стиль ретро, фасадик
На четверть — внутри,	старинный,
остальное — вовне,	Железные братья —
К чему тут такая подробность?	стальные друзья.
Полвека назад чьей-то ловкой	А мой интерес —
рукой,	беспричинный.
Под стук молоточечный,	И вновь мне рисуется образ
мерный	живой —
По осени ранней, а может,	Архивное странное эхо.
весной,	Всё это чужое, и всё не со мной:
Прибиты и были, наверно.	Так серо, печально и ветхо.
Стучали, вертелись,	Но что-то забыто,
кипели дела,	забито во мне!
Сегодня здесь мрак	Проснулась немая
паутинный...	тревожность:
Другие теперь подошли	На четверть внутри,
времена,	остальное — вовне,
А век человека не длинный.	Где время — такая условность.

За полчаса до

За полчаса до ласковой весны,	Увлечены сами собой
До лета за мгновение	По своему незнанию.
Не снятся розовые сны,	
Они — обыкновенные.	За шаг от встречи роковой,
	За миг до невозвратного
За час до ливневой стены	Объяты снегом, суетой
Дожди не ожидают,	и массой непонятного.
Там до грозы — как до Луны,	
Но скоро всё меняется!	За взгляд от неба синевы,
	За мысль от судьбоносного
За жизнь до вечности святой	Не ждём мы искренней любви,
Нет страха опоздания,	Несносные, несносные...

Елена Колесникова

«День был славный обещан...»

Живы

Дышат на небо дома — еле слышно — дымками,
Зеркало неба облекло, подумалось — живы...
С жгучим упорством хрустят у меня под ногами
Сочные отпрыски старой соседской крапивы,
Взводишко лука свежо зеленит огородик,
Вишня-неслушница вышла в коротеньком платье.
Сеевом мелким, не чаясь, просыпался дождик,
С горстку едва наберётся, но наперво — хватит...

Нежится ветер, на солнце душой шелковей,
Птицы пищат впереводку — на весенний подобен¹,
Каждый суставец у веток суглобистых — вянет,
Каждый цветочек покоем настоящим — поён.
Небо глубится — в просветах оконных распятий,
Бьётся весна, надрывая последние жилы,
С холодом бьётся — за самое трудное счастье,
Звон докатился пасхальный, подумалось — живы...

¹ Пение на подобен — пение на основе мелодической модели (в византийском и русском православном богослужении).

Творцы

Там, где река искрится золотая,
Приобнимая детства берега,
Где мир разлит от края и до края
И тихо дремлют зрелые стога,

Три шелковисто-русые головки
Мелькают у медлительной воды —
Движенья рук их — слабы и неловки,
Желанья сердца — чисты и тверды.

И окрылён одной заветной целью
Союз творцов в порыве удалом,
Луг, осыпая беззаботной трелью,
На берегу возводит зыбкий дом.

А с высоты сверкающе-холодной,
Из сумрака немислимых светил,
Из тишины туманности безмолвной,
Сквозь вечный шелест белоснежных крыл

На них с теплом взирает Кто-то —
Источник тайн и повелитель сил —
И помнит, как Он радостно и просто
Вселенной основания творил...

Впоследствии благодушествуют дни,
Но радостям былым уже не спеться,
И до седьмого выблекли коленца
Стволочки мальв в разодранной тени.
За грех цвести, времён не соблюдая,
За пир — в разгар разбуженной чумы —
В объятья удушающие тьмы
Сникает солнце, свету испуская.
Ветрами, голосащими навзвой,
Последние закаты испросимы,
Но всё светлей огонь неугасимый
Встаёт над мёртвым городом стеной.
Всё реже серебрится в пташьем пенье
Тропарь на воцветение зари,
И словно что-то взято от земли,
Живого не увидевшее тленья.

Моему городу

Бесснежной ночи тьмолюбивый дух
Мертвит пустооконные провалы —
Забылся город в огненном бреду
Последней схватки силы небывалой.

Под вой — неутолимый — тишины,
Скосившимися тёмными крестами —
Безвинные ровесницы войны —
Сосёнки истреженные встали...

Сметает утро тускло-звёздный лом
В небесные пробоины и ямы,
Светлеет лес, пришедший на поклон
К бессильно замирающему храму.

Ты ограждал нас каменной стеной —
Мой звонный город, витязь златошлемный,
Ты вырастал сияющей горой
На тёмных духов ночи запредельной.

Ты нас спасал — от нечисти храня,
И верю я — в пылу незримой битвы
Когда-нибудь и я спасу тебя —
Своей негромкой, огненной молитвой...

Туман такой, что показалось мне —
Сегодня утро родилось в рубашке,
И снег, недавно преданный земле,
Пролеской засинелся по овражкам.

Опять весна себе пробила путь,
И лишь единым светом этим живы
Два наших сердца замерших, и пусть
Случилось утро тихим и дождливым —

Пою, как тёплый дождь поёт земле —
Смычками трав, и пусть весь мир узнает,
Что я люблю, ты слышишь — по весне,
И птицы ни на миг не замолкают...

Пуская прахом золото своё,
Весна исходит солнечными днями,
И воля, развенчавшая её,
Неведомо свершается над нами.

Опять неотцветающая грусть
По вечерам бывает в сердце вхожа,
И не затмить ничем, не обмануть
Мне память вёсен — светлых и тревожных.

Не отменить взросления печать...
Зарыв лицо в сиреневую мякоть,
Горчащими глоточками вдыхать
И в два ручья, по-девичьи, заплакать.

И вдруг — из полувыветренных снов —
Пахнёт любимой маминой ранеткой
И дождиками, с кипенных садов
Молочную сдувающими пенку...

До самой своей золотой сердцевинки
Медовится небо созрелое — соком,
Калины — подружки с цветами в корзинках
С утра запропали на речке — за логом.

Никто не указ им — зелёным да ранним,
Не взвидишь — как трав подрастёт поколение,
А сколько забот, хлопотни — наказание!
А кружев, шелков — первый бал у сирени...

Отняли едва от кормилицы-тучи —
На зависть всем ёлкам цветёт — вековухам,
И всё же поверим — воздушно-летучим,
Цветочным, таким легкомысленным слухам

О близости лета и вечного счастья —
Всем сердцем поверим, ведь это не трудно.
И зорька над речкой — весеннее чудо —
Себе присмотрела вечернее платье...

* * *

Лес туманом жёлтым
запустился —
Глянешь мельком —
заросли мимоз!
Но среди осин уже разлился
Багрянистым заревом мороз.

Вскоре развиднеется, под ноги
Мелкий лист осыпется
пыльцой,
Осень не раздумчиво,
не строго —
Смотрит по-весеннему в лицо.

Капнет одуванчиковым мёдом
На дождями выстиранный
луг —
И весной повеет, и свободой,
И туман в душе растает вдруг...

На счастье...

Вновь волнится пенная сирень
За плотиной парковой ограды
И кружится солнечная тень
На разбитой палубе эстрады.

Карусель, скрипя, за кругом
круг,
Как швартов, разматывает
время —
Тот же парк, лишь чуть
прозрачней звук
Парусов, поющих над весеньем.

Тот же ты, веснушчатый,
в теньке,
На цветущей яблоневои мачте,
Прячешь в запотевшем кулаке
Пятилистник, сорванный
на счастье.

Вновь бушует пенная сирень
За плотиной парковой ограды
И танцует солнечная тень
С нами на заброшенной
эстраде...

Счастье жить

Пыль стряхнув дождевую,
Влез в подсевшие вещи
Сонный парк —
Видно, снова вслепую
День был славный обещан —
Как же так...

Край тумана всё ниже,
Клён не клён —
рыжий клоун —
Ну и ну!
Птиц смешливых не слыша,
Не на шутку расстроен —
Жди весну...

Звон ребячьего смеха —
Нить рябиновых горошин —
Счастья нить.
Разве осень — помеха,
Чтобы день был погожим,
Чтобы жить...

Всероссийский конкурс «Экология души» подвёл итоги

20 мая в Самаре прошла торжественная церемония награждения победителей Второго всероссийского литературного конкурса «Экология души», вдохновлённого творческим наследием А.С. Малиновского. Конкурс в очередной раз подтвердил свой статус значимого культурного события, объеди-

*Подведение итогов литературного конкурса «Экология души»
в Самарском государственном техническом университете.
В президиуме начальник СамГУ пресс-службы Максим Ерёмин,
писатели Платон Беседин, Александр Громов.
Выступает проректор по воспитательной работе СамГУ
Евгений Владимирович Франк*

Всероссийский конкурс «Экология души»

*Накануне подведения итогов члены жюри посетили родину
Александра Станиславовича Малиновского —
село Утёвка Нефтегорского района.
На фото у памятника А.С. Малиновскому:
Юлия Малиновская, Платон Беседин, Александр Громов,
Лариса Петровна Малиновская*

Встреча в Утёвской средней школе

Всероссийский конкурс «Экология души»

нив 347 авторов из разных регионов России и ближнего зарубежья. Работы поступили не только из Адыгеи, Дагестана, Татарстана и других республик, но и из Германии, Израиля, США и Великобритании.

Церемония прошла в зале Самарского государственного технического университета. Её открыла поэтическая видеозарисовка студентки Анны Савенковой, а с приветственными словами к участникам обратились представители вуза и Министерства культуры Самарской области.

*Выступление Платона Беседина
на подведении итогов
конкурса «Экология души»*

Председатель жюри Н.Ф. Иванов подчеркнул, что конкурс стал неотъемлемой частью литературного процесса, а его растущая география — свидетельство живого отклика на заявленную духовно-нравственную тематику. «Экология души» выходит за рамки национального проекта и приобретает черты международного движения.

Выступления членов жюри — писателей и критиков М. Кильдяшова, П. Беседина, А. Завального, М. Ерёмкина, А. Копниной — раскрыли главное: конкурс стал площадкой искреннего разговора о человеке, его душе и нравственном выборе. Проза и поэзия участников — от юных авторов до мастеров пера — пронизаны темами памяти, любви, верности, семьи. Многие работы обращаются к традициям русской литературы XX века, при этом молодые авторы демонстрируют поиски нового звучания без утраты смысловой глубины.

Конкурсная программа сопровождалась культурными мероприятиями: гости посетили родину Александра Малиновского в селе Утёвка, где установлен его бюст и получило активное развитие культурное краеведение. Особая награда вручена Л.В. Чернецовой за вклад в продвижение села как

Всероссийский конкурс «Экология души»

*Книга, выпущенная по итогам
второго конкурса «Экология души»*

малой родины Малиновского и иконописца Григория Журавлёва.

В возрастной категории до 35 лет первое место в номинации «Проза» занял **Сергей Понеделко** (г. Каменск-Шахтинский Ростовской области) с рассказом «Тролль», в номинации «Поэзия» лучшей поэтической работой признано стихотворение **Александра Страшинского** (г. Ярославль) «Мне опять вспоминается млеющий луг...». Среди авторов старше 35 лет в номинации «Проза» победу одержала **Тамара Крюкова** (г. Москва) с рассказом «Обещание», в номинации «Поэзия» жюри признало

лучшей подборку стихов **Сергея Еремеева** (г. Москва). В номинации «Эссе» первое место досталось **Татьяне Шахлевич** (Республика Крым). Также в специальной номинации дипломами оргкомитета конкурса отмечены работы **Людмилы Чернецовой** (за продвижение села Утёвки как малой родины Малиновского и Журавлёва) и **Людмилы Авдеевой** (за изучение и продвижение творчества А.С. Малиновского). **Владимир Кузин** награждён дипломом экоклуба «Жизнь» Самарского политеха «За проникновенное понимание взаимосвязи деятельности человека и состояния окружающей среды на Земле».

Победители в номинациях «Проза», «Поэзия» и «Эссе» были отмечены денежными премиями и получили авторские экземпляры сборника «Экология души — 2025». Многие участники выступили на церемонии лично или подключились онлайн. Были вручены и специальные дипломы — за продвижение культурных инициатив и сохранение нравственных ориентиров.

Участники подведения итогов конкурса «Экология души»

Жюри единогласно отметило: «Экология души» становится школой литературного мастерства и духовного поиска. Как подчеркнул писатель Михаил Перепёлкин, этот конкурс не формальность, а встреча с правдой, которую нужно услышать и удержать в себе.

Оргкомитет уже строит планы на следующий год — чтобы продолжить этот важный и живой диалог между словом и душой.

В этом номере журнала мы публикуем произведения победителей литературного конкурса, а также рассказ Александра Станиславовича Малиновского, который открывает второй сборник «Экология души».

Александр Малиновский

Тучки небесные

Рассказ

Случилось это осенью сорок четвертого года.

Мне шесть лет. Лежу утром на печке. Через маленькое оконце во двор к соседям Ключевым смотрю, как через иллюминатор подводной лодки. Там во дворе туман и сумрак. Начинаю фантазировать. Угрюмая саманная банька с кривой трубой в конце двора начинает казаться мне частью выплывающей вражеской подлодки. Почерневшая калитка похожа на вход в подводный туннель...

Вдруг слышу всхлипывание. Плачет мама. Быстро одной ногой — на приступок, другой — на холодный пол.

Мама сидит около шестка, смотрит на костерок в печи:

— Мам, ты чё?

Она оборачивается ко мне. Я вижу её заплаканное, как у маленькой девочки, лицо.

Молвит тихо, необычно пристально глядя мне в глаза:

— Иди ко мне, сынок.

Я подхожу совсем близко, не понимая, в чём дело.

— Вот видишь, — говорит она и показывает в печь, — дым уходит в трубу. А потом — в небо. А там, в небушке, он попадает в тучки, — она многозначительно поднимает указательный палец над своей головой.

Я слушаю и не могу сообразить: о чём она?

— А тучки гуляют по всему свету. Они странники! — сказала, так и посмотрела на меня в упор.

— И чё, мам? — не выдерживаю я.

— Эти тучки могут увидеть нашего отца на фронте! — голос у неё становится вкрадчивым, незнакомым...

Я вздрагиваю. Мне становится не по себе.

— И чё? — терзаюсь я.

— Проси отца, чтобы он не печалился за нас. Мы-то выдюжим. Только бы он остался целым. И вернулся домой. Говори это дыму, а он передаст через тучки отцу на фронт. Помнишь, как он всегда любил смотреть на небо, на тучки небесные. Не знай, как там теперь, на войне?.. Смотрит ли в небо?.. Но ты говори! Чтобы он знал: мы его ждём!

— Мамочка, ты заболела? — вырывается у меня.

Она, сверкнув глазами, требует:

— Говори!

Я невольно подчиняюсь. Под прожигающим взглядом её немигающих глаз начинаю твердить, как молитву:

— Папочка, родненький! Мы помним тебя! Мы ждём тебя! Возвращайся!

У меня начинает дрожать голос, губы деревенеют.

Смотрю в мамино лицо, в нём ни кровинки. Одни глаза мерцают бездонно. Я в них растворяюсь, как в дыме. Уже не чувствую себя. Я весь во власти мамы...

Мама кивает мне одобрительно. И я снова обращаюсь к дыму, к папе:

— Бей этих гадов немцев! Не давай им спуска. Победи и скорее возвращайся домой!

Мне кажется, что сказано мало. Я добавляю:

— Силы небесные, тучки гремучие, разразите врагов наших насмерть. А папе помогите!

Я ещё что-то говорю. Тороплюсь. Ведь дрова уже догорают в печи... Скоро дым кончится. А тучи могут уйти... Шлю скороговоркой страшные проклятия немцам, которых никогда не видел... Я не могу уже говорить членораздельно. Начинаю мычать. Меня трясёт... Мама обнимает меня. Мы плачем...

Писем от отца так и не было.

А вскоре я увидел живых немцев, пленных. Они шли вдоль нашего огорода колонной. К водокачке, от которой потом начали копать траншею для труб, чтобы подать воду на железнодорожную станцию.

Немцы шли понуро. Передо мной мелькали непривычные, щетинистые лица.

Бели их всего четверо наших солдат, по два с каждой стороны. Злость нашла на меня. «Ах вы! Я вам!.. За всё!..»

Не помня себя, я схватил ком глины. Увесистый такой! И с силой швырнул в ближайшего тонкошеего фрица, замаячившего передо мной, как вышелушенный, болтающийся из стороны в сторону подсолнух. Немец вяло попытался уклониться. Удар пришёлся по спине. Глухо шмякнулась глина о серую шинель.

Фриц споткнулся... Это подхлестнуло меня, я бросился за следующим комом рыжей глины. Никто не крикнул, никто ничего не сказал...

Сильная оплеуха мотнула меня в сторону. Я обернулся. За моей спиной стояла моя мама. В левой руке у неё был узелок с варёными мелкими картофелинами.

Край колонны смешался, замелькали протянутые руки... Мама приблизилась к идущим по дороге. Отдав узелок в толпу, отошла в сторону.

Когда я вновь взглянул на маму, она молилась. Я не мог понять, зачем она это делает? За кого молится? Теперь она стояла у дороги на возвышении. Измождённая, в полный рост. Моросил дождь.

— Может, и наш отец вот так? Не дай Бог... — сказала она, глядя в хвост уходящей колонны. И снова начала молиться.

А серая вереница сгорбленных чужих людей, мало похожих на громких завоевателей, как едкая гусеница ползла по осклизлой осенней дороге.

И никто из немцев не смотрел в небо, как это делал мой отец. Они будто боялись, что набухшие осенней тяжёлой влагой тучи не выдержат всей тяжести проклятий, которые я наговорил перед печкой. И обрушат карающий поток свой! И этот поток смотрит разом всех немцев с нашего высокого волжского берега.

И не будет невесть откуда взявшейся у нас тут этой жуткой колонны...

...А вдоль дороги под дождём стояли, как и моя мама, другие наши женщины. Кто в куртёнках, кто в фуфайках. Как статуи. Только живые. Смотрели молча со своей высоты. Одни женщины просто стояли. Иные молились.

Мужчин у нас на нашей улице не было. Все на войне. Кроме бородатого деда Ивана Саушкина. Он ещё на 1-ой Германской войне потерял обе ноги. В последнее время дед Иван редко выезжал на своей тележке за ворота. А в такую осеннюю слякоть и вовсе не смог...

Сергей Понеделко

Троль

Рассказ

Когда он открыл дверь, помещение библиотеки дохнуло на него теплом, ярким светом, говором, шарканьем ног по плитке пола. И он шагнул в него, словно попал в новое измерение: всё, предшествующее турниру, который вот-вот должен был здесь начаться, было живым, осязаемым, в отличие от виртуального игрового мира, к которому Вадим так привык.

Справа стояло несколько стеллажей, заставленных книгами; в центре зала были расставлены столы и стулья; на столах красовались светло-коричневые доски в клетку, у каждой доски двойные часы. Но самое первое, что Вадим увидел, — это надпись плаката, висящего на противоположной входу стене, неожиданно и неприятно хлестнувшая его по глазам: «Уважение к сопернику — в крови у чемпионов!» От содержания ли написанного, или от того, как плакат был выполнен художником (красными буквами на белом фоне), молодой человек, усмехнувшись и снимая куртку, подумал: «Какой-то совковый слоган».

В дальнем правом углу за небольшим столиком перед компьютером, склонившись над раскрытым журналом с авторучкой, сидел молодой человек лет тридцати пяти; около него толпились

люди. Рядом на большом столе поблёскивали пластиковой позолотой кубки, лежали медали и грамоты. Несколько девочек, лет по тринадцать, тонконогие и похожие на проворных стрекоз, расставляли на досках шашки. «Ха-ха! — усмехнулся Вадим. — Неужели и дети будут против меня играть? Любую из них я обыграю с закрытыми глазами». Слева у окон стояли старички, что-то с интересом обсуждая.

Вадим направился к молодому человеку, и тот внёс его фамилию в список участников. Но как только Вадим отошёл и присел на ближайший стул, судья встал со своего места и, слегка картавя, огласил на весь зал: «Уважаемые участники, я прочту список игроков. Если кто-то не услышит своей фамилии, подойдёте ко мне. Войтов, Сеницына, Никитченко, Добров...»

«Добров?!» — прозвучавшая фамилия, словно дубиной, ухнула Вадима, да так, что он чуть не подскочил на стуле. «Не тот ли самый?...» — подумал он и начал медленно и осторожно прощупывать пожилых мужчин взглядом, стараясь внешне оставаться невозмутимым. Когда их взгляды встретились, только усилие воли помогло Вадиму не выдать себя. Выдержав тяжёлый, пронзительный взгляд стариковских глаз, защищённых толстыми линзами очков, он перевёл взгляд на другого человека. «Узнал?... Да, конечно, конечно, узнал!» — промелькнуло в голове Вадима, и он, минуту назад напрягшийся всем телом, обмяк на стуле. «И как я сразу не заметил его? Как он вообще очутился здесь?! Бред какой-то...» В тот миг, когда Вадим понял, что это ТОТ САМЫЙ Добров, тысячекилометровая пропасть, служившая ему, Вадиму, надёжной защитой, ужасающе сузилась до каких-то шести шагов.

Двадцатидвухлетний Вадим Зайцев, невысокий худощавый шатен, три года назад вернулся из армии. Он не стал затягивать с поиском работы и уже через неделю устроился в ремонтно-механический цех местного предприятия. Однажды во время перерыва на обед его напарник Дима, бывший на четыре года старше, нашёл в пустующем шкафу для переодевания шахматный набор. Дима предложил Вадиму поиграть. Но не в шахматы. Так как шахматы — игра долгая, а перерыв на обед не бесконечен, решено было шахматными фигурами играть в шашки. Вадим признался, что толком не знает правил — последний раз играл с дедушкой лет в шесть. Дима всё подробно объяснил. К молодым

людям присоединилось несколько человек и зеваки, облепившие стол.

С тех пор Вадим и Дима каждый день играли на работе в шашки. Вадим влюбился в эту игру. Так интересно было анализировать, думать, как сложится расстановка сил на доске через два-три хода, находить какие-то интересные комбинации, неожиданные ходы, затрудняющие игру сопернику. Вадиму захотелось постичь глубины этой на поверхностный взгляд простой игры. К тому же его подстёгивал напарник: он постоянно обыгрывал Вадима и, под смехи коллег, подшучивал над ним, называя лопушком. Не в характере Вадима было оставаться в долгу. Вскоре шахматный набор убрали обратно, потому что Вадим привёз на работу шашки.

Всё свободное время он стал уделять шашкам. Возвращаясь с работы домой, ужинал, затем шёл к себе, прикрывал дверь, чтобы шум телевизора из родительской комнаты не мешал, и играл. Играл очень много, часто допоздна засиживаясь. Помимо игр, Вадим изучал и теорию шашечной игры по двум советским учебникам. Через два месяца упорных тренировок он уже обыгрывал всех коллег на работе, в том числе и Диму. Обыгрывая того, Вадим дразнил его лопушком. Дима злился, но ничего не мог противопоставить сопернику. Самолюбие Вадима было отомщено, но и шашечная лига на работе исчерпала себя: людям стало не интересно играть с ним, ведь постоянно проигрывать никто не любит. Тогда ему остались лишь онлайн-игры. Знакомых шашкистов он не имел, с кем можно было бы играть, да и будучи по природе своей замкнутым, почти не имел друзей, большую часть времени просиживая дома. С тех пор как в его жизни появились шашки, Вадим забросил книги, фильмы и гитару, на которой учился играть. Каждый вечер возвращаясь с работы домой, он жаждал лишь одного — поскорее сесть за игру. А в выходные дни вставал из-за компьютера только по необходимости. Шашки всё больше и больше затягивали его. Но странное дело: по мере роста мастерства он всё острее и острее стал реагировать на поражения. Вадиму всегда казалось, что игрок, одержавший над ним верх, совсем не сильнее и победил лишь потому, что он, Вадим, уставший после работы и голова плохо соображает или же отвлёкся на что-то.

Однажды ему попался очень цепкий соперник. Первые две партии прошли в напряжённой, равной борьбе и завершились

вничью, хотя Вадим видел, что рейтинг соперника ниже, и по игре его понимал, что он слабее. В третьей партии, когда шашки Вадима располагались в более выгодной позиции, соперник провёл неожиданную комбинацию. Шашечное войско Вадима было разгромлено, а единственная уцелевшая шашка была позорно заперта — «попала в сортир», как шутя выражаются шашкисты. Оппонент вышел из игры. Вадим грохнул ладонью об стол, вскочил и нервно заходил по комнате. Затем вернулся к компьютеру и перешёл по ссылке на страницу соперника. С фотографии на него смотрел седоволосый крупноголовый старик в роговых очках, одетый в старую клетчатую рубашку. Фамилия его была Добров, жил он в другой области. Пролистав его фотографии, Вадим увидел старика в окружении родных, среди которых была девочка лет пяти со смешно топорщившимися косичками, в красном платице. «Только попадись мне ещё, — со злостью подумал о сопернике Вадим, — разнесу в щепки».

Почти неделя прошла, прежде чем обидчик появился в игре. Увидев его фамилию в длинном списке игроков, Вадим тут же пригласил старика сыграть. В пяти партиях Вадим одержал пять побед и удивился, как это в прошлый раз старик обыграл его, а перед этим ещё и две партии свёл вничью. Но пяти побед молодому человеку показалось мало, и его пальцы потянулись к клавиатуре. Он напечатал:

«21 августа 2020

<< Вадсон >> 21:34

Ну что, старый пенёк, получил?»

Добров не отвечал.

— Ты не должен меня побеждать, потому что играешь очень слабо! — с ожесточением выбил Вадим на клавиатуре, и покинул игру. Вскоре злость его прошла, а в душе возникло какое-то гадкое ощущение. словно он испачкал руки в жидкой грязи, а в кране совсем нет воды, чтобы отмыть их. Но ощущение это улетучилось, стоило ему заняться бытовыми делами и отвлечься.

После этого между старым и молодым шашкистом установилось соперничество, ощущавшееся через экран. Седоволосый частенько приглашал его поиграть. Побеждал он Вадима редко, но, когда это происходило, молодой человек не мог сдерживать себя и отвечал грубостью в сообщениях. Или же, наоборот, по-

Всероссийский конкурс «Экология души»

беждая, на кураже и довольный собой, троллил старика. Например, при счёте 7:0 или 10:2 в свою пользу, писал: «Давай-давай, старина, поднажми! Ты сможешь переломить ход игры!» — или: «Ну, что за игра? Даже мой кот без труда уделает тебя!» Старик, который всё время отмалчивался, однажды всё-таки не выдержал и написал в ответ:

19 декабря 2020

Добров Д. 20:05

Почему вы так себя ведёте? Это же всего лишь игра!

<< Вадсон >> 20:05

Да потому, что, такие неумехи, как ты, не должны меня побеждать!

Добров Д. 20:06

Называешь меня неумехой, хотя я, бывает, и побеждаю тебя.

<< Вадсон >> 20:07

А я играю по бразильской системе: ты забьёшь голов сколько сможешь, а я — сколько захочу!

После этого старик не перестал с ним играть, но больше уже никогда не вступал в переписку. Да и игра его стала ещё более упорной, Вадим это сразу заметил.

Потролливая деда, не церемонился Вадим и с другими игроками. Так приятно было, ощущая свою силу и мастерство, побеждать и посмеиваться над незадачливыми соперниками. Причём Вадима совсем не смущало, что в его профиле указана вся информация о нём, включая фотографию. Он самоуверенно не прятался, как многие другие, за пустой страницей без привязки к соцсети. Много недоброжелателей появилось у Вадима. Одни не отвечали на издевательства, другие вносили его в чёрный список. А один соперник как-то написал, что найдёт и снимет голову с плеч, да ещё и малолеткой обозвал. Вадим заглянул в его профиль и увидел, что тот живёт в соседнем городе. После этого молодой человек ничего не писал ему, да и другим игрокам. Но через несколько недель осмелел, и насмешки вновь посыпались на его соперников.

...Турнир начался, а Вадим не мог настроиться на игру. Он думал о другом и посматривал в сторону Доброва — не глядит ли тот на него. Но Добров смотрел на свою доску. После первого тура прошло не более пяти минут, как судья объявил о начале второго. Против Вадима села играть одна из девочек, расставивших на досках шашки. По её ходам Вадим понял, что она слабый соперник, но преимущества не имел: не удавалось сконцентрироваться. Мысль проваливалась сквозь шашечную доску под стол, шашки смешивались перед глазами в кучу, и в этих нагромождениях Вадиму не удавалось найти победную комбинацию. К радости девочки партия завершилась вничью.

После окончания тура, когда люди поднялись из-за столов и стали обмениваться мнениями о сыгранных партиях, Вадим потерял Доброва из виду. «А вдруг он на улице... рассказывает кому-нибудь?..» — мелькнула в голове Вадима ужасная мысль, и он подскочил к окну. Отдёрнув занавеску, он облегчённо вздохнул: старик стоял у входа один и курил.

Перед третьим туром судья стал объявлять играющие пары, и Вадим услышал слова, которые прозвучали как приговор: «Добров-Зайцев!» Ноги двигались тяжело, словно подошвы приклеились к полу; старик уже сидел за столом, поправляя шашки на доске. Вадим присел и, не поднимая головы, как положено, пожал руку соперника. Пустил ход часам. Игра началась. Вадим вперил взгляд в доску. Мысль, будто покрытый ржавчиной механизм, тяжело заворочалась в голове. Игра Вадима выходила нескладной. Опять нагромождения шашек встали перед ним, словно логическая задача, не имеющая решения. К тому же он не мог отделаться от отвлекающего его странного ощущения, что фотография его соперника, которую он привык видеть в профиле игры, эта плоскость, сошла с аватарки, обрела реальные человеческие черты и объём, ожила... А к прежней седине и очкам на носу прибавились резко очерченные напряжением мысли морщины на лбу.

В какой-то миг Вадим отвлёкся на мысли, не связанные с игрой, а вернувшись к партии, долго ждал хода соперника. «Что-то он затянул с ходом, тугодумит», — подумал Вадим и исподлобья глянул на старика. Но тут же опустил глаза в доску: старик пристально смотрел на него.

— Что же вы тянете, молодой человек? Ваш ход — моя шашка под боем.

«Ой, точно! Как же я проглядел...» — стушевался Вадим и побил шашку соперника.

Игра шла равная, и Добров в душе радовался ничьей с более сильным игроком. Вадим уже и сам думал, что дело идёт к ничьей, как вдруг увидел выигрышный ход, после которого Добров сдался.

Позже, по окончании турнира, Вадим не мог вспомнить, как он сыграл после партии с Добровым ещё четыре, три из которых умудрился выиграть, а одну сыграть вничью. Не мог припомнить он, кто подходил к нему в перерыве перед последним туром и сказал, что, похоже, второе место ему, Вадиму, обеспечено. Вадиму не хотелось тогда ни второго места, ни приза, а только одного — чтобы турнир скорее закончился. Он мог уйти уже в тот момент, как узнал Доброва, но остался: удержало самолюбие. Да и не мог он так легко отступить, проделав путь длиной в сто километров! И лишь когда завершился последний тур, и судья объявил, что будет сводить результаты на компьютере в турнирной таблице, Вадим накинул куртку и выскочил на улицу. Холодный ветер неприятно хлестнул его по лицу, бросив крупные хлопья снега, которые метались в воздухе, как мысли в голове Вадима. После того как всё осталось позади, молодой человек, голова которого наконец освободилась от интеллектуальной работы, начал размышлять: «Как это возможно? Как он очутился здесь?! Не будь его, я выступил бы намного лучше!...» Так он думал весь путь до остановки, пока ждал трамвай, и когда вошёл в него вместе с шумной толпой студентов и сел около окна. Эти мысли настолько увлекли внимание Вадима, что он и не заметил, как трамвай повёз его в обратном направлении. На очередной остановке его размышления прервал человек, грузно опустившийся на соседнее сидение.

— Опаздываете на автобус?

От неожиданности и от того, что голос показался знакомым, Вадим вздрогнул и повернул голову вправо. Человек, сидящий рядом, смотрел на Вадима проницательно и, как показалось тому, слегка насмешливо.

— Вы так быстро ретировались, что мы подумали, будто вы опаздываете на автобус домой, — продолжал старик, сняв с носа очки и протирая их платком.

— Да... опаздываю... — выдавил Вадим и отвернулся, глядя перед собой.

Всероссийский конкурс «Экология души»

— Интересную мы партию сыграли. Я думал, что вытяну на ничейку, жаль, не удалось, — сказал Добров, надев очки и убрав платок в карман пальто.

Вадим посмотрел на него. Глаза старика излучали добродушие, но виделись в них и насмешливые огоньки. Тут Добров, словно не замечая, что Вадим не настроен на общение, разговорился. Он рассказал, как давно играет в шашки, что хочет дорасти до кандидата в мастера; рассказал, что в этом городе живёт его сестра и он, приехав к ней в гости, узнал о турнире и решил принять участие.

— В моём провинциальном городишке не проводят шашечных турниров. А здесь я поиграл с людьми вживую, пообщался. Интересно всё-таки. Да и с вами сыграл интересную партию. — Впрочем, — добавил он, вставая и оправляя пальто, — мне всегда было интересно с вами играть.

Вадим вскинул голову и посмотрел на Доброва. Лицо старика сохраняло добродушное выражение

— Желаю успехов, — Добров протянул руку.

Вадим пожал крепкую стариковскую руку, проблеял «до свидания», после чего Добров направился к выходу. Смешавшись с вышедшей вместе с ним толпой студентов, он пошёл по тротуару. Вадим смотрел ему вслед. Студенты, молодые и полные жизни, смеясь и обмениваясь шутками, обогнали старика. А он, грузный, в старом поношенном пальто, шёл навстречу усиливающемуся холодному ветру тяжело, медленно ступая. И Вадим, глядя на его согнутую спину и крупную седую голову без шапки, втянутую в плечи, почувствовал уязвимость и незащищённость. Он подумал о том, что когда-то станет таким же старым... Трамвай медленно тронулся с места, обогнал старика, и тот пропал из виду. Молодой человек наклонился и, опершись локтями в колени, прикрыл лицо руками.

* * *

Вечером Вадим приехал домой. За ужином мать, никогда не интересовавшаяся успехами сына в шашках, спросила: «Ну что, сынок, как съездил? Как сыграл?» И отец, исключительный прагматик, ищущий во всём выгоду, сказал: «Да, делись. Разряд-то присвоили? А место призовое взял? Может, денежное вознаграждение было?»

Вадим оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на родителей. Они так улыбались и глядели на него, будто всё знали.

Всероссийский конкурс «Экология души»

— Плохо сыграл, — буркнул Вадим.

— Эх ты, шашкист, — пошутил отец, и родители рассмеялись.

— Шашкист, — с раздражением поправил отца Вадим и встал из-за стола, не доев свою порцию.

Ночью Вадим долго не мог заснуть. Ворочался под одеялом, а в голову лезли навязчивые мысли.

* * *

Когда он снова очутился в знакомом помещении, то удивился, увидев, что оно пусто: лишь посередине стоял стол с шашечной доской да на стене, словно цитата из божественной заповеди, виднелась надпись, красным по белому, при виде которой лицо его дрогнуло. Он хотел уйти, но любопытство перебороло это желание, и Вадим подошёл к столу посмотреть на шашки. Сначала ему показалось, что выигрыш у чёрных: так сильно они прижали белые шашки к флангам, но, посмотрев более вдумчиво, он решил, что белые ещё могут спасти партию от поражения. Но только Вадим потянулся рукой к белой шашке, как вдруг стол вздрогнул, и одна его ножка провалилась. Вадим не успел отскочить, как и сам вместе со столом начал проваливаться во что-то вязкое, затягивающее... От страха ему хотелось кричать, но дыхание перехватило. А погружался он глубже и глубже, и тут только увидел, что под ним не пол, выложенный плиткой, а самое настоящее болото. А вокруг люди стоят и смотрят на него осуждающе. Ближе всех к нему тот старик. Брови седые сдвинул, глядит, будто вдавливая Вадима в трясины; за руку старика держится девочка лет пяти. В красном платье, с двумя косичками смешными. Глаза заплаканные и смотрит на Вадима с жалостью.

А Вадим уже по грудь в тине, чувствует, ещё немного, и провалится туда, откуда возврата нет. И тогда, отчаянно барахтаясь и загребая руками воздух, он выдохнул скороговоркой: «Помогите! Пожалуйста, помогите!» Никто не шелохнулся. Все молчали. И только девочка, лицо которой исказила лёгкая гримаска детской злости, крикнула: «Выбирайся сам!..» Тина добралась Вадиму до подбородка. Он запрокинул голову, чтобы не набрать жижи в рот, закричал, дёрнулся всем телом и... проснулся на измятой постели.

Два дня Вадим не играл в шашки. Всё это время он ходил задумчивый и почти не разговаривал с родителями и коллегами по работе, чем очень удивил и тех, и других. На третий день, вернувшись с работы домой, с порога, только сняв обувь, он сразу сел за компьютер. Войдя в игру, Вадим нашёл профиль Доброва. Он долго размышлял и собирался с духом, а потом напечатал:

4 февраля 2021

<< Вадсон >> 19:15

Здравствуйте, Дмитрий Иванович. Простите меня, пожалуйста, за всё.

Старика в сети не было. Вадим поднялся из-за стола, переоделся в домашнюю одежду и пошёл греть ужин. Пока пища разогревалась, он два раза возвращался к компьютеру и смотрел, не появился ли Добров в сети. Но его не было. Поев, Вадим вновь вернулся к компьютеру. Теперь он увидел, что Добров появился, хотя и не был занят игрой — его фамилия просто «висела» среди фамилий и ников других игроков. Тогда Вадим занялся приготовлением обеда на работу и другими домашними делами, но в течение вечера подходил к компьютеру и смотрел. Старик так и не ответил.

Была уже половина двенадцатого, когда Вадим собрался укладываться спать. Он подошёл к компьютеру, чтобы выключить его, как вдруг увидел сообщение. Ответ старика был лаконичен: «Здравствуй! Прощаю».

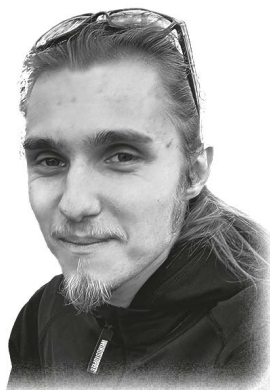
То гнетущее чувство, что появилось у Вадима после турнира и все прошедшие дни державшее его в состоянии какого-то душевного оцепенения, растворилось. Растворилось, как застывшая грязь на руках, хорошо отмытая мылом. Он почувствовал радость и лёгкость, словно сбросил с плеч тяжеленный рюкзак, который кто-то заставил его тащить. Первой мыслью Вадима было написать Доброву что-нибудь в ответ, но он передумал, посчитав, что это лишнее, и хотел уже выключить компьютер, как прочёл новое сообщение от него:

4 февраля 2021

Добров Д. 23:32

Сыграем?

Александр Страшинский

**«Мне опять вспоминается
млеющий луг...»**

Стихи

* * *

Мне опять вспоминается млеющий луг,
Мы шагаем, шагаем — ты дед, а я внук.

Не часы, а кузнечики тикают здесь,
Точно времени нет — только стрёкот и есть.

Сколько будет и щедрых, и радостных дней!
И ты шлёпаешь звонко на пузе слепней,

Травишь байки, а может быть, что-то поёшь
И внезапно затихнешь, травинку жуёшь.

Мы на даче, одни. Из села молоко,
С огорода — клубника. Печаль далеко.

Ожидает рыбалка — желанный судак —
И таинственный, в травах и книгах, чердак...

Всероссийский конкурс «Экология души»

Я вырослел, а ты старился, еле вставал.
Жил один, телевизор смотрел, выпивал.

А потом на поминках, мрачнее вина,
Надо мной, как бутылка, стояла вина.

И я ездил на дачу и несколько лет
Вспоминал благодарно и щедрость, и свет.

Этих тихих краёв не коснулась печаль.
Я на нашей веранде заваривал чай.

Так и жил. И моя благодарность жила.
Возвращался один с молоком из села,

Поворачивал ключ, благодарно входил,
Благодарно ступал, не касаясь перил.

И блестела сквозь всё, чего не изменить,
Луговой паутины белёсая нить...

Всё прошедшее наше по-прежнему здесь.
Да и времени нет — только стрёкот и есть.

И твой голос весёлый, и лес за рекой,
И широкий простор, и бескрайний покой.

Тамара Крюкова

Обещание

Рассказ

Ночью шёл дождь. Он что-то нашёптывал, навевая дрему, шуршал, перебирая мокрые листья, тихонько постукивал по крыше. Ему вторило тиканье старых часов-ходиков. Шум дождя убаюкивал. Глаза слипались. Дениска вслушивался в шелест дождя и наблюдал, как подсвеченные фонарём капли наперегонки стекают по стеклу.

Впереди было целое лето. Дениска любил гостить у бабушки, но этих каникул он ждал особенно. Прежде бабушка его одного никуда не отпускала, вечно говорила: «Вот подрастёшь, тогда и будешь сам с усам». А теперь он перешёл в третий класс. Десять лет — куда уж взрослее! Каникулы обещали быть интересными.

К утру дождик тихо, на цыпочках, удалился. Солнце заглянуло в комнату, погладило спящего мальчишку тёплыми ладонями по щекам и пощекотало ресницы. Дениска открыл глаза и на мгновение зажмурился от яркого света, а потом губы сами собой растянулись в улыбке. Он снова в деревне.

С ковра на стене на него смотрел знакомый олень.

— Привет, я приехал, — прошептал ему Дениска.

Пахло сдобой и яблоками. По полу растеклись медовые капли солнца. На душе было сладко-сладко.

После завтрака Дениска собрался к соседям, где жила его подружка, Танюша. Он привёз ей шоколадного зайца и набор наклеек, но его ждало разочарование. Танюша уехала на целый месяц в летний лагерь.

Чтобы день не пропал зря, Дениска решил обследовать чердак. Вот где была настоящая сокровищница! Поднимаясь по приставной лестнице, Дениска воображал, будто он лихой моряк и ему ничего не стоит залезть на самую высокую мачту. Дверца со скрипом открылась, приглашая в таинственный полумрак. Дениска чихнул. На чердаке прибирались нечасто. Густо пахло пылью. Солнце с трудом просеивалось через круглое оконце, похожее на иллюминатор корабля. Немытое стекло приглушало солнечные лучи, делая их загадочными, словно они пробивались сквозь толщу воды. В лучах плавали мелкие рыбёшки пылинок.

Дениска по-хозяйски прошёлся по чердаку. Удивительно, сколько здесь нужных и полезных вещей. Взрослые порой выкидывают то, что находчивому человеку вполне может пригодиться. Взять, к примеру, шахматы. В них не хватало всего двух фигур. Или подшивки старых журналов, перетянутые бечёвкой. Среди взрослых журналов «Здоровье», «Огонёк», «Наука и жизнь» попала и древняя подписка «Мурзилки» за 1998 год. Дениска отложил её, чтобы взять с собой вниз и почитать, сидя на качелях.

В углу стоял старинный чемодан, без колёсиков, с железными уголками. Дениска щёлкнул замками и понял, что наткнулся на настоящий клад. Тут хранились старые игрушки, в которые играл ещё его папа: солдатика, детальки Лего, полуразвалившиеся поделки из шишек и пластилина. Среди прочих богатств нашлась коробочка с картинками на пластмассовых кружочках: то ли лото, то ли ещё какая-то игра. Дениска попытался догадаться, в чём их назначение, но потом решил спросить у бабушки.

Бабушка во дворе кормила кур. Заходить в загон Дениска опасался из-за драчливого петуха. Мало ли что тому взбредёт в голову. Он издали показал кружочки:

— Ба, а это что?

— Это игра такая. Сотка. Твой отец с друзьями играл.

— А как?

— Да я уж толком не помню. Инструкция-то есть?

— Там мелко, — пожаловался Дениска.

— Ну, так ты глазастый. Поди, лучше моего видишь. Чай, не маленький.

Раньше Дениска дожидался бы, пока бабушка освободится, но теперь он был уже взрослый, мог разобраться и сам. Оказалось, играть в «Сотку» совсем не сложно: надо по очереди разбивать стопку фишек с помощью биты, чтобы перевернуть как можно больше.

Вернувшись из курятника, бабушка одобрительно кивнула:

— Разобрался? Вот и играй. Всё лучше, чем в телефон пялиться.

— Одному скучно. Давай вместе? — предложил Дениска.

Сыграли пару партий. Оба раза бабушка позорно проиграла, а потом сказала, что ей нужно варить борщ.

— Ну, ба, — заканючил Дениска.

— Не проси. Небось как проголодаешься, прибежишь: чего кушать? Обед сам не приготовится.

Играть одному было не так интересно. Дениска взгрустнул. Помимо Танюши, ровесников поблизости не было.

— Поди на соседнюю улицу. Там вроде дом купили какие-то дачники, и у них дети, — подсказала бабушка.

Раньше она не разрешала Дениске шагу ступить за порог, но теперь он мог ходить самостоятельно. Хорошо быть взрослым!

В деревне мало кто ставил высокие глухие заборы. Дворы огораживали штакетником, чтобы можно было и с людьми поговорить, и на улицу посмотреть. Подойдя к нужному дому, Дениска услышал ребячьи голоса. Во дворе двое мальчишек и девочка играли в прятки. Он несколько раз прошёл мимо забора в надежде, что ребята его заметят и позовут, не напрашиваться же самому. Его заметили, но звать не торопились. Ребята прекратили игру и усталились на мальчишку на улице. Дениска нарочито отвернулся, мол, не очень-то и надо.

В это время из окна выглянула женщина и позвала детей есть черешню. Ребята убежали в дом. Торчать на улице было глупо, и Дениска поплёлся на детскую площадку, но сейчас там никого не было. Каникулы начинались совсем не так весело, как он надеялся. Он расположился на скамейке и стал играть сам с собой, в ожидании, когда подойдёт кто-нибудь из прошлогодних знакомых.

— Эй, малой, везёт в игре? — услышал он насмешливый голос.

Дениска обернулся и увидел парня в камуфляжных штанах, как у спецназовцев, и таком же жилете, надетом на голое тело. С ним было ещё двое старшеклассников: один — невысокого роста, смуглый, вертявый, в чёрной футболке со зловещей

черепушкой на груди, а другой — здоровенный детина с веснушчатым лицом, в бейсболке, надетой задом-наперёд. Парни выглядели немного устрашающе. Обычно взрослые ребята не замечали младших, и такое внимание не сулило ничего хорошего.

— Тебя как зовут? — подбрасывая фишку, спросил «спецназовец».

— Денис, — робко пролепетал Дениска.

— Я Толян, — представился парень и кивнул в сторону друзей, — а это Жупел и Пеликан. Ну, что, в игру возьмёшь?

Дениска судорожно сглотнул. Парни выглядели миролюбиво. Неужели они в самом деле хотят с ним играть? От волнения у него во рту пересохло. Даже голос пропал. Дениска молча кивнул.

— Чё такой молчаливый? Не дрейфь, мы ж свои. Ты чей?

— Я к бабушке приехал, к Вере Ивановне.

— Ну, как же! Кто ж Вер Иванну не знает. И где она живёт? — продолжал расспрос Толян.

— На Школьной.

— Вот я тормоз! Конечно, на Школьной, — стукнул себя по лбу «спецназовец».

Дениска приободрился, значит, парни, и правда, свои, если знают бабушку.

— А это тебе от папки досталось? — кивнул парень на игру.

— Да. На чердаке нашёл.

— Мой брат тоже резался, когда пацаном был, — сказал смуглый, по кличке Жупел.

— Ну, так чё, играем или как? — спросил Толян.

— Играем, — согласился Дениска, всё еще не веря, что взрослые снизойдут до игры с ним. Он стал складывать фишки в стопки, но Толян его остановил:

— Харе. Пошли отсюда. Тут одни лохи торчат. Мы тебе место для людей покажем.

Он дружески хлопнул Дениску по плечу.

Дениска не мог поверить, что всё это происходит с ним на самом деле: такие крутые ребята принимают его как своего. Он собрал фишки и последовал за новыми знакомыми. От радости ему казалось, что он стал лёгким, как воздушный шарик. Стоит подпрыгнуть и полетишь над домами с резными наличниками, над садами с умытой листвой. Ему хотелось пуститься вскачь, но он сдерживался. Коли тебя приняли во взрослую компанию, то надо вести себя солидно.

По мере того как ребята удалялись от дома, к радости примешивалась толика беспокойства. Вряд ли бабушке понравится, если он уйдёт слишком далеко. Но, с другой стороны, он же не один, а с хорошими ребятами. К тому же они свои, бабушку знают.

Наконец Дениска набрался храбрости спросить:

— А куда мы идём?

— Тут рядом. За водокачкой. Наше место. Туда без разрешения никто не суётся, — сказал Толян и добавил: — Так что ты теперь типа член закрытого клуба. Сечёшь момент?

«Член закрытого клуба» раздулся от гордости. Ради этого стоило обойти запрет и пройти дальше, чем ему разрешалось. К тому же он знал эти места. Они с бабушкой не раз проходили мимо водокачки по дороге в лес.

За водокачкой асфальтированная дорога кончалась и начиналась просёлочная, через луг. Меж разнотравья тут и там высились куртины малинника. Чуть погода там вызреют самые крупные и сладкие ягоды.

После вчерашнего дождя дорога размокла. Между колдобин блестели синие лоскуты луж, как будто на землю упали осколки неба. Через дыру в прогнившем штaketнике ребята пролезли в заросший бурьяном сад.

Заброшенный двор зарос крапивой и диким виноградом. Он давно стал частью пейзажа. Посреди двора сгорбиллся почерневший от древности сруб. Он врос в землю, так что давно не мытые оконца оказались почти вровень с сорняками. Солнечный свет уже не зажигал в них искру жизни. Крыша местами провалилась, обнажив гнилые стропила, похожие на рёбра доисторического животного. Даже деревья в саду напоминали стариков с искалеченными артритом суставами.

Обжитым оказался только участок возле веранды. Под навесом висел рукомойник с ведром. Рядом стоял допотопный стол и несколько разномастных стульев: один деревянный и четыре пластиковых, смотревшихся здесь инородными.

Возле веранды два бревна заменяли скамейки, а между ними кучка обутленных головёшек указывала на место костра.

Парни по-хозяйски расположились вокруг стола. Толян достал пачку сигарет и предложил Дениске:

— Курнёшь?

— Я не курю, — помотал головой мальчишка.

— Он бросил, — пошутил Жупел, и ребята дружно засмеялись, а Толян примирительно сказал:

— Не парься, пацан. Чего ты напрягся? Я ж не заставляю. Я уважаю здоровый образ жизни. Это я предложил типа из вежливости, усёк?

Дениска молча кивнул. Он всё ещё робел и не понимал, как надо себя вести. В глубине души он знал: бабушке не понравится, что он ходил за водокачку и лазил на чужой участок, пусть даже заброшенный. Но можно ведь об этом не говорить, если она не спросит. Зачем волновать её понапрасну? Что с ним случится, когда он со взрослыми ребятами?

— Ну, чё, показывай, что у тебя за игра, — подбодрил его Толян.

Денис достал фишки. Играть с парнями было куда интереснее, чем с бабушкой. После нескольких партий Толян вдруг сказал:

— Харе. На интерес играют только лохи. Чё мы, детский сад? Давайте на бабки сыграем.

Предложение Толяна Дениску не обрадовало.

— У меня нет денег, — сник он.

— Всё путём, — успокоил его Толян. — Игра твоя? Твоя. Считай, что мы тебе платим за то, что играем. Типа ты внёс первичный капитал. А там, если повезёт, всё, что выиграешь, твоё. Скидываемся по полтиннику, — подмигнул он друзьям.

— Не вопрос. Только с наликом туго, — сказал Жупел.

— Можно расписать, — сказал Толян и достал из кармана смятый листок. — Ручка у кого есть?

— Мы чё, писатели?! — фыркнул Пеликан, но Толян не прирек сдаваться. Он огляделся, нашёл ржавый гвоздь и вручил его Пеликану: — Держи, писатель. На земле будешь корябать.

— А чего я? — возразил было здоровяк.

— Почерк вырабатывай, — ухмыльнулся Жупел.

Все дружно рассмеялись. Дениска тоже попытался симитировать смех, хотя особой радости не чувствовал. В глубине души он понимал, что бабушка точно не одобрит игру на деньги. Но нельзя же ломаться, если взрослые ребята приглашают.

— Играем по десяточке, — сказал Толян и подмигнул Дениске: — Прикинь, ты вообще олигарх. У тебя сто пятьдесят хрустов форы.

Дениска расслабился. Ставка была мелкой, практически понарошечной. Стоило ли переживать?

Играть на деньги оказалось азартной штукой. Теперь за каждым выигрышем и проигрышем стоял конкретный плюс или

минус, начертанный молчаливым Пеликаном на расчищенном от сорняков и мусора пятачке земли. Дениска то выигрывал, то проигрывал, но «начальный капитал» всегда держал его на плаву.

Предложение Толяна увеличить ставку до рубля было принято дружным согласием. В предвкушении азартной игры у Дениски по спине пробежал холодок, но он не возражал. Так было даже интереснее.

Теперь, когда ставки были увеличены, кураж возрос. Игра шла жёстко. Дениске по-прежнему везло. Даже после возвращения ста пятидесяти рублей, у него оставалось на мороженое для всей компании.

— Ну, ты везун, — протянул Жупел и будто сглазил.

Фортуна изменила своему любимцу. Дениска несколько раз проиграл, потом выиграл и снова проиграл. Он вошёл в раж и давно перестал считать ставки. Важен был только последний ход: выиграл или оплошал. Игра была в самом разгаре, когда Толян вдруг хлопнул ладонью по столу:

— На сегодня баста.

— Может, ещё разок? — взмолился Дениска. В конце игры хотелось отыгаться.

— Не. Ты нам и так уже тысячу должен.

— Сколько? — опешил Дениска.

— Тысячу. Можешь записи посмотреть. Всё по чесноку.

Проверять записи Дениска не собирался: зачем ребятам врать? К тому же разобрать что-либо в каракулях, которые сто раз стирали и переписывали, было практически невозможно.

— Ну, чё, когда отдашь? — буднично спросил Толян.

— По-настоящему? — онемевшими губами спросил Дениска, всё ещё надеясь, что это шутка.

— А ты думал, понарошку?

— Но ты же сказал, что моя игра вместо денег.

— Это первоначальный взнос. А дальше ты уже сам должен был думать. Так что с тебя бабки.

Деньги взять было неоткуда, разве что отказаться на время от мороженого.

— Я частями отдам, — пообещал Дениска.

— Не, это не катит. Мы на кредит не договаривались, — протянул Толян.

— Сейчас инфляция, слышал про такую? — осклабился Жупел.

— Откуда же я возьму деньги? — растерялся Дениска.

— У бабки.

— Бабки у бабки, — пошутил Жупел.

— Она не даст, — помотал головой Дениска.

— А ты поищи. Если родаки в городе живут, значит, не бедные, — резонно заметил Толян.

— Я не могу без спросу. Это всё равно что украсть, — упёрся Дениска, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Слёзы предательски наворачивались на глаза. Не хватало ещё разреветься, как девчонка.

— А долг зажить можешь? Небось, если б выиграл, денежки бы сграбастал и не стал рассуждать?

Дениска покраснел. Толян был прав. Если бы ему вручили выигрыш, он бы не отказался.

Глядя на растерянность мальчика, Толян примирительно произнёс:

— Лады, мы ж не звери. Даю тебе два дня отсрочки. Прине-сёшь деньги — значит, ты свой пацан. А если пойдёшь и наступишь — значит, последний зашквар. Знаешь, что с такими делают?

На следующий день Дениска нашёл на земле рубль. Это был хороший знак. После этого он до вечера в одиночестве бродил по улице, выискивая, не блеснёт ли где в пыли монетка. Правда, глупо надеяться, что он найдёт тысячу, но надо было с чего-то начать.

Светлый летний вечер сменился сумерками. Лиловое небо медленно наливалось синевой. Сверчки заступили на ночную вахту. Всё дышало покоем, только на душе у Дениски скреблись кошки: завтра надо отдавать долг.

— Пойдём к бабе Шуре ходим, — предложила бабушка.

— Нет, я кино хочу посмотреть, — отмахнулся Дениска и уселся перед телевизором.

На самом деле, ему было всё равно, что смотреть. Он тупо пялился в экран, не особо вникая, что показывают. Мозг сверлила мысль о деньгах. Он вспомнил про копилку, которая стояла на полке в городской квартире. Там уже набралась приличная сумма, почти три тысячи, но копилка осталась в городе, а здесь взять деньги было неоткуда.

Взгляд непроизвольно упал на бабушкину сумку. Интересно, сколько денег в кошельке? Дениска не собирался ничего брать, просто посмотреть, из чистого любопытства. Некоторое время

он боролся с искушением, а потом встал с дивана, открыл сумку и достал кошелёк. В отделении для банкнот лежали новенькая тысяча и пара сотенных. Рука сама потянулась к тысячной купюре.

Хлопнула входная дверь. Дениска бросил кошелёк в сумку и поспешно вернулся на диван. Он запоздало опомнился, что всё ещё сжимает в кулаке злополучную бумажку, и сунул деньги в карман, чтобы вернуть на место позже. Он же не вор.

В этот вечер удобного случая не представилось. Засыпая, Дениска твёрдо решил утром положить деньги в кошелёк.

Новый день встретил частым дождиком. Небо затянуло серой кисейей. Дождь то немного затихал, то припускал вновь. Капли бодро стучали по стеклу и надували пузыри на лужах — верный признак того, что дождь будет затяжным. Улица была непривычно пустынной. Все сидели по домам. Даже куры попрятались под навес.

Денис взбодрился. Судный день откладывался. В такую погоду вряд ли кто пойдёт на прогулку. Накануне за ужином еда не лезла в горло, и теперь у него разгорелся волчий аппетит. Летом они чаще трапезничали на веранде. Бабушка принесла тарелку с горячими оладушками. Густо намазав их сметаной, Дениска уписывал за обе щёки и вдруг чуть не подавился.

По улице неторопливой походкой прошёл Жупел. Дениску обдало жаром. Он тщетно пытался успокоить себя, что это простое совпадение. Мало ли куда направился его новый знакомый? К тому же он был один, а за долгом явилась бы вся компания.

Словно в ответ на его мысли, следом за Жупелом появился Толян. Он, как бы невзначай, бросил взгляд на их дом и тоже прошёл мимо. Теперь Дениска не сомневался — парни появились здесь неспроста.

«Если не отдашь долг, значит, ты последний зашквар. Знаешь, что с такими делают?» — звучало у него в ушах. У Дениски не было ни малейшего желания узнать ответ на этот вопрос. Он сунул руку в карман и, нащупав шуршащую бумажку, судорожно сжал её в кулаке. Повезло, что он ещё не успел вернуть деньги в кошелёк. Главное, отдать долг, а с остальным можно разобраться позже. Не убьёт же его бабушка. В голове мелькнула мысль, что красть нехорошо, но в оправдание подумалось, что крадут у чужих, а он берёт дома, значит, это вроде как не воровство.

Дождь, как назло, разошёлся не на шутку. Разумнее было переждать, но Дениске хотелось как можно скорее разделаться с мучавшей его проблемой.

Увидев, как внук надевает плащ и резиновые сапоги, бабушка всплеснула руками:

— Куда это ты? Смотри, как льёт.

— Я только проверю, не заливают ли Полкану будку, — бросил Дениска и, не дожидаясь ответа бабушки, сбежал с крыльца.

Троица поджидала его под грибком на детской площадке.

— Привет, малой. Ну, что, долг принёс? — осклабился Толян.

Дениска молча протянул тысячную купюру.

Парни переглянулись. Жупел присвистнул, а Толян весело подмигнул друзьям:

— Что я говорил? Малой не промах. Такие люди нам нужны, — он похлопал Дениску по плечу.

Сейчас этот дружеский жест совсем не радовал. Дениска отстранился и мрачно заметил:

— Больше я играть не буду.

— А кто говорит про игру, в натуре? Это была проверка на вшивость. Теперь ты наш. Короче, если кто тебя тронет, только скажи. Любого отметим, — пообещал Толян.

Дениска не ожидал такого поворота. Оказывается, это была всего-навсего проверка. Ему стало стыдно, что он подумал о ребятах плохо. Он надеялся, что ему вернут деньги, ведь проверку он прошёл, но Толян спрятал купюру в карман, а попросить её назад Дениска постеснялся. Да и что такое тысяча по сравнению с тем, что его приняли во взрослую компанию.

Дождь, как по заказу, кончился. Солнце продышало в пелене туч небольшое оконце. Облака таяли на глазах, открывая пронзительную синеву неба. От земли шёл пар.

Толян предложил устроить пир. Дениске это понравилось. В случае выигрыша он, пожалуй, и сам бы потратил деньги на всех. Парни собрались в магазин. Дениска сказал, что ему нужно сгонять домой, чтобы оставить плащ и сапоги. На самом деле, он должен был отпроситься у бабушки, но перед новыми друзьями хотелось выглядеть взрослым и самостоятельным.

— До хазы сам доберёшься, не заблудишься, — сказал Толян, и Дениска припустил домой.

— Ба, я погуляю, — бросил Дениска, наспех скидывая плащ и переобуваясь.

— Познакомился с ребятами?

— Ага.

— Вот и славно. Они тоже только на прошлой неделе приехали. Я сразу подумала, что будет тебе компания, — сказала бабушка.

Дениска не стал объяснять, что компания у него другая. Он на всех парах помчался к водокачке. Когда он влез через потайной лаз на заброшенный участок, ребята были уже на месте. На столе стояли банки пива и бутылка колы. Пеликан нанизывал на палочки сосиски, а Жупел разжигал костёр.

У Дениски никогда ещё не было таких душевных посиделок. Они жарили сосиски и хрустели чипсами. Толян рассказывал, как он в школе доводил учителей. Дениска удивлялся его смелости и независимости. Толян никого не боялся, пускай хоть к директору вызовут. Наверное, таким и должен быть настоящий герой. Дениска гордился, что Толян из всех младших ребят выбрал его в друзья. Он был так счастлив, что даже не вспоминал про взятые деньги.

Время близилось к обеду. После сосисок, чипсов и колы есть не хотелось, но бабушка не любила, когда Дениска опаздывал. Он с сожалением простился с новыми друзьями и побежал домой. По мере того, как он приближался к своей улице, счастье улетучивалось, а в душе нарастала тревога: что, если пропажа уже обнаружилась? Что он скажет бабушке? Он же не может предать друзей, особенно теперь. Мальчик невольно замедлил шаги, пытаясь придумать какое-нибудь оправдание, но в голове было пусто. Дениска переступил порог, ожидая строгого вопроса бабушки, но та как ни в чём не бывало накрывала на стол. Наказание откладывалось.

Критический момент настал после обеда. Вымыв посуду, бабушка взяла сумку и засобиралась в магазин:

— Посиди дома, чтоб мне дверь не запирать. Я быстренько. Только за хлебом.

Дениску прошиб холодный пот. Вот теперь всё и раскроется. И тут его осенило: нужно напроситься в магазин вместо бабушки, а потом сказать, что он потерял тысячу. Конечно, его поругают за ротозейство, но это чепуха по сравнению с правдой.

— Ба, давай я сбегаяю. У тебя же ноги болят, — услужливо предложил Дениска.

Бабушка мгновение колебалась, а потом решительно отвергла порыв внука:

— Нет, в следующий раз пойдёшь. Может, я ещё чего пригляжу.

У Дениски оставался последний шанс признаться, но нужных слов не находилось. Он стоял и смотрел, как бабушка вышла со двора. Калитка стукнула, издав противный звук. Мышеловка хлопнулась. Всё складывалось хуже не придумаешь.

Дениска опустил на пол и некоторое время сидел, спрятав лицо в ладонях, а потом посмотрел на иконку в углу. Бабушка говорила, что Бог исполняет желания. Сейчас Дениску могло спасти только чудо. Повинуясь необъяснимому влечению, он встал на колени и страстно зашептал:

— Господи Боженька, прошу тебя, пусть всё уладится. Честное слово, я больше не стану врать и не возьму ничего чужого. Я никогда не буду огорчать родителей и бабушку. Пожалуйста, Господи Боженька!

Поднялся он, только когда услышал звук открывающейся калитки и бабушкины шаги. Дениска выглянул в окно. Как и следовало ожидать, чуда не произошло. Бабушка возвращалась без покупок и выглядела сердитой.

— Что-нибудь случилось? — пролепетал Дениска, хотя прекрасно знал ответ на этот вопрос.

— Кошелёк у меня стащили, — в сердцах сказала бабушка.

— Как? — опешил Дениска.

— Сумку разрезали и вытащили. И ведь знаю кто. Один вертлявый всё возле меня толкался. Теперь до приезда родителей хоть у соседей занимай, — сокрушалась бабушка.

— А много денег? — робко поинтересовался Дениска.

— Тысяча с лишним, — вздохнула бабушка. — Вот ведь раззява старая. Впредь мне будет урок.

Дениска не мог поверить в свою удачу. Неужели пронесло? Всё уладилось, и никто ничего не узнает. Это было похоже на чудо. Вернее, это и было чудо. Мальчишка оглянулся на иконку и мысленно сказал: «Спасибо».

Он обнял бабушку:

— Ба, не расстраивайся. Как-нибудь проживём. У тебя ведь запасы в подполе, и родители послезавтра приедут.

Та обняла внука и потрепала по вихрам:

— Ты моя опора. Что бы я без тебя делала!

Дни потянулись своей чередой. Дениска больше не искал знакомства с ровесниками. Толян говорил, что все они лохи и нормальному пацану с ними делать нечего. Проходя мимо детской площадки, «нормальный пацан» напускал на себя важный вид.

Не каждого берут во взрослую компанию. Дружбу с Толяном надо было заслужить.

Дениска таскал из дома конфеты, печенье и прочую снедь. Правда, он зарёкся брать деньги тайком, зато всё, что ему давали на мороженое, тотчас переключивало к Толян. Но дружба с самыми отчаянными ребятами стоила дороже. С ними даже взрослые не связывались и называли бандой. Раньше Дениска думал, что это обидное название, но теперь понял, что быть членом банды — это круто. Это значит чувствовать, что ты не один, что ты под защитой.

«Если кто тебя обидит, только скажи, мы любого порвём», — сказал как-то Толян, и Дениска знал, что так оно и есть. Впрочем Дениску никто и не думал задирать. Дружба с Толяном делала его неприкосновенным.

После обеда вся компания обычно собиралась в заброшенном доме. Однажды Толян спросил:

— Хотите оттянуться?

— А то, — откликнулся Жупел. — Есть идея?

— Айда за мной. Я вам, в натуре, такой праздник души устрою, — загадочно пообещал Толян.

Они пошли в ту часть деревни, где вместо частных домов стояли типовые двухэтажки. Унылые серые коробки были похожи друг на друга, как клоны, и только фантазия жильцов вносила некую живость в их облик. Каждый балкон был застеклён на свой манер. Дерево соседствовало с пластиком, а кое-кто из самых хитроумных даже догадались чуток расширить перила и таким образом приварить к площади лишний вершок. Только одни отщепенцы не стали ставить остекление, выставив напоказ верёвки с вывешенным на просушку бельём.

День выдался знойный. Скамейки возле подъездов пустовали. Народ высыплет только к вечеру, когда жара спадёт. На детской площадке тоже никого не было. Мамаши с колясками уложили своих чад на дневной сон. За домами пристроились несколько уродливых железных гаражей. Заросли бузины немного скрашивали их неприглядный вид. Возле гаражей, в тупичке, стоял старенький «Жигулёнок».

— Как насчет того, чтобы прокатиться с ветерком? — предложил Толян.

— А у тебя есть права? — спросил Дениска.

— Ага. У меня одни права, а обязанности пусть дуракам остаются, — засмеялся Толян. — Я водить научился, ещё ког-

да такой, как ты, был, понял? У меня батяня всю жизнь за рулём.

— Чья тачка? — поинтересовался Жупел.

— Считай, что ничья.

— А может, не стоит с участков? — подал голос обычно заторможенный Пеликан.

— Не крипуй. Никто даже не заметит. Дедон, что на ней ездил, уже отъездился. Тачка стоит на приколе, пока не продадут. На выходных какие-то чуваки «Мерс» подкатали. «Мерина» упаковали в гараж, а старушку выставили. Раньше субботы никто сюда не накатит и её не хватятся.

— А вдруг кто увидит? — поморщился Пеликан.

— Раскрой zenки. Тут тупик. Кто тебя увидит?

— Ведь машина чужая, — робко вставил Дениска.

— Ну и чё? Мы её угонять, что ли, собрались? Это типа взаимно. Покатаемся и вернём, — с раздражением сказал Толян.

— Я — за, — кивнул Жупел.

— Ну, не знаю, — засомневался Пеликан.

— Да чё вы, в натуре! Через час она снова тут стоять будет.

Не тратя времени на дальнейшие споры, Толян безо всякого ключа ловко вскрыл машину и распахнул дверцу:

— Бросайте кости.

Жупел сел рядом с водителем, а Пеликан — на заднее сиденье, только Дениска не спешил залезать в машину. Если пропажу обнаружат прежде, чем они вернут автомобиль, то получится, будто они его угнали.

— Не понял. Чё тупим? — недовольно спросил Толян.

— Я не поеду, — тихо проговорил Дениска, глядя под ноги.

— Чего-чего? — Толян скорчил недовольную гримасу.

— Ладно, оставь его, — вступился за Дениску Пеликан.

— Не вопрос, — фыркнул Толян и, уставившись на Дениску, процедил: — Только запомни, в жизни ты или крутой, или лох, понял? Так кем ты хочешь быть?

Дениска понимал, что его вышвырнут из компании так же быстро, как и приняли. И останется он совсем один.

— Не слышу, — спросил Толян, насмешливо подставив ладонь к уху.

— Крутым, — едва шевеля губами, прошептал Дениска и с надеждой в голосе добавил: — Вы правда вернёте машину?

— Да кому нужна эта рухлядь! Это так, чтоб оттянуться. Для поднятия настроения, — заверил его Толян.

Очутившись на заднем сиденье, Дениска вдруг вспомнил бабушкину икону и грустный взгляд Христа. Не сердитый, не укоризненный, а грустный. Дениске стало не по себе. Нельзя было нарушать данное обещание.

Он попытался успокоить свою совесть, ведь чужую машину брал не он, а Толян. И потом — не насовсем, а только покататься. Значит, ничего плохого не случилось.

— Зараза, не заводится, — рассердился Толян, колдуя над какими-то проводками.

Дениска обрадовался. Даже к лучшему, если они не поедут. В это время мотор заурчал, и «Жигуль» тронулся с места. Толян вырулил из-за гаражей и, петляя по переулкам, выехал из деревни. Вопреки Денискиным опасениям, машину не остановили, и они без проблем добрались до шоссе.

Оказалось, что Толян и впрямь неплохо водит. Дорога плавно струилась под колёсами, горячий ветер врывается в раскрытые окна и трепал волосы. Ребята смеялись, рассказывали анекдоты и вспоминали забавные случаи. Мало-помалу Дениска расслабился. Через полчаса быстрой езды Толян свернул с шоссе к прудам.

— Купнёмся, а то жара, как в печке.

Против купания никто не возражал. Старенькая машина раскалилась, и даже открытые окна не давали ощущения свежести.

Побросав одежду на берегу, вся компания с шумом бросилась в воду. Брызги разлетелись веером. После душного зноя было хорошо погрузиться в приятную прохладу. Ребята ныряли, плескались, гонялись друг за другом и хохотали до того, что сводило животы. Единственное, что портило Дениске удовольствие, — это мысль о бабушке. Если она узнает, что он уезжал так далеко от дома, то выплет по первое число. Лучше ей не говорить про сегодняшнюю поездку. Это ведь не ложь. Просто он кое-что утаит, чтобы она не нервничала по пустякам.

Наигравшись в воде, ребята немного обсохли и снова залезли в раскалённую машину.

— Клёво оттянулись, — одобрительно сказал Жупел.

— Я же говорил. Через полчаса будем на месте, — небрежно бросил Толян.

Назад ехали в молчании. Все притомились и говорить не хотелось, только смотреть, как мимо мелькают лужайки и купы деревьев.

Всё произошло неожиданно. На шоссе выскочил человек, прямо как чёрт из табакерки. То ли пьяный, то ли сильно торо-

пился, хотя непонятно куда. Вблизи не было никаких построек, если не считать давно заброшенный долгострой. Толян крутанул руль в сторону и резко нажал на тормоз. Прямого столкновения удалось избежать. Машина боком задела пешехода и скатилась в кювет.

Ругая последними словами идиота, который полез под колёса, ребята вылезли из машины. С виду особых повреждений на ней не было. Небольшая вмятина на заднем крыле, но в глаза она не бросалась.

— Сейчас я заставлю этого козла машину наверх тянуть. Поработает бурлаком, чтобы неповадно было перебегать, где не положено, — зло процедил Толян.

Его планам мести было не суждено сбыться. Мужчина безжизненно распластался на земле. Все будто окаменели. Время вдруг остановилось.

— Это чё? Трупак? — произнёс наконец Жупел.

Звук его голоса разбил оцепенение, и время вновь запустило свой бег.

— Смываемся, — приказал Толян.

Ребята выкарабкались из кювета и побежали прочь.

— Подождите! Надо посмотреть. Вдруг он ещё живой? — крикнул Дениска, едва поспевая за остальными.

— Заткнись! — отрезал Толян.

Ребята бросились к разрушенному зданию. Долгострой представлял печальное зрелище. Проще было его снести полностью, чем восстановить. Кое-где кирпичи обвалились и грудой лежали возле облупленных стен. Из бетонных балок торчала ржавая арматура. Перебравшись через завалы, парни отдышались. Толян не зря был заводилой. Нервы у него были крепче, чем у остальных. Самообладание к нему уже вернулось. Он взял командование на себя.

— Значит так: пролеском чешем до первой автобусной остановки. На дорогу не выходить. Назад катим рейсовым автобусом. Если что, мы типа в город гулять ездили. «Жигуль» первый раз в жизни видим. Врубились? — наспех инструктировал команду Толян.

Дениска смотрел на него и удивлялся. Как можно так спокойно рассуждать, когда на дороге остался лежать человек? Может, ему нужна помощь. Дениска вдруг понял, что Толян никакой не герой, а наоборот. Ему вдруг стало так противно, что к горлу подступила тошнота. Захотелось убежать, скрыться и больше

никогда не видеть ни Толяна, ни Жупела, ни Пеликана. Он, пятясь, отступил за каменную кладку и в панике огляделся в поисках убежища. Замирая от страха, он услышал сердитый голос Толяна.

— А где Малой?

— Только что был здесь, — отозвался Жупел.

— Эй, Малой, выходи, — крикнул Толян с угрозой в голосе.

Дениска юркнул под балку, заваленную щебёнкой и кусками штукатурки и сжался в комочек, стараясь быть незаметным.

— Говорил вам, его не брать, — мрачно заметил Пеликан.

— Ну, найду, он у меня узнает, что такое больно, — Толян злобно сплюнул.

Ребята принялись обшаривать руины. Дениска сложил ладони домиком и второй раз в жизни начал молиться: «Господи Боженька, я знаю, что ты мне больше неверишь, ведь я тебя обманул. Но прошу тебя: пусть они меня не найдут. И ещё: пусть тот человек не умрёт, пожалуйста. Я никогда не буду тебя обманывать. Только пускай он выздоровеет. Господи Боженька, не дай им меня найти».

Дениска почти не надеялся на чудо: лжец не заслужил ни чуда, ни спасения. К горлу подкатывал комок. Щёки стали мокрыми и солёными, а он, глотая слёзы, продолжал молча молиться.

— Только время зря теряем, — услышал Дениска недовольный голос Жупела.

— Ладно, валим, — согласился Толян и зло выкрикнул: — А ты, сволочь мелкая, хочешь в прятки играть — валяй. Но учти, если хоть слово вякнешь, я тебя убью, усёк? Придушу, как сявку.

Шум шагов стих. Дениска ещё долго не решался выйти из укрытия. Ноги и спина задеревенели. Отряхнув с себя прилипший мусор, он кулаками вытер заплаканные глаза, вылез наружу и медленно побрёл прочь. Наверное, прошло немало времени. Солнце стояло ещё высоко, но день явно клонился к вечеру.

На дороге уже не было ни сбитого человека, ни «Жигулёнка» в кювете. Дениска не знал, как далеко находится деревня. По-нуро уткнувшись под ноги, он шагал по обочине вдоль шоссе. Скоро возле него притормозил грузовик.

— Эй, пацан, ты чего тут один? Ну-ка залезай, подвезу, — предложил шофёр.

Дениска с благодарностью забрался на высокое сиденье пахнущей бензином кабины.

Всероссийский конкурс «Экология души»

— У меня такой же малец дома. Ты в каком классе-то? — продолжал разговорчивый водитель.

— В третий перешёл, — угрюмо буркнул Дениска.

— Ишь какой серьёзный. Ты как на дороге оказался и куда идёшь?

Дениска решил говорить только правду:

— В полицию. Сознаться. Я машину угнал и человека сбил.

— Во! Мой тоже сочинять мастак. Но за это ему, как водится, иной раз и достаётся, — улыбнулся мужчина.

Дениска промолчал. Что тут говорить, если человек считает его выдумщиком. Доказывать что-то бесполезно, да и ни к чему. По-своему истолковав его молчание, водитель озорно подмигнул:

— Значит, крутым себя воображаешь?

От этих слов в Дениске что-то вдруг всколыхнулось. Слова Толяна отчётливо всплыли у него в памяти: «В жизни ты или крутой, или лох, понял? Так кем ты хочешь быть?» И вдруг вся накопившаяся боль, страх, разочарование и отчаяние прорвались, как нарыв, который рос где-то внутри.

— Никакой я не крутой! Я хочу, чтоб этих крутых вообще не было!

Мужчина бросил на Дениску удивлённый взгляд. Руки сжаты в кулаки. В глазах огонь. Вроде карапуз ещё, а поди ж ты, какая в нём сила. Немножко помолчав, он примирительно сказал:

— В этом наши мнения совпадают. Только чего кричать-то? Ты где живёшь?

— В Пенегино.

— Я как раз мимо проезжаю. Заодно тебя к мамке заброшу.

— Я у бабушки на каникулах. Только мне сначала в полицию надо, — упрямо повторил Дениска.

— Знаешь что: давай я тебя домой свезу, а уж насчёт полиции пускай бабушка решает, — сказал шофёр.

Остаток пути они ехали молча. Дениска показал, где его посадить. Отсюда до полицейского отделения было рукой подать. Возле здания полиции стоял злополучный «Жигуль» и собралась небольшая толпа. Дениска подошёл и прислушался к обрывкам разговора.

— Раньше надо было за эту банду взяться...

— ...По Толику Бузыкину давно колония плачет. Сладу с ним нет...

— ...И дружок его чернявый по стопам брата пошёл. Тот уже третий год в отсидке. Вот тебе, новая смена подрастает...

— ...Это они ещё не оперились, а уже что творят. Сажать их всех.

Страсти явно накалялись. Значит, ребят поймали. Дениска обречённо подумал, что остался один он. Живот скрутило от страха. Он окинул взглядом кусты сирени возле участка и яблоню на другой стороне дороги. В тени дерева дремала собака, подёргивая во сне ухом, чтобы отогнать привязчивого слепня. Теперь Дениске всё казалось особенным. Кто знает, может быть, он в последний раз смотрит вокруг как свободный человек. Ему было так страшно и жалко себя, что ещё минута, и он бы отступил, сбежал, как трус. Набрав в лёгкие воздуха, он стремглав бросился вверх по ступеням в участок.

— Куда? Туда нельзя, — попытался его удержать кто-то из толпы, но Дениска уже проскользнул внутрь и с налёта ворвался в кабинет.

В комнате было двое полицейских. Один, постарше, листал бумаги, а другой, ещё молодой, что-то писал. Возле стенки понуро жались пойманные нарушители. Все уставились на вбежавшего мальчишку.

— Скажите, что с тем человеком, которого сбили? Он живой? — выпалил Дениска.

— Живой. Ушибся только, — ответил тот, что постарше. — А ты родственник, что ли?

— Нет, я признаться пришёл. Арестуйте меня. Это я виноват.

— Постой, постой. В чём это ты виноват?

— Я тоже был в машине вместе с ними, — сказал Дениска, кивнув в сторону прежних дружков. Сейчас они не выглядели ни крутыми, ни самоуверенными, но Дениска был ничуть не лучше них. Он знал, что брать машину нехорошо и всё же пошёл на преступление.

Он начал рассказывать, сбивчиво, взхлёб, боясь, что его прервут и он не успеет выговориться.

— Если бы я не согласился поехать, ничего бы не произошло. Я обещал и не сдержал слова. Сказал, что не буду делать ничего плохого. А сам... И ещё я у бабушки тысячу тайком взял, а она думала, что потеряла. Она на себя подумала, а меня даже не наказала. Это я украл, — Дениска всхлипнул.

— Так, — медленно проговорил полицейский и сурово посмотрел на Толяна и компанию. — Значит, вы ещё малолеток заставляете деньги из дома воровать?

Дениска вспомнил грустные глаза Христа и понял, что он должен быть честным до конца.

— Нет, они не виноваты. Это я сам. Я проиграл, а потом побоялся признаться. Бабушка бы меня заругала, если б узнала, что я играл на деньги.

— Какие деньги? Не играли мы с ним на деньги. Чего он пургу гонит, гражданин начальник? Он же сам признаёт, что деньги у бабки воровать не мы его науськали, — вставил Толян, с которого слетело всё геройство, как осенняя листва на ветру.

Дениска смотрел на своего прежнего кумира, и ему было стыдно, что он хотел быть на него похожим.

— Ты не крутой! Ты злой и трусливый! — выкрикнул Дениска, глядя Толяну в глаза. Тот отвёл взгляд.

Высказавшись, Дениска почувствовал облегчение и странную свободу. В последнее время он жил как будто его тянули на верёвочке. Ради того, чтобы угодить Толяну, он обманывал бабушку. Ведь понимал, что это неправильно, но так хотелось походить на смелого и независимого кумира. А тот оказался не настоящим, пустым внутри.

Дениска понимал, что как вор он должен понести наказание, но теперь ему было ничего не страшно. Только бабушку было жалко.

Записав показания Дениски, полицейский сказал:

— Беги домой да шустрей. Бабушка небось уже заждалась.

— Вы меня не посадите в тюрьму? — опешил Дениска.

— Ещё чего натворишь — посадим, а пока, будь я твоим отцом, я бы тебе хорошего ремня задал, — сказал полицейский.

Ноги у Дениски отчего-то ослабли, коленки задрожали, а по щекам потекли слёзы.

Он вышел на улицу. Жара спала. Воздух наполняла симфония ароматов: сладкий запах жасмина, терпкий — скошенной травы и одуряюще медовый — душицы. Прежде Дениска не обращал внимания на запахи, но сейчас все чувства будто обострились. Он по-новому наслаждался всем, что его окружает. Возле калитки его встретила сердитая бабушка. Весь её вид говорил, что сейчас внук получит хорошую трёпку.

— Ты где же это пропадал? Весь день нету. Я вся на нервах, хоть в полицию иди!

При упоминании полиции Дениска невольно улыбнулся. Он вдруг понял, как сильно любит бабушку, и крепко обнял её, точно встретил после долгой разлуки.

— Ба, я совершил очень плохой поступок. Я должен тебе всё рассказать.

Они прошли в дом. Денис не утаил ничего: ни украденную тысячу, ни того, что таскал из холодильника провизию, ни пирушки в заброшенном доме. Он признался даже, что пробовал курить и отхлебнул пиво, но ни то, ни другое ему не понравилось. Дениска говорил долго-долго, а когда закончил, повисла тишина, которая была страшнее любого наказания. Лучше бы бабушка ругалась или взялась за ремень. Она всегда обещалась его выпороть, но до этого дело не доходило.

Неожиданно бабушка обняла его за плечи и прижала к себе:

— Слава Богу, что всё это закончилось. Пойдём ужинать. Я оладушки напекла. Только остыли уж.

— Ты меня не накажешь? — удивился Дениска.

— Что тут наказывать! Главное, ты раскаялся в своих поступках и больше так не сделаешь.

Перед сном бабушка, как обычно, молилась перед иконой. Закончив, она перекрестилась и легла в постель.

— Ба, а Бог наказывает тех, кто поступает плохо?

— Нет, люди сами себя наказывают, когда идут против совести. А Бог всех любит, и Ему больно, если кто делает дурное дело. Спи давай, — велела бабушка.

Дениска лежал тихо-тихо и смотрел, как в темноте отсвечивает киот иконы. От неё будто исходил свет. Дениска вдруг понял, почему у Христа такой грустный взгляд, и ему стало очень-очень стыдно. Он поднялся с постели, на цыпочках подошёл к иконе и тихо сказал:

— Я больше никогда не сделаю Тебе больно, честно.

Сергей Еремеев

Воскрешение

Баллады

Баллада о Божьем знаке

Серым ёжиком в тумане
С острым ножиком в кармане
Он блуждает по поляне,
Ищет, где растёт ревень.
Деревенская охота:
Срезать стебли — и всего-то.
Для варенья, для компота.
Вдруг мелькнула чья-то тень!
— Кто там? —

он спросил несмело,
Но, вращая то и дело
И привычно, и умело
Ножевую рукоять.
— Кто там? — эхом прилетело,
Лёгкой дрожью впившись
в тело.
Он качнулся очумело,

Но скомандовал:
— Стоять!
Тень в ответ смеётся звонко,
Как любимая девчонка,
И смутился мужичонка:
«Ёшкин кот! Она? Она!»
Вот виденье так виденье:
На поляне привидение,
Вот такой на удивленье
И была его жена!
Стихло всё. И нет тумана,
Он очнулся от обмана:
«Ну, волшебная поляна,
Начудила ты со мной...»
Понарошку чертыхался.
То грустил, то усмехался,
То от смеха колыхался...

Всероссийский конкурс «Экология души»

И отправился домой.	Кто бы знал, что на поляне
Лает радостно собака,	Божий знак увидит он?
А жена из полумрака:	Вспоминай её такую,
— Два мешка принёс,	Не считай такой-сякою,
однако! —	Совладай с её тоскою
С уважением изрекла.	И навеки будь влюблён!
Дождевик он быстро снимет,	Вспоминай её девчонкой
Горячо её обнимет,	Ясноглазой, тонкой, звонкой!
А она любовь воспримет	Вспоминай её девчонкой,
И шепнёт: «Не отцвела...»	Что одним тобой жила.
Серым ёжиком в тумане	Береги её, как прежде,
С острым ножиком	Вместе с ней живи в надежде,
в кармане...	В нескончаемой надежде,
	Что любовь не отцвела.

Воскрешение, или Баллада о беспородной псинке

Была псинка в квартире,
Где хозяйки не стало...
Словно пульками в тире,
Вьюга в окна хлестала.
— Почему умерла?
— Одиноко жила,
Беспробудно пила
И себя довела...
Не поможешь ничем ты — хоть тресни.
А собака всё воет: «Воскресни!»
Хватит выть, беспородная псинка:
Не воскреснет беспутная Зинка.
Люди! Может, собака кому-то нужна?
Воет горестно, знает: осталась одна.
Бездыханной хозяйке собака верна,
Человеческим голосом воет она!
Поезд в город привозит покойной сестру,
Что в посёлке живёт под Москвой.
— Ты, собачка, не вой, я тебя заберу,
Только больше так страшно не вой!
Ты оставь свои жуткие песни!
...А собака всё воет: «Воскресни!»

Всероссийский конкурс «Экология души»

Вдруг от мёртвой исходит прерывистый стон!
Значит, это не смерть! Летаргический сон!
Люди сразу воскресшую взяли в кольцо:
— Ну, давай, Зинаида, очнись!
А собака ей яростно лижет лицо:
— Просыпайся, вставай, не ленись!
Умерла и воскресла! Воскресла — и вот
С той поры Зинаида не курит, не пьёт.
Возлюбила и лунный, и солнечный свет,
Стала счастлива, что не исчезла!
...А собачка? Собачки давно уже нет:
С той поры, как хозяйка воскресла.

Туяна Цыренова

Лапушка

Рассказ

Сегодня мы ходили на Байкал. Было холодно и мокро, а мы всё равно купались. Кажется, Митя заболел, и теперь дядя Ардан и тётя Лариса повезли его в город. Мама с Алтаной поругались, Алтана лежит наверху, в нашей спальне, и не хочет выходить. А случилось вот что.

Утром у нас был суп с тушёнкой. Вообще не разберёшь, завтракали мы или обедали, но это нормально, у нас же выходные. Тётя Рита была на что-то обижена, но по её лицу точно не сказать: оно недовольное, даже когда тётя отдыхает. Я села за стол и хотела погладить Лапушку, которая сидела тут же на банкетке, но тётя Рита крикнула:

— Не трогай её! Сгони её, пускай там не сидит!

У Лапушки тоже непроницаемое выражение мордочки, только она всегда флегматичная, а не нахмуренная, поэтому ничего не было понятно. Между мной и тётей произошёл такой диалог:

— А что случилось?

— Она бурундука съела. Хозяина.

— Какого бурундука?

— Ну, который тут жил.

— Откуда вы знаете про бурундука?

— Так мы же видели! Давно ещё, когда в первый раз приезжали.

— Если давно приезжали, то это уже не тот бурундук, — предположила я, — да и их тут, наверно, много водится.

Интересно, почему бурундука назначили хозяином? У каждого места есть хозяин вроде домового, но это бывает не только в доме, а может быть в лесу, в степи или у речки. Когда мы куда-нибудь едем, мама с папой обязательно кидают монетки или рис в специальных местах у дороги. Иногда мы останавливаемся у дерева и повязываем на него ленточку — вроде как молимся о хорошей дороге. В прошлом году, когда мы куда-то ехали и в очередной раз притормозили, я сказала: «Опять свою мзду принесли» — или что-то похожее. Родители велели так не говорить. В ту поездку у нас пробило колесо, а потом ещё гаишники надолго остановили. Мама всю дорогу дулась. Вот и не верь после этого в хозяев!

Лапушка съела бурундука, и тётя теперь её не любит, а это её дача, значит, с Лапушкой теперь не пообнимаешься. А я люблю её обнимать и называть кошкой-хорошкой, потому что она хорошая, не царапается, может только слегка прикусить руку, если сильно её гладишь, не больно совсем. У тёти у самой есть кошка, но она породистая британка и зовут её Принцесса Полли. Полли живёт в городской квартире и там больше всего любит кран с водой. Уткнётся в него плоской британской мордочкой и слизывает капли. Когда приходят гости, она прячется под кровать в дальней комнате и время от времени выглядывает из-под неё. А Лапушку взяли в дом безродным котёнком и мучают тремя детьми.

Три ребёнка — это сыновья дяди Ардана и тёти Ларисы, мои двоюродные братья. Старшего оставили в городе, зато привезли с собой Аламжи и Митю. Аламжи ещё ничего, самостоятельный, всё-таки шесть лет, большой уже человек. А Митя не понимает ещё многого в свои три года, но умеет делать грозный вид — почти всегда хмурый, насупливает брови.

Раз Лапушка съела хозяина, может быть, теперь Лапушка — хозяин? Иногда кажется, что это Принцесса Полли — тёти-Ритина хозяйка, а не наоборот. А Лапушка смиренная, Алтана тоже так думает. Алтане уже шестнадцать, у нас разница два с половиной года, она даже сделала татуировку и не показывает маме с папой, но я её не сдаю, потому что мы сёстры.

После обеда мы долго собирались. С детьми всегда так. Дядя Ардан говорил, что будет жарко, но солнце так и оставалось

мутным. Папа остался на даче с тётёй Ритой, чтобы мариновать мясо для шашлыков. Вообще, тётя Рита — это папина тётя, а мне она двоюродная бабушка, но она не любит, когда её зовут бабой Ритой: своих-то внуков у неё пока нет.

Мама и тётя Лариса собрали с собой еду в контейнерах, а ещё мы взяли покрывала, поэтому могли устроить прям пикник. Мы с Алтаной не очень-то плавали, а так, зашли туда, где глубина до пояса, и подпрыгивали в воде, потому что были очень сильные волны. Зато песок под ногами был гладкий, на нём приятно стоять. Алтана не снимала штаны, у неё татуировка как раз на ноге, чуть выше коленки. Она не мастер конспирации, штаны-то белые и просвечивают.

Я пыталась немножко грести руками и ногами по-собачьи и всё время цеплялась за дно, но мне быстро надоело плавать, хотя в воде теплее, чем на берегу. Пришлось выползти на берег «крокодилчиком», потому что идти было невозможно: волны сбивали с ног. Мама, увидев меня, быстро раскрыла большое полотенце, и я чуть ли не прыгнула в него! Так и пришлось в нём сидеть, ветер уж очень был неприятный. Митя всё ползал вокруг, что-то щебетал на своём трёхлетнем наречии. Вообще-то он обычно злой, быстро бегают и уворачиваются, когда пытаешься его обнять. Он и сегодня как-то вывернулся, зачем-то стянул плавки и побежал к своей маме. Тётя Лариса надела на него всю одежду, которую взяла для него на пляж, а поверх обмотала толстовкой дяди Ардана. Митя сначала куда-то потопал, а потом я увидела, что он просто прилёг на наш надувной матрац и обнял себя.

Аламжи познакомился с каким-то мальчиком. Они сидели на песке у кромки воды и, когда их окатывало волной, казались дочерна загорелыми, и блестели, как нерпы на картинках. Я никогда не видела нерп вживую, однажды только, когда мне было лет пять, мы пришли в гости к мужу то ли троюродной, то ли четвероюродной тётё в избушку тут, на берегу, в другую деревню, которая где-то дальше по дороге, и он показывал скользкие пятнистые тушки в тёмной крови. Это оттого, что он браконьер, сказали мне родители. Я решила, что «браконьер» — это такая интересная профессия, и потом пару раз говорила об этом ребятам в школе.

— Смотри, сколько у меня складок на животе, — говорил Аламжи незнакомому мальчику, сжимая живот обеими руками.

— У меня больше, — спокойно отвечал незнакомый мальчик, совершая такой же жест.

Мама смеялась развлечениям молодёжи и говорила, что в их возрасте рано хвастаться такими вещами.

Через какое-то время ветер стал дуть сильнее, и Алтана замёрзла. Немудрено, она же так и не передела футболку и штаны с тех пор, как вышла на берег, так и сидела в мокром. Алтана собралась обратно на дачу, мама решила двинуться с ней. Они погрузили в машину дяди Ардана свои вещи и пошли пешком.

Мы тоже решили не задерживаться, и на этот раз мне удалось сесть на переднее сиденье. Купальник был всё ещё мокрый, поэтому я обмоталась полотенцем прежде, чем сесть. Было тепло после холодной улицы. Через тонированные стёкла мир казался ещё темнее, волны на Байкале стали выше.

Дядя Ардан не стал ждать, когда сдуется матрац, и затолкал его в багажник. Удивительно, что матрац влез, он же двуспальный. По пути мы проехали мимо мамы и Алтаны, они заметили нас, заулыбались и помахали руками. Тётя Лариса сзади баюкала закутанного Митю. Аламжи сидел тихо.

На переднем сиденье обзор куда лучше, чем сзади, к тому же у дяди Ардана тут куча разных штук. Передо мной лежала детская книжка с Немо и прикольно отражалась в лобовом стекле, как будто рыбка плавает снаружи. Я сказала об этом дяде Ардану, он не улыбнулся, но поправил книжку так, чтобы Немо плавал не на боку.

— Ардан, останови! — крикнула тётя Лариса, когда до дома было два поворота.

— Зачем? — буркнул дядя. — Тут совсем немного осталось, потерпела бы! Чего ты орёшь?

— Ардан, останови, нужно!

Мы резко дёрнулись, когда затормозили, аж в груди стало больно от натяжения ремня. Стало очень тихо и безветренно. Кажется, Митю стошнило.

— Мите плохо! — сокрушённо сказала тётя Лариса.

— Ну и чего мы тут стоим, поехали! — закричал дядя Ардан. — Там-то ты почему ничего не заметила, не сводила его в кусты? Что мы здесь-то сделаем, ты подумала?

— Так поехали!

— Ну и поехали!

Мы рванули, и снова подул ветер. Продолжалось это недолго, потому что секунд через тридцать мы были уже у ворот дачи. Мне нужно было сразу развесить полотенца и покрывала: мама бы всё равно заставила это сделать, как только пришла, а я хотела сидеть у костра и ни на что не отвлекаться. Тётя Рита как раз развела его, пока нас не было, и теперь ворошила в нём горящие

деревяшки толстой палкой. Мангал стоял тут же, в нём уже тле-ли угли. Когда приходишь после купания, лучше всего надеть тёплый спортивный костюм и выбежать обратно на улицу, что я и сделала. Митю унесли в дом и переодели в сухое, дядя Ардан качал его на руках.

Лапушка выскользнула из-под ажурной занавески, которая прикрывала вход в дом от комаров. В этот момент она была как шерстяная невеста в кружевной фате. Она потёрлась об мои ноги, хорошая кошка, кошка-хорошка, и скрылась в кустарнике.

— Лариса, я тебе говорю, надо ехать! Ты почему не слушаешь-то меня? — раздражённо выговаривал дядя Ардан. Тётя Лариса, потупившись, отвечала очень-очень тихо.

— Где Лапушка? Где кошка, я говорю?! Как мы уедем без кошки? — дядя кричал всё надрывнее. — Лариса, ты почему её в открытой комнате-то оставила? Поймала один раз и надо не выпускать!

Тётя Рита покачала головой и, подкладывая в огонь веточки, произнесла:

— Есть же поговорка такая. Что, мол, бестолковая шуба — на один день, а бестолковая жена — на всю жизнь. Это что значит? Что жену надо хорошо выбирать.

— Лапушка! Лапушка, кыс-кыс! Ау-у-у-у! Иди сюда! — дядя Ардан и Аламжи бродили по участку, вороша кусты и пушистые кроны спиленных сосенок. К ним присоединилась и вернувшаяся Алтана. Она всхлипывала, пока звала кошку, и отворачивала лицо.

— Вот хорошо, что Алтанка подключилась, — снова тихо начала тётя Рита, — умеет она с кошкой говорить. Я говорю ей: «кыс-кыс» — она не подходит, а вот как Алтана говорит, так сразу обращает внимание.

Но кошка так и не откликнулась.

— Чего ты выскочила-то?! — заорал дядя Ардан. — Мы тут кошку ищем, а ты тоже туда же, когда поедем-то?

Тётя Лариса, вылезшая из машины, начала тихо оправдываться, но дядя Ардан наступал:

— Сиди в машине и жди, пока поедем! За Митькой смотри, поняла?

Потом он немного смягчился, увидев спящего Митю, и, поглядев на Аламжи, спросил того, хочет ли он пока остаться. Аламжи помялся, но кивнул.

— Вы его тогда привезёте? — спросил дядя Ардан у мамы деликатным тоном, совсем не похожим на голос, которым обычно разговаривал с тётей Ларисой. — Вместе с кошкой, хорошо?

Мама конечно же кивнула и сказала: «Хорошо», — только поджала губы. Она на что-то злилась. Дядя Ардан и тётя Лариса уехали без Лапушки, Аламжи поглядел им вслед и, сцепив руки за спиной, медленно побрёл к костру. Я его приобняла за плечо — наверно, ему грустно оттого, что родители уехали. Он протягивал к огню прутик и следил за тем, как медленно прогорает кончик.

— Ты только его над огнём держи, ладно? — сказала я. — Никуда не уноси, а то лес может загореться, и будет пожар.

— Ыгы, — мычал Аламжи, и огонёк начинал летать над моими коленями. Он совсем не слушал, когда я ему говорила так не делать.

Алтана тихонько подошла и села рядом, потупившись, чтобы тётя Рита не заметила её красные глаза.

— Мама увидела, — шепнула мне она, и я сразу поняла, что это про татуировку. — Когда я переодевалась, она зашла, и я не успела отвернуться.

Понятно, почему у мамы лицо злое. Сейчас, наверно, не будет ругаться при родственниках, а дома Алтана получит по самое не балуй.

Наконец Аламжи отложил свои прутики и, съёжившись у меня под боком, о чём-то задумался.

— А что будет, если Лапушка умрёт? — спросил он, глядя в огонь, и часто-часто заморгал. Его лицо казалось красным в свете костра. Пришлось его утешать.

— Да что ты, конечно, она не умрёт! Ну, не здесь, по крайней мере. Да точно здесь не умрёт! Она же может за себя постоять. И завтра, наверно, найдётся, и мы возьмём её с собой, и весело поедem домой.

— А.

— Весело поедem, — повторила Алтана.

Недалеко раздался отчаянный кошачий вопль, и всё затихло.

— Лапушке, наверно, хорошо на природе, — сказал Аламжи, — ведь здесь она чувствует себя настоящей кошкой.

Сейчас Принцесса Полли, наверно, сидит у крана и слизывает с него капли шершавым язычком. У неё круглые сутки горит свет. Надеюсь, тёти-Ритин сын не забывает её кормить. А Лапушка гуляет сама по себе, прыгает по сломанным еловым веткам, дерётся с другими кошками и ест бурундучков, если поймает.

Тут подошла мама, и Алтана встрепенулась.

— Тут сидишь? — начала мама тихо. Она всегда так начинает, вроде как жужжит, но жужжит долго-долго и прямо над ухом.

— Как ты вообще до такого додумалась? Ты понимаешь, что это навсегда? Кто тебе сказал, что это красиво? Друзья твои?

А вдруг тебе инфекцию занесли? Как в город приедем, пойдёшь анализы сдавать.

— Мама! — крикнула Алтана, на глазах у неё блеснули слёзы. Она вскочила и убежала.

— А ты знала? — спросила мама с каким-то затаённым надрывом. Я посмотрела на неё и ничего не ответила, только у меня заболело в груди, как будто туда снова врезался ремень безопасности.

— Все вы против меня, одна я у вас плохая, — проговорила она спокойно и зловеще.

Папа раздал нам по тарелке с шашлыком и пошёл звать Алтану. Она, видимо, отказывалась выходить. У папы на лице было такое выражение... обескураженное. Он часто выглядит слегка удивлённым.

Тётя Рита о чём-то завела речь, родители подхватили, и дальше разговор пошёл совершенно спокойно. О том, что в следующем году надо подготовить дачу к туристам, может, удастся что-то заработать. Надо достроить баню, сделать новый деревянный туалет, а то старый никуда не годится. Шашлык мягкий получился, просто объедение, у моего папы золотые руки, а женщин к мясу пускать ни в коем случае нельзя, обязательно испортят. И всё такое прочее.

Вот оно как обернулось. Лапушка съела хозяина, потом заболел Митя, а мама с Алтаной поругались. А это всего-то первый день! Вдруг нам дальше счастья не будет, как в тот раз, когда я сказала, что духи требуют мзду. Только теперь всю жизнь так, а не одну поездку.

Но, если подумать, удивительно бы было, если б Митя не заболел в такую погоду. А ведь ещё бегал в плавках, лез в воду. Да и мамин характер я давно знаю, и Алтана бы в какой-нибудь раз точно спалилась. Тут рано или поздно ссоры было не избежать. Так что Лапушка не виновата, и без неё всё так могло случиться. Не бывают кошки-хорошки виноватыми.

Мы с Аламжи снова пошли кликать Лапушку, но так, чтобы взрослые нас видели. Над головами у нас оказалось огромное чёрное небо с белыми точками звёзд — над Байкалом они всегда яркие в ясную погоду. Раз тучи ушли, тогда, может, завтра будет тепло и ясно? И мы пойдём купаться, и мама уже не будет злиться, и найдётся Лапушка, и мы поедем домой, и будем готовиться к школе, так пройдет август, и у нас будет учёба, золотая осень, Новый год, потом мы поступим в хорошие институты, мама с папой будут нами гордиться, и дальше всегда всё будет хорошо... Было бы замечательно...

Максим Дронов

«Мама, покажи мне море»

Рассказ

Маленький босоногий мальчик лет десяти, одетый в короткие шорты и майку с изображением дельфина, с улыбкой смотрел на стройную высокую женщину, которая расчёсывала перед зеркалом свои длинные светлые волосы.

— Мама, покажи мне море! — попросил мальчик.

— Коля, я пока занята. Вон твоё море, за окном, прямо через дорогу, и никуда оно за десять минут не денется.

Морской бриз ласково трепал занавески. Мальчик нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну, мам, давай быстрее. Сегодня обещали дождь после обеда. Пошли, пока погода хорошая!

Женщина, не торопясь, продолжала расчёсывать локоны, с улыбкой посматривая на своего непоседливого сына. Светловолосый мальчуган накручивал круги по комнате.

— Ещё пару минут — и я готова.

— Хорошо! Мне надеть плавки?

— Как хочешь. Мы первый раз, поэтому ненадолго.

— Ну, мам! — жалобно донеслось из комнаты.

— Ненадолго! А то обгоришь! Ещё успеем купаться, мы же только приехали!

Заселились они всего полчаса назад. Сойдя с поезда, поймали такси, назвали адрес, и вот он, домик у моря, арендованный у знакомых, с которым мама Коли созвонилась незадолго до отъезда.

Непоседливый Коля успел исследовать территорию вокруг и внутри домика вдоль и поперёк: две небольшие комнаты, не считая туалета и кухни, небольшая терраса, увитая диким виноградом, и крохотный садик с тремя деревьями. Но самое главное — потрясающий вид на заветное море. Бескрайняя морская гладь, подёрнутая лёгкой дымкой, силуэты кораблей на горизонте, крики чаек и нежный морской бриз.

Сделав ещё круг по комнате, Коля опять остановился, посмотрел в сторону моря и громко вздохнул, поглядывая на маму.

От друзей в школе он наслушался историй про то, какое оно замечательное, это море, какое оно тёплое и прозрачное, про дивных сказочных русалок, про горячий песок с разноцветными перламутровыми ракушками, и про толпы торговцев, громко зазывающих купить «горячие пирожки», «кукурузу» или страшное местное лакомство «чурчхелу». Всю дорогу в поезде ему только и снилось это море. А уж теперь, когда до него рукой подать, Колю вообще ничего, кроме моря, не интересовало. Скорее бы на пляж, искупаться и лечь на покрывало, накрыть лицо кепкой и лежать, дыша полной грудью влажным солёным воздухом!

Анна, его мама, наоборот, в поезде почти не спала. В купе было ужасно душно, от соседей пахло едой, алкоголем и потом. А тут ещё эти навязчивые мысли, окутавшие её голову, словно цепи, которые невозможно снять. Всё это мешало отключиться и хотя бы ненадолго отдохнуть под ритмичный стук колёс.

Зимой они планировали провести отпуск втроём, как нормальная семья. Коля, как только узнал о грядущей поездке на море, не мог усидеть на месте. А родители, видя реакцию сына, не могли сдерживать улыбки на лицах. Откладывая с зарплаты каждый свободный рубль, они с мужем копили деньги на отпуск. Планировали ехать все вместе, а в итоге поехали только Анна, погружённая в тяжёлые, тянущие на дно мысли, и Коля, радующийся скорому отдыху и не знающий всей правды о том, почему отец остался дома.

Закончив укладку и надев лёгкое льняное платье в синюю полоску, Анна собрала рюкзачок сына, уложив туда всё, необходимое для пляжа.

Коля, как часовой, стоял у порога, готовый в любую секунду мчаться к морю.

Максим Дронов. «Мама, покажи мне море»

— А папа когда придет? Я так хочу с ним поплавать наперегонки.

— Нет, милый, папа не придет. У него дела на работе.

Мальчик исподлобья посмотрел на маму.

— Он давно не приходил домой. Он... Он обещал поехать с нами и поплавать со мной наперегонки!

— Коленька, я знаю, но...

Анна запнулась. Сын, не мигая, смотрел на неё влажными глазами, готовясь вот-вот расплакаться.

— Он даже не звонил, да? — нахмурившись и утирая слёзы кулаком, тихо спросил мальчик.

Анна посмотрела в телефон. Пропущенный вызов от мужа. Только за последний час Андрей звонил три или четыре раза.

Убрав телефон, женщина с грустью посмотрела на сына.

— Нет, милый. Наверное, он про нас забыл.

— Не говори так! Я... Я хочу увидеть папу.

Анна обняла Колю, прижав к себе. Она хотела сказать сыну, что отец названивает ей по несколько раз на день, но не могла. Коля не поймёт, почему она не отвечает, и обидится на неё, посчитав лгуньей. И будет прав.

* * *

При сыне они всегда старались быть идеальной семьёй. Но за последний год произошло много ссор и скандалов. Проблемы на работе, накопленная усталость и полнейшая неудовлетворённость... Казалось, что их пошатнувшийся брак удерживал только страх, что их сын пострадает и станет жертвой личных проблем. Но такой хлипкий союз не мог продолжаться вечно. Нужен был только повод. И вот отношения рухнули в один миг, когда Анна узнала об измене. После очередного корпоратива Андрей остался ночевать у Ольги, своей начальницы, с которой (как потом узнала Анна) он находился в весьма близких отношениях. В ту ночь телефон мужа не отвечал. Анна не могла уснуть. На вопросы Коли она отвечала, что папа остался у друзей. Но когда наконец Анна дозвонилась Андрею на следующее утро, то услышала, кроме обычного бормотания мужа, что он у друзей, чей-то женский голос, и все вопросы сразу отпали.

Пока Андрей собирался домой, Анна думала о том, что же будет дальше. В тот момент ей было ужасно больно и обидно за себя.

Коля был отправлен на пару дней к бабушке. Муж сказал, что он должен пожить один, разобраться в себе и в их отношениях.

Но Андрея Анна сразу не пустила, понимая, что сын рано или поздно спросит про отсутствующего отца. Пусть он попрощается с сыном и уходит на все четыре стороны. Коля, вернувшись домой, увидел, как папа собирает небольшой чёрный чемодан, а мама сидит за столом у окна и смотрит на мужа как-то особенному, холодно и презрительно.

— Мам, а куда это папа собрался?

— Сынок, папе нужно... по делам. Он скоро уедет на некоторое время...

Коля с грустью посмотрел на то, как папа берёт чемодан и собирается уйти.

Со слезами на глазах он подбежал к уходящему папе и, расставив руки, прижался к его ноге. Отец приобнял сына и взъерошил свободной рукой его волосы.

— Сын, береги маму, — кротко ответил Андрей и закрыл за собой дверь.

Папа уехал. И больше не вернулся.

Анна старалась отвлекать сына от вопросов об отце разговорами про море.

Но чем больше Коля спрашивал про папу и чем чаще называл Андрей, тем сильнее Анна уверилась в том, что простить мужа она точно не сможет и по приезду должна подать на развод.

Закрыв дверь на ключ, она положила его под лежащий на траве разбитый горшок, справа от крыльца. Держась за руки, мать и сын вышли на улицу. Шумные группы туристов бродили вдоль оживлённой трассы. Внезапный приступ мигрени начал сдавливать висок сильнее обычного, и женщина, сморщившись, остановилась.

— Коль, подожди меня здесь, я возьму таблетки от головы. И не выбегай на дорогу!

Коля ничего не ответил и медленно пошёл по дороге, крепко держась за лямки рюкзака. Ветерок нежно перебирал локоны мальчика. Его грустный взгляд был устремлён туда, где шумело и пенилось море.

Женщина вернулась в дом, достала ключ и открыла дверь.

Таблетки. И где же они? Поиски начались с чемоданов. Усталость и бессонная ночь, плюс измотанная мигренью голова, которая наотрез отказывалась вспоминать, где же лежит аптечка. Поиски прервала вибрация телефона.

Андрей.

Снова.

Негромко выругавшись, женщина сняла трубку.

— Ну, что надо? Да, мы уехали... Без тебя... Мне плевать, что ты с ней поругался... Всё я знаю, что ты там творил, на корпоративе... Ну, да, пьяный... А то, что у тебя семья, ребёнок — ты забыл, когда лез к ней под юбку? Да, прошло уже много времени... но где гарантия, что это не повторится? Я поверю, только если случится чудо, но чудес, Андрей Вячеславович, не бывает. Всё, давай потом поговорим, меня Коля ждёт. И тебе не хворать, пока...

Бросив трубку, женщина вернулась к поискам.

Найдя таблетки, она кинула их себе в карман.

Сбросив очередной вызов от Андрея, Анна встала у окна и слегка дрожащими пальцами достала тонкую сигарету.

* * *

Ожидание отпуска превратилось в мучение. Последние дни на работе были «горящими», Коля чуть не заболел перед поездкой, мало того, свекровь чуть ли не через день звонила, «капала на мозги», упрашивая помириться с Андреем.

Вдох. Выдох.

Дым дрожащими тревожными рывками вылетал в приоткрытое окно.

Боль понемногу отступала. Всё вокруг словно замедлилось, и на какой-то момент женщина перестала думать о сыне, о муже, о разводе... Она вновь представила себя молодой беззаботной девушкой на сельской дискотеке в окружении местных парнишек, жадно смотрящих на неё в коротком летнем платье...

Внезапно за окном донёсся рёв машины и визг тормозов.

Коля! Сердце ёкнуло от дурного предчувствия.

Господи, нельзя было оставлять его одного!

Недокуренная сигарета упала из руки на плитку во дворе.

Женщина резко кинулась к двери. Остановившись на крыльце, Анна пыталась высмотреть сына поблизости, вдруг он всё это время был здесь.

— Коля? Коля! Ты где?

Быстро выбежав из дома, даже не закрыв дверь, Анна на бегу растерянно искала взглядом сына, забыв о недавней головной боли, разговоре с пока ещё мужем и предстоящем разводе.

Вот он, пешеходный переход. Её внимание привлекла толпа, стоящая рядом с мигающим жёлтым светом светофором. Под-

бежав к скоплению людей, женщина растолкала всех, кто попался ей навстречу, и увидела сына, лежащего на боку на пешеходном переходе. Он был без сознания. Вокруг головы по белой краске «зебры» растеклось красновато-бурое пятно.

Анна пошатнулась, едва не потеряв сознание. Она опустилась на колени. Осторожно дотронулась до тела сына. Потом подняла полный боли и непонимания взгляд на окруживших её людей. Её голос нервно подрагивал, запинаясь на каждом слове.

— Что... что здесь случилось? Коля... Коленька, очнись, слышишь меня? Сыночек...

Люди переговаривались вполголоса, покачивая головой. Дети вопросительно смотрели на взрослых и перешёптывались, показывая пальцем на женщину и лежащего ребёнка. Негромкие голоса в толпе звучали осуждающе.

— Это ваш сын? Смотреть надо было...

— Женщина, где вы были всё это время?

— Скорую, кто-нибудь вызвал скорую?

Анна понимала, что вот-вот потеряет сознание. Только не сейчас. Как учил доктор...

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Спустя полминуты женщина продолжила осматривать сына.

Пульс.

Дыхание.

Всё в норме.

Но он без сознания.

Синяки, ссадины, немного крови — сына сбила машина.

Кто-то из таксистов предложил помощь. Погрузив обмякшее тело сына на заднее сидение, Анна села рядом. Всю дорогу до больницы она гладила Колю, пытаясь не зарыдать в полный голос.

— Ещё далеко?

— Да тут рядом, пару паваротов. Не пэреживайте, у нас это часто бывает. Лихачит молодёжь, а дети, знаете, они же нэпоседы, вискочат на дорогу и пападают под колёса... Да не бэспокойтесь, всё будет харашо... — с лёгким кавказским акцентом бормотал водитель, старый лысый армянин.

Дальше всё было как в кошмарном сне: доктора в белых халатах, капельницы, несколько дней, проведённые в больнице, и в итоге — безысходный диагноз: черепно-мозговая травма и как результат — кома.

Анна проклинала тот день, когда они приехали сюда. Проклинала Андрея за то, что он ей изменил. Проклинала свекровь, что помотала ей нервы перед отъездом. И, конечно, себя, что не уследила за сыном.

«Господи, за что мне всё это...»

В больничной палате, сидя у кровати сына, женщина по ночам плакала, а днём сражалась за жизнь сына, ругаясь с врачами и медсёстрами, стараясь не на шаг не отходить от Коли. Ей казалось, что её ребёнку уделяют мало внимания, и что врачи вообще не знают, что делать, как его лечить и от чего...

По соседству лежала старая женщина. Она почти не говорила, только бормотала еле слышно себе под нос.

В один из дней, когда Анна в очередной раз сидела на стуле к кровати сына, соседка повернулась, посмотрев своими иссохшими впалыми глазами на плачущую женщину.

— Сын?

— Да...

— В коме?

Анна кивнула, стараясь привести себя в чувства.

— А отец где? Умер?

— Нет. Жив.

— А почему не приходит? Не любит?

— Любит, — полушёпотом ответила женщина, — но я ему не разрешаю сюда приходить.

— Вашему сыну нужен сейчас отец. Помню, мой муж лежал в коме в восемьдесят пятом. Так я приходила к нему целый год, каждый день, а он всё «овощем» да «овощем». Вспомнила, что перед тем, как попал в больницу, он хотел увидеться с внуком, который уехал в другую страну много лет назад. Ну и я начала звонить дочке, упрашивая её, чтобы внук приехал к деду, так сказать, увидеться в последний раз. Недельку билась, и он приехал. Сел рядом с кроватью, взял дедову руку в свою. А Миша, царство ему небесное, возьми да сожми руку внука. Так и сидели пару минут. Ну и после этого... В общем выкарабкался он, муж мой. Потом мне ещё долго говорил, мол, Катя, если бы не ты, то всё... Прожили ещё вместе двадцать лет.

— Колин отец... Я не прошу его.

— Что ты всё о себе да о себе. Сына лучше пожалей.

Старушка охнула и отвернулась лицом стенке, словно и не говорила ничего.

Анна сидела на стуле у кровати сына, поглаживая его руку.

Пятнадцать долгих месяцев прошли с момента аварии. Мать старалась приходить каждый день навещать сына. Всё это время у неё не выходили из головы слова той старушки, но переступить через себя Анна не находила силы до последнего, уж слишком сильна была её обида на Андрея. Но в один момент она ощутила, что надежда на выздоровление сына тает с каждым днём. И она набрала впервые за почти два года номер бывшего мужа.

— Алло, Андрей? Приезжай...

Муж с букетом цветов и полным пакетом всяких сладостей примчался в больницу. Радостный, он ворвался в палату, но эмоционально изменился в лице, увидев заплаканную Анну и неподвижного сына. Бывшая жена молча приняла букет и положила его рядом на стул.

— Что говорят по поводу...

— Ничего, — перебила его женщина, — через неделю его отключат от системы жизнеобеспечения. Никаких положительных прогнозов.

Андрей попытался обнять жену, но она отстранилась от него.

— Если я тебя позвала, это не значит, что нужно ко мне лезть. Я... это сделала по большей степени ради Коли. Попробуй его вернуть. Если получится... — и она, не договорив, вышла. Андрей остался наедине с сыном.

Смотря на безмятежное лицо подростка, мужчина в который раз подумал о том, что всего этого могло бы и не произойти.

Подсев поближе, он положил свою руку на руку сына.

— Коля, я... Я ужасный человек. Плохой отец и... Но я люблю тебя. Не меньше, чем мама. И мне ужасно тебя не хватает. Мы так мало всего успели... Коля, прошу тебя, возвращайся. Я... Я обещаю всё исправить. Сделать всё, как обещал тогда, на твой день рождения...

Андрей правой рукой нежно погладил волосы сына. Левую руку он положил на ладонь мальчика. Долгим пристальным взглядом отец смотрел на него. Воспоминания, связанные с сыном, поглотили его, словно густой туман...

Неизвестно сколько прошло времени. Коля лежал, не двигаясь. Мужчина вздохнул. Когда Андрей хотел уж было встать, рука сына вздрогнула и пошевелилась. Она слабо ухватила руку отца, словно не давая ему уйти.

А потом Коля открыл глаза...

Погода была чудесной: лёгкий ветерок обдувал открытые плечи и наполнял лёгкие солёным приятным воздухом. Чайки кричали вдалеке, приглядывая себе завтрак.

Они шли втроём, придерживая сына за руки, аккуратно ступая по крупной прибрежной гальке, спускаясь в аквасоках всё ближе к морю.

Разложив вещи на подстилку, Коля присел, чтобы перевести дух. Анна протянула сыну надутые нарукавники, а Андрей с радостью помог с надувным кругом. Коля надел на себя нарукавники и закрепил круг на поясе. Восстановление шло полным ходом, но сил ещё было не так много.

— Ну что, искупаемся?

Андрей мельком посмотрел на жену и, получив одобрительный кивок, протянул руку сыну и повёл его к морю.

Анна сидела на подстилке и наблюдала за двумя её любимыми мужчинами, плескающимися в воде. Она слегка щурилась от солнечных бликов, играющих на поверхности моря.

На душе впервые за долгое время было спокойно. Вся семья снова в сборе. Конечно, до идеальных отношений с Андреем было далеко, но, видя то, с каким рвением он участвует в жизни сына, Анна простила мужа. А ещё она простила себя, осознав свои ошибки. Коля же не держал зла ни на кого из родителей, наслаждаясь воссоединением. Прошлым раздорам теперь место в прошлом.

Когда мальчишки вернулись, мама позвала дрожащего Колю поближе к себе.

Накинув ему на плечи полотенце, она посадила его рядышком.

— Коленька, а у нас с папой есть для тебя сюрприз!

Мальчик воодушевлённо посмотрел на маму, которая легонько погладила свой слегка округлившийся живот.

— У тебя будет сестра, Коля.

Лицо мальчика излучало приятное изумление.

— Ого, у меня будет сестрёнка. А как её будут звать?

— Катя, — не раздумывая ответила мама, с улыбкой посмотрев на Андрея.

Екатерина Королева

Оська

Рассказ

Привет. Меня зовут Лана, и мне пятнадцать лет. Наверное, это прозвучит слишком глупо, но раньше я боялась не дожить до следующего дня рождения. Нет, я ничем не больна, вы не подумайте. Просто у нас за окнами была война...

Последние дни страшного мая того года словно выпали из моей памяти. Не помню, что за чем было и как. Или не хочу помнить. Ни взрывы по ночам, ни страшные пулемётные очереди, ни лужи крови на полу школьного коридора. В этой суматохе между паническими атаками и секундным затишьем мы как можно скорее собирали вещи, пихая их в сумки без разбору.

Всё случилось слишком быстро. Просто в один момент я поняла, что на улице стало слишком тихо. Нет, стрельба продолжалась, непозволительно-близкие взрывы тоже. Но не было детского смеха, разговоров бабушек у подъезда, никто не пинал мяч в стену дома и не попадал «случайно» в соседское окно. Дворы опустели. Только шумело одинокое деревце сирени, ведомое прохладным ветром.

Помню, как мы заклеивали скотчем окна. А когда наступало затишье и удавалось пройти по улице, кругом виднелись кресты. Одни кресты. Дома смотрели на нас своими стеклянными глазами, будто говоря: «Выхода нет».

Выбитые стёкла бросали в дрожь: осколки с кусками скотча, бумаги и изолянты были залепаны кровью. Временами это напоминало мне кошмарную игру в морской бой. Не было наверняка известно, чей дом станет следующим.

Переезд тоже смутно сохранился в моей памяти. Просто однажды вдруг раз, и взрывы перестали разрывать барабанные перепонки. А за окнами засмеялись дети. Не знаю, почувствовала ли я облегчение тогда. Может быть. Но горькая тяжесть временами всё равно стягивала желудок в тугой узел. Я жалею о том, что не успела попрощаться с родными и близкими, и с городом, который любила всем сердцем...

Когда мы переехали в Россию, я боялась людей. Боялась заговорить с незнакомцем, зайти в магазин, когда там толпа, или крикнуть нужную остановку в автобусе. Мне казалось, что что-то пойдёт не так, что в меня обязательно будут тыкать пальцами или даже засмеют. Но я всеми силами стараюсь избавиться от этого с помощью своих друзей.

— Лан? Всё нормально? — тёплая ладонь на плече заставляет меня вынырнуть из дурных мыслей. Я рассеянно поднимаю голову и пытаюсь сфокусироваться на знакомом лице. Вадим обеспокоен моим долгим молчанием, поэтому стараюсь улыбнуться. Получается плохо.

Верите или нет, с момента моего переезда прошло уже несколько лет. Я освоилась и завела друзей. Мне даже прозвище дали — Оса. Глупо, но это потому, что я рисую острые, точно ножи, стрелки. Вадим ласково зовёт меня Оська. И, скажу вам по секрету, мне безумно нравится.

— Да... — такое коротенькое слово. Всего из двух букв. Но почему порой нужно приложить столько усилий, чтобы произнести его.

Вадим садится рядом и машинально поправляет на запястье часы. С минуту мы молчим и смотрим на людей, спящих по парку. Они ходят быстро, не замечая ничего вокруг. Нельзя так. На мир нужно обращать внимание: слушать, как поют птицы и шумят деревья, как мчат по дорогам машины, приветственно сигналив друг другу. Видеть, как зеленеет трава весной, как капли росы переливаются в солнечных лучах. Вдыхать ароматы цветов и свежее испечённых булочек с творогом. Замечать, что соседка покрасила волосы, а тётя Зина со второго этажа купила новую юбку. Вы понимаете? Жизнь, она ведь состоит из мелочей, на

которые нужно обращать внимание прямо здесь и сейчас. Иначе потом может быть поздно.

— Снова думаешь об этом? — Вадим заговаривает первым. Этот человек так хорошо чувствует меня. Иногда я даже пугаюсь, вдруг он может читать мысли. Тогда начинаю думать о чём-то совсем странном.

«Дайте, пожалуйста, филиное куре!» — внезапно первое, что приходит на ум. Усиленно начинаю прокручивать в голове фразу. Если Вадим и правда слышит мои мысли, он улыбнётся. И тогда на его левой щеке появится эта невозможно милая ямочка. И я зависну на ней.

Вадим молчит и водит указательным пальцем по циферблату. Он неотрывно смотрит в одну точку в глубине парка и думает о чём-то своём. Вдруг неожиданно улыбается и поворачивает голову ко мне:

— Хочешь есть?

— Не-а, — отвечаю лениво и безразлично, а у самой внутри всё так трепещет, будто чудо свершилось.

— Ладно. Тогда, может, поговорим?

— О чём? — спрашиваю, хотя уже знаю ответ. Не только Вадим может читать мысли.

— О том, о чём ты думала. Если не ошибаюсь, а я точно не ошибаюсь, ты снова вспоминала свой переезд?

Я грустно киваю и во все глаза смотрю на парня напротив. Стараюсь запомнить тонкие черты лица, каждую их мелочь. Мне нравится в нём всё! То, как белые кудряшки спадают на лоб, и то, как передние клыки напоминают вампирские. И как морщинки появляются вокруг глаз, когда он улыбается. И особенно эта ямочка...

— Я не могу его не вспоминать. Может, тебе это кажется глупым — пилить опилки спустя столько лет. Но часть моей жизни осталась там, и я...

— Хэй, нет, что ты! Не думаю, что это глупо. Это нормально, грустить по Родине, когда не можешь вернуться. Все великие так делали. Зато ты теперь на один шаг ближе к тому, чтобы стать известным классиком, — Вадим делает вид, что надевает очки и ставит галочку в воображаемом блокноте. Затем, кривя голос, говорит: — Тоска по родному краю — есть. Осталось написать стих — и я новый Есенин!

Мы смеёмся. Искренне так, от души. Не над Есениным и его стихами, а просто потому, что можем смеяться. Просто потому, что мы живы и смех — прямое тому доказательство.

Мне становится легче. Я вытягиваю поджатые под скамейку ноги и откидываюсь на потрескавшуюся зелёными старыми пятнами спинку. Сожжённые краской волосы разлетаются невесомым пухом и падают на плечи. Улыбаюсь и зажимаю глаза. Хорошо так сидеть.

Молчим. Я слушаю, как поют птицы, трещат цикады и шумит зелёная листва. Странно так говорить, прямо тавтология получается. Ведь сейчас, в разгар лета, листья и не могут быть другого цвета. Но мне почему-то очень уж хочется подчеркнуть, что деревья именно зелёные. Мой любимый цвет, кстати.

Вдыхаю полной грудью. Свежесть и прохлада заполняют лёгкие, а ноздри щекошет тонкий аромат хлеба. Ещё пахнет травой и песком. И лимонно-мятным одеколоном. Каждый раз, когда я чувствую его, где-то в центре грудной клетки становится так тепло и ярко, что хочется кричать. Очень странные ощущения. Но мне нравится.

— Ты помнишь, что скоро тридцать первое?

Из моего горла вылетает произвольный стон. Блаженство кончилось.

— Конечно. Не каждый день у твоих друзей бывает выпускной. Бросаете меня одну здесь!

Обиженно выпячиваю нижнюю губу, и Вадим смеётся, запрокинув голову. Наверное, у меня правда комичный вид.

— Ну, что ты, Оська, кто тебя бросает? — он аккуратно толкает меня в плечо, и от его прикосновений кожа вспыхивает. — Мы же не все разъедемся.

— Нет, но ты — да. И Лерка да. И Машка. И Стас.

— Ну, так мы же не по своей воле. После сессий обязательно будем приезжать. На каникулы.

— Я не хочу, чтоб на каникулы. Я хочу, чтоб вы здесь остались, — всё ещё строю из себя ребёнка. Но мы оба знаем, что это просто дурачество. Я повзрослела слишком рано. Поэтому и крашу волосы — чтоб не быть седой в пятнадцать.

— Ты такая милая, когда капризничаешь, — Вадим улыбается и заключает меня в объятия. Надо сказать, что его рост почти два метра, а я настоящая полторашка. Поэтому в его ручищах кажусь совсем крохотной. Его ладони очень тёплые и обнимают так нежно, что у меня внутри всё трепещет, а сердце начинает биться быстрее.

Расходимся мы ещё не скоро. Лишь спустя сотни тем для разговоров и тысячи шуток. Гуляем по посёлку, встречая поочерёд-

но почти всех друзей. Я так много улыбаюсь, что щёки начинают болеть. В конце всё же не выдерживаем чудесного аромата и заходим в булочную. Вадим берёт мне улитку с творогом, и я жую её с таким упоением, будто это самая вкусная в мире улитка! Облизываю пальцы и мычу своё восхищение.

Мы смеёмся так громко, что люди оборачиваются. Ну и пусть.

Ночью лежу в постели и пялюсь в потолок. Счастье внутри граничит с пустотой. Я чувствую, как недавно пережитые эмоции затягивает чёрная воронка, но ничего не могу сделать. Вспоминаю вдруг, как не могла уснуть в своём старом доме. Надеюсь, вы не знаете, но война — это в первую очередь страх. Страх не проснуться утром. Ты засыпаешь с одной лишь мыслью: «Лишь бы выжить. Лишь бы проснуться». Пулемётные очереди тогда на бесконечно долгое время стали моей колыбельной. И спать без них было ещё страшнее. Правило номер один: затишье бывает только перед бурей.

В носу начинает щипать. Вы уж простите меня, после пережитого эмоции немного нестабильны.

Экран телефона внезапно вспыхивает где-то на тумбочке. Я уверена, что знаю, от кого это сообщение.

«Оська, спишь?»

Где-то под рёбрами снова разливается тепло.

«Нет :)»

Не могу сдержать улыбку, в очередной раз убеждаясь, что Вадим читает мысли.

«Почему?»

«А ты — почему?»

Ощущение усталости накатывает внезапно. Веки начинают тяжелеть, а ноги звенят от долгой ходьбы.

«Спи, Оська. Не думай о плохом. Сладких снов: З»

«И тебе спокойной ночи ^ ^»

Убираю сотовый и, свернувшись калачиком, до подбородка натягиваю одеяло. Вадим всегда так. Переворачивает мои эмоции с ног на голову. Представить не могу, что скоро нужно будет попрощаться с ним...

На этой мысли моё сознание затихает, а я проваливаюсь в дрему.

Тихо. В открытое окно стрекочут кузнечики. Лунный свет проникает в комнату и, нежно поглаживая каждую складочку, стекает на пол по белой шторе. Он зарывается в мягкий ворс ковра и таится там до самого утра, сторожа мой сон.

Тридцать первое наступает совершенно неожиданно. Пора быть настоящей девочкой: надеть своё самое красивое платье и как следует расчесать волосы. Я не могу пропустить такое событие — мои крошки становятся совсем взрослыми!

С семьёй мы с самого утра предаёмся этим непростым хлопотам — собираем меня на бал. Папа осторожно отпаривает платье, я кручусь у зеркала, рисуя самые ровные в жизни стрелки, а мама рядом крутит мои волосы. Сказать честно, в нашей жизни не хватает таких забот, поэтому сейчас мы как-то по-особому близки.

Вадим встречает меня прямо у подъезда. На нём тёмные джинсы, рубашка и пиджак. А вечно непослушные кудри в этот раз аккуратно причёсаны. Рядом его семья. Я не привыкла наряжаться и чувствую себя теперь неуютно, но они в пух и прах разбивают мои сомнения, когда говорят, что я невероятно красива. Приятно.

Путь до школьных ворот кажется мне таким коротким, словно я не страдаю на этих невозможных каблуках, а лечу на крыльях, внезапно появившихся за спиной над блестящим корсетом. Ничем не могу объяснить это чувство. Вадим ведёт меня под руку, расхваливая шёлковое платье, и говорит, что я в нём похожа на очаровательное пирожное со взбитыми сливками и ореховым кремом. Заливаюсь смехом и смущённо отвожу взгляд.

В животе всё трепещет, а сердце почему-то замирает каждый раз, как его пальцы невзначай касаются моей ладони.

Церемония пролетает как один миг. Я вижу, как Вадим поднимается на сцену и забирает аттестат из рук директора. Луч прожектора выхватывает парня из толпы и из-за распушившихся кудрей кажется, что над его головой сияет нимб. Наш маленький ангел. Мои ладошки краснеют и пекут, но я не обращаю на это внимания. Вадим достоин самых громких аплодисментов.

Наступает момент танца выпускников. К Вадиму подходит девушка в длинном изумрудном платье и кладёт руки ему на плечи. Он в свою очередь обнимает её за талию. И моё сердце делает кульбит. Оно ухает прямо в живот, да с такой силой, что

в ушах начинает звенеть. Во все глаза я смотрю на танцующую парочку и почему-то начинаю ненавидеть зелёный.

После концертной программы и прочих школьных штук мы всей толпой вываливаемся на улицу. Я поздравляю подружек, висну у них на шеях и говорю, что никого в целом свете сегодня красивее не найти. Мы фотографируемся все вместе, а потом по отдельности. Мама тихонько всхлипывают в сторонке, глядя на своих повзрослевших детей. На школьном дворе суматоха. Играет музыка, повсюду воздушные шарики и праздничные флажки.

Темнеет, а это значит, что скоро будет салют. Ученики собираются кучками, поглядывая на небо. Первая звезда давно взошла.

Среди толпы я никак не могу найти Вадима. Хожу от компании к компании и среди сотни знакомых лиц никак не могу найти то самое. Первый залп усыпает небо розовыми искрами. От громкого звука я вздрагиваю. Во мне вдруг снова просыпается десятилетняя Лана. Паника нарастает с каждой секундой, как вдруг я вижу его. Стоит рядом со своей семьёй и озирается вокруг. Все смотрят на небо, а он ищет меня. На душе снова теплеет, хотя, казалось бы, куда ещё больше.

Я пробираюсь к нему через толпу, мысленно проклиная своё красивое, но непривычно длинное платье. Как же это не практично — носить юбку в пол. И ходили девушки раньше так, да ещё и кринолины носили... Ни присесть, ни сбежать. Была же жизнь у людей...

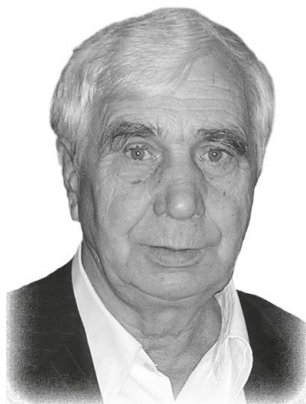
Вадим берёт меня за руку, как только я подхожу. Мне хочется так много сказать ему, но все слова застревают в горле, когда он наклоняется ниже. В его глазах — звёзды и моё взволнованное лицо. Сердце заходится в бешеной скачке, а ладошки предательски потеют. В голове шум из совершенно не нужных мыслей. Вадим протягивает руку и заправляет мне за ухо выбившуюся из причёски прядь.

Не поймите меня неправильно, но почему-то хочется его стукнуть. А раз уж я учусь жить эту жизнь здесь и сейчас, то легко поддаюсь желаниям и толкаю парня кулаком в плечо. Он лишь посмеивается, а потом берёт меня под руку.

— Ты каждый раз под новый год дрожишь, как мышка. Пошли, буду учить тебя не бояться салютов.

И я иду за ним. Не могу не пойти. Вот он, момент нашего прощания, думается мне. Но я сразу задвигаю эту мысль на задворки сознания и улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь.

Эдуард Анашкин

Талант быть счастливым

*Эссе о книге Ирины Минкиной
«Звезда памяти. Память об отце»*

Веками люди говорят о неизбежности проблемы отцов и детей, каждое поколение переживает эту проблему по-своему. Писатели (одним из первых — Тургенев) пытались и пытаются осмыслить эту проблему с точки зрения психологии и социологии. Но на всяком этапе развития общества эта проблема играет новыми красками и, похоже, её в принципе до конца осмыслить, и уж тем более решить невозможно... И всё это так, но вот передо мной лежит книга-опровержение этой проблемы, читающаяся на одном дыхании. Книга дочери об отце, написанная с такой же любовью и уважением, которую можно было бы вполне назвать «Повесть о настоящем человеке». Ведь эта книга именно о нём — настоящем человеке Семёне Григорьевиче Минкине — фронтовике, геологе, гражданине, патриоте России, отце, друге, собеседнике... Книга называется «Звезда памяти. Повесть об отце». И написала её замечательная поэтесса, эссеистка, член Союза писателей России Ирина Минкина из самарского города Жигулёвска. Этот город во многом связан со строительством и работой знаменитой Волжской гидроэлектростанции.

Почти всякая книга по-своему уникальна, как уникален и неповторим каждый из нас. Но уникальность этой книги особая в смысле неразрывного соединения исторического мышления, эмоциональности, преемственности поколений, патриотизма. «Нет в России семьи такой, // Где б не памятен был свой герой...» — вспоминаются слова из стихотворения Евгения Аграновича, ставшие песней... Ирина Минкина смогла увидеть и показать нам в герое своей книги, в своём отце героя своего (и нашего) времени, одного из тех воинов-победителей, которые переломили хребет фашизму. А потом занялись послевоенным восстановлением страны, в чём тоже не знали себе равных, ведь уже спустя неполные 20 лет после окончания войны страна из послевоенной разрухи и руин поднялась до космического уровня!

Впрочем герой книги Семён Минкин, наверное, усмехнулся бы по-доброму, прочитав эти слова. Не любил он, воин и труженик, пафоса, понимая, что пафос частенько бывает ложен и фальшив, ведь жизнь слишком неоднозначна: проста и трудна одновременно. А военная мясорубка так порой «переформатирует» человека, что не всякий выдержать способен. А выдержать — это не только победить, но не потерять веру в светлое начало в человеке. В наше время тотального расчеловечивания эта грань победы наших дедов и прадедов выходит едва ли не на первый план!

Семён Минкин выдержал военное лихолетье, веры в светлое не потерял, укрепляя её во всех, кто встречался ему на жизненном пути. Но и великое и одновременно страшное военное время не забыл. Дочери не раз доверительно признавался: «Самое страшное, что доводилось видеть на фронте, в чём пришлось участвовать, — штыковые атаки. Когда люди идут друг на друга с одной целью — убить противника во что бы то ни стало. Либо ты его, либо он тебя, третьего не дано!...»

«Кто говорит, что на войне не страшно, — тот ничего не знает о войне», — написала, как выдохнула, поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина. Но ведь и пугаться по-разному можно. Один, испугавшись, поспешит сбежать за границу в то время, когда стране особенно нужна его помощь, а другой, испугавшись, подобьёт «с перепугу» четыре танка, как юный Алёша Скворцов из фильма «Баллада о солдате». Вот как всё неоднозначно в жизни! Прошедший военными дорогами, тогда ещё юный Семён Минкин, став опытным гвардейцем и храбрым воином, не «испугался» своего отца, придя на побывку с фронта, когда отец увидел его курящим сигарету, но всё-таки бросил курить, расстался с военной привычкой. Такие уникальные человеческие признания напрочь лишают книгу ложного пафоса, позволяя увидеть во фронтовике-герое обычного российского паренька, а не икону с орде-

нами-медалями (хоть и честно в боях заслуженными!). Порой сияние военных наград мешает нам увидеть в героях войны самых обычных людей и задуматься о том, что, если случатся с нами военные обстоятельства, мы тоже вполне можем стать героями. Стали же они! Смогли же! Со страниц книги о фронтовике, написанной его дочерью, нам предстаёт живой и вроде даже обычный но сверхчеловек, но каким же уважением проникаешься к герою книги!

Будучи частым гостем Литературной гостиной библиотеки АвтоВАЗа, там же я и познакомился с людьми, имеющими самое непосредственное отношение к книге, которая сейчас лежит передо мной. С Семёном Григорьевичем Минкиным и с его дочерью Ириной Минкиной. А радушная хозяйка Литературной гостиной Александра Кишкурно, благодаря которой состоялись эти знакомства, является автором предисловия к книге, столь нужной сегодня и старшим, и младшим поколениям граждан России.

Очень согласен с автором предисловия, что по мере того, как невозможно уходят от нас фронтовики, всё больше детей, которым не довелось сидеть на коленях деда или прадеда и слушать рассказы о том, как выходил из окружения, как ходил в рукопашную атаку... Книга «Звезда памяти. Повесть об отце» восполняет этот пробел в преемственности поколений не отвлечёнными призывами любви к Родине, а рассказом о судьбе человека, делом доказавшего эту любовь. Сначала с оружием в руках на войне. Потом своей профессиональной работой инженера-геолога в послевоенной мирной жизни.

«Учитель. Наставник. Горный инженер-геолог. Фронтовик, гвардеец-солдат, офицер запаса. Защитник, покровитель. И друг! Пройдя через множество лишений и смертельных опасностей, пережив войну, годы репрессий, перестройку, этот человек прожил счастливо, потому что обладал этим искусством — жить счастливо. Может быть, это главный урок, преподнесённый нам Семёном Григорьевичем Минкиным», — пишет в предисловии лауреат всероссийских и региональных конкурсов в деле библиотечного и просветительского служения Александра Кишкурно, называя жизнь Семёна Григорьевича Минкина «путешествием длиною в жизнь».

Сейчас многие пытаются составить генеалогическое древо своей семьи. Дело это непростое, учитывая, что революционные катаклизмы XX века в России долгие годы заставляли многих наших сограждан во имя безопасности близких «укоротить» родовую память. Немного мы порой знаем о наших прадедах и дедах. Вот и Ирина Минкина в своей книге сетует, что не так много известно подробностей из детства бабушки, геройского казака юга России. Но уже по сыну

его, отцу Ирины, становится ясно, что строгость в воспитании была основой воспитания.

Будучи солдатом, Семён Минкин ни к спиртному, ни к курению пристрастен не был, отдавая свою махорку и полагающиеся «сто грамм для храбрости» однополчанам. А те предлагали молодому Семёну сахар, чтобы всё было честно. Он посмеивался: «Я вам отдам всякую отраву и стану при этом вас ещё обирать? Нет уж, прошу покорно, не надо, не обессудьте». На протяжении всей жизни Семён Григорьевич относился к спирту лишь как к лекарству. На войне ведь солдаты сутками оставались на морозе, порой и простуда прихватывала... И в мирной жизни Семён Григорьевич употреблял фронтовые сто грамм лишь в тех редких случаях, когда продрог настолько, что уже чувствовал близость к простуде. А с курением был связан один почти случай, когда судьба словно искушала молодого бойца — закури! Довелось однажды Семёну с однополчанами заночевать в богатом имении некоего помещика, благоразумно сбежавшего к англо-американским союзникам. На буфетной стойке наши ребята обнаружили несколько упаковок брошенных впопыхах хозяином дорогих сигар, и подумали молодые советские бойцы — не всё же только немцам такие дорогие сигары курить. Глядя на однополчан, которые смачно затягивались трофейными сигарами, не устоял молодой Семён, который всегда свои фронтовые сто грамм и полагающуюся ему простую советскую махорку отдавал товарищам. Сигары оказались хорошие, и вот так из гвардейского баловства курение вошло у Семёна в привычку. Подчеркну — в военную привычку! Помните песни о том, как курение на войне сплавивало людей? «Друг, оставь докурить, а в ответ тишина — он вчера не вернулся из боя!..» Или вот эту: «Давай закурим, товарищ, по одной. // Давай закурим, товарищ мой!»

Вскоре Семёна наградили долгожданным военным отпуском, и поехал он в своё родное село. Уезжал подростком, а вернулся взрослым человеком, мужчиной, фронтовиком. Однако, закурив сигарету по военной привычке, вдруг издали увидел отца... И затушил-выбросил сигарету! Спустя годы отец, который тогда заметил всё-таки курящего сына, спросит его, мол, почему ты выбросил папиросу, неужели испугался — ты, герой-гвардеец, на фашистов в рукопашную ходивший? Сын ответит уклончиво, мол, бросил потому, что накурился, что курение — военная привычка и прочее. Отец, лихой казак с боевым прошлым, внимательно оглядит сына и, словно размышляя вслух, скажет: «Война, фронт, бои. Как не понять?.. Да. На вашу долю, сынок, немало испытаний выпало, это правда. А в наше время что? У нас всё

было гораздо проще. Шашки наголо, шашки подвысь, рысью в атаку, март-марш. Лава на лаву. Только и всего...»

И в этот момент Семён вдруг до глубины души осознаёт всю нелепость своих оправданий, похожих на детский лепет. Попутно автор книги, дочь главного героя, вспоминает, что эту историю ей довелось услышать от отца в пору её взросления. С годами она поняла этот воспитательный приём и оценила «стратегическую тактичность» отца по отношению к ней, вступающей во взрослую жизнь со всеми взрослыми искушениями. Отец поступил именно как друг, не унизившись до нотаций и императивных наставлений. Он искренне и честно рассказывал о своей жизни и тем самым охранял дочь от неизбежных искушений взрослости. Он и сам был верен своим словам: даже коллеги по работе, которые были заядлыми курильщиками, не смели заходить в кабинет к Семёну Григорьевичу Минкину с сигаретой в руках.

Не раз и не я один обращал внимание на то, какие у наших героев-фронтовиков добрые лица. У людей, прошедших ад войны с его кровью, смертью, с потерей боевых товарищей, с неизбежностью ярости на врагов... Казалось бы, озлобиться в такой ситуации легче лёгкого. Но у наших фронтовиков добрые лица, и это полностью относится к Семёну Минкину, глядящему на нас с фотографии с доброй и даже чуть-чуть лукавой улыбкой.

И, конечно, в основе таких доверительно дружеских отношений между отцом и дочерью лежала любовь, приумноженная духовностью. Ведь настоящая любовь воистину духовна! И темы духовности даже в советское время официального атеизма часто всплывали в разговорах Ирины с отцом, в беседах с гостями, причём задолго до так называемой перестройки с её послаблениями в сторону религии. Именно высокую духовность называет Ирина основой мировоззрения своего отца-фронтовика. «Честность, порядочность, щедрость, доброта и все аналогичные качества личности являются следствием именно этой духовности».

Советский фронтовик Семён Григорьевич Минкин был уверен, что, отказавшись от христианского мировоззрения в ходе политических катаклизмов революции, будущие строители справедливого общества «с водой выплеснули ребёнка». Воистину: «на войне атеистов не бывает». Результатом отказа от принципов духовности стало вырождение партийной элиты, приведшее к трагедии крушения СССР.

Как и многие фронтовики, Семён Григорьевич был уверен, что наибольший вред советской стране принёс Никита Хрущёв. Они с дочерью часто обсуждали эту трагическую веху истории нашей страны. Развенчивание культа личности Семён Григорьевич, фронтовик-гвар-

деец, государственник-строитель, инженер-геолог, считал идеологической диверсией. Не случайно ещё в 1961 году лидер китайских коммунистов Мао Цзедун пророчески заявил: «Вы начали со Сталина, а завершите дело развалом Советского Союза».

Так и случилось. На XX съезде был вынесен приговор социализму сталинского типа и началось формирование нового класса социальных паразитов, который немислим был при Сталине. А я бы добавил, что сегодня у нас много говорят о борьбе с коррупцией, которая пронизывает многие сферы нашего общества. А ведь если неспешно подумать: сталинские репрессии во многом были одной из форм борьбы с коррупцией.

Ирина вспоминает, как её отец, который с именем Сталина ходил в рукопашные бои, был удовлетворён, когда в конце 60-ых годов, уже при Брежневе, имя Сталина перестало вымарываться из фильмов о войне и вклад Сталина в победу уже не так замалчивался. В то время как в хрущёвскую оттепель само упоминание вслух имени Верховного Главнокомандующего было небезопасным с лёгкой руки «демократа» Хрущёва.

Политические и философские беседы, более похожие на размышления и попытки осмыслить не только историю своей семьи, но всей страны... Часто ли сегодня и во многих ли семьях встречается такое? Настолько ли высок уровень волнующих нас вопросов, не ограничивающихся лишь материальным выживанием... Конечно, живём мы в непростое в материальном смысле время, но ведь мы потому и люди, что не можем быть равнодушными ко всему, что происходит в жизни, помимо физического выживания. Мы потому и люди, что нам интересен не только мир вовне нас, но и тот огромный мир, который существует в каждом из нас. И только интерес к этому внутреннему миру друг друга и помогает нам стать друзьями, а не просто сослуживцами, коллегами, родственниками. Настолько доверительные отношения дочери и отца, которые мы раскрываем для себя, читая книгу Ирины Минкиной, сегодня, в век отчуждения поколений, не только редкость, но — пример того, как важно искренне интересоваться друг другом. Проблема отцов и детей — это не про семью Минкиных! И, возможно, её не было бы, этой проблемы, и вовсе, если бы родители были щедры к своим детям не столько в плане финансовой и материальной помощи, сколько в плане душевного и духовного общения. Ведь счастье — это когда нас понимают! И в этом смысле книга «Звезда памяти. Повесть об отце» — это книга о счастливых людях.

«На один день в году Жигулёвск становится литературной столицей губернии»

Главный организатор фестиваля —
Ирина Минкина

«Жигулёвская весна»! Дворец культуры принимает гостей.

На сцену выходит Ирина Семёновна Минкина:

— Мы рады приветствовать всех вас в Жигулёвском дворце культуры на 17-ом фестивале «Жигулёвская весна». Сегодня особый день — День славянской письменности и культуры. В зале собралось много деятелей отечественной культуры. Поздравляю всех с этим замечательным праздником!

На этот раз фестиваль обрёл своего спонсора: это организатор научно-производственного предприятия «Динамика» из города Чебоксары Владимир Николаевич Димитриев. Он же является соавтором антологии «Летопись «Бессмертного полка». В 1941-м году в Чебоксары были эвакуированы электротехнические предприятия из Харькова и Ленинграда. С тех пор этот город стал

центром релестроения в нашей стране. А в новом веке он был признан самым чистым городом России — пример, достойный подражания.

На сцене появляется хореографический ансамбль детской школы искусств № 1 с композицией «Я — девочка Россия». О Родине, о мире, о любви это танец. А следом в исполнении Ирины Семёновны звучит авторское стихотворение «Стоит солдат». Каждая его строчка воспекает русского воина, он «символ доброты», он ценой своей жизни сохраняет жизни детей.

В этом сезоне членами общественного совета выпущено три книги, презентации которых проходили и в Жигулёвске, и в Тольятти.

Литературная мозаика

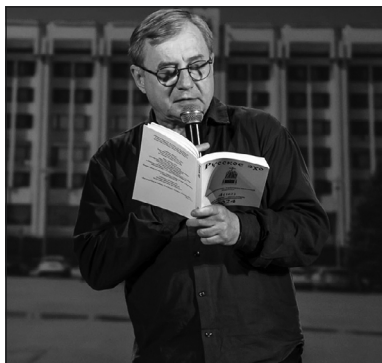
Одна из них посвящена героям нашего времени — героям СВО. Звучит музыка из кинофильма «Семнадцать мгновений весны» в исполнении Элеоноры Сычевой, ученицы ДШИ № 1. На экране проходит летопись встреч этого сезона. Ведь члены совета Салона «Любава» во главе с руководителем многократно встречались со школьниками, студентами, побывали в школах не только города, но и Ставропольского района, на открытых уроках, вручили экземпляры книг в школьные библиотеки. Такие встречи очень важны, они трогают тончайшие струны детских душ.

Члены общественного совета салона регулярно участвуют в качестве членов жюри в творческих конкурсах. В этом году впервые в Жигулёвске была организована площадка VIII-ого межрегионального конкурса «По фронтовым дорогам с Василием Тёркиным». На этот раз 267 юных чтецов из разных городов и всей нашей страны, в том числе из Донбасса, приняли участие в конкурсе. И вот на сцене обладатель гран-при конкурса, ученик школы № 3 Марк Щетинин: в гимнастёрке, с трубой, он не просто читает стихотворение, он проживает в эти мгновения короткую жизнь юного трубача. Следующим выступает победитель городского конкурса «Никто не забыт, ничто не забыто» Семён Бакшеев, ученик школы № 6. Невозможно было остаться равнодушным, когда Семён читал стихотворение Елены Благиной «Письмо папе на фронт». Оно говорит о той войне. Но как современно звучит нынче!

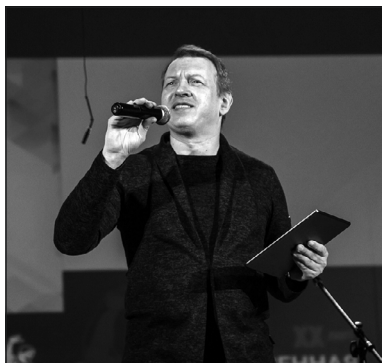
Юрий Вячеславович Смиловский, председатель Думы городского округа Жигулёвск, поздравил всех с очередной «Жигулёвской весной», подчеркнув заслуги салона и её руководителя в воспитании молодёжи. Он призвал почитать память героев, которых нет с нами, которые пали в борьбе с фашизмом... И мы, живые, должны помнить о них. Книга «Время подвига, или Момент истины XXI века», презентация которой состоялась в марте 2025 года, очень важна для сохранения памяти.

*Председатель Думы
городского округа Жигулёвск
Юрий Смиловский*

*Александр Громов представил
журнал «Русское эхо»*

*Выступает
Дмитрий Камынин*

На сцене руководители из Самары — председатель самарского отделения Союза писателей России Александр Витальевич Громов, член общественной палаты Самарской области Дмитрий Валерьевич Камынин, первый заместитель Председателя ордена Отечественной войны первой степени Общероссийской общественной организации ветеранов «Российский Союз ветеранов» по Самарской области Олег Александрович Ерохин, который вручил И.С. Минкиной антологию об участниках СВО «Диплом лауреата», привезённый из Москвы, сказав, что сборник «Время подвига», «просто, спокойно, с душой повествует о потерях. О потерях людей, которые родились, воспитывались, жили рядом с нами. Они — соль и кровь нашей земли». За участие в этом конкурсе «Эстафета победителей» награда вручена также Людмиле Дмитриевне Перерва, секретарю городской ветеранской организации.

Давняя традиция «Жигулёвской весны» — выступление гостей, прибывших на творческий фестиваль со всей области. Первыми приглашены на сцену представители Общества книголюбов из Самары. Затем выступили друзья «Любавы» из Сызрани. Сегодня Сызрань — один из восьми городов, имеющих гордое звание Литературного города России. И наши гости это доказывают.

На сцене Александра Владимировна Кишкурно, хозяйка литературной гостиной Культурного центра «Автоград». Её голос всегда ласковый, мягкий. Хочется, чтобы она говорила и говорила. Радость от встречи с друзьями звучит в её выступлении:

— Мы весь год ждём этот фестиваль. В конце мая всегда спешим на правый берег Волги, чтобы вместе встретить новый праздник.

Выступления поэтов-тольяттинцев, яркие, талантливые, пронизаны глубоким патриотизмом.

Литературная мозаика

Завершает программу ансамбль «Вдохновение»... Светлая, лирическая песня летит по залу. Песня вселяет надежду на мир, на победу правды, нашей русской правды.

«Жигулёвская весна» — это не просто концерт, это единение душ собравшихся в этот день людей. Жигулёвская весна — это творчество, это память, это свет, который помогает стать лучше, пробуждает желание передать тепло тем, кто рядом с нами.

По давней традиции литературно-музыкальный фестиваль завершился посещением одной из достопримечательностей Самарской Луки. На этот раз гости фестиваля побывали на экскурсии по храмам монастыря в Винновке.

Общественный совет художественно-поэтического Салона «Любава» выражает огромную благодарность всем, кто помог в проведении праздника: коллективу Жигулёвского ДК во главе с Ларисой Витальевной Омётовой, шеф-повару кафе «Альпина» Ольге Николаевне Шумиловой, директору ЖАТП Михаилу Евгеньевичу Хохлову и шофёру ЖАТП Юрию Викторовичу Екатеринчеву, директору музея «Самарская Лука» Шарафутдинову Ирику Бурхановичу, насельникам монастыря в Винновке отцу Вассиану и отцу Геронтию. «На один день в году Жигулёвск становится литературной столицей губернии», — заметил когда-то литературный критик Эдуард Константинович Анашкин, давний наш друг. Вот и на этот раз общими усилиями свой весенний день пребывания в звании литературной столицы губернии Жигулёвск завершил с честью!

Алла Кувшинова

Участники литературного фестиваля «Жигулёвская весна — 2025»

«Добрые традиции» в Кротовке

15 марта в селе Кротовка Кинель-Черкасского района Самарской области прошёл Первый открытый фестиваль литературы и культуры «Добрые традиции — 2025».

Фестиваль проводился при поддержке Самарского отделения Союза писателей России.

Учредитель фестиваля: Юрий Быков, член Российского Союза профессиональных литераторов, член Союза писателей Крыма. Соучредителем выступила Самарская областная писательская организация.

На литературный конкурс Фестиваля принимались произведения в двух номинациях:

Член жюри Евгений Шепеленко с победителями в самой младшей категории участников

- поэзия и малая проза — тематика свободная (дети от 8 до 13 лет);
- поэзия и малая проза — тематика свободная (дети от 14 до 18 лет);
- поэзия и малая проза — тематика свободная (18+).

В рамках Первого открытого фестиваля литературы и культуры «Добрые традиции — 2025» приняли участие танцевальные коллективы, исполнители вокала и чтецы. Победители получили дипломы и призы. Фестиваль прошёл в тёплой, дружеской атмосфере.

Юрий Быков и участники фестиваля

О наших авторах

АВРАМЕНКОВ Андрей — родился в 1990 г. в городе Луганск. Окончил Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактирование». Работает журналистом. Публиковался в журналах «Индиго», «Подъём», «Литературный Тамбов», «Голос эпохи», «Дарьял», «Берега», «Территория слова», «Веретено», «Курган. Текст», сборнике «Возвращение домой». Автор книг «Город сломанных судеб», «Русская весна в Луганске. Как начиналась война», «Город под прицелом», повести «Ополченец». Лауреат Исаевской премии, призёр конкурса «Кольцовский край», дипломант конкурса «Золотой Витязь», победитель конкурса «Проводники культуры», финалист национальной премии «Слово», лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия – За правду». Член Союза писателей России и Русского географического общества. Живёт в г. Луганске.

АНАШКИН Эдуард — родился в 1946 г. в городе Хилке Читинской области. Окончил сельскохозяйственный техникум, учился в Ульяновском педагогическом институте. Служил в рядах Советской Армии. Работал столяром и плотником, слесарем на железной дороге и рабочим кирпичного завода, секретарём комитета комсомола и секретарём сельского совета, учителем в школе и заведующим отделом районной газеты. Более 20 лет работал чабаном. Автор книг прозы и литературной критики. Член Союза писателей России. Живёт в с. Майском Самарской области.

АНУФРИЕВ Александр — родился в 1960 г. в селе Дубовый Умёт Волжского района Куйбышевской области. С 1983 года начал публиковать свои стихи, рассказы, очерки в местных газетах и литературных сборниках Самарского книжного издательства. В 1994 году окончил заочное отделение Литературного института им. А. Горького (драма, семинар Юлия Эддиса). Участник 20-го Всероссийского семинара молодых драматургов в Рузе (1990 год, семинар Леонида Жуховицкого). Автор нескольких сборников рассказов и пьес. Спектакли по его пьесам поставлены в нескольких театрах Самарской области. Лауреат премии регионального конкурса «Литературная губерния — 2008» в номинации «Проза». Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

БЕСЕДИН Платон — родился в 1985 г. в городе Севастополе. Писатель, телеведущий, сценарист, публицист. Окончил Севастопольский национальный технический университет по специальности «Радиоэлектроника» и Киевский институт психологии при

О наших авторах

Академии наук Украины по специальности «Психология». Автор романов в повестях «Как исчезает дым» и «Дети декабря», книг публицистики «Почему русским нельзя мечтать?», «Дневник русского украинца» и др. Автор и ведущий телепрограммы «Игра в классики». Программа удостоена премии «Журналист года». Автор и ведущий радиопрограммы «Винил», удостоенной ряда премий. Автор и ведущий телепрограмм «Бегущий по лезвию», «Рок-Пост». Широко известен как публицист, сотрудничает с ведущими российскими СМИ («360», «Московский комсомолец» и др.). Сценарист ряда документальных фильмов («Севастопольские трагедии», «Крым, кровью умытый») и телепроектов («ЖЗЛ», «Другие» и др.). Рассказы и повести публиковались в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Юность», «Новая юность». Лауреат и финалист премий им. Дельвига, им. Казинцева, «Гипертекст», «Национальный бестселлер» и др. Книги переведены на турецкий, английский, сербский языки. Живёт в г. Севастополе.

ВОЛОДИН Юрий — поэт, учитель каллиграфии, преподаватель, волонтер. Руководитель поэтической студии «Литературная Лаборатория». Публиковался в крымских и севастопольских журналах и сборниках («Огоньки», «Виват героям России», «Литературная газета» и др.). Лауреат региональных премий (в частности имени Потёмкина и др.). Живёт в г. Севастополе.

ДВОРЦОВ Василий — родился в 1960 г. в городе Томске. После окончания Молчановской районной школы переехал в Новосибирск, где учился в медицинском институте и художественном училище. После окончания училища работал в различных городах СССР театральным художником, оформил более 50 спектаклей — от кукольных до классических балетов. В 1983 году стал реставратором и художником Русской Православной Церкви. В его активе 400 авторских икон и картин по всей стране, ему принадлежат росписи двух храмов в Сибири. С 2000 года стал публиковаться в литературных журналах. Автор восьми книг прозы. Член Союза писателей России, с 2009 г. — рабочий секретарь Правления СП России. Является членом Высшего творческого совета СП СГ Россия-Беларусь. Живёт в г. Москве.

ДРОНОВ Максим — родился в 1998 г. в городе Самаре. Окончил Самарский Исследовательский университет им. Королёва. Работает в Производственном техническом отделе. Участник литературного фестиваля им. Анищенко 2022, 2024 гг. Участник литературного фестиваля «Платиновый век» 2023 г., участник литературного фестиваля «Посадский экспресс» 2023 г. Живёт в г. Сургуте.

О наших авторах

ЕРЕМЕЕВ Сергей — родился в 1959 г. в городе Усть-Каменогорске Казахской ССР. Автор многочисленных популярных стихотворений для детей, действительный член Академии фундаментальных наук (Москва) и Российской академии естественных наук (Москва), лауреат Первых премий фонда «Русская культура» за лучшие серии книг для детей дошкольного возраста. Один из авторов «Самой большой в мире книги для малышей» в соавторстве с Сергеем Михалковым, Владимиром Степановым и Андреем Тюняевым (2004 г., Москва). Член Союза писателей России и член Союза журналистов России. Живёт в г. Москве.

ЖИГАЛОВ Сергей — родился в 1947 г. в селе Кандауровка Курманаевского района Оренбургской области. После окончания средней школы работал слесарем в Тольятти, монтажником в Новокуйбышевске, учителем математики в сельской школе. В 1974 году окончил филологический факультет Куйбышевского госуниверситета (специализация «Журналистика»). Работал заместителем редактора в «Волжском комсомольце» и «Волжской коммуне», собственным корреспондентом «Известий» по Куйбышевской области. Автор шести книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

ЖОГОЛЕВ Антон — родился в 1965 г. в городе Куйбышеве. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал в курской областной газете «Молодая гвардия», в газете «Мирнинский рабочий» (г. Мирный, Якутия). С 1991 года по настоящее время редактор Православной газеты «Благовест», с 1998 года по настоящее время редактор журнала «Лампада». Председатель ОБО «Алексиевское братство». Награждён Знаком Святителя Алексия (награда Самарской Епархии), медалью прп. Сергия Радонежского I степени. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. св. Александра Невского. Награждён Орденом Святой Анны II степени. Автор книг «Блаженная схимонахиня Мария», «Стояние Зои. Чудо Святителя Николая», «Новомученики и исповедники Самарского края», «Старец Иероним», «Самарский Батюшка. Протоиерей Иоанн Букоткин», «Капельки вечности» и других. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

ИСАКОВ Пётр — родился в 1977 г. в городе Минск, Белорусская ССР. Работает спортивным тренером ГОУ СОШ 123 г Минска, руководитель по военно-патриотическому воспитанию. Живёт в г. Минске.

КОЛЕСНИКОВА Елена — родилась в 1976 г. в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет

О наших авторах

Самарского государственного педагогического университета. Работала в школе. В настоящий момент является музыкальным руководителем Центра ментального здоровья детей. Публиковалась в журналах «Подъём» (Воронеж), «Берега» (Калининград), «АлександрЪ» (Москва), «Сура» (Пенза), «Родная Кубань» (Краснодар), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «День и Ночь» (Красноярск), «Краснодар литературный», «Белая скала» (Симферополь), «Петровский мост» (Липецк), «Сибирь» (Иркутск)). В 2022 году стала дипломантом премии «Образ». В феврале 2023 победила в Национальном поэтическом конкурсе «PoetFest» (Санкт-Петербург) в номинации «Поэт года». В 2023 году стала лауреатом Всероссийского поэтического конкурса «Голоса цветов» (Тольятти). В 2023 г. выпущена первая книга — сборник стихов «Три ипостаси весны». Живёт в г. Воронеже.

КОРОЛЕВА Екатерина — родилась в 2000 г. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (семинар прозы Сергея Федякина). Работает инструктором в фитнес-студии. Живёт в г. Сочи.

КРЮКОВА Тамара — родилась в 1953 года, городе Орджоникидзе СОАССР. Окончила с отличием факультет иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета. Работала переводчиком в Египте, преподавателем английского языка в одном из столичных вузов. Вместе с мужем была в командировке в Южном Йемене, где и родилась первая книга «Тайна людей с двойными лицами». Собственные книги Тамары Шамильевны начали выходить с 1996 года. Лауреат Международного театрального фестиваля «Счастливые дети» (2004). Лауреат первой премии Международного общественного фонда «Русская культура» за возрождение литературы для подростков России (2005). Лауреат первой премии конкурса на лучшую книгу о подростках, проводимого Издательским советом Русской православной церкви (2006). Лауреат первой премии IV Всероссийского конкурса произведений для детей и юношества «Алые паруса» (2007). Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования (2008). По её произведениям сняты два полнометражных художественных фильма: молодёжная романтическая история по повести «Костя+Ника» и кинокомедия «Потоп, к доске!». Фильм «Костяника». Член Союза писателей России. Живёт в г. Москве.

ЛАНИНА Татьяна — родилась в 1993 г. в селе Верхнее Турово Воронежской области. Окончила Воронежский государственный университет по специальности «Юриспруденция». Работает пре-

подавателем юридических дисциплин. В феврале 2016 года стала победителем I тура конкурсного отбора Стипендиальной программы В. Потанина, за что была награждена дипломом Фонда и Благодарностью от ВГУ. Диплом I степени регионального поэтического фестиваля-конкурса «Салют, Победа!», посвящённого Победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 года (2021 год). Диплом лауреата I степени Всероссийского открытого поэтического онлайн-конкурса «Рифмы» (2023 год), диплом литературного конкурса «Золотой Витязь». Победитель конкурса «Проводники культуры». Создатель молодёжного литературного клуба «Амфир», сопредседатель Воронежского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Печаталась в Булгаковском сборнике (Москва, 2021 год), на сайте «Русский писатель», журналах «Берега», «Веретено», «Волга — XXI век», «Подъём», сборник «Звёздные острова» (2025). Автор книги стихов «Я верю» (2024 год). Живёт в г. Воронеже.

ЛОПАТИН Юрий — родился в 1960 г. в селе Веселоярск Алтайского края. Детство и юность прошли в Восточном Казахстане. В 1978 году был призван в ряды Вооружённых Сил. Службу проходил в Среднеазиатском военном округе. В 1983 году после окончания Львовского высшего военно-политического училища одиннадцать лет прослужил в Забайкальском военном округе. С 1994 года — в газете Приволжского военного округа «Солдат Отечества». В 1995 году побывал в командировке в Чечне. Военское звание полковник присвоено досрочно в 1998 году. В январе 2001 года назначен заместителем главного редактора газеты Приволжско-Уральского военного округа «Солдат Отечества». Второе высшее образование получил в Самарской государственной экономической академии по специальности «Информационный менеджмент» в 2003 году. В декабре 2012 г. уволен в запас. Лауреат международного конкурса писателей и журналистов, организованного федеральным журналом «Сенатор» (2006), лауреат международного литературного конкурса «Литературная Вена» (2008), золотой лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» (2009), серебряный лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» (2014), финалист Всероссийского литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева (2018). Участник первого Всеармейского совещания писателей в г. Москве в 2008 году. Член Союза писателей России, член Союза журналистов. Живёт в г. Самаре.

МАЛИНОВСКИЙ Александр — родился в 1944 г. в селе Утёвка Куйбышевской области в крестьянской семье. В 1967 году окончил Куйбышевский политехнический институт и получил диплом

О наших авторах

инженера-технолога по специальности «Технология основного органического нефтехимического синтеза». После окончания института Малиновский работал на Куйбышевском (Самарском) заводе синтетического спирта, где прошёл путь от рабочего (с 1967) до генерального директора (1984–1999 гг.). С 1999 года — генеральный директор ОАО «Новокуйбышевский нефтехимический комбинат» (позже ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания»). За свою трудовую деятельность Александр Малиновский награждён премией Совета Министров СССР (1990). В 1985 году без отрыва от производства защитил кандидатскую, а в 1992 году — докторскую диссертацию, является заслуженным изобретателем России (1994), почётным нефтехимиком (1992), почётным химиком (1999), заслуженным инженером России (2000). С 2007 по 2016 год — профессор кафедры «Химическая технология и промышленная экология» Самарского государственного технического университета. Перу Александра Станиславовича принадлежат как поэтические, так и прозаические произведения. Он является автором более сорока книг, в том числе поэтических сборников и книг для детей. Как поэт Александр Малиновский дебютировал в 1970 году в газете «Волжский комсомолец». С тех пор он публиковался в периодических изданиях, выпускал собственные книги. В 2021 году вышло полное собрание сочинений Александра Станиславовича Малиновского в 7-ми томах. Александр Станиславович является членом Союза писателей России с 1996 года. Малиновский Александр Станиславович удостоен всероссийских литературных премий «Русская повесть» (2000), имени В. Шукшина (2002), «Имперская культура» (2004), имени П. Ершова (2011), имени И. Шмелёва (2011), является лауреатом Губернской премии в области культуры и искусства, награждён медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церкви (2000) и Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской» (2014). Александр Станиславович Малиновский ушёл из жизни 26 ноября 2017 года.

МИШУТИНА Ирина — родилась в 1993 г. в городе Самаре. Участник VII открытых молодёжных Дельфийских игр между странами СНГ в номинации «Поэзия», лауреат Общероссийского литературного конкурса «МЦЫРИ». Победитель V областного молодёжного литературного турнира (2013 г.), участник всероссийского литературного фестиваля имени М. Анищенко. Руководитель молодёжного поэтического проекта Poetry Collection. Публиковалась в различных литературных журналах, а также в сборнике произведений гражданской поэзии и современной лирики лучших авторов XXI века «Часовые памяти» (г. Москва,

О наших авторах

2013 г., 2015 г.). Автор книги стихов «Воздух в волосах». Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

ОКУНЕВА Наталья — родилась в 1950 г. Окончила филологический факультет Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва. Работала преподавателем русского языка и литературы. Является членом литературной студии «ЛиСТ» при городском отделении Союза писателей РФ. Лауреат конкурса на лучшие литературные произведения 2000 года, объявленного городской организацией Союза писателей России. Победитель и дипломант литературного конкурса «Посох и Лира» 2009 года в двух номинациях. Дипломант конкурса «Женщина города — 2009» в номинации «Журналистика и литературное творчество». Автор двух сборника стихов. Член Союза писателей России. С 1958 года живёт в г. Сызрани Самарской области.

ОЛЕЙНИК Ольга — родилась в городе Воронеж. Окончила Воронежский колледж «Номос» и Российский государственный социальный университет (Воронежский филиал). Работала в сфере образования и культуры. Публиковалась в сборнике произведений номинантов премии Издательского дома «Рифмоград» к 155-летию со дня рождения Константина Бальмонта, в ежегодном альманахе «Питер», изданным Русским литературным центром при поддержке и участии редакции Невский Альманах. Автор книги стихотворений «Светотени» (2025). Участница Воронежского областного Совещания молодых литераторов при региональном отделении Союза Писателей России (2024). Лауреат XXI Международного фестиваля женской поэзии имени Зинаиды Филатовой (2024, г. Новый Оскол). Живёт в г. Воронеже.

ПОНЕДЕЛКО Сергей — родился в 1990 г. в городе Каменске-Шахтинском, в настоящее время проживает в микрорайоне Заводском. Военную службу проходил на Черноморском флоте в Севастополе. Выпустил два сборника стихотворений. Публиковался в альманахах «Донская сотня», «Рукопись», «Донские волны». В 2020 году он стал одним из победителей конкурса эссе на тему «Герои давно отгремевшей войны». В настоящее время студент Литературного института им. Горького. Живёт в г. Москве.

ПРОХОРОВ Николай — родился в 1979 г. в городе Североморске Мурманской области. В 1997 г. переехал в Самару. Работал в журналистике. С осени 2023 года работает в Нефтегорском государственном техникуме. Живёт в г. Нефтегорске Самарской области.

СТРАШИНСКИЙ Александр — родился в 2000 г. в городе Ярославле. Окончил Государственный институт русского языка

О наших авторах

им. А.С. Пушкина. Лауреат Ярославского областного молодёжного конкурса поэзии, посвящённого 200-летию Н.А. Некрасова, Ярославского областного литературного конкурса имени Владимира Мельникова 2023 г., Третьего всероссийского конкурса современной поэзии в Ярославле «Поэзия. Полдень. XXI век» 2024 г. Автор сборника стихотворений «До нежности, до шепотка...» (2021). Живёт в г. Ярославле.

СЫСКОВ Юрий — родился в 1963 г. в семье военнослужащего в городе Таураге Литовской ССР. В 1985 году окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в дивизионных газетах в Армении, Чехословакии, на Урале. С 1992 года — в газете Приволжско-Уральского военного округа «Солдат Отечества». Участвовал в совместных российско-американских учениях «Миротворец — 94». В качестве военного журналиста побывал в «горячих точках»: Таджикистан (1993), Чечня (1995), Дагестан (1999). В 2005 году в составе делегации Фонда Андрея Первозванного совершил паломничество в Иерусалим за Благодатным огнём. В настоящее время подполковник запаса, сотрудник пресс-службы губернатора Самарской области. Автор более десяти романов и повестей, выходивших в различных российских издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

ФИШ Яков — родился в 1960 г. в городе Куйбышеве. Окончил историко-английский факультет Куйбышевского государственного педагогического института. После прохождения срочной службы в армии начал педагогическую деятельность. Работал сначала учителем, а затем — заместителем директора школы № 6 и Самарского экономического лицея. С 2000 г. работает директором школы «Дневной пансион — 84». В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию по педагогике. Отличник народного просвещения. Автор трёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

ЦЫРЕНОВА Туяна — родилась в 1993 г. в городе Красноярске. Большую часть жизни провела в городе Улан-Удэ, республика Бурятия, где и окончила школу. Папа — бурят, а мама — хакаска. В 2010 году поступила в Москву на факультет журналистики, где проучилась три года. В 2014 году вошла в длинный список премии «Дебют». С 2018 по 2024 год — студентка заочного факультета Литературного института им. А.М. Горького. Живёт в г. Москве.

Русское эхо

Литературно-художественный журнал

Сто шестьдесят четвёртый выпуск

Апрель-июнь, 2025 год

Журнал «**РУССКОЕ ЭХО**»

зарегистрирован 20.06.2003 г.

Министерством Российской Федерации

по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций, регистрационный
номер серии ПИ № 77–15769.

Учредитель/издатель:

Самарская областная писательская организация

Адрес редакции/учредителя/издателя:

443001, Самарская обл., г. Самара, ул. Самарская, д. 179.

Телефон редакции: (846) 333-48-01,

www.литсамар.рф, e-mail редакции: litsamara@yandex.ru

Главный редактор

А.В. Громов

Корректор

А.А. Сыромятников

Подписано в печать 23.06.2025. Формат А5. Усл. п.л. 20,0.

Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Выход в свет 29.07.2025.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»

Адрес типографии:

443070, Самарская область, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 244-43-77

e-mail типографии: izdatkniga@yandex.ru